

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

МИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Национально-культурный компонент в тексте и языке

Сборник научных статей по материалам
VIII Международной научной конференции,
посвященной памяти профессора С. М. Прохоровой

Минск, 4–6 апреля 2024 г.

Минск
МГЛУ
2024

УДК 81'1'27'37 (063)
ББК 81я4+81.003.5+95.4
Н 353

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 4(74) от 25.10.2024 г.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Д. В. Дятко* (БГПУ); кандидат филологических наук, доцент *Т. В. Балуш* (МГЛУ)

Редакционная коллегия: О. А. Полетаева (*ответственный редактор*), А. А. Романовская, В. Т. Иватович-Бабич, И. Г. Урбанович, И. С. Каминская, А.А. Дерунова

Национально-культурный компонент в тексте и языке:

Н 353 сборник научных статей по материалам докладов Международ. науч. конф., Минск, 4–6 апреля 2024 г. / редкол. : О. А. Полетаева (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2024. – 3,76 Мб.

ISBN 978-985-28-0282-6

В издании представлены материалы, отражающие актуальные проблемы современной лингвистики: языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии и паремиологии; теория языковой непрерывности; аксиологичность как фактор развития национально-культурной специфики и системной организации языка; личное имя как особый языковой знак и как свернутый национально-культурный текст; доминантные концепты в пространстве текста; диалекты как основа национального духа языка; лингвистическая экспертиза текста. Отдельное внимание обращено на вопросы методики преподавания языка в аспекте межкультурной коммуникации.

Предназначается для научных работников, магистрантов и аспирантов.

УДК 81'1'27'37 (063)
ББК 81я4+81.003.5+95.4

ISBN 978-985-0282-6

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2024

Предисловие

В последние десятилетия изучение национально-культурного компонента в тексте и языке находится в поле пристального внимания филологов, культурологов, методистов, переводчиков, что подтверждается неизменным интересом, который проявляется учеными из разных стран к конференции «Национально-культурный компонент в тексте и языке», проводимой в Минске с 1994 года (1994, 1999, 2005, 2009, 2012, 2015, 2017, 2024); идейным вдохновителем конференции является выдающийся лингвист доктор филологических наук, профессор Светлана Михайловна Прохорова.

Предложенное вниманию читателей издание содержит научные статьи по результатам докладов исследователей из Беларуси, Китая, Словакии, России, представленных на пленарном и секционных заседаниях в рамках VIII Международной научной конференции «Национально-культурный компонент в тексте и языке», посвященной памяти профессора С. М. Прохоровой (Минск, 4–6 апреля 2024 г.).

Исследования касаются ряда актуальных проблем современной лингвистики. Многие из них выполнены в русле концептуальной лингвистики – одной из наиболее актуальных и перспективных научных парадигм.

Объектами внимания участников явились языковая и концептуальная картина мира; наивная модель мира, отраженная во фразеологии и паремиологии; теория языковой непрерывности; аксиологичность как фактор развития национально-культурной специфики и системной организации языка; личное имя как особый языковой знак и как свернутый национально-культурный текст; доминантные концепты в пространстве текста; диалекты как основа национального духа языка. Рассмотрен ряд важных вопросов методики преподавания языка в аспекте межкультурной коммуникации.

С этого года в проблемное поле конференции включено еще одно направление, которым активно занимается кафедра славянских языков – лингвистическая экспертиза текста. Участники круглого стола «Аспекты лингвистической экспертизы текста и проблемы юридической лингвистики» в ходе обсуждения обосновали целесообразность открытия на базе магистратуры МГЛУ профилизации «Лингвистическая экспертиза». Научные статьи по результатам докладов, представленных в рамках круглого стола, также включены в настоящее издание.

Оргкомитет благодарит авторов за предложенные темы и материалы, сотрудников кафедры славянских языков, А. А. Дерунову, В. Т. Иватович-Бабич, И. С. Каминскую, Л. М. Надумович, О. А. Полетаеву, А. А. Романовскую, И. Г. Урбанович, – за участие в подготовке материалов конференции к изданию.

Особую признательность члены оргкомитета выражают ректору МГЛУ Наталье Евгеньевне Лаптевой, а также проректору МГЛУ по научной работе Ольге Владимировне Луцинской за поддержку и помощь в организации конференции.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 811.161.1'37(043.3)

Романовская Алла Алексеевна, доктор филологических наук, профессор
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *slavonic@mslu.by*

Romanovskaya Alla, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *slavonic@mslu.by*

ИДИОМАТИЧНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ

В современном художественном тексте на основе символа создается «аномальная» коммуникативно-прагматическая ситуация, при которой языковая аномальность воспринимается идиоматично. В структуре фразеологизмов и лексических коллокаций символ присутствует как языковой знак, передающий смысл, формируемый мифологическим содержанием, а также как языковой знак, претерпевший концептуальные изменения относительно мифологических значений.

Ключевые слова: античный символ, мифологическое значение, языковая аномальность, идиоматичная интерпретация, фразеологическая единица, лексическая коллокация.

IDIOMATIC INTERPRETATION OF LINGUISTIC ANOMALY

In Modern Fictional Text an «abnormal» communicative-pragmatic situation is created on the basis of a symbol, in which a linguistic anomaly is perceived idiomatically. In the structure of phraseological units and lexical collocations, the symbol is present as a linguistic sign conveying the meaning formed by the mythological content, as well as a linguistic sign that has undergone conceptual changes with respect to mythological meanings.

Key words: ancient symbol, mythological meaning, linguistic anomaly, idiomatic interpretation, phraseological unit, lexical collocation

Средствами хранения мифологических знаний, которые привносят свет античности в язык и текст, представляются символы – языковые знаки вторичной номинации с двойной аксиологичностью и лексико-фразеологические единицы с ключевым компонентом – античным символом.

Античный символ – особый языковой знак, план содержания которого имеет двойственную природу. С одной стороны, символ отражает и конструирует миф (мифологическое содержание), с другой – образ его иконы (иконическое содержание). В этой связи символ обладает рядом лингвистических характеристик, актуализующих данное единство, в том числе: метафоричность, идущая от мифа, и образность, идущая от иконы; диспонибельность – готовность к употреблению (от мифа) и мотивированность (от иконы); конденсационность содержания, идущая от мифа, и языковая знаковость – от иконы.

Символы намечаются в результате культурного отбора, когда символический смысл указывает не на собственный референт (в греческой мифологии *Ахиллес* – сын царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды; *Прокруст* – смертный человек; *Авгий* – царь племени эпеев в Элиде, сын Гелиоса и Гирмины; *Пандора* – первая женщина, созданная Афиной и Гефестом; *Лета* – дочь богини Эриды, именем Леты названа река в царстве мёртвых), а ассоциативно замещает некую идею: *Ахиллес* – символ геройства; *Прокруст* – символ жестокости; *Авгий* – символ хитрости; *Пандора* – символ любопытства; *Лета* – символ забвения (и памяти).

Мифологическое значение символа представляет собой ментальную структуру, состоящую из определенным образом связанных смысловых элементов, которые актуализируются в тексте мифа как «семантическое сообщение». Семантические сообщения отражают функции и качества актантов, закрепленные в мифах. Мифемы – синтаксические единицы уровня предложения – структурируются словами с двойным значением (мифологическими тропами). Таким образом, десигнативное (понятийное) значение античного символа, выявляемое на основе мифем, отражает его первичную мифологическую аксиологичность.

В художественных текстах, имеющих в своих названиях, содержании, канве повествования античные символы как мотивированные элементы, на основе символа создается «аномальная» коммуникативно-прагматическая ситуация, при которой языковая аномальность воспринимается идиоматично. Обоснованием идиоматичной интерпретации высказывания адресатом служит «постулат об идиоматичности» как важнейшем принципе обыденной коммуникативности Дж. Сёрля: говори идиоматично, если только нет особой причины не говорить идиоматично [1, с. 215]. Если рассматривать данную максиму применительно к исследуемым лексическим коллокациям с аналитическим типом значения (*синдром Феникса, пьяная Айса, геркулесовы столпы цинизма, камни Полифема, грех Прометей, комплекс Нарцисса* и др.), то суть сводится к следующему: при наличии символа нарушается языковая и коммуникативная конвенциональность высказывания; в силу этого последнее интерпретируется как косвенный речевой акт, так как прямая интерпретация приведет к неинформативности.

Античные подтексты в составе единиц лексико-фразеологического типа выражены мотивированными символами. Мотивация символа лежит вне произведения в мифе как мотивирующем тексте, который является подтекстом данного (анализируемого) текста. Материал, в семантике которого нашли отражение мифы как мотивирующие тексты, позволил выделить лексико-фразеологические сочетания двух типов: устойчивые (социально обработанные) фразеологические единицы (фразеологизмы) и неустойчивые единицы, в которых намечаются фразеологические тенденции – лексические коллокации с аналитическим типом значения.

Устойчивые (социально обработанные) фразеологические единицы (фразеологизмы) воспроизводятся в речи в соответствии с узусом употребления: *ахиллесова пята, ящик Пандоры, нить Ариадны, между Сциллой и Харибдой, авгиевы конюшни, гордиев узел, прокрустово ложе, огонь Прометея, троянский конь, подвиг Геракла, свирель Аполлона, трезубец Нептуна, яблоко раздора, рухнуть/(с)катиться в тартарары, кануть в Лету, панический страх, титанический труд, объятия Морфея, Муза Дальних Странствий, титаническая борьба* и др.

Лексические коллокации с аналитическим типом значения – неустойчивые единицы, в которых намечаются фразеологические тенденции, – фразеологические сочетания, в которых хотя бы один из компонентов выступает в своем «свободном» значении и при этом «выполняет роль семантически ключевого, то есть предопределяет семантическое прочтение связанного с ним по смыслу и по форме другого компонента (или компонентов)» [2, с. 65]. Лексические коллокации представляют собой сочетания лексико-фразеологического типа, в которых античный символ выступает как семантически ключевой смыслопорождающий компонент: *испить из Леты, сумрак Эреба, взбалмошенная Айса, дыхание небесной Афродиты, океана дочь, жрецы Фемиды, безумство Мельпомены, клянусь Мельпоменой, пир Мнемозины, перебранка Камен, хор Аонид, Ахиллес – обреченный человек, Ахиллес догонит черепаху, наш Ахилл, Ахиллы и Антинои из состава русского офицерства, Антинои-адъютанты, наш Антиной, капитан Улисс, Одиссей современного флота, новая Аврора, послужить Гименею, верховный Эфир, эфирные голоса, умирающий сфинкс, христианские нимфы, вакханическая идиллия, вакханическое упоение, сраженные Бахусом, Дионисовы чаши, вещая Кассандра, жестокое предвиденье Кассандры, качества Пенелопы, новые Диоскуры, казнь Прометеева, пламень Прометея, Орфеев путь, ветер Орфея, Эрот жестокий, дорога бога Эрота, источник Артемиды, усталый Сизиф, плач Андромахи, глаз Горгоны, сестры Фэтона, сила Геракла, левые Геркулесы, паническая реакция, аполлиническая натура, пушкинский аполлонизм, Аполлон российский, Аполлон коснулся чела, примет бог Посейдон, голишинский Зевс, олимпийство туняйцев, режущие углы Сциллы и Харибды, губительное пение Сирен, взгляд сатира, друг Полидевк, химерическое учение* и др. Понимаемые таким образом лексические коллокации следует отличать от аналитических названий терминологического характера, также включающих мифологические знаки или их дериваты как семантически ключевые компоненты (например: *венерины башмачки, ахиллово сухожилие, ожерелье Венеры, паническая атака* и др.).

Единицы лексико-фразеологического типа, посредством символа связанные с мифопоэтическим дискурсом, могут представлять собой разные виды цитаций как словесных приемов прецедентных феноменов: прямую цитацию, аллюзию к мифу, сжатие сюжета. Прямые цитации, относясь к социально обработанным, способным к рекуррентному возобновлению единицам, непосредственно указывают на миф, и их правильное понимание требует от носителя языка знания мифологического текста. Такой тип фразеологизмов

в силу социальной обработанности не нуждается в особой интерпретации: *ахиллесова пята, ящик Пандоры, геркулесовские столбы, между Сциллой и Харибдой, авгиевы конюшни, гордиев узел, прокрустово ложе, пламень/огонь Прометея, троянский конь, подвиг Геракла, сила Геракла, свирель Аполлона, трезубец Нептуна, кануть в Лету* и др.

Такие словесные приемы прецедентных феноменов, как аллюзии и сжатые тексты, являются неустойчивыми единицами, в которых фразеологические тенденции только намечаются. Хотя они не отличаются устойчивостью, но являются лексическими коллокациями с аналитическим типом значения в плане их использования автором в тексте. Данный тип сочетаний содержит закодированные мифы и требует интерпретации. Источником культурно-национальной интерпретации лексических коллокаций для нас является как символ, так и слова и словосочетания, получающие символическое прочтение.

Аллюзии к мифу проявляются через включение в сочетание одного-двух слов: *титаническое мероприятие, паническая реакция, океана дочь, аполлиническая натура, олимпийство тунейдцев* и др. Общий смысл выражений, за которыми стоит сжатый сюжет мифа, понятен благодаря наличию античного символа как вербального и вербализуемого прецедентного феномена в составе ассоциируемого с мифом фразеологизма: *пришествие Астреи, прочь от Трои пылающей, отнять Трои, тиски постылого Эреба, прихоть Айсы, заговор Лисистраты, синдром Феникса, блуждающая Елена* и др.

Античный символ коррелирует с собственно прецедентным именем, а не с такими средствами прецедентных феноменов, как имена-символы, так как указывает не на реалию древнегреческого мифа (Одиссей – царь Итаки, муж Пенелопы), а прочитывается символически. Его десигнативное значение устанавливается на основе семного анализа действий и качеств Одиссея (Одиссей – символ геройства, силы, ловкости, ума, хитрости, богоборчества). Но античный символ сам по себе не является собственно прецедентным именем на том основании, что он имеет (должен иметь) архаическую природу. Как отмечает Ю. М. Лотман, память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения. Символ находится в глубинах памяти [3, с. 212]. Реминисценция, отсылка, цитата идут из текста в глубь памяти [Там же, с. 216]. В этом смысле античный символ участвует в разных видах цитаций в составе единиц фразеологического типа как прецедентное явление, то есть как знак, указывающий на текст-миф.

Смысл, соотносящийся с константой «хитрость», выявляется при интерпретации лексической коллокации *подвиг Одиссея при Геркулесовых столпах: Он мастерски притворился глухим и попытался проскочить мимо будки дежурного, точно рассчитав скорости своего движения на данном отрезке пути с учетом замедляющегося вращения турникета. Маневр, сопоставимый по сложности с мореплавательским подвигом Одиссея при Геркулесовых столпах, капитану удался* (Логунова, Е. Афродита размера XXL); *Заговор Лисистраты* – соотносится с константой «порядок/мир» (*Лисистрата* символизирует

мир): *Солнце соглашательски согревало верхушки холмов, распространяя запах лаванды. Как бы хотелось, чтобы запахом сим пропитались разоружившиеся мужчины, так грезили чувственно сестры. Нужно всем девушкам нашего Просвещения вступить в заговор Лисистраты. Пусть не приходят к нам шевалье с запахом крови и пороховища, чтоб мы не дрожали за их сумасшедшие жизни* (Аксенов, В. Вольтерьянцы и вольтерьянки).

Анализ единиц фразеологического типа указывает на присутствие в их структуре символов, передающих смысл, формируемый их мифологическим содержанием: *Ахиллес догонит черепаху* (М. Алданов) – Ахиллес символизирует геройство; *Антиной из состава русского офицерства* (В. Аксенов) символизируют антигеройство; *эскалатор Нероя* (И. А. Бродский) символизирует помощь; *жить Единорогом* (В. В. Орлов) – нравственную чистоту; *плечи Атласа* (В. Аксенов) – силу; *голитинский Зевс* (В. Аксенов) – власть. Кроме того, в структуре фразеологических единиц присутствуют символы, которые претерпели концептуальные изменения относительно мифологических значений: *грех Прометея* (А. А. Вознесенский) – символ геройства; *железная Венера* (Н. Н. Берберова), *Икары двадцатого века* (В. В. Орлов) – силы; *титан на глиняных ногах* (Д. Л. Быков) – символ слабости; *пришествие Астреи* (М. Алданов) – гармонии; *пятка от Икара* (А. Г. Битов) – обреченности; *нить Пенелопы* (С. Соловьев) – символ жизни; *режущие углы Сциллы и Харибды* (В. Аксенов), *Ахерон выходит на улицу* (М. Алданов) символизируют опасность; *небожители Олимпа* (В. В. Широков), *Нептун с трезубцем* (Д. Рубина) – власть; *олимпийство тунейдцев* (Б. Л. Пастернак) – антигеройство; *подвиг Одиссея при Геркулесовых столпах* (Е. Логунова), *проскочить между Сциллой и Харибдой* (В. О. Пелевин) символизируют хитрость.

Таким образом, в структуре фразеологизмов и лексических коллокаций символ присутствует как языковой знак, передающий смысл, формируемый мифологическим содержанием (интенционал как факт античной культуры на основе классического эллинского текста – мифа), а также как языковой знак, претерпевший концептуальные изменения относительно мифологических значений. Тогда античные символы и единицы фразеологического типа, связанные через символ с античностью, отражают «переобразованный» смысл, преломленный сквозь лингвокультурологическую призму сознания. Классический идеал наполняется новой жизнью в современном художественном тексте, где выявляются новые смыслы и обоснования, определяя тем самым место античности в современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сёрль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубеж. лингвистике ; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 195–222.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологич. аспекты. М. : Шк. яз. и рус. культуры, 1996. 288 с.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева. СПб. : Акад. проект, 2002. 544 с.

УДК 811.161.1'367.622.12:316.7

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
Электронная почта: veronika.katermina@yandex.ru

Katermina Veronika, Doctor of Philological Sciences, Professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia
e-mail: veronika.katermina@yandex.ru

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ЗНАК

Статья посвящена рассмотрению имени собственного как культурного и социального знака. Являясь знаком, способным накапливать информацию, имя собственное может трансформироваться из простого знака в знак культуры. Имя собственное как единица ономастического пространства поддается аксиологической оценке, поскольку его ценностные смыслы оказываются уникальными для национального и межкультурного пространства.

Ключевые слова: имя собственное, культура, социум, система, оценка, знак.

PROPER NAME AS A CULTURAL AND SOCIAL SIGN

The article is devoted to the discussion of the proper name as a cultural and social sign. Being a sign capable of accumulating information a proper name can be transformed from a simple sign into a cultural sign. A proper name as a unit of onomastic space is subject to axiological assessment since its evaluative meanings are unique for the national and intercultural space.

Key words: proper name, culture, society, system, evaluation, sign.

Имя собственное (ИС) – это «универсальная функционально-семантическая категория имен существительных, особый тип словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации единичных объектов (одушевленных и неодушевленных), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [1, с. 21].

ИС обратили на себя внимание уже древнеегипетских, древнегреческих и древнеримских ученых. Как особый класс слов они были выделены стоиками, однако и позднее – в эпоху Возрождения, в Новое время продолжалась дискуссия о них, в ходе которой было высказано немало как однозначных (принимаемых многими учеными), так и совершенно противоположных суждений.

«Имя есть слово, произвольно выбранное в качестве метки с целью возбуждения в нашем уме мыслей, сходных с прежними мыслями, и служащее одновременно, если оно вставлено в предложение и высказано другим, признаком того, какие мысли были в уме говорящего и каких не было. Я считаю возникновение имен результатом произвола» [2, с. 14].

Ссылаясь на Т. Гоббса, Дж. Ст. Милль писал, что имя – это «слово, произвольно взятое для того, чтобы служить меткой, которая может возбудить в нашем уме мысль, подобную той, которая была у нас раньше. Произнесенное для других, имя может служить знаком той мысли, которая была раньше у говорящего. Имена – это названия самих вещей, а не только наших представлений о вещах» [3, р. 23]. Дж. Ст. Милль выделял, кроме того, слова, кото-

рые не суть имена, но лишь их часть (частицы, косвенные падежи существительных, наречия, прилагательные). Они не обозначают вещей, относительно которых что-либо может утверждаться или отрицаться, кроме того, что это слова какого-то языка или такая-то часть речи. «Собственные имена ничего не коннотируют и, строго говоря, не имеют значения» [3, p. 36].

Х. Джозеф, английский логик, много внимания уделял проблемам классификации имен. По его определению, слова – «это знаки иногда предметов мысли, иногда мыслительных операций, иногда и того и другого» [4, p. 16]. Понятие не равно термину мысли. Понятия характеризуют то, что есть в индивиду. «Понятие всеобщее. Частности, чтобы различаться, требуют особых имен. Собственное имя – это индивидуальный термин, предцируемый с тем же значением одному-единственному индивиду. Общий термин предцируется любому числу индивидов в том же значении. Если фамилию *Смит* носят многие, я не имею в виду одно и то же, употребляя каждый раз эту фамилию» [10, p. 29]. Единичными терминами могут быть описательные фразы, относящиеся к отдельным объектам, но они – не собственные имена, потому что включают общие термины. Их называют десигнациями (*designations*).

Имя собственное возникает, когда акт социальный делает его лингвистической ценностью. Его социологический характер проявляется в его сильной тенденции к исключительности. Эта тенденция существует и у имен нарицательных, но там она слабее. Социологический характер имен собственных проявляется в законодательстве, запрещающем изменять имена и фамилии иначе, нежели в юридическом порядке. Нестабильность имен восполняется юридической стабильностью. Поскольку для определения индивида достаточно имени нарицательного, имя собственное – вспомогательное, уточняющее средство языка.

П. Кристоферсен собственное имя считает прямым наименованием вещи, нарицательное – непрямым. Собственное имя – это «символ, непосредственно идентифицирующий отдельный индивид, что и есть его единственное значение. Апеллятив сначала называет качество, затем предцирует его какому-либо предмету, то есть называет сначала класс, а потом описывает индивид как член этого класса» [5, p. 62]. Собственные имена конкретны, нарицательные – абстрактны.

А. Гардинер в книге «Теория имен собственных» утверждает: «Собственное имя – это слово или группа слов, специфическим назначением которых признается отождествление и которые выполняют, или имеют тенденцию выполнять, это назначение посредством различительного звука, независимо от какого-либо значения, присущего этому звуку с самого начала или приобретаемого им в результате ассоциации с объектами, отождествленными посредством этого звука» [6, p. 73].

Говоря об имени как национальном и социальном знаке, следует иметь в виду наличие полей в ономастике – определенной сферы соотносительности имени. В речи эта граница определяется при помощи экстралингвистических знаний, которые являются необходимыми для правильного употребления и

понимания имен. В состав экстралингвистического аспекта значения имени входят и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени.

В речи важным может оказаться момент языковой принадлежности имени. Следует отметить тесную связь национальных имен с национальными образами (олицетворение имени *Тамара* у русского народа с определенным обликом [связь имени с представлением о кавказской царице]).

Языковая информация имени проявляется при внимательном лингвистическом анализе фактов ономастики. Языковая информация дает сведения о временных рамках создания имени, его территориального распространения, идеологии создавшего его народа, а также может предоставить историческую справку. Языковая информация присутствует в собственном имени вне зависимости от его употребления.

Энциклопедическая информация имени состоит из богатого содержания значения тех объектов, которые они (имена) называют. Энциклопедическая информация характеризуется постоянной окрашенностью и стремится к индивидуальности. Чем выше степень индивидуализации, тем полнее раскрывается энциклопедическое значение данного ИС [7, с. 333].

В речевых ситуациях ИС являются заменителями определенных описаний, вводящихся в контексты. Имя с общеизвестной энциклопедической информацией имеет тенденцию превратиться в нарицательное. В коммуникативных целях имеет место данный контекстуальный переход, например, *Он был Байроном своего века*.

Национальное поле имени способствует более точному восприятию имен, более четкой их соотнесенности с определенной языковой подсистемой. Говоря о русских именах, мы имеем в виду определенные языковые формы, характерные для русского языка, и их соотнесение с русскими людьми.

В. А. Никонов считает важным обратить внимание на закономерности развития ИС: «Имя – слово и, как все слова, подчиняется законам языка, то есть подлежит ведению языкознания... Но собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически, и возникают свои закономерности, которых нет в языке вне ее» [3, с. 6]. Особенно настойчиво В. А. Никонов подчеркивает социальность ИС, их историческую обусловленность. «Личные имена существуют только в обществе и для общества, оно и диктует неумолимо выбор их каким бы индивидуальным он ни казался. Личные имена социальны все и всегда» [8, с. 8].

Социальное поле антропонима – это «языковое преломление экстралингвистических социальных отношений и закрепление их за определенными формами именования. Та или иная языковая форма имени может быть продиктована конкретной экстралингвистической ситуацией» [9, с. 16].

В речи, как правило, основное внимание обращается на внеязыковые ассоциации имен, из которых главное внимание принадлежит социальным факторам, которые находятся в неразрывной связи с историческими, национальными и культурными особенностями страны.

Как часть лексической системы языка имена собственные функционируют в ее рамках и развиваются по ее законам, однако они «образуют в языке особую подсистему, в которой и общезыковые законы преломляются специфически» [3].

Во второй половине XX века «произошел гигантский качественный скачок в изучении собственных имен» [10], «утверждается представление о самостоятельной ценности имени собственного как объекта филологического анализа» [11].

Важно учитывать знаковую природу имен собственных, их способность репрезентировать ономастические концепты и выступать в качестве средств взаимодействия знаковых систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонякова О. И. Имена собственные в художественном тексте. Л. : ЛГУ, 1990. 103 с.
2. Гоббс Г. Учение о теле // Избранные сочинения. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 621 с
3. Mill John S. A. System of logic. London : London Univ. Press, 1865. 357 p.
4. Joseph H. W. B. An Introduction to logic. Ed.2. Oxford : Clarendon Press. 310 p.
5. Christophersen P. The articles. A study of their theory and use in English. London: H. Milford, 1939. 206 p.
6. Gardiner G. H. The theory of speech and language. Oxford : Clarendon Press, 1932. 332 p.
7. Болотов В. И. К вопросу о значении имен собственных // Восточно-славянская ономастика. М. : Наука, 1972. С. 333–345.
8. Никонов В. А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
9. Суперанская А. В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М. : Наука, 1969. 206 с.
10. Суперанская А. В., Сулова А. В. О русских фамилиях. СПб. : Авалонь, изд. Дом Азбука-классика, 2008. 288 с.
11. Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 108–120.

УДК 81-119

Аманжолова Джемма Болатовна, кандидат филологических наук, доцент
Astana IT University, Астана, Казахстан
Электронная почта: *jemma.aman@gmail.com*

Jemma Amanzholova, PhD in Philology, Assistant Professor
Astana IT University, Astana, Kazakhstan
e-mail: *jemma.aman@gmail.com*

Кикбаева Айнур Темиржанқызы, докторант
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
Электронная почта: *isskakova.ainura@gmail.com*

Kikbaeva Ainur, doctoral student
Al-Farabi Kazakh University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: *isskakova.ainura@gmail.com*

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна, доктор филологических наук, профессор
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан
Электронная почта: *turcologi.ri@gmail.com*

Shaimerdenova Nursulu, Doctor of Philology, Professor
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
e-mail: *turcologi.ri@gmail.com*

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ КАЗАХСТАНА: ОТ АНТРОПОНИМОВ К ТОПОНИМАМ

В статье рассматриваются имена собственные, встречающиеся в городском ландшафте Казахстана и в значительной степени обладающие национально-культурной спецификой. Причем эти имена собственные особенно ярко проявляются в топонимах города Алматы, где причудливо переплетаются времена, эпохи, история и культура этносов, проживающих в городе. Авторы провели анализ антропонимов, которые с течением времени становились топонимами в русском и казахском языках. Рассматриваемые в статье имена собственные по культурно-познавательному смыслу составляют ядро топонимической системы в целом и определяют во многом существование любого народа, его истории, культуры. Данное исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «AP23486380 Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту».

Ключевые слова: вторичная номинация; антропонимы; топонимы; имена собственные; история; культура.

PROPER NAME IN THE URBAN LANDSCAPE OF KAZAKHSTAN: FROM ANTHROPONYMS TO TOPONYMS

The article deals with proper names found in the urban landscape of Kazakhstan and have national-cultural specificity. They are especially vividly manifested in the toponyms of the city of Almaty, where times, epochs, history and culture of ethnic groups living in the city are intricately intertwined. The authors have collected a corpus of anthroponyms, which over time turn into toponyms and become fixed in Russian and Kazakh languages. The proper names considered in the article by their cultural and cognitive meaning constitute the core of the toponymic system as a whole and determine in many respects the existence of any nation, its history and culture. This research has been is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant № AP23486380 Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernisation of society: from graphics to epic text).

Key words: secondary nomination; anthroponyms; toponyms; proper names; history; culture.

Исследование ономастикона в казахстанской лингвистической науке имеет длительную историю. Так, к вопросу о топонимике Семиречья обращались такие ученые, как А. Абдрахманов [1], Т. Т. Жанузаков [2], Е. Койчубаев [3]; Павлодарская область были в поле зрения исследований В. Н. Поповой [4], которая опиралась в своих исследованиях на ареально-ретрогрессивный метод А. П. Дульзона. Профессор О. А. Султаньяев [5] в кандидатской диссертации описал ономастический ландшафт северного региона Казахстана (Акмолинской области в частности), в докторской диссертации профессора Е.А. Кримбаева [6] обнаруживаются сведения о происхождении топонимов южного региона Казахстана. Однако несмотря на многосторонность исследований, составивших

основной корпус ономастических единиц Казахстана, урбанонимы изучены слабо. Хотя о связи антропонимов и топонимов в своих исследованиях отмечали Г. Ф. Саттаров [5], Н. П. Бутенко [8], Ш. Ж. Жапаров [9] и мн. др.

На сегодняшний день одной из важнейших категорий лексического корпуса русского и казахского языков принято считать имена собственные, являющиеся неотъемлемой частью коммуникативной сферы человека и в целом этнического сообщества. Эта сфера связана как со средой обитания человека, так и с географией страны, менталитетом народа.

Анализ литературы в этом направлении свидетельствует о том, что процессы номинации в ономастическом поле государств постсоветского пространства зачастую протекают одинаково, но при этом наблюдаются национально-культурные особенности. Как отмечают Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, язык и такие его составляющие, как личные имена, могут представлять и сохранять конкретную культурно-национальную свойственность и историческую ценность [1, с. 78]. А. В. Суперанская, рассматривая ономастику как лингвистическую дисциплину, обращает основное внимание на её связь с культурной историей общества. Изучая топонимический ареал, она усиливает внимание в целом на онимы и считает их актуальным исследовательским материалом, независимо от эпохи и территории [2, с. 98].

Опираясь на дефиниции ономастического метаязыка, данного в словаре-справочнике лингвистических терминов, мы рассматриваем антропонимику как раздел ономастики, изучающего имена людей (принимающие различные формы и их отдельные составляющие (личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и т.п.); их происхождение, эволюцию, закономерности их функционирования, а топонимику как раздел ономастики, изучающего географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние [3].

В условиях урбанизации и изменения городского ландшафта Казахстана наблюдается интересный процесс смены личных имён на топонимы, свидетельствующий о сложном противоречии между миром, культурой и политикой, проявляющихся в переименованиях улиц, площадей, парков и даже целых населённых пунктов.

Личные имена, часто используемые для увековечения памяти значимых личностей, которые внесли вклад в историю, науку, искусство или политику и др. В Казахстане, как и в других постсоветских странах, существует традиция называть улицы и другие объекты в честь известных писателей, ученых, героев труда и государственных деятелей. С появлением новых независимых государств в 90-е годы, процессы переименования улиц, названий городов стали наиболее активными с национально-маркированной направленностью, что связано желанием сохранения исторической памяти титульного этого государств и названиям, актуальными для определенных этапов государства.

Примером может служить современная столица Казахстана – Астана, ранее носившая название Целиноград, Акмола, а в последствии переименованная в Нур-Султан в честь первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в 2019 году. На тот момент это переименование символизировало

отношение к заслугам и свидетельствовало о степени использования антропонимов как политического инструмента и маркера культурного развития в городском пространстве. Однако 17 сентября 2022 года Президент Республики Казахстана Касым-Жомарт Токаев подписал указ об обратном переименовании столицы Казахстана в город Астана. Этот пример свидетельствует о том, что личные имена в определённый период становятся частью топонимической системы в условиях роста национального самосознания и политических изменений.

Анализ динамики разрядов имен собственных позволяет нам охарактеризовать ономастическое пространство города Алматы. Как известно, ономастическое пространство – это совокупность всех онимов, которые дифференцируются на разряды и классы, занимающие в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных признаков определенные зоны в ономастическом пространстве. Все ономастические зоны имеют полевою организацию, и, по мнению В. И. Супруна, характеризуются наличием ядерно-периферийных отношений, семантической общностью, предполагающей сходную семантическую структуру, частотностью, стилистической окрашенностью, словообразовательной активностью, актуализирующийся или нейтрализующейся в речи [4, с. 10]. Эти признаки выделяются и при структурировании ономастического пространства современного Казахстана.

В казахской топонимии выделяется несколько периодов развития, связанных с историческими событиями, происходившими на территории Казахстана. Определился и новый период, характеризующийся переименованиями, появлением названий нового государства, рождение которого начинается с утверждения Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. Постановлением Совета министров Казахской ССР (№ 156) от 20 апреля 1990 г. была создана Государственная ономастическая комиссия, приоритетными задачами которой является возрождение исконных и создание новых названий. По данным отчетов работы ономастической комиссии, начиная с 1991 г. по 2001 г. 64 района, 8 городов, 420 аулов и поселков, 680 организаций образования, культуры, здравоохранения и т.д. получили новые названия, были исправлены транслитерационные искажения или возвращены исторические названия. За период с 1998 г. по 2002 г. были изменены названия 2 городов, 4 районов, 250 сельских населенных пунктов, около 340 организаций образования и культуры, исправлены искаженные формы названий 2 районов, 1 города. Так, в Северо-Казахстанской области Советский район переименован в Ак-каинский, Целинный район – в район Габита Мусрепова, в Восточно-Казахстанской области городу Лениногорску возвращено историческое название Риддер, в Костанайской области наименование города областного значения по-русски транслитерируется как Костанай (ранее – Кустанай), поселки Боровской, Комсомол, Голощекино, Ленино соответственно переименованы в Мендикара, Карабалык, Приуралье, Узын-коль. В соответствии с Государственной программой, направленной на стандартизацию названий, около 25 тыс. ойконимов, 8 тыс. наименований школ, 20 тыс. топонимов вошли в список названий, подлежащих переименованию или нормированию.

Объемный корпус топонимов в настоящее время необходимо упорядочить и описать. Большая работа в этом направлении ведется сотрудниками Института языкознания Академии наук Республики Казахстан. Созданный корпус позволяет на сегодняшний день выделить следующие группы:

- казахские названия, транслитерированные в искаженной форме на русский язык;
- названия, отражающие идеологию дореволюционной России (Николаевка, Романовка и др.);
- названия-советизмы, отражающие идеологию советского строя (например: Крупской, Октябрьское, Дзержинское, Комсомол);
- названия, повторяющиеся в пределах одной административно-территориальной единицы – «тиражированные» названия;
- названия, которые были даны вместо автохтонных топонимов (например: Жамбыл – Тараз, Черновая – Карасу, Гурьев – Атырау) [5].

Многие топонимы образовались от антропонимов, что свидетельствует о мигрирующем влиянии антропонимического фактора на топонимический. В работах казахстанских исследователей раскрываются особенности данного процесса (Ж. Исмаилова, К. Рысбергенова, А. Сембиев, Б. Бияров, А. Алимхан, У. Ержанова и др.) / Теоретическое описание в этих работах сопровождается иллюстративным материалом, которых раскрывает ономастическую панораму всего Казахстана, а в нашем случае эти труды позволили определить лакуны в сфере трансформации антропонимов в топонимы и явлением вторичной номинации, которые ярко представлены в городе Алматы.

Наименование географических объектов обычно называются в честь отдельных людей, основавших конкретное поселение или проживавших в его окрестностях, имевших большую репутацию среди народа и в своей среде. Так, в справочной энциклопедии «Улицы Алматы» зафиксированы 2265 названий улиц города Алматы, по данным «NewTimes.kz» 1213 из них произошло от антропонимов, 1145 из них названы в честь мужчин и 68 – в честь женщин [7]. Изучение данного справочника, карты города, а также анализ местности и материалов ономастической комиссии свидетельствуют о том, что они используются как в качестве антропонима, так и в качестве топонима. К примеру:

- в честь революционных и государственных деятелей – Фурманова, Масанчи, Виноградова, Емелева, Шагабутдинова, Муратбаева, Барыбаева, Бузурбаева и др.;
- деятелей литературы, искусства – Абая, Максима Горького, Чайковского, Жамбыла, Байсеитовой, Тулебаева, Сейфуллина, Шевченко, Курмангазы и др.;
- ученых, путешественников – Валиханова, Жолдасбекова и др.;
- героев военных лет – М. Маметовой, И. Панфилова, Б. Момышулы и др.;
- исторических деятелей дореволюционного Казахстана – Абылай хана, Райымбека, Кабанбай батыра, Богенбай батыра, Карасай батыра, Наурызбай батыра, Толе би, Казыбек би, Айтеке би.

Обращает внимание также вторичная номинация, представляющая собой процесс при котором одно слово используется для обозначения различных

объектов, например, когда одно и то же слово служит именем собственным, а также названием улицы или местности, но в определенный период времени именно топоним становится вновь именем собственным, поскольку утрачивается первоначальное значение и носители языка воспринимают данный топоним как символ, знак, например высокогорный каток «Медео» по казахски звучи «Медеу». История названия спортивного комплекса, как и всего урочища «Медеу» названы в честь основоположника города Медеу Пусурманова. Однако с течением времени утрачивается восприятие данного имени основоположника, и сохраняется само название катка, становясь символом красоты, высоты, спортивных достижений. И уже зачастую казахстанцы называют рожденного малыша именем Медеу в честь данного объекта. На это указывает проведенный нами опрос с акцентом на вопросе, с чем связано именование вашего ребенка. Здесь мы наблюдаем явление вторичной номинации и благопожеланиями родителей при именовании своих детей.

Интересным объектом исследования с точки зрения хронологизации онимов являются улицы, названные именами выдающихся личностей мирового масштаба. Например, в 2003 году в городе Алматы в честь Махатмы Ганди назван городской парк, в котором установлен памятник известному политику и идеологу за независимость. А именем его дочери Индиры Ганди названа улица в Алматы. Память о таких исторических личностях, как Ганди, служит напоминанием о важности мира, толерантности и стремления к справедливости – ценностей, которые близки многим казахстанцам. Алматы как крупный культурный и образовательный центр поддерживает международные связи, и такие имена помогают укрепить культурные и дипломатические отношения между странами, в данном случае – между Казахстаном и Индией.

Названия в честь великих деятелей из разных стран демонстрируют открытую и многонациональную природу Алматы, а также стремление горожан к интернационализму и уважению к мировым достижениям в науке, культуре и искусстве. Так, в Алматы есть улица И. Гёте, Дж. Верди, Дж. Бруно, И. Ньютона, Рене Декарта, Галилео Галилея, Н. Коперника и мн. др. Названия этих улиц плавно вплелись в городской ландшафт с национально-культурной составляющей и не вызывают и жителей города каких-либо сомнений и желаний переименовать.

Изучение антропонимов и топонимов с точки зрения их культурно-познавательных ценностей позволяет выявить новые изменения и трансформации в историко-культурном периоде, осветить процессы, формирующие развитие города, его историческое и культурное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. М. : Рус. яз., 1990. 78 с.
2. Суперанская А. В. Ономастика начала XXI века. М. : Ин-т языкознания РАН, 2009. 98 с.

3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Электронный ресурс]. М. : Просвещение. 1976. Режим доступа: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/>
4. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: моногр. Волгоград : Перемена, 2000. 10 с.
5. Электронный ресурс. [Режим доступа]: <https://www.kazportal.kz/onomasticheskoe-prostranstvo-sovremennogo-kazahstana/?ysclid=luirigdeze730356996>.
6. Жанузаков Т. Лично-собственные имена в казахском языке : автореф... канд. филол. наук. – Алма-ата: ИЯ АН КазССР, 1960.
7. Улицы Алматы. Справочная энциклопедия. – Алматы : “ИП Волошин” издание, 2009.

УДК 81'373.2

Шкапенко Татьяна Михайловна, доктор филологических наук, профессор
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Электронная почта: TSHkapenko@kantiana.ru

Shkapenko Tatiana, Doctor of Philological Sciences, Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
e-mail: TSHkapenko@kantiana.ru

Шаповаленко Евгений Владимирович, кандидат филологических наук
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия
Электронная почта: ESHapovalenko@kantiana.ru

Shapovalenko Evgenij, Candidate of Philological Sciences
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
e-mail: ESHapovalenko@kantiana.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОПРИАЛЬНОГО ИМЕНИ В СОСТАВЕ ЭРГОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ

В статье характеризуются основные лингвокультурные маркеры, представленные в проприальном имени калининградских эргонимов. К ним относятся существительное янтарь/amber, а также топонимы и антропонимы, характерные для прусско-немецкого периода существования региона.

Ключевые слова: эргоним; проприальное имя; топонимы; антропонимы; Калининград.

LINGUOCULTURAL CHARACTERISTICS OF THE PROPRIETARY NAME AS PART OF ERGONYMIC NOMINATIONS

The article describes the main linguocultural markers represented in the propria name of Kaliningrad ergonyms. These include the noun янтарь/amber, as well as toponyms and anthroponyms which are typical for the Prussian-German period of the region's existence.

Key words: ergonim; proprietary name; toponyms; anthroponyms; Kaliningrad.

Как известно, эргонимы принято считать «особым разрядом онима, именем собственным построек различного функционального профиля (дома, предприятия, фирмы, магазины, спорткомплексы, рынки, кинотеатры и т.д.), а также учреждений, деловых объединений, корпораций и пр.» [1, с. 85].

Наблюдения за функционированием эргонимов в городах современной России позволяет выдвинуть предположения об усложнении структуры эргонимического имени. Типичные примеры визуализации названий различных коммерческих или деловых объектов выглядят следующим образом: *КОФЕ Millor ШОП КОФЕ*; *Душевная Мануфактура КОФЕЙНЯ ЭКОШОП*; *ЧИХ-ПЫХ ВЕЙП ШОП VAPE SHOP ПАРИМ И ТОЧКА*; *DONER №1 ФАСТ-ФУД ШАВУХА съел бы сам* и т.д.

Как видим, наименование различных заведений не может быть приравнено только к имени собственному. Наряду с ним в состав современного эргонима входят другие номинативные единицы идентификационного характера. По справедливому утверждению А. Р. Тураевой, в настоящее время названия деловых или коммерческих объектов представляют собой сложный вербально-визуальный комплекс, состоящий из онима, номенклатурного идентификатора или квалификатора и сопровождающих надписей. Отмечая, что эргонимы являются особой разновидностью имен собственных, А. Р. Тураева не только говорит об их функционировании как «комплексов в сфере делового и бытового общения», но и ставит вопрос о необходимости пересмотра самого понятия имен собственных [2, с. 3].

С лингвокультурологической точки зрения важнейшей характеристикой современных эргонимических структур является их маркированность глобальными или глокальными явлениями. При этом содержание глокального компонента не соответствует декларируемым в различных проективных установках начала третьего тысячелетия определенным идеалистическим воззрениям. Так, утверждения о том, что глокализация выводит местные особенности «из-под опеки национальных государств напрямую в глобальный мир, обеспечивая развитие одновременно на планетарном и региональном уровне» [3, с. 112] и превращает локальное в транснациональное, так и не осуществились. В отличие от глобального принятия лингвокультурных ценностей, транслируемых из англо-американской картины мира, лишь немногим особенностям местного формата удалось заявить о себе в более обширной перспективе.

В российской интерпретации глокальность получила воплощение в интенсификации локальных или этнических особенностей конкретных регионов. Отсутствие таковых на территории Калининградской области обуславливает своеобразие процессов создания локального компонента в названиях коммерческих заведений. С целью выявления данных особенностей в структуре эргонимического имени Калининграда представляется рациональным использование типологии ономазиологических признаков, предложенной Е. Ю. Поздняковой. Согласно данной классификации, предлагается выделять следующие принципы построения эргонимического имени: 1) Атрибутивный, отражающий свойства и признаки объекта номинации, указывающий на ассортимент предлагаемых товаров; 2) Антропологический (использующий антропонимы, нарицательные существительные со значением лица и т.п.); 3) Локативный (использующий

топонимы, существительные или конструкции с локативным значением); 4) Природный – наименования, в основу которых положены названия явлений и объектов живой и неживой природы (зоонимы, фитонимы, астронимы и др.) [4, с. 86–87].

Анализ калининградского лингвокультурного ландшафта выявил, что в атрибутивном принципе ведущую роль в культурной регионализации эргонимов играет, несомненно, существительное *янтарь*, получающее как английское, так и русское написание. Оба варианта зачастую дублируют друг друга, что свидетельствует о стремлении номинаторов охватить как русскоязычную, так и иностранную аудиторию. Например: *AMBER MARKET / СУВЕНИРЫ ЯНТАРЬ УКРАШЕНИЯ*; *Amberholl / Ювелирный салон / Золото Серебро Янтарь, Амберхолл*; *AMBER stone / Сувениры из янтаря*; *AMBER & JEWELRY; LLC AMBER SEA / salon AMBER SEA exclusive*; *AmberDent СТОМАТОЛОГИЯ*; *Амбер СПА*; магазины *Янтарная лавка, Янтарная галерея, Янтарная радуга*; стадион *Янтарный* и др.

Формирование социокультурных особенностей в рамках локативного принципа получает форму массового тиражирования в эргонимах первой основы бывшего немецкого названия города (*Königsberg*): *König / Konig / Kenig / Koenig / Кениг*. Например: *Königs Optik; Königsbacker; Kenig Jump; Konig street; Konig shop; Kenig Holidays; Konig shop; König Stock; Konig street; Kenig lashes; Kenig Lens; KOENIGCLIMAT; АО Кенигавто; КенигМед; Кёниг-Бест; КЁНИГ ХАНТЕР* и др.

Эргонимов с экс-хоронимом *Пруссия* значительно меньше, например: отель *Пруссия*; фабрика мебели *Пруссия*; лизинговая компания *Пруссия*, компания по недвижимости *Пруссия*; фирма *Окна Пруссии*, строительная компания *Пруссия-Строй*; *Прусский Мясной Комбинат*, магазины *Прусский сувенир* и *Прусский мед*.

Локально маркированными представляются также эргоимена, включающие в свой состав бывшие названия улиц, площадей, поселений Пруссии. Они могут быть написаны на немецком или русском языке, а также включать в себя англоязычные элементы, например: пекарня *Amalienau; Amalienau hostel & apartments*; пивной магазин *АЛЬТШТАДТ*; хостел *Altstadt*; ресторан *Шмайндамм, 99*; бизнес-центр и отель *Ластадие*; пивоварня *Понарт* и др. Данные трансонимизируемые экс-топонимы несут на себе явные признаки немецкой культуры и отражают фонеморфологические особенности немецкого языка, что делает их устойчивыми к процессам лингвокультурной ассимиляции [см. подробнее 5].

Однако важнейшим принципом в формировании культурной идентификации региона является антропоцентрический, в рамках которого основным антропонимом, входящих в состав различных эргонимов, уже давно стала фамилия немецкого философа Иммануила Канта, имя которого с 2005 года носит Балтийский федеральный университет в Калининграде. Кроме брендинга академической среды (и в этом случае, действительно, заметно стремление к

глокализации – с одной стороны, намерение вывести местную фигуру на глобальный уровень, с другой стороны, осуществить культурное присвоение имени, являющегося глобально известным), имя Канта маркирует далекие от философии области референции. Это сеть магазинов *Кант маркет*, кафе *Булочки у Канта*, хостел *Oh, my Kant* (предположительно от английского восклицания *Oh, my God!* ('*О Господи!*')), кафе *Биг Кант Дог* (от англ. *Big Hot Dog* ('*большой хот-дог*')) – популярное блюдо в заведениях быстрого питания) или название строящегося микрорайона *Кант-сити*.

Всплеск глокальной амортизации имени Канта особенно очевиден в год его 300-летнего юбилея. Особое внимание обращает на себя появившийся 3 января 2023 г. на отреставрированном здании на улице Черняховского арт-объект, изображающий глаза философа И. Канта, рядом с которыми расположена табличка с надписью «Кант смотрит на тебя!» на русском, английском и немецком языках. Повсеместно по городу встречаются инсталляции с призывом «Почитай Канта!», публичные лекции даже используют слоган «Строй жизнь по Канту».

В целом национально-культурный компонент проприального имени в составе эргонимических номинаций в Калининградской области является германским, восточно-прусским, то есть не собственно культурным. Прусско-маркированная идентификация становится все более востребованной в связи с растущим потоком туристов из России, которые в калининградском эксклаве ищут европейских, то есть пост-немецких примет. При этом, как можно заметить, одна группа имен (*Кант, Кениг, Пруссия*) уже прошла этап аккультурации в языковом сознании населения, когда «чужое» стало «своим» и уже не находится в оппозиции друг к другу. В свою очередь, другая групп имен (прежде всего, немецкие названия улиц, площадей и т.п. в бывшем Кенигсберге) эксплицитным образом сохраняет и будет далее сохранять востребованные российским туристическим потоком приметы немецкой истории региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковлева Е. А., Емельянова А. М. Ономастическое пространство как составная часть «языка города» и его основные единицы (на примере эргонимов г. Уфы) // Вестник Башкирского ун-та. 2006. № 3. С. 84–87.
2. Тураева А. Р. Социоллингвистический и структурно-семантический аспекты английского и русского эргонимических комплексов. Грозный : Изд-во ЧГУ, 2015. 172 с.
3. Кожевников Н. Н., Пашкевич Н. Л. Глокализация: концепции, характерные черты, практические // Вестник Якутского государственного университета. 2005. Т. 2, № 3. С. 111–115.
4. Позднякова Е. Ю. Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 1. С. 77–98.
5. Шкапенко Т. М., Зубрицкая Е. В. Гибридные номинации в лингвистическом ландшафте г. Калининграда // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 4–13.

УДК [316.722+373.4]:378.147:811.16

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор
РГУ им. А. Н. Косыгина, Москва, Россия
Экономический университет в г. Братиславе, Словакия
Электронная почта: *elena-m-m@mail.ru*

Markova Elena, Doctor of Philology, Professor
RSU named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia
University of Economics in Bratislava, Slovakia
e-mail: *elena-m-m@mail.ru*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА В МЕЖСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Внутренняя форма слова, образуемая признаком, положенным в основу номинации, рассматривается в статье как экспликатор лингвокультурной информации, фокус национального видения окружающего мира. Указывая на движение мысли в процессе номинации предметов и явлений, внутренняя форма раскрывает особенности познавательной деятельности народа и его специфику в сравнении с другими этносами. В то же время признак, образующий внутреннюю форму слова, возникает в сознании и при воспроизведении лексемы в коммуникативной деятельности человека, что имеет лингводидактическое значение. Сопоставление родственных (русского, чешского, словацкого) языков дает возможность продемонстрировать национально-культурную специфику и лингводидактический потенциал внутренней формы лексических единиц, что имеет особую значимость при изучении русского языка в инославянской аудитории.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, лингвокультурная информация, лингводидактическое значение.

NATIONAL-CULTURAL AND LINGUODIDACTIC VALUE OF THE INTERNAL FORM OF A WORD IN THE INTERSLAVIC LANGUAGE SPACE

The internal form of a word, formed by the feature that forms the basis of nomination, is considered in the article as an explicator of linguocultural information, a focus of the national vision of the surrounding world. Pointing to the movement of thought in the process of nomination of objects and phenomena, the internal form reveals the features of the cognitive activity of the people and its specificity in comparison with other ethnic groups. At the same time, the feature that forms the internal form of a word arises in consciousness and when reproducing a lexeme in human communicative activity, which has linguodidactic significance. Comparison of related languages (Russian, Czech, Slovak) provides an opportunity to demonstrate the national-cultural specificity and linguodidactic potential of the internal form of lexical units, which is of particular importance when studying the Russian language in a Slavic audience.

Key words: the inner form of the word, linguocultural information linguodidactic value.

Представления человека об окружающем его мире эксплицируются в названиях различных предметов и явлений. Любое наименование имеет лингвокогнитивную основу и построено на ассоциативной связи уже имеющего

языковое выражение наименования с новым объектом номинации. Любая ассоциация имеет образную основу. Человек воспринимает мир образно, мыслит в образах и воспроизводит его в речи также основываясь на определенных образах. Образность первичных наименований заложена в их внутренней форме, анализ которой дает представления о том, какие признаки были положены в основу номинантов, какие свойства явлений действительности оказались существенными для того или иного этноса в процессе номинации. Внутренняя форма слова, по мнению А. А. Потебни, который предложил этот термин для наименования образной основы номинации, является не только словообразовательной основой слова, посредником между означаемым и означающим, но и экспликатором особенностей мировидения народа – носителя данного языка, показывает движение мысли в акте номинации того или иного предмета, и в связи с этим представляет собой ценность в процессе обучения лексике. Особое значение она имеет в овладении лексикой близкородственного языка.

Внутренняя форма лексических единиц представляет собой результат когнитивной деятельности человека, креативной по своей сути, ибо основывается на образности мышления. Являясь «меткой», знаком, символом концепта, внутренняя форма отмечена лингвокультурной спецификой, транслирует особенности той или иной культуры. Именно в этом смысле можно говорить о «внутренней форме языка» как хранителе «народного духа» [Гумбольдт 1985: 418]. Недаром анализ внутренней формы является обязательным этапом выявления способов вербализации того или иного концепта.

Внутренняя форма слова дает возможность понять мотивы, послужившие толчком для словотворчества, выявить основные признаки, положенные в основу наименований отдельных предметов. «Какие именно впечатления лягут в основу образной стороны слова, – это зависит в большей мере от фантазии называющего народа...» [1, с. 55]. Можно сказать, что процесс познания носит «признаковый» характер. Из этого следует, что все предметы и явления окружающего нас мира, получившие языковое выражение, связаны между собой с помощью присущих им признаков. Поэтому апелляция к внутренней форме дает возможность выявить общие закономерности мышления людей, общность и различия в ассоциациях, возникающих у разных народов при номинации одних и тех же явлений и предметов действительности.

Разные, даже родственные, языки обнаруживают своеобразие в концептуализации окружающего мира, обусловленное различиями в опыте носителей языков, а также спецификой их представлений: у представителей разных этносов, разных культур для образного отражения одних и тех же сторон концепта могут возникать разные ассоциации, что и определяет лингвокультурные особенности эквивалентных лексем в разных, даже близкородственных языках.

Сопоставление особенностей мотивации одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, специфику его мировидения. Анализ внутрен-

ней формы позволяет вскрыть ассоциации, возникающие в процессе номинации, установить ассоциативную связь предметов и явлений в языке его носителя. К примеру, внутренняя форма рус. *спичка* указывает на ассоциативную связь данного предмета со *спичей*, а чеш. *zápalka* ‘спичка’ – на то, что этот предмет можно *zapálit* ‘зажечь’; рус. *белье* соотносится с признаком *белого цвета*, как и словц. *bielizeň*, а их чешский аналог *prádlo* мотивирован по функции: ‘то, что можно стирать’ – *prát*; в основе рус. *рубашка* также признак действия: ‘то, что *подрублено*’, а внутреннюю форму их соответствий чеш. *košile*, словц. *košeľa* образует лексема *koš* ‘корзина, мешок’ и т. п. (SSČ, SSJ).

В силу сильных пуристических тенденций, свойственных чешскому и словацкому языку, в них больше слов с так называемой «прозрачной» внутренней формой: напр., чеш. слов. *trávník* ‘газон’, чеш., слов. *chodba* ‘коридор’, слов. *líčenie* (от *lice*) ‘макияж’, чеш., слов. *výtah* ‘лифт’, слов. *zaruka* ‘гарантия’, чеш., слов. *letenka* ‘билет на самолёт’, *jizdenka* ‘билет на наземный транспорт’, слов. *letisko*, чеш. *letišťe* ‘аэропорт’ и др. (SSČ, SSJ).

Прозрачную внутреннюю форму, апеллирующую к функциональному признаку, имеют многие лексемы в чешском и словацком языках, образованные по древней словообразовательной модели на *-*dlo*: чеш., словц. *cedidlo* ‘дуршлаг’, *čerpadlo* ‘насос, помпа’, *držadlo* ‘ручка, рукоятка’, *kružidlo* ‘циркуль’, *lepidlo* ‘клей’, *tužidlo* ‘средство для укладки волос (мусс)’, ‘средство для крахмаления белья’, чеш. *chapadlo*, слов. *chápadlo* ‘щупальце, клешня’, чеш., слов. *chodidlo* ‘ступня, стопа’, чеш., словц. *divadlo* ‘театр’ и др. (SSČ, SSJ).

Внутренняя форма слова имеет большую ценность и для обучения лексике иностранного языка. Образ возникает и в процессе восприятия, и в процессе воспроизведения лексемы. Человек воспринимает окружающий мир образно, познает его в образах и соответственно воспроизводит его образами. Данные современных исследований по психолингвистике позволяют утверждать, что «лексемы хранятся в нашей памяти не в виде звуковых комплексов, а в виде образов, составляющих основу внутренних форм значимых единиц» [Воронкова 2010: 108]. С помощью внутренней формы система мышления и система языка осуществляют взаимобратные действия – кодирование и декодирование знания. В этом смысле внутренняя форма слова, основу которых составляет определенный образ, имеет большое лингводидактическое значение.

Как уже было сказано, лексемы номинируют явления действительности или какие-либо его стороны через «схватывание» отдельных признаков, которые становятся актуальными для данного языкового сообщества. В то же время «признак, который послужил стимулом словообразования и составил основу внутренней формы лексемы, вызывает в памяти эту лексему в конкретной ситуации в соответствии с коммуникативным намерением говорящего» [Маркова 2022: 16]. Поэтому образ, вербализованный в лексической единице, имеет значение «не только для кодировки явления действительности, но и для обратного процесса – декодирования знака, соотнесения его с определенным

денотатом, воспроизведения его в речи, т. к. в основе обоих противоположно направленных процессов лежит закон ассоциации» [там же]. Таким образом, выбор того или иного знака номинации в процессе коммуникации также определяется признаком, который изначально положен в основу словообразования языковой единицы, т. е. внутренней формой слова.

Для лингводидактики имеет значение деление лексем на мотивированные и немотивированные с точки зрения «прозрачности», эксплицитности их внутренней формы. «Спецификой изучения русской лексики в инославянской аудитории является то, что немотивированная с точки зрения носителей русского языка внутренняя форма слова оказывается мотивированной с точки зрения иной славянской лингвокультуры» [Маркова 2011: 72], где сохраняются до настоящего времени праславянские лексемы, утраченные русским языком.

Внутренняя форма таких однокоренных русских лексем, как *дюжий* ‘здоровый, крепкий, могучий’, *выдюжить* ‘выдержать, выстоять’, *зanedужить* ‘заболеть’, *недуг* ‘болезнь’, понятна носителям чешского и словацкого языков в силу того, что в них сохранился ее мотиватор *дуг* в качестве компонента фраземы *jít / sloužit (komu) k duhu* ‘идти впрок, на пользу’ (как свидетельство существования в праславянском языке корня *дуж* // *дуг*, от и.-е. **dheugh-* со значением ‘давить’, ‘жать’, ‘попадать в цель’) (ЭССЯ).

Мало кто из обычных носителей современного русского языка связывают слова *окорок*, *каракатица*, *на карачках*, *корячиться* с признаком «нога», положенным в основу этих номинаций. Как известно, в праславянском языке было два номинанта для обозначения нижних конечностей: **noha* и **korkъ*, которое изменилось в русском языке в *корок*, откуда современное *окорок* ‘копчёная часть ноги свиньи’, а *каракатица* и *карачки* изменились в правописании в результате акающего произношения (ЭССЯ). Но в других славянских языках эта лексема сохранилась: напр., чеш. слов. *krok* ‘шаг’, откуда *pokrok* ‘прогресс’, *pokročit* ‘продолжать’ (SSĚ, SSJ), поэтому все приведённые выше русские лексемы для носителей этих языков имеют ясную мотивировку, помогающую их запоминанию.

«Лингводидактическое значение деления внутренней формы на мотивированные и немотивированные заключается в том, что лексемы с мотивированной внутренней формой запоминаются и воспроизводятся легче, а с немотивированной – требуют большей работы, дополнительного этимологического комментирования. Внутренняя форма вызывает к жизни, мотивирует тот образ, который ассоциируется в нашем сознании с конкретной лексемой. Особое значение выявление внутренней форма слова имеет при изучении русского языка как инославянского из-за наличия большого количества общих славянских корней в родном и изучаемом языках, по-разному «рассыпанных» в лексико-фразеологических системах этих языков» [Маркова, Квапил 2021: 196].

В связи с этим представляется целесообразной в учебниках русского языка как инославянского особая, дополнительная по сравнению с существующими

в учебниках РКИ группировка лексики: в соответствии с общностью или различием их внутренней формы и наличием слова-мотиватора в родном языке. Так, утраченное современным русским языком слово *коло* ‘колесо’ известно в других славянских языках с праславянского периода (напр., чеш. *kolo* ‘колесо; велосипед’) и составляет внутреннюю форму таких русских производных лексем, как *колесо*, *кольцо*, *колея*, *около*, *колоб*, *колобок*, *калач*, прост. *Колобродить* ‘шататься без дела, мешать всем’, в качестве компонента внутренней формы присутствует во фразеологизмах *нести околесицу*, *идти окольными путями* (ЭССЯ). Сгруппированные в единое словообразовательное гнездо с одинаковой внутренней формой, «прозрачной» для носителей славянских языков из-за наличия в их языке лексемы, являющейся ее мотиватором, эти лексемы легко запоминаются при изучении русского языка славянами.

Таким образом, являясь средоточием этимологической памяти слова, «меткой» первоначального концептуального осмысления его, хранителем изначального представления о нем, формой репрезентации когнитивного содержания, внутренняя форма вместе с тем служит и ассоциативным «мостиком», помогающим запоминанию слова. Выступая в виде определенного образа, она манифестирует особенности национального «видения» предмета или ситуации, что обуславливает не только её лингвокультурное, но и лингводидактическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1954.
2. Воронкова О. А. Внутренняя форма фраземы как лингвокогнитивная категория (на материале русского языка). дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010.
3. Гумбольдт В. От антропологии к лингвистике // Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
4. Маркова Е. М. Внутренняя форма слова и фразеологизма: когнитивный, лингвокультурный и лингводидактический аспекты при изучении русского языка в инославянской аудитории. Русский язык за рубежом. 2011. № 5. С. 68–74.
5. Маркова Е. М. Лингводидактическое значение образной основы номинации в славянской аудитории // Мир русского слова. 2022. № 1. С. 12–21.
6. Маркова Е. М., Квапил Р. Особенности обучения русскому языку в близкородственной словацкой среде. Русистика. 2021. 19 (2): 191–207. <http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>
7. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.

СЛОВАРИ

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., вых. с 1974.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Academia, 2003.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA. 1987.

УДК 81'221.2:37.013 (476)

Трофимович Тамара Григорьевна, доктор филологических наук, профессор
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Беларусь
Электронная почта: *t.trof@mail.ru*

Trofimovich Tamara, Doctor of Philology, Professor,
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus
e-mail: *t.trof@mail.ru*

Русакович Ирина Кузьминична, кандидат педагогических наук, доцент
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
Минск, Беларусь
Электронная почта: *t.trof@mail.ru*

Rusakovich Irina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
e-mail: *t.trof@mail.ru*

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Рассматриваются особенности языковой ситуации в Республике Беларусь, анализируются место и роль жестового языка в лингвокультурном и образовательном пространстве белорусского общества.

Ключевые слова: словесное двуязычие, жестовый язык, инклюзивное образование, сурдогиды, слуховая депривация.

SIGN LANGUAGE IN THE LINGUISTIC, CULTURAL AND EDUCATIONAL SPACE OF THE BELARUSIAN SOCIETY

The features of the linguistic situation in the Republic of Belarus are considered, the place and role of sign language in the linguistic, cultural and educational space of the Belarusian society are analyzed.

Keywords: Verbal bilingualism, sign language, inclusive education, auditory deprivation.

В настоящее время общеизвестным оказывается факт существования жестовых языков, которые в отличие от языков словесных состоят из жестов, производимых руками в сочетании с мимикой, формой или движением рта и губ, а также в сочетании с положением корпуса тела. Эти языки в основном используются в культуре глухих и слабослышащих как средства коммуникации.

По данным Всемирной федерации глухих, слуховой депривацией в мире страдает около 70 миллионов людей, которые используют более 300 различных жестовых языков. Международная Конвенция о правах инвалидов, принятая генеральной ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года [1] признает и поощряет использование этих языков.

В Республике Беларусь проживает более десяти тысяч людей с нарушением слуха, 80 % из которых владеют жестовым языком [2]. Следовательно,

есть все основания считать, что известная в нашей стране ситуация близкородственного белорусско-русского билингвизма дополняется фактом существования белорусского жестового языка.

Термин *белорусский жестовый язык* пока не считается общепризнанным, однако с 2022 года статус национального жестового языка определен в Законе Республики Беларусь № 183 – 3 «О правах инвалидов и их социальной интеграции». В этом законе указано, что жестовый язык признается языком общения инвалидов с нарушением слуха, является языком, сформировавшимся с учетом территориальной принадлежности и культуры в Республике Беларусь. [3, ст. 11].

Белорусский жестовый язык занимает полноправное место в образовательном пространстве белорусского общества. Об этом свидетельствует Кодекс Республики Беларусь об образовании, статья 268, п. 20 которого указывает: «Образовательный процесс при реализации образовательных программ специального образования для обучающихся с нарушением слуха (неслышащие и слабослышащие с потерей слуха в пределах 70–90 децибел) организуется на белорусском или русском (письменная, устная, дактильная формы) и жестовом языках» [4, ст. 268].

По данным Министерства образования РБ, в настоящее время в стране работает семь специальных школ-интернатов для детей с нарушением слуха [5]. В таких школах жестовому языку обучают с шестого класса до окончания школы. При этом обучение опирается на идеи Л. С. Выготского о «компенсации через коррекцию»: жестовый язык должен стать ступенью в овладении словесной речью [6, с. 88]. В специальном образовании жестовый язык изучается и используется не как соперник словесному языку, а как серьезный помощник в овладении им.

На разных этапах речевого развития школьников с нарушением слуха могут возникать проблемы, обусловленные спецификой жестового языка, функционирующего на территории Беларуси. Одна из таких проблем – продуцирование и усвоение жестов, которые называют национальные реалии и государственные символы Беларуси: города, реки, озера, музеи, животных и т.п. [7]. Условия словесно-жестового билингвизма сказываются на создании и использовании антропонимов, создании национальных словарей жестового языка [8, с. 324–328]. Все предпринимаемые усилия расширяют возможности речевого развития школьников и других лиц со слуховой депривацией.

Лица со слуховой депривацией в Беларуси могут получать образование не только в школах. Успешно работает Минский государственный колледж цифровых технологий. Среднее специальное образование в нем успешно получают люди с особенностями психофизического развития, в том числе, и с нарушением слуха. На сайте колледжа отдельно указана специальность, по которой подготовку проходят лица со слуховой депривацией: 4-03-0713-06-01, квалификация рабочего, измеритель электрофизических параметров изделий электронной техники 5-го разряда [9].

Размещенные на сайте колледжа материалы красноречиво свидетельствуют о том, что вся деятельность учебного заведения сориентирована на инклюзивное образование и воспитание.

Большим вниманием к лицам со слуховой депривацией отмечено в Беларуси учреждение высшего образования «Белорусская государственная академия искусств». В 2018 году на театральном факультете академии появился специализированный курс, на котором актерским мастерством стали овладевать семь человек с потерей слуха. Они были отобраны из более чем ста девушек и юношей, подавших заявки на поступление. В 2022 году они закончили обучение в академии, их творческий дебют состоялся в Республиканском Дворце культуры имени Н. Ф. Шарко Общественного объединения «Белорусское общество глухих» в рамках подготовки к важному для общества событию – празднованию 90-летия. Таким образом была продолжена работа по созданию первого в стране театра неслышающих актеров [10].

Исключительно значимым для белорусского общества стал социально-образовательный проект инклюзивной направленности для людей с нарушением слуха, получивший название «Ожившие картины» [11]. Первоначально целью этого проекта было создание планшетной экскурсии по экспозиции Национального художественного музея на жестовом языке. Со временем появились возможности несколько изменить цель и расширить ее. Мобильные телефоны, их распространение, возможности получения информации через QR-коды позволили людям с нарушением слуха посещать музей и получать экскурсионное обслуживание на жестовом языке.

Участниками проекта стали: Национальный художественный музей Республики Беларусь (Н. М. Усова, ведущий научный сотрудник Национального художественного музея, Д. Н. Козлов, заведующий фотолaborаторией); Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Институт инклюзивного образования, кафедра сурдопедагогики (доцент кафедры сурдопедагогики Института инклюзивного образования БГПУ И. К. Русакович, А. В. Киселева); Белорусская государственная академия искусств, факультет живописи (студенты Белорусской государственной академии искусств с нарушением слуха); переводчики и преподаватели жестового языка, члены БелОГ (В. Ф. Мелеховец, И. П. Радевич и др.).

В настоящее время сурдогидами снабжены более 20 произведений изобразительного искусства. Они имеют художественный сурдоперевод на белорусский жестовый язык и субтитры. Среди картин, которые сейчас доступны к изучению таким способом, "Буря" Ивана Айвазовского, "Три царевны подземного царства" Виктора Васнецова, "Партизанская мадонна (Минская)" Михаила Савицкого, "Мой город древний, молодой" Мая Данцига и другие. В проект также вошла скульптура "Баба Яга" Артемия Обера и другие произведения декоративно-прикладного искусства.

Проект доступен по QR-кодам, которые размещены в экспозиции и выделены логотипом. Когда посетитель наводит экран телефона на специальный знак с изображением рук, появляется ссылка на ютуб-канал, где можно посмотреть ролики. Эти видео можно найти и на сайте НХМ во вкладке "Доступный музей".

В рамках проекта «Ожившие картины» открываются большие перспективы изучения функций национального жестового языка, что неизбежно приведет к признанию и укреплению его статуса на государственном уровне, а также к формированию в условиях суверенного государства национального самосознания неслышащих людей.

Социальная значимость места и роли жестового языка в жизни белорусского общества усиливается поддержкой и адресным запросом Общественного объединения «Белорусское общество глухих», одобряется как белорусами, так и представителям секретариата Всемирной федерации глухих.

Все мероприятия и проекты, учитывающие особенности словесно-жестового двуязычия белорусов, обеспечивают доступность, полноту и эмоционально-выразительную подачу и восприятие информации, способствуют повышению интереса к мировой и национальной культуре, а также усилению внимания общественности к проблемам людей с инвалидностью, улучшению межкультурной коммуникации социума [12].

В рамках настоящей публикации нельзя обойти вниманием вопрос о подготовке в системе высшего образования специалистов по сурдопедагогике. Такая подготовка уже в течение многих лет ведется в Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка. Название структурного подразделения, осуществляющего эту подготовку, менялось во времени: дефектологический факультет, факультет специального образования, Институт инклюзивного образования (в настоящее время).

Подготовка сурдопедагогов подразумевает формирование специалистов, способных заниматься воспитанием и обучением детей с нарушением слуха (неслышащих и слабослышащих), проводить работу по их реабилитации и социальной адаптации. Обучение подразумевает овладение профессиональными умениями педагогической диагностики развития речи и слуха, обучения и воспитания детей с нарушениями слуха, организации их образовательной среды, консультирования и просвещения родителей и педагогов, работающих с такими детьми.

Подготовка сурдопедагогов в БГПУ продолжается, с 2023 года обучение осуществляется по новым учебным планам с продолжительностью на дневном отделении 5 лет, на заочном 6 лет.

В 2023 году на переводческом факультете Минского государственного лингвистического университета началась подготовка переводчиков жестового языка. Вступительные испытания предложили пройти выпускникам Лингвогуманитарного колледжа МГЛУ, где в 2023 г. состоялся первый выпуск по специальности «Лингвистическое обеспечение сурдокоммуникации». Студентами МГЛУ стали 11 человек. Они будут изучать два иностранных языка, один из которых английский, а также жестовый язык и практику перевода белорусского жестового языка.

Подводя итоги, отметим, что в Республике Беларусь созданы благоприятные условия для беспрепятственного использования, функционирования и совершенствования белорусского жестового языка. Белорусское государство и

общество предпринимают системные усилия для того, чтобы дети с нарушением слуха получали достойное образование и воспитание, достойную профессиональную подготовку, чтобы взрослые со слуховой депривацией имели достойную работу и все условия для достойной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международная конвенция о правах инвалидов. [Электронный ресурс]. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml _ Дата доступа 15.04.2024.
2. Инвалиды по слуху в Республике Беларусь. [Электронный ресурс]. <https://minsknews.by/bole-10-tys-lyudej-s-narusheniem-sluha-prozhivayut-v-belarusi>). Дата доступа 14.04.2024.
3. О правах инвалидов и их социальной интеграции : Закон Респ. Беларусь № 183-3.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании. [Электронный ресурс]. <https://vak.gov.by/codeRB>
5. Школы-интернаты для детей с нарушением слуха. [Электронный ресурс]. <https://www.belta.by/society/view/inkluzija-v-dejstvii-kolichestvo-spetsialnyh-shkol-internatov-v-belarusi-sokraschaetsja-606340-2023>. Дата доступа 15.04.2024.
6. Выготский Л. С. О развитии речи глухих /из истории дефектологии. // Дефектология. 1994. № 4. С. 88–90.
7. Словарь белорусского жестового языка на сайте проекта «Распространим жест» // Международный интернет-словарь жестовых языков Sign language dictionary – SPREADTHESIGN [Электронный ресурс]. 2006. Режим доступа: <https://www.spreadthesign.com/be/>. Дата доступа: 02.03.2023.
8. Русакович И. К., Трофимович Т. Г. Из наблюдений над продуцированием и использованием антропонимов в белорусском жестовом языке // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей / сост. А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. С. 324 – 338.
9. МИНСКИЙ КОЛЛЕДЖ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. [Электронный ресурс]. <https://mgkct.minskedu.gov.by>. Дата доступа 15.04.2024.
10. Театр неслышащих актеров. [Электронный ресурс]. <https://minsknews.by/hotim-otkryt-pervyj-v-belarusi-inklyuzivnyj-teatr-kak-slaboslyshashhie-igrayut-na-scene-tanczuyut-i-dazhe-royut>. Дата доступа 16.04.2024.
11. Русакович И. К., Киселева А. В. Социально-образовательный проект «Ожившие картины» как средство формирования профессиональной компетентности будущих сурдопедагогов. // Теория и методика профессионального образования : сб. науч. статей. 2017. Вып. 4. В 2 ч. Ч. 2. С. 50 –58.
12. Трофимович Т. Г., Русакович И. К. Жестовый язык и его носители в социокультурном пространстве современного белорусского общества. // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : науч. доклады участников междунар. науч.-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 17-20 мая 2022 г.) / ред. колл. С. Н. Стародубец, В. И. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск, : РИСО «БГУ», 2022. С. 329–332.

Секция 1. АКСИОЛОГИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Каминская Ирина Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: rkiteacher80@gmail.com

Kaminskaya Irina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: rkiteacher80@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЫРАЖЕНИЯ РЕАКЦИИ НА СООБЩЕНИЕ ОБ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

На материале интернет-комментариев анализируются стратегии и тактики реагирования на сообщение об экстремальной ситуации. Стратегии восприятия исходного текста классифицируются по способу, уровню и стилю рецепции.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, тактика, интернет-комментарий, экстремальная ситуация.

COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS FOR EXPRESSING A RESPONSE TO A REPORT OF AN EXTREME SITUATION

Strategies and tactics of reacting to the message about an extreme situation are analyzed on the material of Internet comments. Strategies of perception of the source text are classified according to the method, level and style of reception.

Key words: communicative strategy, tactics, internet commentary, extreme situation.

Цель исследования – выявить коммуникативные стратегии реагирования на сообщение об экстремальной ситуации. Материал исследования – 100 интернет-комментариев на русском языке, оставленных пользователями видеохостинга «Youtube» к видео о землетрясении в Турции в феврале 2023 года («Кадры начала землетрясения в Турции. Видео с камер наблюдения» [1]). Анализируемые комментарии были размещены пользователями в день публикации видео, что позволяет определить их как непосредственную реакцию на сообщение о стихийном бедствии.

Интернет-комментарий – это оценочное высказывание пользователя, связанное с исходным интернет-контентом (под «интернет-контентом» мы понимаем любой медиатекст, размещенный в глобальной сети). Таким образом, жанр интернет-комментария является периферийным и зависимым от содержания исходного текста, влияющего на семантический, стилистический и прагматический выбор создающего комментарий лица.

В зависимости от способа восприятия исходного текста выделяются холистическая и элементаристская стратегии. Холистическая стратегия предполагает целостное, нерасчлененное восприятие исходного текста, когда автор комментария фокусируется не на отдельных элементах его содержания, а на общей идее. Анализ комментариев к видео о землетрясении в Турции показал, что большинство из них (71 %) репрезентуют холистическую стратегию восприятия сообщения об экстремальной ситуации; в фокусе внимания комментирующих – трагедия, унесшая жизни людей, и эмоции, ею вызванные: *Бедные люди, что пережили, не дай бог никому такого, соболезнования родным и близким погибших. Выжившим выздоровления и терпения; Судный день будет страшнее; Ужасы в реальности; Апокалипсис... не дай Боже такое пережить...; Вот настоящий фильм ужасов, а не то, что снимают по сценариям* (здесь и далее орфография и пунктуация авторов, а также грамматические особенности комментариев сохранены – И.С. Каминская).

Элементаристская стратегия «характеризуется фрагментарностью, приоритетом частей, часто объектом восприятия служат отдельные смыслы, идеи и фразы» [2, с. 199]. В комментариях, репрезентующих данную стратегию, авторы делают акцент на таких элементах содержания ролика, как:

- **поведение людей** (*Бедные люди не знают куда бежать в панике; Получается люди и не поняли, что произошло, все спали, выйти никто бы все равно не успел; В 4 утра некоторые на улице, странно... Хотя благодаря этому они выжили...; Машины назад сдают и пофиг что людей могут задавить; Это значит половина людей смогли выбежать из зданий, и это радует! Там один мужчина в одеяле выбежал*);

- **«аномальные явления», присутствующие в кадре** (*Что за синие вспышки? Сколько видео пересмотрел, перед самими толчками, вспышки непонятные; А что за вспышки были вначале видео?*);

Уровень восприятия текста реципиентами отражается в использовании рациональной и иррациональной стратегий комментирования. Рациональная стратегия характеризуется апелляцией к фактам (приведение примеров, сопоставление и др.), иррациональная стратегия «реализуется с помощью приемов апелляции к чувствам и эмоциям, выражением преувеличенной личностной оценки, излишне категоричных суждений» [2, с. 199]. В корпусе примеров преобладают комментарии, репрезентующие иррациональное восприятие видеоматериала (82 %). Выявлены следующие стратегии:

- **выражение страха** (как правило, эмоции выражаются эксплицитно при помощи лексических единиц *страх, ужас* и их дериватов: *Ужас... как страшно...; Это очень страшно у меня сердца болит; Я впервые вижу такую тряску, это страшно очень; Это просто ужас! Даже смотреть страшно*);

- **выражение сочувствия, жалости** (*Бедные люди, сколько же им пришлось пережить и что впереди; Бедные люди и животные; Жесть, несчастные люди; жаль погибших; В таком страшном горе нет слов утешения, только сострадание; Как же людей жалко, не могу. Плачу*);

- **выражение соболезнования** (*Соболезнования погибшим и выздоровления выжившим; Искренние соболезнования семьям погибших; Соболезнования родным и близким погибших; Соболезнуем и Скорбим...; Турецкому и сирийскому народу искренние соболезнования, Россия скорбит вместе с вами и разделяет всю горечь утраты родных и близких; Искренние соболезнования семьям погибших*);

- **выражение пожелания** (*Сил выжившим, пережить этот ад; Дай вам Аллах терпения; Силы и мужества живым!; Всевышний простит всех погибших, остальным скорейшего выздоровления и терпения; Выжившим выздоровления и терпения; Выдержки и Терпения*);

- **выражение опасения, нежелательности** (*Не дай Боже такое пережить...; Боже упаси!; Боженька, спаси и сохрани; Спаси Боже! Господи помилуй!*);

- **призыв к мистическим силам** (*Господи умоляю Тебя помоги тем кто выжил после страшного землетрясения! Господи прости все наши грехи и помилуй нас грешных! Останови эти ужасные землетрясения; Спаси нас Господи и будь милостив в гневе своём; Пусть Аллах спасет нас от землетрясений; О Аллах прости нас за наши грехи*).

Рациональные стратегии реагирования на сообщение об экстремальной ситуации выражаются в:

- **призывах (ценить жизнь:** *Пусть это будет предупреждением миру, что жизнь и так несет несчастья, катастрофы. Чем воевать, нужно жить в мире и взаимопомощи. Учиться предотвращать такие беды, а не использовать достижения человечества для уничтожения человечества; Люди!! Какой ужас, земля дает понять как хорошо жить и ценить то малое что есть. А мы еще и воюем, делим не пойми что; **покаяться:** Судный день будет страшнее. Так молитесь Богу больше и больше, все в руках Аллаха!!!; Бог устал предупреждать. Он дал жизнь для созидания, а мы только рушим! Через боль может быть поймём?; **беречь окружающую среду:** Живите, люди! берегите планету*);

- **выявлении скрытых связей, поиске ответственных (конспирологические теории (климатическое оружие, ядерные испытания):** *Надо измерить радиацию воздуха в местах, где это произошло, это о многом подскажет; Скорее это ядерное испытание; Аномально жаркое лето в России 2010 помним. Многие говорили тогда о климатическом оружии; На кадрах что это взрыв подземный, какая то новая технология, и время выбрали, когда все спали, чтобы не заметили, потому как землетрясения по другому выглядят; **качество строительства зданий, коррупция в сфере строительства:** А вы заметили что некоторые дома просто шатают, а другие совсем рядом крошатся как печеньки? Видимо в их постройке были большие ошибки... иначе как так?; Как то выборочно попадали дома, а машины и столбы с места даже не двинулись... Странное землетрясение; Если б власть в Турции серьёзно*

отнеслась бы к вопросу строительства сейсмологически устойчивых зданий, то жертв среди населения было б вдвое меньше, а то и втрое; Но увы, только такие масштабные трагедии показали очевидную проблему коррупции в сфере строительства в Турции; халатность сейсмологов и служб оповещения об экстремальной ситуации: Если бы людей предупредили, возможно они бы были на чеку и не было бы столько погибших; Ведь есть же целые службы сейсмологов! Почему до сих пор не работает прогнозирование? Или считают, что сейсмологи на хрен не нужны? Возможно, это спасло бы жизни не одной тысячи людей! Ведь именно для этого и нужна наука – для сохранения жизней!);

- **апелляции к прецедентным событиям и именам** (*Когда в России в Кемерово горел Торговый центр не могла неделю спать, а теперь такая ситуация вообще не могу в себя прийти это ужас; А Жириновский говорил о сейсмическом оружии однако);*

- **апелляции к личному опыту** (*Землетрясение это очень страшно, особенно в городах. Мы пережили не очень сильные в Молдавии. Но моя сестра и мой муж панически с тех пор боятся резких толчков; Пережила всё это. Никому не пожелаю пережить это горе!!!).*

Авторы комментариев зачастую используют невербальные средства выражения эмотивных интенций и усиления экспрессивности текста, такие, как:

- **парцелляция** (*Ужас. Какой. Почему. Страдают. Простой. Народ. Невинные. Люди. Дети. Всех. Жалко);*

- **эмодзи, обозначающие сочувствие;**

- **увеличение количества знаков препинания** (*Не дай Бог!!!; Какое горе!!!!; А сколько остались ещё в завалах!!!!);*

- **использование символа «(»** (*Так и померли большинство людей не проснувшись(((; Ужас, ночью, народ спал(((((();*

- **заглавные буквы** (**ГОСПОДИ КАК СТРАШНО. СПАСИ И СОХРАНИ**).

В заключение отметим, что в корпусе анализируемых комментариев отсутствуют примеры выражения стратегий конфронтации. Большинство комментирующих выбирают стратегии кооперации, проявляя сочувствие и сострадание к жертвам экстремальной ситуации, что позволяет сделать вывод о доминировании в сознании авторов общечеловеческих ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадры начала землетрясения в Турции. Видео с камер наблюдения. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0ffMWiqSnyw&t=21s> (дата обращения: 22.02.2024).
2. Мельник Н. В., Савельева И. В. Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 197–204.

УДК 811.111'37'42(043.3)

Шестакова Евгения Владимировна, аспирант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: *yeshestakova7@gmail.com*

Shestakova Evgeniya, postgraduate student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *yeshestakova7@gmail.com*

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье анализируются языковые особенности реализации нормативной оценки и ее подтипов в англоязычном и русскоязычном юридическом дискурсе в сопоставительном аспекте. Описываются объекты нормативной оценки.

Ключевые слова: оценочность; юридический дискурс; нормативная оценка; этическая оценка; структурная оценка

REPRESENTATION OF NORMATIVE EVALUATION TYPE IN ENGLISH AND RUSSIAN LEGAL DISCOURSE: A COMPARATIVE ASPECT

The article analyses the linguistic features of expressing normative evaluation type and its subtypes in English and Russian legal discourse in a comparative aspect. It describes the objects of normative evaluation type.

Keywords: evaluation; normative evaluation; legal discourse; ethical evaluation; structural evaluation

Оценочность понимается как семантически закрепленное положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту [1, с. 5–9], и наиболее полно такое отношение и его характеристики раскрываются при функционировании оценочных единиц в дискурсе. Так, например, такой аспект оценки, как типы оценочного значения, получает более широкое описание именно с опорой на контекст и с учетом характера объекта, оцениваемого в данном контексте.

Материалом данного исследования послужили тексты уставов, статуты, хартий и конституций ООН (10 равно аутентичных текстов на английском и русском языках) [2], которые относятся к юридическому дискурсу – типу институционального дискурса, ограниченному сферой права. Законотворчество и установление норм, а также контроль за их соблюдением входят в круг основных задач юридического дискурса, что обуславливает наличие в данном типе дискурса большого количества предикатов нормативной оценки.

Нормативная оценка выделяется как отдельный тип в рамках классификации оценок по их основанию – по тому признаку, с точки зрения которого происходит оценивание объекта [3, с. 75]. Нормативная оценка предполагает соответствие норме – зоне оценочной шкалы, отражающей признаки характеристики стереотипа оцениваемого объекта [1, с. 54]. В рамках данного

исследования представляется целесообразным выделять три подтипа нормативной оценки, каждый из которых ориентирован на соответствующую норму. Так, в основании *собственно нормативной* оценки лежит общая ориентация на определенную норму или установленный стандарт как в отношении качества, так и в отношении количества; *этическая* оценка предполагает соответствие или несоответствие морали и этической норме; *структурная* оценка осуществляется по признакам целостности, структурированности или полноты содержания объекта, то есть с ориентацией на требования к оптимальной структуре объекта.

Анализ текстов юридического дискурса позволил установить, что в уставных текстах обнаруживается большое количество предикатов собственно нормативной оценки (187 единиц в англоязычном и 167 единиц в русскоязычном дискурсе; 50,7 % и 50,3 % соответственно от общего количество единиц нормативной оценки). Собственно нормативная оценка содержится в семантике таких единиц, как *due* 'надлежащий', *appropriate* 'приемлемый', *eligible* 'подходящий', *acceptable* 'приемлемый', *consistent* 'соответствующий', *high* 'высокий', *suitable* 'подходящий', *admissible* 'допустимый', *incompatible* 'несовместимый', *unauthorized* 'несанкционированный', *adequate* 'надлежащего уровня', *reasonable* 'приемлемый', *insufficient* 'недостаточный', *limited* 'ограниченный', *low* 'низкий'; *надлежащий, должный, подходящий, совместимый, высокий, удовлетворяющий, достаточный, обязательный, недопустимый, соответствующий, неудовлетворительный, достаточный, ограниченный, большой, правильный, приемлемый, чрезмерный, согласованный.*

С точки зрения общего соответствия норме в юридическом дискурсе оценивается целый ряд объектов:

а) органы, документы, нормы, положения и законодательные акты, регулирующие определенную деятельность (*form* 'форма', *procedure* 'процедура', *standard* 'стандарт', *provision* 'положение', *jurisdiction* 'юрисдикция', *terms* 'условия', *condition* 'условие', *recommendation* 'рекомендация', *guidelines* 'руководящие принципы', *agency* 'орган', *member* 'член', *person* 'лицо', *force* 'сила'; *форма, процедура, условие, предложение, требование, положение, рекомендация, орган, лицо, кандидатура*);

б) отношения, процессы, действия или сферы, регулируемые установленными нормами (*activity* 'деятельность', *arrangements* 'мероприятия', *removal* 'извлечение', *consideration* 'рассмотрение', *distribution* 'распределение', *development* 'развитие', *exploitation* 'эксплуатация', *functioning* 'функционирование', *security* 'безопасность', *economy* 'экономика', *respect* 'уважение', *improvement* 'улучшение', *application* 'применение', *circumstances* 'обстоятельства', *relations* 'отношения'; *отвлечение, мероприятие, поддержка, безопасность, сотрудничество, эксплуатация, вмешательство, финансирование, развитие, экономика, отношения, уважение, случай, оценка*);

в) средства, меры, возможности и цели, связанные с регулированием определенной деятельности (*measures* 'меры', *regard* 'отношение', *step* 'шаг', *account* 'счет', *reason* 'причина', *notice* 'уведомление', *time* 'время', *funds*

‘средства’, *number* ‘количество’, *opportunity* ‘возможность’, *knowledge* ‘знание’, *method* ‘метод’, *way* ‘способ’, *privilege* ‘привилегия’, *budget* ‘бюджет’, *resource* ‘ресурс’, *technology* ‘технология’, *interests* ‘интересы’, *attention* ‘внимание’; *внимание, образ, мера, доклад, обоснование, уведомление, время, предложение, учет, плата, число, решимость, срочность, цель, средство, интересы, цена*);

г) результаты нормотворческой деятельности (*benefit* ‘польза’, *respect* ‘уважение’, *contribution* ‘вклад’, *well-being* ‘благополучие’, *importance* ‘важность’, *risk* ‘риск’, *freedom* ‘свобода’; *уровень, польза, доход, связь, вклад, свобода, гласность, опасность, вывод*):

The Health Assembly or the Board acting on behalf of the Health Assembly may accept and administer gifts and bequests made to the Organization provided that the conditions attached to such gifts or bequests are acceptable to the Health Assembly or the Board and are consistent with the objective and policies of the Organization ‘Ассамблея здравоохранения или Комитет, действующий от имени Ассамблеи здравоохранения, могут принимать дары и посмертные отказы, передаваемые Организации, и управлять ими в случае, если эти отказы и дары переданы на условиях, приемлемых для Ассамблеи или Комитета, и **совместимы** с задачами и общим направлением деятельности Организации’ (WHO Constitution/ Устав ВОЗ).

Юридический дискурс характеризуется представленностью в нем не только собственно нормативной, но и этической (110 единиц (29,8%) в англоязычном и 114 единиц (34,3%) в русскоязычном дискурсе) и структурной (72 единицы (19,5%) в англоязычном и 51 единица (15,4%) в русскоязычном дискурсе) оценок, что объясняется стремлением устанавливать и регулировать общественные нормы и требования к структуре документов или к работе определенных лиц.

Объектом этической оценки в юридическом дискурсе выступают стороны документов, устанавливающих определенные требования, а также отношения и деятельность данных сторон (*relations* ‘отношения’, *state* ‘государство’, *distribution* ‘распределение’, *condition* ‘условие’, *settlement* ‘решение’, *assistance* ‘помощь’, *treatment* ‘обращение’, *institution* ‘институт’, *contribution* ‘вклад’, *representation* ‘представительство’, *participation* ‘участие’, *support* ‘поддержка’, *truth* ‘правда’, *education* ‘образование’, *activity* ‘деятельность’, *cooperation* ‘сотрудничество’, *development* ‘развитие’, *right* ‘право’, *character* ‘характер’; *сосед, отношения, действие, государство, распределение, мера, обращение, сила, качество, судья, мнение, положение, взнос, основа, поддержка, возможность, соглашение, ценность, порядок, сотрудничество, обмен, интересы*). Этическая оценка выражается словами *friendly* ‘дружеский’, *peace-loving* ‘миролюбивый’, *equitable* ‘объективный’, *just* ‘справедливый’, *pacific* ‘миролюбивый’, *mutual* ‘взаимный’, *free* ‘свободный’, *voluntarily* ‘добровольно’, *impartially* ‘беспристрастно’, *conscientiously* ‘добросовестно’, *objective* ‘объективный’, *equal* ‘равный’, *hostile* ‘враждебный’, *genuine* ‘истинный’, *inalienable* ‘неотъемлемый’, *non-discriminatory* ‘недискриминационный’, *universal* ‘единый’; *добрый, дру-*

жественный, принудительный, миролюбивый, справедливый, дружеский, добровольный, объективный, единоклубный, искренний, свободный, взаимоприемлемый, гармоничный, равноправный, добросовестный, недискриминационный:

For these reasons, the States Parties to this Constitution, believing in full and equal opportunities for education for all, in the unrestricted pursuit of objective truth, and in the free exchange of ideas and knowledge, are agreed and determined to develop and to increase the means of communication between their peoples and to employ these means for the purposes of mutual understanding and a truer and more perfect knowledge of each other's lives 'Руководствуясь вышеуказанными соображениями и веря в необходимость предоставления всем людям полных и равных возможностей для получения образования, беспрепятственных исканий объективной истины и свободного обмена мыслями и знаниями, подписавшие настоящий Устав государства выразили твердую решимость развивать и расширять связи между своими народами в целях взаимного понимания и приобретения более точного и ясного представления о жизни друг друга' (UNESCO Constitution/Устав ЮНЕСКО).

Структурной оценке в юридическом дискурсе подвергаются процессы и деятельность, регулируемые уставными документами, а также ответственные лица (*employment* 'трудоустройство', *judge* 'судья', *court* 'суд', *judgement* 'решение', *cooperation* 'сотрудничество', *relationship* 'отношения', *data* 'информация', *participation* 'участие', *research* 'исследование', *study* 'изучение', *diffusion* 'распределение', *knowledge* 'знание', *execution* 'выполнение', *functioning* 'функционирование', *examination* 'проверка', *action* 'действие', *financing* 'финансирование', *expansion* 'расширение', *effort* 'усилие', *consideration* 'рассмотрение'; *помощь, занятость, практика, решение, изложение, сотрудничество, информация, исследование, поддержка, представление, выполнение, развитие, жизнь, анализ, учет, усилие, характер*), а также результаты деятельности, регулируемой соответствующими документами (*achievement* 'достижение', *majority* 'большинство', *opinion* 'мнение', *equality* 'равенство', *claim* 'заявление', *basis* 'основа', *form* 'форма', *insight* 'взгляд', *alteration* 'изменение', *productivity* 'продуктивность', *agreement* 'соглашение'; *уважение, большинство, заявление, мнение, дело, опасение, форма, благосостояние, изменение, часть, значение, возможность, соглашение, потребность, задача*). Оценка по признакам соответствия нормам внутреннего устройства объекта реализуется единицами *full* 'полный', *wide* 'широкий', *absolute* 'абсолютный', *unanimous* 'единогласный', *complete* 'полный', *open* 'открытый', *well-founded* 'обоснованный', *exact* 'точный', *cohesive* 'целостный', *diversified* 'разнообразный', *factual* 'основанный на фактах', *in-depth* 'детальный', *general* 'общий', *perfect* 'безукоризненный', *rational* 'рациональный', *systematic* 'последовательный', *comprehensive* 'комплексный'; *всемерный, полный, единогласный, окончательный, точный, спорный, обоснованный, целостный, тесный, разносторонний, основанный на фактах, прочный, ясный, рациональный, гармоничный, многосторонний, скоординированный, взаимосогласованный, универсальный, всесторонний*:

*In this way a **systematic and comprehensive consideration** of the implementation of the Charter, covering both progress achieved and any improvements and additions which might become necessary, would be carried out and appropriate measures recommended* ‘Таким образом можно будет **систематически и всесторонне рассматривать** осуществление Хартии, включая как достигнутые результаты, так и любые усовершенствования и дополнения, в которых может возникнуть необходимость, и рекомендовать соответствующие меры’ (Charter of Economic Rights and Duties of States/Хартия экономических прав и обязанностей государств).

В ходе анализа равно аутентичных юридических текстов на английском и русском языках были выявлены количественные несоответствия в представленности каждого из типов оценочных значений, что можно объяснить двумя факторами: 1) наличие семантически различных русскоязычных соответствий для англоязычных лексем; 2) синтаксические особенности разноструктурных языков. Рассмотрим примеры:

(1) *In electing Members to the Executive Board, the General Conference shall have regard to the diversity of cultures and a **balanced geographical distribution*** ‘При избрании членов в Исполнительный совет Генеральная конференция учитывает разнообразие культур и **справедливое** географическое распределение’ (UNESCO Constitution/Устав ЮНЕСКО).

(2) *Our respective Governments, through representatives assembled in the city of San Francisco, who have exhibited their full powers found to be in **good and due form** <...>* ‘Наши соответственные правительства через представителей, собравшихся в городе Сан-Франциско, предъявивших свои полномочия, найденные в **надлежащей** форме <...>’ (UN Charter/Устав ООН).

В первом примере английское причастие *balanced* ‘сбалансированный’ включает в себе структурную оценку, в то время как в соответствующем ему прилагательном *справедливый* на первый план выходит этическая оценка. Во втором примере выявлены парные синонимы, реализующие нормативную оценку, в то время как в русскоязычном предложении в данном сегменте нормативная оценка ограничивается одной единицей.

Таким образом, сходства в реализации нормативной оценки в англоязычном и русскоязычном юридическом дискурсе обнаруживаются в средствах выражения данного типа оценки, а также в репертуаре оцениваемых объектов. Различия выявлены в количественной представленности данного типа значения; данные различия обусловлены особенностями подбора русскоязычных соответствий для англоязычных единиц, а также традициями составления юридических текстов в сопоставляемых языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
2. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf/home.xsp> (дата обращения: 09.03.2022).
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

УДК 81'371 (045)

Козлова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: kazlovatatsianalex@gmail.com

Kazlova Tatsiana, Candidate of Philological Sciences
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kazlovatatsianalex@gmail.com

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ

В статье на материале английских, белорусских и русских наименований моральных качеств исследуется общее и различное во внутренней форме слов. Устанавливаются восемь совпадающих областей внеязыковой действительности, к которым относятся признаки мотивации. Отмечается, что национально-культурные особенности внутренней формы слова проявляются в различных признаках мотивации, репрезентирующих область внеязыковой действительности, и их количественных характеристиках.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, этимология, признак мотивации, национально-культурные особенности семантики, наименования моральных качеств

THE INNER FORM OF THE WORD AND NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF THE SEMANTICS

The article reveals the similarities and differences between the inner form of words on the basis of English, Belarusian and Russian names of moral qualities. Eight coinciding fields of the extra-linguistic reality represented by motivation markers are identified. It is noted that the national and cultural peculiarities of the inner form of a word are manifested in specific motivation markers, representing the field of extra-linguistic reality, and their quantitative characteristics.

Key words: inner form of the word, etymology, motivation marker, national and cultural semantics peculiarities, names of moral qualities

Оценочный подход к объективации знаний о мире в языке проявляется в стремлении человека зафиксировать в материальной оболочке ход движения мысли при именовании объекта, явления, процесса. Данный результат познания отражается в виде наиболее значимого либо хронологически первого признака объекта, который нашел вербальное воплощение в лексеме. Признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения, известен как внутренняя форма слова [1, с. 85].

Исследование внутренней формы слова с позиции синхронии предполагает рассмотрение семантической и структурной соотнесённости составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка в одну историческую эпоху. В случае невозможности выявить такую соотнесённость на определённом временном отрезке обращаются к выявлению внутренней формы слова в диахронии, то есть к этимологии, или происхождению слова [2, с. 19]. Другими словами, на диахронном уровне происходит установление утраченной внутренней формы слова. Такая культурно-историческая мотивация семантики влияет

на функционирование языковой единицы в тексте, даже если первоначальный смысл *затемнён* для современного сознания. Более того, он может влиять на системные эволюционные изменения [3, с. 43–44].

Выбор признака мотивации может носить объективный или субъективный характер. Объективная внутренняя форма нередко полностью или частично совпадает в разных языках, поскольку фиксирует реальные (объективные), признаки объекта (*coldness* ‘холодность’; *холоднасць*; *холодность*). Субъективная внутренняя форма проявляется в том, что одни и те же предметы называются по разным свойствам, чему способствует творческое мышление человека [1, с. 85]. Она осознаётся говорящими и сигнализирует о фиксации объективного мира в языке посредством обращения именно к данному мотивирующему компоненту. Таким образом, внутренняя форма служит тем «раздражителем», который придаёт нейтральной информации, закреплённой в денотативном компоненте, изменение по оценочной шкале в сторону положительного или отрицательного полюса, будучи при этом материально отражённой в слове [4, с. 72–76]. Сама субъективность в этимологическом начале слова, его внутренняя форма, не связана с объективной природой слова как единицы языка, поскольку любой из возможных признаков, содержащихся в семантике единицы, может стать причиной именованного нового предмета или нового класса слов. Таким образом, благодаря внутренней форме слова язык становится более выразительным и приобретает национально-культурные признаки.

Источником происхождения и основного содержания понятий *мораль* и *нравственность* являются десять канонических заповедей всех христианских вероучений при некотором различии в деталях [5, с. 775–776]. Важно, что для наименований моральных качеств характерна фиксация во внутренней форме идеи духовности. В английском языке данная особенность проявляется в наличии корней германского и романского происхождения: *-soul-*, *-anima-*, *-spirit-* (*magnanimity* ‘великодушие’, *soullessness* ‘бездуховность’, *spirituality* ‘духовность’). В белорусском и русском языках отмечается указание на наличие или отсутствие, а также физические параметры *души* (*велікадушнасць*; *криводушыя*). Кроме корня *-god-* ‘бог’ (*godliness* ‘набожность’), в английском языке зафиксирован антонимичный корень *-devil-* ‘дьявол’ (*daredevilry* ‘храбрость и бесшабашность’), не представленный в белорусском и русском языках. Прямое апеллирование к высшей силе в белорусском и русском языках представлено как посредством корня *-бож-* (*набожнасць*; *набожность*), так и фиксацией имени сына Бога Иесуса (*езуіцтва*; *иезуитство*). Установлена фиксация идей святости (*holiness* ‘святость’; *святасць*; *святость*), греховности (*sinfulness* ‘греховность’; *бязгрэшнасць*; *непогрешимость*), веры и надежды (*trustiness* ‘верность, надёжность’; *вераломнасць*; *неверность*). Общее в этимологии наименований моральных качеств сопоставляемых языков заключается в наличии заимствованных лексем, изначально называвших полубога – *heroism* ‘героизм’, *гераічнасць*, *героизм*.

Симптоматично существование лексем, во внутренней форме которых выражена оппозиция *добро* – *зло*. Противопоставление данных категорий в английском языке фиксирует корни как англо-саксонского, так и латинского и французского происхождения (*good, bene, bon, bad, male: goodwill* ‘доброжелательность’, *badness* ‘безнравственность’). Указанная оппозиция представлена и в белорусском языке (*добрапрыстойнасць, зламыснасць*). Особенностью русского языка является бинарное противопоставление корней *-благ-*, *-добр-* (*благонамеренность, доброжелательность*) и *-зло-* (*злорадность*). Указанная бинарность связана с тем, что слово *добро* является общефилософским и соотносится с категорией этики, а слово *благо* предполагает наличие утилитарных намерений, то есть *добро* абсолютно, а *благо* относительно [6, с. 484]. Следует отметить идею вреда, которая является признаком мотивации ряда единиц английского и русского языков (*immaculacy* ‘безупречная чистота’, *неиспорченность*).

Моральные качества характеризуются наличием нормы, что проявляется в представленности таких смыслов, как ‘правильный’, ‘точный’, ‘соответствующий’, ‘законный’. Большой удельный вес в английском языке составляют лексемы с корнем *-right-* ‘правильный’ (33 % от количества слов данной группы: *uprightness* ‘честность’). В белорусском и русском языках норма выражена более слабо (*пэўнасць; скромность*). Совпадение в сопоставляемых языках наблюдается в наличии лексем, заимствованных из французского языка и восходящих к латинскому корню *lex* ‘закон’ (*loyalty* ‘верность’, *лаяльнасць; лояльность*) и латинской основе *-falsus-* ‘обманчивый, притворный, поддельный’: *falseness* ‘лживость’, *фальшывавасць, фальшивость*.

Человек, познавая мир, в качестве мерила использует себя, что проявляется в значительном количестве языковых единиц, отсылающих к описанию человека, в том числе частям тела. Сходство наблюдается в представленности таких частей организма человека, как сердце (*heartfulness* ‘сердечность’, *міласэрнасць; сердобольность*) и кровь (*bloodiness* ‘кровожадность’, *кыважэрнасць; кровожадность*). В белорусском и русском языках отмечается совпадение единичных случаев апелляции к таким частям тела, как хребет (*бесхрыбетнасць; бесхребетность*) и тело (*мяккацеласць; мяккотелость*). Исключительно чертой русского языка является разделение тела и плоти (*чистоплотность, нечистоплотность*), а также наличие лексем с внутренней формой, фиксирующей язык (*злаязычье, злаязычность*).

Совпадение внутренней формы единиц английского и русского языков наблюдается в репрезентации основы *face* (*double-facedness* ‘двуличие’) и *-лиц-* (*лицемерность, двуличность*). В английском языке представлены признаки мотивации, указывающие на такие части тела, как *skin* ‘кожа’ (*callousness* ‘чёрствость’), *cheek* ‘щека’ (*cheekiness* ‘нахальность’), *brow* ‘бровь’ (*effrontery* ‘наглость’), *eyelid* ‘веко’ (*superciliousness* ‘высокомерие’), *fist* ‘кулак’ (*close-fistedness* ‘прижимистость’), *heel* ‘пята’ (*recalcitrance* ‘непокорность’), рука (кисть) *hand* (*even-handedness* ‘беспристрастность’).

Познание окружающей действительности происходит с помощью различных органов чувств, что фиксирует внутренняя форма английских, белорусских и русских наименований моральных качеств. Различие заключается в количественной представленности единиц, отсылающих к определенному способу восприятия действительности. Для английского языка свойственно указание на осязание (*roughness* ‘грубость’) при значительно меньшей репрезентативности групп лексем, связанных со зрением (*improvidence* ‘расточительность’), вкусом (*sweetness* ‘добродушие’), слухом (*obedience* ‘послушание’), обонянием (*rancour* ‘злопамятность’). Для белорусского и русского языков свойственно указание на два способа восприятия действительности – осязание (*мяккасць; очерствелость*) и слух (*наслухмянасць; послушливость*) при малочисленности единиц, отсылающих к наименованиям вкуса (*саладжавасць; сладострастность*), зрения (*зайздроснасць; презрительность*).

Немногочисленна группа лексем, у которых в качестве признака мотивации выступают физиологические потребности человека, в частности, потребление пищи (*lecherousness* ‘распущенность’; *з’едлівасць; ненасытность*). Общность при различных количественных данных выявлена в указании на глаголы положения человека в пространстве или его перемещения: признаки мотивации «стоять», «идти» (*constancy* ‘постоянство’, *добрапрыстойнасць, достоинство*). В английском языке выявлены лексемы с признаками мотивации ‘to leap’ «прыгать» (*salaciousness* ‘похотливость’), ‘to sit’ «сидеть» (*assiduity* ‘усердность’).

Внутренняя форма ряда единиц сопоставляемых языков фиксирует способность человека мыслить и говорить, его волеизъявление (*fair-mindedness* ‘справедливость’; *незгаворлівасць; хитроумие*). Наименования моральных качеств характеризуются наличием этической оценки, в основе которой лежит оценка эмоциональная, что подтверждается установленными признаками мотивации, которые указывают на чувства, эмоции и их проявление (*compassionateness* ‘сострадательность’; *бязбоязнасць; безжалостность*).

Общей чертой является фиксация во внутренней форме наименований моральных качеств рода деятельности человека, его социального статуса (*bossiness* ‘властность’; *жулікаватасць; начальственность*). Английский язык характеризуется значимостью противопоставления по принципу иерархии «начальник – подчинённый». Отмечаются лексемы, фиксирующие гендерную принадлежность наименования морального качества (*gentlemanliness* ‘джентельменство’; *дзявочасць; девственность*), а в русском языке – возрастной параметр (*молодечество*). Кроме того, характерна апелляция к самому понятию человек (*humanity* ‘гуманность’; *людскасць; бесчеловечие*).

Среди прочих совпадающих признаков мотивации, положенных в основу наименования в английском, белорусском и русском языках, выявлены следующие:

- обращение к себе (корни *-self-, -ego-, -сам-, -эго-*);
- противопоставление *свой / чужой*;

- физические действия человека, не связанные с профессиональной деятельностью;
- физические характеристики;
- числительные.

Английский язык отличается значительным количеством лексем, у которых в качестве признака мотивации зафиксирована идея связи с природой. Соответствующая группа лексем в белорусском и русском языках представлена лексемами, корни которых являются заимствованиями (*культурнасць; наивность*).

Несмотря на связь с религиозными источниками, наименования моральных качеств в английском, белорусском и русском языках восходят прежде всего к тем категориям, которые связаны с различными аспектами существования человека. Общность мышления народов проявляется в объективации восьми совпадающих областей внеязыковой действительности («Человек», «Физические действия», «Физические параметры», «Норма/стандарт», «Религия», «Природа», «Добро/зло», «Материальные объекты»), представленных 65 тематическими рядами, из которых 46 совпадают.

Национально-культурные особенности внутренней формы, проявляются в представленности различных признаков мотивации в рамках тематических рядов (обращение к соматизмам характерно для всех сопоставляемых языков, однако выбор части тела человека при наименовании моральных качеств различен). В случае полного или частичного совпадения тематических рядов в рамках одной области внеязыковой действительности различна иерархия признаков или удельный вес лексем, репрезентирующих совпадающие признаки, как, например, при апелляции к перцептивным способностям человека.

Сопоставление признаков мотивации родственных и неродственных языков выявило отдельные сходства между неродственными языками при отсутствии таковых между родственными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М. : Большая рос. энцикл., 2002. 707 с.
2. Романовская А. А. Внутренняя форма как явление синхронии // Язык и динамическая картина мира : материалы междунар. науч. конф., Минск, 3–4 апр. 2014 г. Мин. гос. лингвист. ун-т ; Минск, 2015. С. 19–21.
3. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.
4. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
5. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М. : Акад. проект, 2004. 991 с.
6. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Национальная специфика языковой картины мира // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) М., 1997. С. 481–539.

УДК 81'373.4

Леон Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *hoyden.feanorown@gmail.com*

Leon Olga, Candidate of Philological Sciences
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *hoyden.feanorown@gmail.com*

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ МЕТАНАРРАТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ СО СТРУКТУРНО-СМЫСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «НАЗВАНИЕ НАРРАТИВНОГО ЖАНРА»

Названия нарративных жанров «трагедия» и «комедия» функционируют как лексические показатели метанарративного комментария. Подобного рода комментарии характеризуются лингвокультурным своеобразием передаваемого ценностного содержания.

Ключевые слова: нарратив, метанарратив, биографический нарратив, нарративный жанр, комедия, трагедия, метанарративный комментарий.

AXIOLOGICAL CONTENT OF METHANARRATIVE COMMENTARY WITH THE STRUCTURAL COMPONENT DENOTING THE «NAME OF NARRATIVE GENRE»

The words «tragedy» and «comedy» representing the names of narrative genres function as lexical markers of metanarrative commentary. Such commentaries are characterized by the cultural specificity of the value-related content they convey.

Keywords: narrative, metanarrative, biographical narrative, narrative genre, comedy, tragedy, metanarrative commentary

Одной из главных проблем современной антропоцентрической лингвистики является языковое воплощение ценностей и проявление личных ценностных ориентиров в определенных коммуникативных ситуациях. Формой репрезентации ценностей являются оценки, которые В. И. Карасик определяет как вербальные и невербальные способы проявления представлений о благе и его противоположности; такие проявления «имеют сложную структуру, включающую оценочную шкалу (нарастание – убывание признака, ср.: *еще молодой – уже старый*), оценочный стереотип (*спелый арбуз и острый нож*), оценочный аспект (*ученик аккуратный, но солдат храбрый*), оценочное основание (наличие оценочного классификатора – ср.: *хороший человек и большого ума человек*), субъект и объект оценки, оценочный модус (общая – частная оценка), оценочную мотивировку (этот дом лучше, так как в нем больше комнат, он светлее и т.д.)» [1, с. 7 – 8].

На материале крупнейших из доступных отечественному исследователю на современном этапе текстовых корпусов белорусского, русского и английского языков (Беларускі N-корпус [2], Национальный корпус русского языка [3], British National Corpus (BNC) [4]) в рамках данного исследования была принята попытка установить лингвокультурные особенности аксиологического

содержания метанарративных комментариев определенного типа (в данном случае, комментариев, связанных с жанровой атрибуцией нарратива). В материале исследования была включена выборка метанарративных комментариев, извлеченных из биографического нарратива, в составе которых присутствовали такие лексические показатели метанарративного уровня, как названия основных нарративных жанров *трагедыя / трагедия / tragedy* и *камедыя / комедия / comedy*.

Анализ белорусскоязычного материала показал, что лексема *трагедыя* в определенных контекстах является показателем интенсивности психических состояний (таких как, например, страх или любопытство):

— *Ведаеш, Рыгор, бацька мой перажывае вялікую трагедыю. Надоечы атрымаў ліст і, я табе кажу, – жах... Пякельны жах...* (Цішка Гартны, “Сокі цаліны”) [2].

Апавяданне бабкі аб доме пана падлоўчага зрабіла моцнае ўражанне на маладога настаўніка. Вобраз пані з чорнымі пышнымі валасамі жыва рысваўся ў яго ўяўленні, а дапытлівая думка імкнулася ўнікнуць ва ўсе схованыя пружыны гэтай драмы чалавечай душы. І гэтая трагедыя людскога жыцця авявала і вобраз панны Ядвісі, атуляла яго нейкай няяснай заслонай тайнасці цёмнай палескай глушы. І сама гэтая глуш усё выяўней прымала своеасаблівы воблік, як нешта само сябе здавальняючае і існуючае сваім уласным жыццём, таемна пераплятаючыся і лучачыся з людскім лёсам (Якуб Колас, “На ростанях”) [2].

Употребление лексемы *трагедыя* в ряде случаев актуализирует ценность трагического (фрустрирующего) опыта как момента инициации во взрослую жизнь, зоны духовного роста и взросления. В данных аксиологических контекстах трагическое прошлое представлено в качестве ценности – как признак психологически зрелой, умудрённой опытом личности, в то время как отсутствие такого опыта представляется показателем незрелости, юности:

— *Ну, аб чым вы задумаліся? Кажыце. У вашым жыцці яшчэ не маглі быць трагедыі* (Янка Маўр, “Шлях з цемры”) [2].

І яна такі пайшла, гэтая наравістая дзяўчына. Праўда, як выйшла яна за дзверы, дык яе прыгожы твар таксама пацягнуў і скрыўіўся ад нутранага болю, але пайшла яна цвёрдым роўным крокам, які ані не паказваў на тое, што гэтая дзяўчына перажывае цяпер сваю першую і таму найглыбейшую і найсвяжэйшую трагедыю (Міхась Зарэцкі, “Вязьмо”) [2].

Кроме того, в белорусскоязычных метанарративных комментариях было выявлено функционирование лексемы *трагедыя* как средства выражения иронии, базирующейся на неконгруэнтности значимости (подобные контексты свойственны повествованиям о детстве, детских воспоминаниях):

Нос – гэтая самае слабае месца ў Юлькі. Шмат горкіх мінут ён ёй каштуе. І такая, здаецца, драбніца – нос! Аж смешна, але ў гэтым і ўся трагедыя, што часам дробненькі камарык звальвае з ног магутнага льва (Змітрок Бядуля, “Юлька”) [2].

За гэты час мне ўспомнілася адна дробязь, якая акурат і была рашаючай ва ўсёй гэтай трагедыі. Адагнаўшы сабаку, я не ведаў, што рабіць ад болю. Тут я ўбачыў на прызбе цэбар з “лугам” – вадой з попелам для бялізны. Я ўзяў ды папаласкаў руку. Тады мне так запякло, што я закрычаў куды больш, як ад укусу. А потым стала лягчэй (Янка Маўр, “Шлях з цемры”) [2].

К лингвокультурным особенностям белорусскоязычных метанарративных комментариев с упоминанием нарративных жанров следует отнести достаточно частотное использование лексемы комедия для выражения критики и порицания. В подобного рода высказываниях актуализируется аутентичность (искренность) речевого и неречевого поведения как ценность и неискренность, притворство как антиценность:

Для Лабановіча так і засталася незразумелым: ці то Анцыпік разыграваў камедыю, ці сапраўды спалохаўся свае тэлеграмы (Якуб Колас, “На ростанях”) [2].

— Ха-ха-ха! Ці не досыць ужо, мая мілая? Здаецца, час ужо кончыць камедыю гэту. Скажу табе проста: ты мне абрыдла, ты зусім надакучыла мне. Ну, пагулялі, пазабавіліся, але ж усяму ёсць канец. Не жаніцца ж мне з табой... ха-ха... Ты, пэўна, думала – век мы з табой будзем кахацца. Дый не кахаў я зусім. Не набярэшся кахання на ўсіх... Зразумела? (Міхась Зарэцкі, “Голы звер”) [2].

Следует отметить, что на материале русско- и англоязычного текстовых корпусов не было обнаружено подобных словоупотреблений в биографическом нарративе, что указывает на особую важность искренней межличностной коммуникации для белорусов.

В русскоязычном биографическом нарративе схожая семантическая функция осуществляется посредством употребления лексемы трагедия, которая эпизодически используется для передачи интенсивности психических состояний, одновременно с этим утверждая аутентичность, подлинность выражаемых эмоций и эмоциональную сдержанность как ценность, а наигранность, гиперболизацию эмоций – как антиценность:

Когда долго не выезжала за рубеж, говорила: «Ребенок, что-то я поизносила, мне пора в Париж». Когда кончались духи «Опиум», начиналась трагедия (Сати Спивакова, «Не всё») [3].

Парень даже приблизительно понимал, каких именно слов ждёт от него отец: он должен сказать, что такой подход к жизни в порядке вещей и для него, что он тоже не раздувает трагедии из своего аппендицита, что, возможно, отец прав и он действительно переживает после больницы некий моральный упадок, но ещё денёк-другой – и всё вернётся на круги своя (Ю. И. Лунин, «Три века русской поэзии») [3].

В ряде контекстов из русскоязычных биографических нарративов трагедией именуется роковая ошибка, связанная с неверным выбором, продиктованным неправильно расставленными приоритетами, игнорированием истинных ценностей – таких как ценность человеческой жизни, ценность таланта):

*Но все это случилось потом, а тогда, в ту памятную ночь, я проводил его до самой калитки и по огоньку засветившейся лампы в окне его комнаты понял, что, воротившись к себе, он так и не прилег отдохнуть, а тотчас же сел за стол, растравляя свои усталые нервы **трагедиями «ошибочно» казненных людей** (К. И. Чуковский, «Короленко в кругу друзей») [3].*

*И с какой драматической силой передана Репиным **трагедия Ге, большого художника, изменившего живому искусству** во имя отвлеченной, безжизненной догмы. Репин переживает его отход от искусства, как свое личное горе, заражая этим чувством и нас (К. И. Чуковский, «Репин – писатель») [3].*

Для англо- и русскоязычного биографического нарратива характерна видимая связь трагедии с дихотомией «УСПЕХ – КРАХ», вербальные реализации которой предостерегают о сомнительной ценности половинчатого успеха, сопряженного с личным крахом:

*Я его давно знаю. Если бы не нынешнее ограничение, которое наложено на него, он бы уже давно стал знаменитым... А так до конца своих дней будет играть Сталина! Это ли не **трагедия для творческого человека?!** своя (Аркадий Мацанов, «Мастер и подмастерье») [3].*

*Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – советский писатель и общественный деятель, внешне благополучный, красивый, обеспеченный и обласканный советской властью человек. Совсем немногие знают о его **личной трагедии** как творческой личности, **обманутой ложными идеалами**, прикормленной и постепенно **приученной к получению благ от властьпредержащих** взамен выполнения сомнительных поручений от них с последующими самоуничтожающими угрызениями совести, многолетним кошмаром душевных мучений, приведших его к самоубийству в возрасте 55 лет своя (В. Г. Глушкова, «Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль») [3].*

В то время как в русскоязычных аксиологических контекстах своеобразие трагичности успеха, ведущего к краху, заключается в том, насколько опасной для творческого человека может быть милость властьпредержащих, в англоязычных контекстах аналогичного содержания трагедия данного типа проявляется в том, что известный человек либо не успевает реализовать в полной мере свой врожденный талант, наличие которого само по себе считается успехом, либо, наоборот, реализует слишком рано, что может привести к демотивации в молодом возрасте и увести человека на путь соблазнов, связанных со славой и богатством:

*Few would argue, though, that the most important person in the history of West Indies cricket was Frank Worrell, for as the first regular black captain it was he who united all the old discordant factions and created one of the most glorious of teams. He is the central, pivotal figure in the story. Because of his death, aged just forty-two, he is also thought of as a **tragic figure**, a man who was unable to fulfil the important public service to his people that seemed to be his destiny. It is easy to let this feeling*

of tragedy overshadow his story, but that would be wrong. He must be celebrated as a superb cricketer and one of the great captains (Gerry Cotter, “England versus West Indies: a History of the Tests and Other Matches”) [4].

Scottish football is littered with morality tales but none of them capture the tragedy of success quite like the story of Peter Marinello (Stuart Cosgrove, “Hampden Babylon: Sex & Scandal in Scottish Football”) [4].

В англоязычных биографических нарративах лексема *tragedy* достаточно частотно употребляется для интенсификации отрицательной оценки любого уровня – например, степени семейного неблагополучия в первом из нижеприведенных контекстов или нанесенного экологического вреда во втором:

How the rooms would be as he'd left them, undisturbed by another person's living. And how there would be a moment, before he flicked on the light, when he might imagine a different life revealed within the darkness, something besides the lonely borders of the couch, the cushions still holding the shape of his own sleepy body. – A lot of young people ran away: you could do it back then just because you were bored. You didn't even need a tragedy (Emma Cline, “The Girls”) [4].

The flood of motor-cars and lorries and trucks onto our roads in recent years is a tragedy for nature and for the environment and for our health. We never missed them when I was young and we all loved our train journeys. Oh, how we loved those trains in the good old days! [4]

В конечном итоге, в результате проведенного исследования было установлено, что лексема *трагедия* в белорусскоязычных метанарративных комментариях к биографическим нарративам наиболее продуктивно используется для выражения оценки постсобытийных психических состояний, лексема *камедья* – оценки действий и их мотивов. Русскоязычным метанарративным комментариям свойственно употребление лексемы *трагедия* для выражения оценки действий или событий, в то время как в их англоязычных аналогах было выявлено употребление лексемы *tragedy* преимущественно в качестве интенсификатора оценочных выражений разного уровня.

В русско- и англоязычных метанарративных комментариях к биографическим нарративам лексема *комедия / comedy* практически не используется для порождения аксиологических смыслов, в то время как в белорусскоязычном материале отмечается сравнительно более продуктивное использование эквивалентной им лексемы *камедья*.

Названия нарративных жанров *трагедья / трагедия / tragedy* и *камедья* в целом употребляются для выражения частных оценок по шкалам значимости, интенсивности, искренности, правильности, успешности, благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
2. Беларускі N-корпус. URL: <https://bnkorporus.info> (дата обращения: 03.04.2024).
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.04.2024).
4. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc> (date of access: 03.04.2024).

УДК 811.163.1'373.23+347(476.4)«15/17»

Дерунова Анастасия Андреевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *a_a_derunova@mail.ru*

Derunova Anastasia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *a_a_derunova@mail.ru*

УПОТРЕБЛЕНИЕ АНТРОПОНИМОВ В АКТОВЫХ КНИГАХ МОГИЛЕВСКОГО МАГИСТРАТА

В статье рассматривается структура антропонимов, а также закономерности употребления антропонимов в актовых книгах могилевского магистрата. Установлено, что в привлеченном для исследования материале большинство употреблений антропонимов – двусловные единицы; имена в тексте употреблялись в сочетании с указанием социального статуса человека, места его проживания, в последующем упоминании в тексте участников процесса используются местоимения, устойчивые сочетания.

Ключевые слова: антропоним, актовая книга, могилевский магистрат, формуляр документов, деловая письменность.

USE OF ANTHRONYMS IN THE REGISTRY BOOKS OF THE MOGILEV MAGISTRATE

The article examines the structure of anthroponyms, as well as the patterns of use of anthroponyms in the register books of the Mogilev magistrate. It has been established that in the material reviewed, the majority of uses of anthroponyms are two-word units; names in the text were used in combination with an indication of the person's social status, place of residence; in the subsequent mention in the text of the participants in the process, pronouns and stable combinations are used.

Key words: anthroponym, act book, Mogilev magistrate, document form, business writing.

Исследователями славянского антропонимикона установлено, что белорусская, как и русская и украинская, антропонимическая формула представлена трехчленной структурой. Несмотря на это, изучение процесса формирования и употребления антропонимов на отдельных территориях, в разных жанрах письменности представляется актуальным, т.к. формирование этой формулы на разных территориях даже в рамках одного языка могло происходить по-разному. Изучение антропонимов в рамках функционально-стилистического подхода позволяет рассмотреть связь функционирования имени и определенного жанра текста.

Изучением антропонимов в отдельных памятниках старорусской и старобелорусской письменности занимаются И. А. Королева [1], С. Н. Смольников [2], Ю. И. Чайкина [3], Т. Г. Трофимович [4], Л. М. Вардомацкий [5], О. А. Климкович [6] и др.

Источником для исследования стали актовые книги городских магистратов. Это специальные книги, которые велись в судах ВКЛ в XVI–XVIII веках. В них фиксировались документы для придания им юридической силы («актыкаваліся»). Документы были нотариального, хозяйственно-финансового,

государственного, судебного характера, частные документы: тэстаменты (завещания), купли, реестры, инвентари, а также привилеи, инструкции, декреты, универсалы, постановления, тарифы и т.д.) [7, с. 6]. Главной функцией актовых книг становилось создание удобства сохранения и использования большого объема письменной документации [8, с. 5]. Все записи в таких книгах осуществлялись по очереди, по мере поступления дел. Составлялись такие книги при магистратах.

Магистрат – это судебно-административное учреждение, орган городского самоуправления, его деятельность состояла в рассмотрении криминальных, гражданских, административных дел. Появление магистратов в городах связано с получением городом магдебургского права, т.е. права на самоуправление [8, с. 5–6].

Город Могилев получил право на самоуправление в 1577 году. Как отмечает Н. Н. Улащик, городские книги Могилёва сохранились в большом количестве и велись они очень старательно [9, с. 172]. Наибольшее количество документов Могилёвского магистрата опубликовано в «Историко-юридических материалах», которые выходили в Витебске в 1871–1906 гг., 32-ой том этого издания полностью посвящен могилевским актовым книгам 1577–1578 гг. Продолжением публикации могилевских актовых книг за 1578–1580 гг. стал 39-ый том «Актов Виленской археографической комиссии» в 1915 г. [7, с. 8]. Именно он и стал источником для исследования текстов актовых книг. Всего в 39-ом томе размещено 2035 актов. Это различные по жанру документы: решения по делу, заявления, подтверждения, назначения, жалобы, поручительства, протесты и т.д.; и разные по объему: это могут быть записи в несколько строк или несколько страниц.

Причины, вынуждавшие жителей Могилева обращаться в городскую администрацию, были разными: освобождение пьяницы портного из тюрьмы на поручительства, заявление о не взыскании в срок присужденных денег, протест на решение по делу, заявления о побеге наймита, о невозвращении приданого умершей дочери, об уводе жены свояком, о не уплате долга, решения по делам о земле, о денежных претензиях, о нежелании отдать соль, о неявке в суд, о покраже яблок из сада, жалобы за насилие и грабеж, за отнятие избушек, за заключение в тюрьму, за присвоение сенокоса, за неуплату денег за проданный товар и др.

Всего проанализировано 92 акта из Актовой книги могилевского магистрата № 2 за 1578 год, в которых встречается 606 употреблений имен собственных. Одни и те же имена могут повторяться, поэтому оригинальных имен меньше (209), чем их употреблений.

Из 606 случаев употреблений имен собственных только 24 – это употребление женских имен. Такой дисбаланс в употреблении женских и мужских имен можно объяснить социальными факторами, бесправностью женщины в то время, полной экономической, юридической и личной зависимостью женщины от отца, а затем мужа. Следовательно, в качестве юридического лица в то время обычно выступают лица мужского пола [10, с. 307]. Женщины обращались в суд, если они были вдовами или родственниками покойных и их интересы

некому было представить, или они сами становились участниками судебного процесса (*Ставши очевисто учтива Матруна удова Колобаева и сынъ ее Дмитръ Опанасовичъ ...* (АКММ, № 18, с. 9); у *Мари Даниловны, жены небожчика Филимона, мещанки Могилевское* (АКММ, № 10, с. 6); или выступали ответчиками в суде *учтивы Опанась а Панкратъ Ширковичи, мещане Могилевские, чинили жалобу на Марью Даниловну о томъ, иж дей она, маючи домъ брата ншого небожчика Ивана Ширка ...* (АКММ, № 27 с. 13–14)); или упоминались в связи с какими-то событиями, в которые они были вовлечены (*Жаловаль и оповедалъ учтивы Макъсимъ Пилипович на Якова свояка своего, штож дей онъ тыми чсы недавно минулыми, кгда по своей потребе до Шклова шоль, жону мою на име Парасью, не маючи до нее жадное потребы, отмовил от мене и з собою до Шклова завель* (АКММ, № 37 с. 16–17)); или упоминались как жены участников судебного процесса (*тот Яков Демидович весполкъ з жоною своею Сонею Есковною* (АКММ, № 71 с. 29–30)).

Среди женских имен зафиксированы однословные (9 употреблений) и двусловные (15 употреблений) антропонимы. Однословные антропонимы – это женские имена собственные (*Матруна, Маря, Овдотья, Парасья, Аксъимья, Домъна, Соня, Тацяна, Явгиня*). Двухсловные антропонимы (*Маря Даниловна / Марья Даниловна, Овдотья Кононовна, Устиня Купреевна, Марина Жидка, Соня Есковна, Ганна Олтухова / Анна Олтухова, Явгиня Овтухова, Тацьяна Яцъкова*) – это имя женщины и указание на отца или мужа женщины или апеллятивное имя (*Марина Жидка*). Упоминание в тексте имени мужа женщины (*тот Яков Демидович весполкъ з жоною своею Сонею Есковною* (АКММ, № 71 с. 29–30)) позволяет предположить, что второй элемент в двусловном антропониме – это указание на имя отца.

Трехсловных или четырехсловных моделей именования женщины в рассматриваемом материале не зафиксировано.

Среди мужских имен зафиксированы однословные (172 употребления), двусловные (401) и трехсловные (9) единицы.

Однословные антропонимы представлены именами (*Давыдь, Купра, Кузма, Артемъ, Иван, Дмитръ, Панкратъ, Гаврила, Васка, Тарась* и др.); фамилиями и прозвищами (*Коновалский, Ставински, Лобан, Ладка, Шило, Козел, Летяга*).

Двусловные антропонимы представлены сочетанием: имени и отчества на -ович/-евич (*Антон Тереховичъ, Артемъ Ивановичъ, Дмитръ Опанасовичъ, Есипъ Павловичъ, Васка Андреевичъ, Богданъ Давыдовичъ* и др.); имени и фамилии (притяжательного прилагательного) на -ин (*Ерко Комячинъ, Митко Окинчинъ, Поршинъ Лукинъ*), имени и фамилии на -ич (*Кузьма Климятичъ, Жданъ Иллиничъ, Сенчило Хоминичъ, Семень Путятичъ*); имени и прозвища (*Олекъсей Таборъ, Опанась Кулакъ, Панкратъ Шило, Фронцъ Жукъ, Юрка Хурман, Якубъ Чоботаръ, Уласъ Золотаръ, Иванъ Рукля, Жданъ Лопата, Есипъ Цадилка*).

Трехсловные антропонимы включают в себя имя, отчество и фамилию (*Миколай Войтехович Ясенски, Гришка Степанович Лобонъ, Миколай Павлович Сопега*).

Назовем особенности употребления антропонимов в текстах актовых книг могилевского магистрата.

1. В начальном протоколе документа при назывании участников судебного процесса используется двусловный антропоним, при последующем упоминании в тексте этого же человека возможно употребление однословного или двусловного антропонима (*постановившися очевисто учтивы Мартинъ Кузница чинилъ оповеданъе, иже дей року минулого тисеча пятсотъ семьдесят ... мещане Могилевские учтивы Жданъ Лопата а Ерко Комячинъ, не маючи до мене жадное потребы, ... А учтивы панъ Жданъ Лопата ... . Над то поведил Мартинъ, ... Што уряд, выслухавши жалобы и отпору сторонъ, сказалъ присегу учтивому Мартину Кузнице дня третего, которую присегу на томъ маеть учинить, яко Жданъ Лопата грабил его за чужую вину, а не за его выступокъ (АКММ, №1, с. 3); ... учтивы Алексей Зеновевичъ, мещанинъ Могилевски, ... (АКММ, №2, с. 3–4); учтивы Нестеръ Милковичъ, мещанин Могилевски, чинил жалобу на учтывого Матффея Гришъковича, ... На то Матффей Гришковичъ поведил, ... А на томъ поведил Нестеръ Милковичъ, ... на што и оны Матффьей позволилъ (АКММ, №7, с. 5); учтивы Микита Олекъсеевичъ чинил жалобу на учтывого Чурила Тимофеевича, штож дей есми былъ осталъ виненъ ему ..., а потомъ дей он в други разъ водле дей оного листу у товариша моего Артема Ивановича тыеж пнзи ... взялъ. На тое учтивы Чурило отпор чинечи поведил, ... узял в того Микиты копъ сорок, ... а у того дей Артема ... . На то учтивы Артемъ мовил: Иванъ поведил, ... На тое урядъ, чинечи пытанъе учтывого Ивана Артемовича, гдебы ... (АКММ, № 12, с. 7). Соотношение употребления однословных (172) и двусловных (401) антропонимов позволяет утверждать, что в актовой книге предпочтение отдавалось употреблению двусловных антропонимов.*

2. Жанр деловых записей в актовой книге повлиял на употребление имен не изолированно, а в сочетании с названиями социального статуса человека или его родственных связей. Обязательным было указание на место проживания заявителей. *Учтивы Нестеръ Милковичъ, мещанинъ Могилевски; учтивые Ананась а Панъкратъ Шимъковичи, мещане Могилевские; учтивы Иванъ Яцьковичъ, случанинъ, староста солодовницки; Овтушъка Шостаковича кравца; Асипа Яковлевича коваля, Павелъ Хоецьски, служебникъ пана моего, пана Фронца Жука, писара замъку Могилевъского; мернику Могилевскому Мартину Морозу; у славутного Окулы Пигора, бурмистра; учтивы Иванъ Давыдович, з села ш Човусевичъ попъ; шляхетны панъ Адамъ Адамович, земенин Кнежицки; учтывого Игната Романовича, летъвойта Могилевског; подданы Мошка Протопинича зе Мъсцислава и др. Упоминаются такие должности и профессии: писар, слуга мествски, цивун, поп, лавник, лентвойт, воевода, слуга, потскарбий, городнич, служебникъ. Указывается и степень родства с участниками процесса: брат, опекун, приятель, муж, жона, цестъ, свояк. Для указания на умершего человека используется слово *небощикъ/небожсчик*. Антропонимы употребляются в тексте не только с лексемами, которые указывают на социальный статус заявителя, родство, но и с терминологическими сочетаниями, которые указывают на роль человека как участника судебного процесса: *Жаловала и оповедала учтивая Домъна на Овсея, иж дей мене невинне збил и змордоваль и зранилъ, якож на томъ бои згинул ми чепецъ шиты, ...**

А сторона отпорная Овсей поведил, правда, дей, ижемь ее бил, одно о шкодах неведаю (АКММ, № 65, с. 24-25); *якож слуга меськи присяглы Исай сознал до книгъ ...* (АКММ, № 85, с. 33); *А сторона отпорная Кондрать поведил перед урядомъ ... . А поводовая сторона Артем Дупля поведил перед урядомъ ...* (АКММ, № 83, с. 33).

3. Первое упоминание участников судебного процесса было преимущественно с прилагательным *учтивы* ‘пачцівы, паважаны, шанойны, прыстойны, чэсны, добрасумленны’ [ГСБМ, т. 35, стр. 357]: ... *учтивы Иванъ Рукля чинил жалобу на учтывого Павла Хветковича, ...* (АКММ, № 26, с. 13); ... *учтивый Гришъко Кобыляковичъ светчилсе и оповедалсе на учтывого Матьфея Тинковича, ...* (АКММ, №39, с. 17). Отметим также употребление прилагательных *славутны, шляхетны*.

4. В последующем упоминании в тексте участников процесса используются местоимения *тотъ, та* (*тотъ Васко, тот же Иванъ Чорны, отъ того Семена Путятича, той Ганъне Олтуховой*), а также сочетание *вышей помененый* ‘упамянуты, названы, указаны’ [ГСБМ, т. 17, стр. 320] (... *зостал винень с того долгу вышей помененого пну Ивану Чорному ...* (АКММ, № 56, с. 22); *у други разъ тому звыш мененому Чурилу платили* (АКММ, № 12, с. 7–8); ... *и маеть тот верху мененый Сава Окатовичъ при томъ пляцу быть захованъ ...* (АКММ, № 19, с. 10)), которые используются как средства связи в тексте.

Ко времени составления актовой книги формуляр документов был сформирован, порядок следования частей документов определен. Кроме того, в актовых книгах было важным зафиксировать, кто обратился в суд, кто рассматривал дело, кто был ответчиком, свидетелями, кто выносил решение по делу, каков статус этих людей, место их проживания. Эта важная информация фиксируется вместе с именами собственными. Таким образом, в XVI веке происходит не только формирование антропонимической формулы, но и формируются правила использования антропонимов в текстах деловых документов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Королева И. А. Из истории складывания русской антропонимической формулы именованья в смоленском крае (по памятникам деловой письменности XVII века) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 2. С. 5–11.
2. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики: (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01; Санкт-Петербургский гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2005. 40 с.
3. Чайкина Ю. И. Именования жителей Великого Устюга в деловых документах разных типов второй половины XVII в. URL: <https://www.booksite.ru/folk/data/imenovanie.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).
4. Трофимович Т. Г. Актовые книги городских магистратов среди источников по истории белорусского языка [Электронный ресурс] // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння; зборнік навуковых артыкулаў [па матэрыялах канферэнцыі]. С. 145–148. Режим доступа: URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/50730>. (дата обращения: 03.02.2023).
5. Вардомацкий Л. М. Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования ре-

- гиона // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. Т. 25. С. 31–35. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14494>. (дата обращения: 03.02.2023).
6. Климкович О. А. Закономерности употребления именованных лиц в документах из «Судебной книги витебского воеводы М. В. Клочко. 1533-1540 гг.» // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. : к юбилею доктора филологических наук, профессора А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. С. 79–83.
  7. Магілёўскі магістрат 1580–1581, 1588. Выпуск 1. Беларусь у актавых кнігах XVI–XVII стст. / Склад. З. Я. Яцкевіч, А. А. Лашкевіч. Мінск : БелНДІДАС, 1999. 462 с.
  8. Груша А. Актавыя кнігі ў Вялікім Княстве Літоўскім у XV – першай трэці XVI ст. // Беларускі гістарычны часопіс. 2015. № 10. С. 5–12.
  9. Улащик Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М. : Наука, 1973. 301 с.
  10. Бірыла М. В. Беларуская антрапанімія: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы. Мінск : Навука і тэхніка, 1966. 326 с.

ИСТОЧНИКИ

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства; гал. рэд. А.І. Жураўскі. Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – 2017. 37 вып.

АКММ – Акты Виленской археографической комиссии. Т.39 : Акты Могилевского магистрата XVI в.: [1578–1580 гг.]. Вильнюс: Русский Починь, 1915. 674 с.

УДК 811.161.1'374.4:39(045)

Надумович Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь,
Электронная почта: lusjanad@gmail.com

Nadumovich Liudmila, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: lusjanad@gmail.com

Ян Цинюй, студент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь,
Электронная почта: slavonic@mshu.by

Yang Qingyu, Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: slavonic@mshu.by

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ-КОЛОРНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается лексическая структура, семантика и использование цветочных слов и выражений в русском языке, а также их культурные и семиотические аспекты. Сделаны выводы о системе цветообозначения в русском языке, а также рассмотреть ее лексический, семантический и культурный аспекты.

Ключевые слова: цветообозначение; прилагательные-колорнимы; национально-культурная специфика.

THE NATIONAL-CULTURAL COMPONENT OF ADJECTIVES-COLORONYMS IN MODERN RUSSIAN

This article examines the lexical structure, semantics and use of color words and expressions in the Russian language, as well as their cultural and semiotic aspects. Conclusions are drawn about the color designation system in the Russian language, as well as to consider its lexical, semantic and cultural aspects.

Key words: color designation; adjectives-coloronyms; national and cultural specifics.

Система цветообозначения в русском языке представляет собой уникальный лингвистический аспект, который отражает взаимосвязь между языком, восприятием окружающего мира и культурными особенностями. Цвета играют важную роль в описании и характеристике предметов, а также в выражении эмоций и символике. Они являются неотъемлемой частью повседневного общения, литературы, искусства и культуры в целом.

В данном исследовании основное внимание обращено на специфику цветовой лексики, метафорическое использование цветowych обозначений, а также на культурные особенности, связанные с цветами. В работе рассмотрены различные аспекты системы цветообозначения, начиная с лексической структуры и семантики цветowych слов, и заканчивая анализом метафорического использования цветов в русской литературе и искусстве. Исследование системы цветообозначения в русском языке не только раскрывает богатство языковых средств для описания цветов, но также помогает глубже понять, как взаимодействуют язык и культура.

Материалом исследования послужили Толковый словарь русского языка¹. Всего проанализировано 40 лексических единиц.

В рамках лексико-семантической группы имен прилагательных цветообозначения различаются между основными цветами и их оттенками. Основные цвета, такие как *красный*, *синий*, *желтый* и *зеленый* являются фундаментальными и обладают непосредственной семантической нагрузкой. Однако разнообразие оттенков, таких как *розовый*, *голубой*, *оранжевый* и *фиолетовый* расширяют спектр возможных цветowych описаний.

Лексико-семантическая группа прилагательных цветообозначения также позволяет описывать яркость и насыщенность цветов. Например, прилагательные *яркий*, *бледный*, *насыщенный* и *тусклый* используются для передачи степени яркости и насыщенности.

Во многих языках имеются прилагательные, которые позволяют описать теплоту или холодность цвета. Например, *теплый* и *холодный* могут использоваться для обозначения цветов, которые ассоциируются с теплыми или холодными оттенками.

---

¹ Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberlan.com.ua/wp-content/uploads/2015/07/Tolkovij-slovarj-russkogo-yazika.pdf> – Дата доступа: 15.11.2023].

Прилагательные-колоронимы в русском языке могут образовываться различными способами. Одним из наиболее распространенных способов является суффиксальный, при помощи которого создаются новые слова для описания оттенков и характеристик цветов. Например: голубой + -оватый = голубоватый (светло-синий); желтый + -оватый = желтоватый (светло-желтый).

Суффикс -оват- придает словам оттенок некоторой смешанной яркости. Такие слова могут использоваться для точного описания цветовых характеристик.

Другим способом словообразования в русском языке является сложение основ, которые указывают на оттенок, насыщенность и другие характеристики цвета. Например: светло- + красный = светло-красный (ярко-красный); темно- + зеленый = темно-зеленый (глубоко-зеленый).

Семантика прилагательных-колоронимов в русском языке часто связана с описанием визуальных характеристик цветов, таких как яркость, насыщенность, температура (тепло или холод), свет и темнота, а также может быть связана с ассоциациями и символикой цветов в культуре, например, *черный* часто ассоциируется с трауром и печалью, в то время как *белый* может символизировать чистоту и светлые чувства.

Таким образом, словообразование и семантика имен прилагательных-цветообозначений в русском языке позволяют точно выражать цветовые характеристики и оценку визуальных восприятий. Эта лексика играет важную роль в описании окружающего мира и культурных коннотациях цветовых понятий в русском языке.

Фразеологизмы с цветовым компонентом в русском языке представляют собой важный и интересный класс выражений, который обогащает язык метафорами и символикой цветов. Рассмотрим структуру и семантику таких фразеологизмов:

Фразеологизмы с цветовым компонентом имеют обычно фиксированную структуру, включая слово с цветовой семантикой и другой компонент, который определяет смысл фразеологизма. Фразеологизмы с цветовым компонентом могут иметь разнообразную семантику и использоваться для передачи разных концепций и образов. Ниже приведены основные семантические категории и примеры фразеологизмов:

Цветовая характеристика. Некоторые фразеологизмы просто описывают цвет предмета или явления, как, например, *красный цвет* или *голубое небо*.

Метафоры и символика. Фразеологизмы с цветовым компонентом часто используются в метафорическом смысле для передачи абстрактных концепций. Например, *зеленый свет* означает разрешение или одобрение, а *черный список* – список нежелательных элементов.

Оценка и эмоции. Некоторые фразеологизмы могут выражать оценку или эмоции. Например, *серая мышь* описывает скучного и незаметного человека, а *розовые очки* символизируют наивное оптимистическое отношение.

Аллегии и образы. Фразеологизмы могут создавать яркие образы и аллегии. Например, *белый конь* может означать надежность и защиту, а *черная овца* – несоответствие нормам.

Семантика фразеологизмов с цветовым компонентом может быть связана как с непосредственными цветовыми концепциями, так и с абстрактными и символическими значениями. Эти выражения являются важной частью русского языка и культурной традиции, обогащая речь и помогая создавать более выразительные и метафоричные выражения.

В русской культуре цвета имеют свою символику и значения. Цветовые выражения придают речи экспрессивность и образность, что обогащает коммуникативные возможности языка. Фразеологизмы с цветовыми компонентами создают разнообразные семантические образы и аллегии. Они позволяют точно и метафорично описывать различные ситуации, эмоции и отношения.

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты.

По нашим наблюдениям, самую большую группу составляют прилагательные, обозначающие теплые оттенки **33.33 %** (10 единиц) и нейтральные оттенки **33.33 %** (10 единиц), на втором месте – прилагательные, обозначающие холодные оттенки **23.33 %** (7 единиц), на третьем месте прилагательные, обозначающие глубокие и темные оттенки **16.67 %** (5 единиц). Самую маленькую группу составили прилагательные, обозначающие свежие и яркие оттенки **10 %** (3 единицы).

Это разнообразие цветов в системе цветообозначения русского языка позволяет эффективно выражать эмоции, создавать настроение и описывать различные аспекты окружающего мира.

УДК 378.016:811.161.1-0.54.6(075.8)«1900/1914»

Любецкая Кацярына Пятроўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
Электронная пошта: katerina_lingvo@mail.ru

Liubetskaya Katsiaryna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: katerina_lingvo@mail.ru

РОЛЯ ВЫДАВЕЦКІХ СУПОЛАК У ПАДРЫХТОЎЦЫ ВУЧЭБНАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў 1900–1914 ГГ.

У артыкуле акрэсліваецца значэнне беларускіх выдавецкіх суполак у адраджэнні беларускай справы ў пачатку ХХ ст. Вызначаюцца цэнтры беларускага кнігавыдання і іх роля ў станаўленні нацыянальнага школьніцтва і развіцця беларускай мовы.

Ключавыя словы: выдавецтва; кнігадрукаванне; школьніцтва; вучэбны тэкст; беларуская мова.

THE ROLE OF PUBLISHING ASSOCIATIONS IN THE PREPARATION OF EDUCATIONAL LITERATURE IN 1900–1914

The article outlines the importance of Belarusian-language publishing communities in the revival of the Belarusian cause at the beginning of the 20th century. The centres of Belarusian book publishing and the role of educational text in the formation of national schooling and the development of the Belarusian language are determined.

Key words: publishing house; book printing; school education; educational text; Belarusian language.

Станаўленне беларускай культуры і мовы ў пачатку ХХ ст. адбывалася ў цеснай сувязі з ходам гістарычных падзей і ростам нацыянальнага руху. Ідэалагі “заходнерусізма” прытрымліваліся той думкі, што “Беларусь не з’яўляецца краінай з асобнай нацыянальнай культурай і не мае дзеля гэтага права на самастойнае культурнае і палітычнае развіццё, але што яна з’яўляецца культурнай і дзяржаўнай часткай Расіі і таму павінна разглядацца як адзін з яе састаўных элементаў” [1, с. 7]. У той жа час польскі бок, выконваючы т.зв. “вялікую культурную місію палякаў на Усходзе”, трымаўся ідэі “гістарычнага права Польшчы на Беларусь” [2, с. 19].

Ва ўмовах палітычна-эканамічнай несвабоды беларусаў у складзе Расійскай імперыі ў пачатку ХХ ст. лідары беларускай справы змагаліся за нацыянальна-культурнае адраджэнне роднага краю. Галоўным атрыбутам нацыянальнага абуджэння свядомасці беларусаў вызначалася мова. Так, напрыклад, нашаніўскі публіцыст С. Палуян пісаў: “Нам у першую чаргу трэба адрадзіць сваю мову... Толькі адрадзіўшы мову, мы зможам паставіць на цвёрды грунт наш рух” [3, с. 228].

Адной з важных задач нацыянальна-культурнага адраджэння ў пачатку ХХ ст. стала ідэя стварэння нацыянальна-беларускіх школ з выкладаннем на роднай мове. У пачатку ХХ ст. па-беларуску можна было вучыцца ў прыватных школах (выпускнікі пры гэтым не атрымлівалі ніякіх правоў), у жаночых гімназіях Паўночна-Заходняга краю. Менавіта ў гэты час пашыраецца сетка т.зв. “тайных школ”, у якіх выкладанне вялося і на беларускай мове¹.

Пад уздзеяннем рэвалюцыйных падзей 1905–1907 гг. і ўздыму нацыянальнага руху царскі ўрад быў вымушаны карэктаваць свае адносіны да беларускай мовы. Згодна з выдадзеным урадам у лістападзе 1905 г. законам “Аб свабодзе друку” была знята забарона на друк твораў беларускай мастацкай літаратуры і публіцыстыкі. Істотную ролю ў справе пашырэння нацыянальнай культурна-асветнай працы і папулярызацыі беларускай кнігі адыгралі выдавецтвы пачатку ХХ ст., прывярытэтным для якіх стала падрыхтоўка навучальнай літаратуры. “Выданне кнігі для чытання на беларускай мове ва ўмовах царскай Расіі

¹ “Тайныя” школы адрозніваліся ў залежнасці ад нацыянальнай і рэлігійнай прыналежнасці вучняў і іх бацькоў. Сярод праваслаўнага насельніцтва былі распаўсюджаны руска-беларускія школы. У Гродзенскай губерні, дзе была значнай удзельная вага каталіцкага насельніцтва, атрымала пашырэнне “тайнае” польскае навучанне [4, с. 228].

з’явілася важнай грамадска-палітычнай з’явай. Дасканалая з боку формы і зместу, яна спалучала выхаваўчыя задачы з багаццем і прыгажосцю роднай мовы, і магла на тым часе замяніць народу і школу, і падручнік” [5, с. 165].

З мэтай патрыятычнага выхавання падрастаючага пакалення пачынаецца падрыхтоўка літаратуры вучэбнага характару для задавальнення патрэб пачатковай школы і выкладання абавязковых для вывучэння дысцыплін з розных гуманітарных галін: літаратуразнаўства, мовазнаўства, рэлігіязнаўства.

Першай грамадскай культурна-асветнай арганізацыяй, якая паставіла сабе за мэту наладжванне выдавецкай працы на беларускай мове, выданне і папулярызацыю беларускай кнігі і ажыццяўленне культурна-асветніцкай працы становіцца “Круг беларускай народнай прасветы” (Пецяярбург, 1902).

Легальнае выдавецтва “Загляне сонца і ў наша ваконца” (Пецяярбург, 1906) “устаанаўліваецца для таго, каб друкаваць і шырыць памеж людзёў ксёнжкі беларускія і ўсё, што датычэ Беларусі”. Лічачы адной з галоўных мэт асветы, супрацоўнікі выдавецтва пачалі сваю дзейнасць з падрыхтоўкі навучальнай літаратуры. “Можа хто спытаецца: а ці ёсць якія кніжкі да навукі? Вот ж скажам, што ёсць – праўда, мала, небагата, але не забывайце, што толькі першы год, як нам, беларусам, дазволілі друкаваць кніжкі па-нашаму, такімі літарамі, якія нам патрэбны – і польскімі, і рускімі (раней дазвалялі друкаваць толькі рускімі) ... а, дасць бог, хутка будзе болей, каб аб усім, што чалавеку патрэбна, можна было прачытаць у сваёй роднай мове”. Для выкладання літаратуры ў выдавецтве рыхтуюцца Першае чытанне для дзетак беларусаў Цёткі (1906) [6], “Другое чытанне для дзяцей беларусаў” К. Каганца (1906) [7]. Для пазнання навукі пісьма рыхтуецца Беларускі лементар, або першая навукка чытання К. Каганца (1906) [8].

Кнігадрукаванне ў Вільні (культурным цэнтры Заходняга краю) пачынаецца з дзейнасці “Нашай нівы”, якая “вызначыла неабходныя ўмовы развіцця беларускай нацыі, яе самастойнасці сярод славянскіх народаў, выдзяляючы галоўныя кампаненты нацыянальнага адраджэння: мову, літаратуру, культуру, гісторыю, эканоміку” [9, с. 82–83]. Газета, прапагандуючы ідэю асветы на нацыянальнай мове, стала арганізацыйным цэнтрам беларускай школы.

У Вільні у друкарні М. Кухты выходзіць даведнік па літаратуры “Першая чытанка: Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытання” В. Ластоўскага (1906) [10].

Кнігавыдавецкае таварыства “Наша хата” (Вільня, 1906) склала праграму выдання падручнікаў для беларускіх школ і засяродзіла сваю ўвагу на падрыхтоўцы беларускіх падручнікаў і дзіцячай літаратуры. Супольна з выдавецтвам “Загляне сонца і ў наша ваконца” у гэты час падрыхтаваны даведнік па літаратуры “Другое чытанне для дзяцей беларусаў” Я. Коласа (1909) [11].

Віленскі біскуп Э. Роп адзін з першых загаварыў пра неабходнасць выкладання на беларускай мове: “Беларуская мова павінна быць на справе, а не на словах прызнана гаворкай, якая мае права на існаванне і развіццё, а таму прынята і вывучацца нараўне з велікарускай мовай... Пры тлумачэнні дзецям ісцін веры, што вывучаюцца з кніг, трэба ўжываць мову, на якой народ раз-

маўляе дома, г.зн. беларускую, і з боку духавенства працаваць у тым сэнсе, каб стварыць агульную, па магчымасці ўсім зразумелую, літаратурную беларускую мову” [12, с. 6]. Для вывучэння рэлігіі на беларускай мове былі падрыхтаваны: “Элементаж для добрых дзетак-католікаў” епіскапа Дзянісевіча (1906) [13], “Кароткі катахізм” ксяндза Будзька (1907) [14], “Кароткая свяшчэнная гісторыя” ксяндза Шустара (1914) [15], “Кароткае выясненне абрадаў Р.-Каталіцкага касцёла” ксяндза Банчкоўскага (1914) [16].

Для задавальнення пытанняў пабудовы нацыянальнай школы навучальная літаратура рыхтавалася і за межамі беларускага краю. Так, у Львове ў 1906 годзе Цёткай было падрыхтавана выданне “Гасцінец для малых дзяцей” (1906) [17].

З’яўляючыся істотным складнікам беларускамоўнай кніжнавыдавецкай прадукцыі пачатку ХХ ст., беларускамоўныя навучальныя матэрыялы нягледзячы на моцны расійскі ўплыў, мелі цэлы шэраг асаблівасцей. Напярэдадні першай сусветнай вайны “прыхільнікі беларускай школы вылучалі шэраг нацыянальных адукацыйных ідэалаў і каштоўнасцей, без якіх нельга было будаваць беларускую сістэму адукацыі: адданасць роднай мове як галоўная перадумова захавання беларускага народа і яго нацыянальнай свядомасці; неабходнасць пачатковага навучання выключна на беларускай мове; увядзенне ў школьныя праграмы беларусазнаўства; выхаванне на традыцыях народнай педагогікі і фальклору; фарміраванне гістарычнага мыслення і нацыянальнай свядомасці...” [18, с. 151].

Беларускамоўная кніжная справа гэтага часу была скіравана на вызначэнне тэматыкі і мэтавага прызначэння кнігі і арыентавалася перадусім на выхаванне патрыятычнага духу карыстальнікаў. Ва ўмовах адсутнасці беларускіх школ выданне навучальнай літаратуры на аснове нацыянальных каштоўнасцей спрыяла закладванню падмурка народнай адукацыі і станаўленню вучэбна-метадычных асноў на роднай мове. Важна адзначыць, што, дзякуючы выданню навучальных матэрыялаў, і настаўніцкія колы маглі азнаёміцца з канцэпцыяй даведнікаў, скіраваных на задавальненне патрэб беларускай нацыянальнай школы, што ў цэлым магло ўплываць як на з’яднанне настаўніцкіх сіл у справе выкладання на роднай мове, так і на далейшую распрацоўку беларускамоўнай вучэбнай літаратуры.

Прымаючы пад увагу адсутнасць папярэдняга вопыту ў распрацоўцы падобных беларускамоўных прац, падрыхтоўка навучальнай літаратуры ў пачатку ХХ ст. мела характар наватарскі і спрыяла развіццю адукацыйнага працэсу на роднай мове. Паколькі існуючая казённая школа пачатку ХХ ст. вызначалася “празмернай адарванасцю ад акаляючай вучня прыроды, жыцця, ад яго непасрэдных уражанняў, назіранняў і ведаў, ад яго матчынай мовы” [19, с. 3], у нацыянальных падручніках адбываўся перадусім пошук сутнаснага нападунення моўнай адукацыі.

Першыя матэрыялы вучэбнага характару, прасякнутыя любоўю да роднага краю, павінны былі задаволіць чытацкія запатрабаванні вучня пачатковай школы і спрыяць развіццю яго пазнавальных якасцей. Аўтарскія тэксты (аўта-

рамі першых вучэбных матэрыялаў сталі вядучыя пісьменнікі (Цётка, Я. Колас) змяшчалі адаптаваныя да дзіцячага ўспрымання тэксты з абавязковых да вывучэння ў той час сфер: літаратура, мова, рэлігія і базаваліся перадусім на найлепшых творах нацыянальнай літаратуры (высокамастацкай мове Ф. Багушэвіча, Я. Лучыны, Я. Купалы, Я. Коласа і інш.).

Змест навучальнай літаратуры быў скіраваны на выхаванне асобы сродкамі мовы. Падрыхтаваныя навучальныя матэрыялы праз перадачу характа роднага краю абуджалі ў школьніка інтарэс да чытання, спрыялі засваенню ім арфаграфічных і граматычных норм, развіццю багацця і правільнасці маўлення, пашыралі моўную культуру навучэнца.

Рыхтуючы беларускамоўныя матэрыялы, аўтары мелі на мэце перадусім навучыць друкаванаму беларускаму слову. Таму ва ўмовах адсутнасці граматыкі беларускай мовы матэрыялы спрыялі выпрацоўцы правілаў беларускай арфаграфіі як лацінкай, так і кірыліцай. Карыстальнікі гэтай літаратуры вучыліся атаясамлівасць і адрозніваць графемы роднай сістэмы пісьменнасці.

Такім чынам, ва ўмовах адсутнасці ў беларусаў у пачатку ХХ ст. сваёй дзяржаўнасці актыўнымі дзеячамі беларускай справы было пастаўлена за мэту змаганне за нацыянальна-культурнае абуджэнне беларускага народа, захаванне яго этнічнай і моўнай адметнасці. Наладжаная сіламі беларускай дэмакратычнай інтэлігенцыі выдавецкая дзейнасць і кнігадрукаванне на беларускай мове, спробы арганізацыі школьніцтва мелі выключнае значэнне для рэалізацыі моўнага аспекта адраджэння Беларусі.

Разумеючы важнасць выхавання падростаючага пакалення на ідэалах і сімвалах роднага краю беларускімі выдаўцамі закладваўся залаты фонд беларускамоўнай навучальнай літаратуры, засваенне зместу якога арыентавала на вывучэнне духоўнай культуры беларускага народа, спрыяла асэнсаванню ўнікальнасці нацыянальнай мовы.

Станаўленне беларускай выдавецкай справы і кнігадрукавання ў сферы навучальнай літаратуры ў сваю чаргу адыгрывала значную ролю ў авалоданні скарбамі народнай мовы і далейшай распрацоўцы літаратурнай. Задача падрыхтоўкі вучэбнага тэксту і рэалізацыя адукацыйных мэт абумоўлівала тэарэтычна-практычную апрацоўку лексічнага складу беларускай мовы пачатку ХХ ст., яе граматычнага ладу, фанетыкі і арфаграфіі.

ЛІТАРАТУРА

1. Цьвікевіч А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку ХХ в. Мінск : Навука і тэхніка, 1993. 352 с.
2. Сташкевіч М. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г. // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 3. С. 18–23.
3. Парашкоў С. А. Гісторыя культуры Беларусі. Мінск: Беларуская навука, 2003. 444 с.
4. Каханоўскі А. Г. Гісторыя Беларусі другой паловы XIX – пачатку ХХ ст. : вучэб.-метад. дапаможнік. Мінск : БДУ, 2017. 251 с.
5. Александровіч С. Х. Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы 19–20 ст. Мінск : БДУ імя У.І. Леніна, 1971. 247 с.

6. Pierszaje czytanie dla dzieciak biełarusõ / złażyła Ciotka. Pieciarburh : Zahláníe sónce i ů naše wakónce, 1906. 30 с.; Першае чытанне для дзетак беларусаў / напісала Цётка. Пецярбург : Загляне сонца і ў наша аконца, 1906. 30 с.
7. Druhoe czytanne dla dziacej belarusaŭ, 1906.
8. Biełaruski lementar, abo Pierszaja nawuka czytańnia / [Karuś Kahanec]. Piciarburh : Zahlanie sonce i ů nasze wakónce, 1906. 23 с.; Беларускі лемантар, або Першая навука чытання / [К. Каганец]. Пецярбург : Загляне сонца і ў наша аконца, 1906. 30 с.
9. Слука А. Г. Беларуская журналістыка: падручнік. Мінск : БДУ, 2011. 447 с.
10. Першая чытанка: Кніжыца для беларускіх дзетак дзеля навукі чытаньня. Злажыў В. Ласт. Вільня, друк. М. Кухты, 1906. 64 с.
11. Другое чытанне для дзяцей беларусаў / напісаў Якуб Колас. Пецярбург [Пецярбург] : выдалі суполкі: “Загляне сонца і ў наша аконца” і “Наша хата”, 1909 (вокладка 1910). 110 с.
12. Смалянчук А. Ф. Польскі нацыянальны рух на беларусі і Літве напярэдадні і ў перыяд 1905-1907 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. пед. навук. Мінск, 1994. 20 с.
13. Elementarz dla dobrych dzieciak katolikou. Pieciarburh, druk. K. Piantkouskaho, 1906. 24 s.
14. Karotki Katachizm dla pryspasableńnia dziaciej da pieršaj Spowiedzi i Kamuńji Światoj / pierarobleny z Katachizmu R. Filachoŭskaho praz X. Wilnia : Drukarnia M. Kuchty, 1907. 32 с.
15. Кароткая сьвяшчэнная гісторыя ксяндза Шустэра. Пецярбург: Акцыйная суполка друкарскай штукі, 1914. 80 с.
16. Karotkaje wyjaśnieńnie abrađau R.-Katalickaho kaścioła / ks. D. Bonczkoŭski. Wilnia : Drukarnia “Znicz”, 1914. 64 с.
17. Hascinieć dla małych dziecięj / pierelożyŭ z ukraińskaho jazyka na biełaruski z małymi pieremienami Tymczasowy. [Lwów, 1906]. 16 с.
18. Снапкоўская С. В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. – Мінск : НІА, 1998. 191 с.
19. Андрэева Е., Лыч Л. У пошуках выйсця // Настаўніцкая газета. 1994. – 12 студз.

УДК 81.161.1

Германова Елена Валерьевна, преподаватель

Балтийское высшее военно-морское училище имени адмирала Ф.Ф. Ушакова,
Калининград, Россия

Электронная почта: ev.germanova1@yandex.ru

Germanova Elena, lecturer

The Baltic Higher Naval School named after Admiral F.F. Ushakov, Kaliningrad, Russia
e-mail: ev.germanova1@yandex.ru

АВТОРСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ЛИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ (на материале переписки императрицы с Г. А. Потемкиным)

В статье рассматривается категория модальности, авторской модальности. Проводится функционально-семантический анализ текста переписки Екатерины Второй и Г. А. Потемкина. Выявляются основные экспликативы авторской модальности.

Ключевые слова: модальность; авторская модальность; функционально-семантический анализ; экспликативы модальности.

THE AUTHORIAL MODALITY AS A MEANS OF REVEALING THE PERSONALITY OF EKATERINA THE SECOND (based on the empress's correspondence with G. A. Potemkin)

The article deals with the category of modality, author's modality. Functional-semantic analysis of the text of the correspondence between Catherine the Second and G. A. Potemkin is carried out. The main explicators of author's modality are revealed.

Key words: modality; author's modality; functional-semantic analysis; explicators of modality.

Как известно, современное языкознание характеризуется по определению профессора Геннадия Владимировича Колшанского стремлением исследователей, «подойти к языку со стороны его основной и глобальной функции – выражения мышления в процессе коммуникации».

Именно поэтому модальность, являясь универсальной семантической категорией, образующей живую связь высказывания с внеязыковой действительностью и обеспечивающей его коммуникативный потенциал, уже на протяжении более 70 лет находится в поле активного внимания ученых. При этом особый интерес в соответствии с антропоцентрической направленностью современных исследований наблюдается к изучению модальности не только на уровне предложения, функционирующего как высказывание, а шире – на уровне текста, содержание которого тесно связано с личностью автора. И в этом случае речь идет о так называемой авторской модальности.

У исследователей, обращающихся к рассмотрению авторской модальности, существуют разные подходы к пониманию содержательного объема этой категории, из которых наиболее предпочтительным для нас является подход, предложенный С.С. Ваулиной и О.В. Девинной, согласно которому авторская модальность – это широкая, многоплановая категория, реализующаяся на разных уровнях языка и совмещающей в себе и образ автора, и образ персонажа [1, с. 15].

Отметим также, что среди многочисленных исследований, посвященных анализу авторской модальности, почти отсутствуют работы, посвященные анализу текстов и произведений известных исторических личностей. В большей степени исследуется понятие языковой личности. Например, в диссертации О. В. Поповой исследуется языковая личность Ивана Грозного, а в диссертации А. Ю. Никитиной языковая личность Екатерины Второй.

В контексте вышесказанного особый интерес представляет личность российской императрицы Екатерины Второй, во время правления которой (1762–1796 гг.) наблюдалось развитие российской государственности, русского литературного языка и просвещения в целом. Отметим, что Екатерине Второй не только как прогрессивному государственному деятелю, но и талантливому и творческому человеку принадлежит много произведений в их жанровом разнообразии (мемуары, публицистика, сказки и поэзия, драмы, эпистолярный, и др.).

Объектом нашего анализа с точки зрения реализации авторской модальности явилась переписка Екатерины с ее сподвижником и близким другом

графом Г. А. Потемкиным, а задачей данного исследования является функционально-семантический анализ собственно модальных языковых средств, реализующих категорию авторской модальности в переписке Екатерины Великой и князя Потёмкина.

Переписка Екатерины Великой и Григория Александровича Потемкина – это не только интересный образец эпистолярного жанра, но и уникальный памятник художественной литературы XVIII века, оставляющий след в отечественной истории. Составителем фундаментального издания «Екатерина Вторая и Г. А. Потёмкин. Личная переписка 1769–1791» является В. С. Лопатин, известный исследователь Екатерининской эпохи, историк и режиссёр.

Как и любая другая письменная работа Екатерины Второй, письма служат образовательно-воспитательной функции. В данном случае переписка Екатерины Второй с князем направлена на образование и воспитание подданного литературными средствами (также, как и в аллегорических сказках, направленных на воспитание просвещённого будущего правителя, её внука). [2, с. 29]. С помощью эпистолярного жанра Екатерина Вторая меняет нравственно-этические установки, несоответствующие политике Просвещенного абсолютизма. Многолетняя переписка помогала продвигать идеи Просвещения, любви к России и нравственно-этические установки, отражающие ее основные направления в политике. Тексты переписки отражают авторские интенции по воспитанию политической личности Г. А. Потёмкина.

Что касается светского русского языка восемнадцатого века он изобилует европейскими заимствованиями, в частности из немецкого, французского, итальянского языка. Также используются слова из старославянского языка и исконно-русские слова. Такие обороты речи как: *«И так наша postura теперь весьма почтительна»* говорит о тенденции к использованию несочетаемых слов [3].

Все эти особенности языка переписки Екатерины Второй и князя Потемкина достаточно ярко раскрываются через язык и стиль писем, а также через средства выражения авторской модальности.

Во-первых, рассмотрим модальные модификаторы – предикативные наречия и глаголы, которые, согласно определению языковой модальности, как функционально-семантической категории, выражая значения возможности, необходимости, желательности, относятся к объективной модальности, но в рамках целостного текста, как указывает Светлана Сергеевна Ваулина, весьма часто принимают на себя также функцию выражения субъективно-модальных оценочных значений [4, с. 27].

План выражения модального микрополя желательности в переписке Екатерины Второй и Потёмкина представлен модальными глаголами хотеть, желать. В исследуемом материале данный план представлен многочисленными примерами, поскольку эпистолярный жанр предполагает наличие сугубо личной ситуации (не)желательности. В данном случае отражается внутренняя (не)предрасположенность субъекта к действию. Центральное место занимают

глагол хотеть и его префиксальный дериват захотеть, а также безличная форма данного глагола хочется. Например: «*Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви.*», «*Хочется часто скрыть от тебя внутреннее чувство, но сердце мое обыкновенно пробалт[ыв]ает страсть.*» [5]. Второстепенное место занимает глагол желать, имеющий яркую стилистическую окраску и интенсивность желания «очень хотеть». Данный факт вполне объясним, поскольку переписка носит романтически-личный характер. Например: «*Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить...*» [5, с. 85], [3].

В исследуемом материале было выявлено множество примеров оптативных предложений, которые выражают значение желательности. В данном случае речь идет о представлении нереального события, которое автор имеет намерение реализовать. Например: «*...если б я в участь получила смолоду мужа, которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась*» [3].

Микрополе необходимости представлено такими модальными экспликаторами как предикативы нужно, надобно, предикативное прилагательное должен и глагол надлежать. Центральное место в текстах писем занимает предикатив надобно, который выражает план осуществления того или иного намерения автора. Например: «*По Павла послать надобно – не забудь; а как приедет, то две вещи нужны: первая, поправить его домашнее разстроенное состоянье*», «*Только нет, пора перестать тебе дать уверения: ты должен уже быть пре пре преуверен, что я тебя люблю.*», «*Я приободрилась. О, Боже мой, как человек глуп, когда он любит чрезвычайно. Это болезнь. От этого надлежало людей лечить в гошпиталях.*», «*Вить не поверишь, радость, как нужно для разговора, чтоб менее действовала любовь.*». Стоит принимать во внимание жанр текста и само положение Екатерины Второй, которая была императрицей, соответственно имеющая специфичный стиль общения «повелительный». Данный факт подтверждает реализацию значения необходимости в тексте и отражает авторскую интенцию к превращению из потенциального в актуальное [5, с. 81], [3].

Микрополе возможности в переписке Екатерины и князя Потемкина представлен с помощью модального глагола мочь и предикатива нельзя, (не)можно (в значении нельзя). В тексте глагол мочь реализует контекстуальное значение возможности «быть способным выполнить действие». Например: «*Если нужно, я смогу принять чрезвычайные меры и люблю вас больше самой себя*». Предикатив нельзя и синонимичная форма из писем Екатерины невозможно, встречающаяся многократно, выражают в тексте невозможность выполнения какого-либо действия. Например: «*...дни покаяния и молитвы, в которых Вас видеть никак нельзя будет, ибо всячески дурно.*», «*Принуждать к ласке никого невозможно, вынуждать непристойно, притворяться – подлых душ свойство.*», «*...первого по неволе да четвертого из дешиперации я думала на счет легкомыслия поставить никак не можном*» [4, с. 28], [3]. Функцию эксикаторов значения достаточно высокой степени (не)уверенности, которая основана на

надежде автора на реальность исполнения описываемых событий в исследуемом материале выступает глагол чаять. Данный глагол представлен частотным употреблением в письмах. Отражает чувственное восприятие и надежду на реальность того или иного события. Особую экспрессию приобретает конструкция с глаголом чаять в формах первого лица за счет включенности самого автора. *Например: «Почасту сей последний стишок себе твердить стану и, чаю, что один он в состояньи меня опять привести на путь истинный.»*, *«Никто на свете столь не горазд с ними возиться, я чаю, как Вы.»*. Также функцию экспликаторов значения с высокой степенью (не)уверенности выступают несобственно модальные модификаторы знать, ведать. Данную функцию глаголы приобретают в рамках текста и контекста, как собственно все средства авторской модальности. *Например: «Хочется мне весьма все происхождения сегодня кончить, как гвардейския, так и армейския, но не ведаю, успею ли!»*, *«Угадать не буду, не ведаю, не знаю, опасуюсь, трушу...»*. Функцию эксикаторов значения относительно низкой степени (не)уверенности что определенное событие произойдет, выступают вводное слово кажется, глагол казаться (казалось) и несобственно-модальный глагол думать, который приобретает данное семантическое значение в рамках контекста. *Например: «Деньги я в четыре приема давала, а сколько всего, не помню, а думаю – около шестидесять.»*, *«Мне кажется, во всем ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих.»*, *«Мои часы остановились, а время пролетело так быстро, что в час (ночи) казалось, что еще нет полуночи»* [5, с. 94], [3]. В текстах переписки встречаются многочисленные примеры эмоционально-окрашенных вопросительно-побудительных высказываний, которые отражают настроение автора, как правило, имеют окраску недовольства и раздражения. Действие, совершаемое в прескриптивных вопросительно-побудительных высказываниях, является желательным для адресанта и необходимым для адресата. *Например: «Вы, читав сие письмо, может статься сделаете вопрос, к чему оно писано? На сие Вам имею отвечать: к тому, чтоб Вы имели подтверждение моего образа мысли об Вас, ибо я всегда к Вам весьма доброжелательна.»* [5, с. 133], [3].

Особое место в переписке Екатерины Великой и князя Г. А. Потемкина занимает экспликатор авторской модальности – риторический вопрос. Функция данного типа вопроса передача информации, непосредственное сообщение о чем-либо. [4, с. 30] Экспрессивность самого стиля общения императрицы позволяет с помощью риторического вопроса передать большую степень субъективно-оценочных значений и смыслов, реализующихся в категории авторской модальности. *Например: «Чего мне желать лучшего?»*, *«Но не понимаю, тебе они на что?»*, *«Неуже[ли] что мои слова подавали к тому повод?»* [3].

Таким образом, проведенный функционально-семантический анализ писем Екатерины Второй к князю Потемкину позволило выявить в определенной степени наиболее частотные экспликативы авторской модальности, позволяющие определить авторские интенции и аксиологические установки императ-

рицы. Анализ микрополей значений возможности, желательности и необходимости позволяет лучше понять мировоззрение выдающейся исторической личности Екатерины Великой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина С. С., Девина О. В. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы). // Вестник Российского государственного университета имени И. Канта. 2010. № 8. С. 13–21.
2. Акимова Т. И. Образование и воспитание подданного как литературная стратегия Екатерины Второй в переписке с Г. А. Потёмкиным. // Интеграция Образования. 2011. № 1. С. 29–35.
3. Лопатин В. С. Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 [Электронный ресурс] // Екатерина II: [сайт]. – URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/pisma/ekaterina-ii-potemkin/ekaterina-ii-potemkinu-4-dekabrya-1773.htm> (дата обращения: 20.02.2024).
4. Ваулина С. С. Средства выражения авторской модальности в "Слове о полку Игореве". // Вестник Волгогр гос. ун-та. 2016. № 2. С. 25–30.
5. Ваулина С. С. Коммуникативный потенциал модальности в диахронии и синхронии русского языка. Калининград : Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2018. 206 с.

Секция 2. ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

УДК 811.161.1'367.622.11'23(045)

Куц Александра Александровна, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: zimnyaja.brest@gmail.com

Kuts Aliaksandra, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: zimnyaja.brest@gmail.com

СЕМАНТИКА И СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИХ ПОНЯТИЕ ПОБЕДА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье анализируются результаты ассоциативного эксперимента, направленного на слово-стимул «победа», включающего в себя 4 ступени обобщения. Результаты позволили установить частотность, типы и оценочный компонент семантики слов-ассоциаций, выделить архисемы и прототипическую структуру понятия победа.

Ключевые слова: архисема, понятие, имена существительные, семантика, системная организация лексики, психолингвистический подход.

SEMANTICS AND SYSTEMIC ORGANIZATION OF NOUNS, OBJECTIFYING THE NOTION OF VICTORY: PSYCHOLINGUISTIC APPROACH

In the article the results of an associative experiment directed on the stimulus word “victory”, which includes 4 stages of generalization are analyzed. The results made it possible to establish the frequency, the types and the evaluative component of the semantics of association words, as well as to identify archisemes and the prototypical structure of the notion of victory.

Keywords: archiseme, notion, nouns, semantics, system organization, psycholinguistic approach.

Актуальность изучения семантики и системной организации имен существительных, объективирующих понятие *победа* в психолингвистическом аспекте, обусловлена общими тенденциями развития лингвистики, связанными с антропоцентрической парадигмой изучения языка. В центре исследования находится понятие *победа*, играющее важную роль в организации жизни разных обществ, в формировании их ценностных установок и определении сценариев развития социума. Необходимость изучения лексики в виде целостных систем объясняется тем, что взаимосвязанные лексические компоненты системы выступают в качестве средства проникновения в организацию ментальной сущности ключевых понятий этноса.

Для объективации понятия *победа* через семантику номинирующих имен существительных была использована комплексная пошаговая методика – нап-

равленный ассоциативный эксперимент, основанный на методе свободных ассоциаций швейцарского психолога К. Г. Юнга [1]. Целью такого эксперимента являлась идентификация глубинной ассоциации со словом. Проведенный лингвистический ассоциативный эксперимент включает в себя серию шагов и ступеней обобщения (таблица 1):

Шаг 1. На слово-стимул «Победа» в первый столбец необходимо было написать 16 слов-ассоциаций (имен существительных). Выбор субстантивной формы ключевого слова обусловлен тем, что «субстантивная форма обеспечивает наиболее широкий номинативный охват денотата и дает возможность легче подбирать синонимы и антонимы» [2, с.125].

Шаг 2. Из Столбца №1 соседним ассоциациям попарно (1 и 2, 3 и 4, 5 и 6, 7 и 8 и т.д.) нужно было подобрать общую для них ассоциацию и вписать в столбец №2. Их должно получиться 8.

Шаг 3. Вновь записанные слова необходимо было также объединить в пары и записать общие ассоциации для них. И так продолжать до последнего столбца, в котором останется одно ключевое слово – *архисема*. Под *архисемой* мы понимаем родовую интегрирующую сему, свойственную всем единицам определённого класса и отражающую их общие категориальные свойства и признаки [3, с. 20].

Т а б л и ц а 1

Пример одного из 51 бланков лингвистического ассоциативного эксперимента

Победа					
	Столбец №1	Столбец №2	Столбец №3	Столбец №4	Столбец №5
1	май	1	1 умиротворение	1 стабильность	1 подвиг
2	гордость	тепло			
3	мир	2			
4	труд	добро			
5	радость	3	2 грусть		
6	счастье	эмоции			
7	кровь	4			
8	боль	страдание	3 скорбь		
9	скорбь	5			
10	смерть	потери			
11	слезы	6			
12	преимущество	тяжесть	4 борьба		
13	разрушения	7			
14	сплочение	жизнь			
15	народ	8			
16	улыбка	счастье			
	816	408	204	102	51

Слова-ассоциации в первой колонке представляют из себя первичные ассоциации на слово-стимул «победа», а слова в последующих столбцах представляют из себя общие семантические компоненты попарно сопоставленных слов.

Эти семантические компоненты претерпевают 4 степени обобщения. В итоге, в пятом столбце выявляется архисема, представляющая общий компонент значения всех 16 ассоциаций, а также элемент прототипической организации понятия.

В лингвистическом ассоциативном эксперименте принял участие 51 студент 1–2 курсов в возрасте от 17 до 19 лет. Всего установлено и проанализировано 816 первичных слов-ассоциаций, 408 семантических компонентов первой ступени обобщения, 204 семантических компонента второй ступени обобщения, 102 семантических компонента третьей ступени обобщения и 51 семантических компонентов четвертой ступени обобщения или собственно архисем.

Первичные ассоциации респондентов (первый столбец) представляют собой самые актуальные реакции на слово стимул, то, что связано с рассматриваемым вопросом на поверхностном, сознательном уровне. Первичные слова ассоциации распределены по частотности убывания и представлены следующим образом: 28 *радость*, 20 *гордость*, 19 *успех*, 18 *труд*, 18 *цель*, 14 *счастье*, 13 *медаль*, 12 *достижение*, 12 *праздник*, 12 *слава*, 12 *удача*, 11 *упорство*, 10 *война*, 10 *признание*, 9 *выигрыш*, 9 *награда*, 9 *приз*, 9 *результат*, 8 *мир*, 8 *облегчение*, 8 *сила*, 8 *соревнование*, 7 *мечта*, 7 *память*, 7 *слезы*, 7 *стимул*, 6 *деньги*, 6 *золото*, 6 *мотивация*, 6 *путь*, 6 *эмоции*, 5 *борьба*, 5 *дисциплина*, 5 *желание*, 5 *звезда*, 5 *итог*, 5 *поддержка*, 5 *пьедестал*, 5 *стремление*, 5 *уверенность*, 5 *удовлетворение*, 4 *кубок*, 4 *лидерство*, 4 *олимпиада*, 4 *опыт*, 4 *работа*, 4 *солдат*, 4 *спокойствие*, 4 *старания*, 4 *уважение*, 4 *усилия*, 4 *участие*, 3 *богатство*, 3 *будущее*, 3 *вера*, 3 *ветеран*, 3 *волнение*, 3 *время*, 3 *герои*, 3 *заслуга*, 3 *знание*, 3 *игра*, 3 *команда*, 3 *конкурс*, 3 *кровь*, 3 *любовь*, 3 *площадь*, 3 *поражение*, 3 *потери*, 3 *развитие*, 3 *свобода*, 3 *терпение*, 3 *улыбка*, 3 *усердие*, 3 *усталость*, 3 *цветы*, 3 *целеустремленность*, 2 *авторитет*, 2 *аплодисменты*, 2 *вершина*, 2 *возможности*, 2 *воля*, 2 *восстановление*, 2 *выносливость*, 2 *действия*, 2 *единство*, 2 *известность*, 2 *история*, 2 *карьера*, 2 *конец*, 2 *красный*, 2 *лента*, 2 *май*, 2 *народ*, 2 *небо*, 2 *неизвестность*, 2 *оружие*, 2 *осознанность*, 2 *ответственность*, 2 *перемены*, 2 *план*, 2 *подготовка*, 2 *похвала*, 2 *празднование*, 2 *преимущество*, 2 *салют*, 2 *самолет*, 2 *саморазвитие*, 2 *смерть*, 2 *солнце*, 2 *соперничество*, 2 *спорт*, 2 *способности*, 2 *СССР*, 2 *страдания*, 2 *страна*, 2 *страсть*, 2 *страх*, 2 *тест*, 2 *трудность*, 2 *трудолюбие*, 2 *ум*, 2 *умиротворение*, 2 *усидчивость*, 2 *флаг*, 2 *честность*, 2 *школа*, 2 *друзья*, 2 *тренер*.

Следующие 202 слова являются единичными субъективными ассоциациями: *автомобиль*, *адреналин*, *активность*, *амбиции*, *анализ*, *армия*, *бабочка*, *безразличие*, *безэмоциональность*, *белый*, *бессонница*, *благо*, *бой*, *болезнь*, *болеутоляющее*, *боль*, *верх*, *веселье*, *виктория*, *власть*, *влияние*, *ВОВ*, *вода*, *возвышение*, *возглас*, *воспоминание*, *враги*, *выводы*, *выгода*, *высота*, *выход*, *героизм*, *главенство*, *дедушка*, *депрессия*, *дети*, *джекпот*, *диплом*, *дипломатия*, *дискуссия*, *долгожданная*, *дом*, *досада*, *достоинство*, *драка*, *дружба*, *дух*, *жестокость*, *жизнь*, *забастовка*, *зависть*, *звездная болезнь*, *здоровье*, *зеленый*, *злоба*, *зрители*, *инвестиция*, *интеллект*, *испытание*, *одиночество*, *упорство*, *домини-*

рование, величие, жажда, ключ, команда, концентрация, концерт, корысть, краски, красочность, кровопролитие, ладонь, легкость, потеря, лучший, люди, мама, мандраж, место, метро, миссия, мор, мужество, музей, музыка, мурашки, мысль, мышление, наглость, награждение, надежда, нарцисс, настойчивость, начало, негодование, недостаток, неудача, новости, обучение, объятия, огонь, окончание, оливки, олимпийские игры, освобождение, отдых, открытие, отмечание, памятник, первенство, первое место, переживания, питание, подарки, подготовленность, поединок, поздравление, политика, помехи, поощрение, популярность, порядок, постоянство, правота, превосходство, преодоление, призвание, притворство, провал, прогресс, проигравший, проигрыш, процветание, процесс, работа, равновесие, радио, разоружение, разочарование, разруха, разрушения, разум, рак, рассуждения, рвение, революция, репарации, решительность, риск, родители, родные, ружьё, самосовершенствование, сказка, скорбь, события, совершенствование, сомнение, сонливость, сосредоточенность, сотрудничество, сплочение, спортсмен, справедливость, сражение, становление, станция, статус, статуя, стержень, стойкость, стратегия, стресс, стрессоустойчивость, ступени, цена, счет, тактика, терпение, тишина, торт, турнир, тщеславие, умение, университет, уровень, успешность, учеба, фейерверк, характер, хитрость, человечество, честование, шанс, шум, экзамен, энергия, эпичность.

В результате анализа характера, объединяющего пары слов семантических компонентов, выявлены их типы: **эмоциональные** – реакции чувственного восприятия, например: *желание* и *страх* = *безумие*; *боль* и *нервы* = *страдание*; *радость* и *облегчение* = *свобода*; **рациональные** – объективность и учет причинно-следственных связей при установлении семантических компонентов, например: *успех* и *цель* = *достижение*; *популярность* и *влияние* = *лидер*; *народ* и *единство* = *братство*; **образные** – основанные на художественных образах, символах, исторических событиях, например: *коммунизм* и *реванизм* = *идол*; *ветераны* и *празднование* = *парад*; *цветы* и *героизм* = *День победы*; **контрастные** – основанные на полярности, противопоставлении, например: *результат* и *успех* = *боль*; *сила* и *действие* = *противодействие*.

Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться таким образом: «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [4, с. 5–6]. Наиболее частотными оказались следующие слова-ассоциации: *радость* (28), *гордость* (20), *успех* (19), *труд* (18), *цель* (18), *счастье* (14), *медаль* (13), *достижение* (12), *праздник* (12), *слава* (12), *удача* (12), *упорство* (11), *война* (10), *признание* (10). Эти слова в своей семантической структуре преимущественно содержат положительно-оценочные компоненты. Это значит, что в целом феномен победы оценивается положительно. Наличие / отсутствие положительной и /или отрицательной оценки в семантике слов-ассоциаций позволили распределить их на следующие категории:

371 слово-ассоциация (45,1 %) характеризуется положительной оценочностью: *радость*, *справедливость*, *любовь*, *гордость*, *подвиг*, *удовлетворение*, *единство*, *похвала*, *веселье*, *героизм*, *здоровье*, *благо* и т. д.;

344 слов-ассоциаций (42,2 %) имеют четко ориентированную дескриптивную семантику: *фейерверк, отношения, соревнования, действие, итог, ожидание, путь, время, ветеран, конкурс, страна, тест, солнце* и т. д.;

90 слов-ассоциаций (11 %) обладают отрицательной оценочностью: *страх вина, поражение, разруха, разочарование, жестокость, боль, зависть, досада, потери, трудность, болезнь, переживание, провал, проигрыш* и т. д.;

11 слов-ассоциаций (1,4 %) являются амбивалентными: *хитрость, риск, конец, перемены, терпение* и т. д.

Победа по своей природе полярна. Победа для одной стороны, вовлечённой в борьбу, есть проигрыш для другой стороны. Понятие *победа* можно представить как систему двойных семантических оппозиций, все левые и правые оппозиции образуют единство, при этом находясь на двух разных полюсах оценочной шкалы: *победа* – это хорошо, *поражение* – это плохо. «Оценочность в лексике представляет собой не случайное, а закономерное свойство. Оппозитивные отношения в системе дескриптивных значений ЛСГ укрепляются благодаря оценочным элементам семантики» [5, с. 6]. Так, понятие *победа* структурировано группами, которые, в свою очередь, тоже репрезентируют идею взаимообратности: *удача / неудача, мир / война, радость / досада, начало / конец, успех / провал, волнение / умиротворенность, счастье / горе, жизнь / смерть, радость / грусть, тишина / шум, действие / противодействие, победитель / проигравший, выигрыш / проигрыш, здоровье / болезнь, участие / безразличие* и т. д.

Особую значимость имеют компоненты четвертой ступени обобщения или, собственно, архисемы (пятый столбец). Последние представляют собой глубинные связи с понятием *победа*. В результате четырех ступеней обобщения выявлена 51 архисема: 3 *достижение*, 2 *упорство*, 3 *успех*, 2 *счастье*, *борьба*, *будущее*, *ветер*, *вина*, *возможности*, *выигрыш*, *главенство*, *гордость*, *государство*, *друзья*, *душа*, *жизнь*, *закономерность*, *испорченные нервы*, *лучший*, *любовь*, *неподвластность*, *новая война*, *ожидание*, *осуществление*, *отношения*, *первенство*, *победитель*, *подвиг*, *подготовка*, *поддержка*, *противодействие*, *результат*, *репутация*, *Родина*, *самореализация*, *санки*, *спокойствие*, *справедливость*, *страх*, *стремление*, *терпение*, *характер*, *целеустремленность*, *ценность*, *яркость*. Наличие / отсутствие положительной и /или отрицательной оценки в семантике слов-ассоциаций 4 ступени обобщения позволили распределить их на следующие категории:

29 архисем (56,9 %) характеризуются положительной оценочностью: *радость, справедливость, любовь, возможности, гордость, подвиг* и т. д.;

14 архисем (27,4 %) имеют четко ориентированную дескриптивную семантику: *будущее, государство, душа, ожидание, Родина, характер* и т. д.;

5 архисем (9,8 %) характеризуются отрицательной оценочностью: *борьба, вина, испорченные нервы, новая война, страх* и т. д.;

3 архисемы (5,9 %) амбивалентны: *неподвластность, противодействие, репутация* и т. д.

Направление изменения процентного соотношения оценочной семантики при сравнении первичных слов-ассоциаций и архисем обнаруживает следующую специфику (таблица 2):

Т а б л и ц а 2

Изменение процентного соотношения оценочной семантики в первичных словах-ассоциациях и архисемах

	первичные слова-ассоциации	архисемы
положительная оценка	45,1 %	56,9 %
отсутствие оценки	42,2 %	27,4 %
отрицательная оценка	11 %	9,8 %
амбивалентность	1,4 %	5,9 %

Результаты показывают, что от столбца к столбцу увеличивается количество слов-ассоциаций, содержащих положительную оценку, а слов-ассоциаций, содержащих четко ориентированную дескриптивную семантику, уменьшается практически вдвое. Количество слов с отрицательной оценкой и являющихся амбивалентными практически не меняется. Так глубинные связи с понятием *победа* носят преимущественно положительно-оценочный характер и связываются у носителей языка с положительными чувствами и состояниями.

Сгруппировав слова-ассоциации на основании общности семантического признака, удалось выявить прототипическую структуру понятия *победа* в виде фрейма-сценария, который имеет следующую структуру: слот **участники события**: 1) одно лицо: *спортсмен, болельщик, проигравший* и т. д.; 2) группа лиц: *герои, врачи, дети* и т. д.; слот **качества участников события**: *упорство, решительность, сосредоточенность, хитрость, жестокость, трудолюбие, осознанность* и т. д.; слот **взаимоотношения между участниками события**: *дипломатия, сотрудничество, лидерство, противодействие* и т. д.; слот **действия**: *подготовка, самосовершенствование, ожидание, саморазвитие, разоружение, труд* и т. д.; слот **место**: *музей, метро* и т. д.; слот **формат события**: *игра, олимпиада, олимпийские игры, турнир* и т. д.; слот **чувства и эмоции**: *скорбь, досада, гордость, спокойствие, радость, страх, страсть* и т. д.; слот **награды**: *деньги, золото, звание, награда, медаль, диплом* и т. д.; слот **цветовые характеристики**: *краски, белый, красный, зеленый* и т. д. Некоторые единичные слова-ассоциации не поддаются однозначной интерпретации, так как отражают индивидуальный опыт респондентов, например: *ветер, санки*.

Духовное и культурное наследие, передаваемое из поколения к поколению, связанное с понятием *победа*, содержится в коллективном бессознательном, объективированном совокупностью архисем. Анализ словесных ассоциаций респондентов позволяет выявить современное состояние фрагмента языковой картины мира студентов первого и второго курсов. Связь работы с лингвокультурологической и социолингвистической проблематикой вносит вклад в осознание места и роли понятия *победа* студентами, что, в свою оче-

редь, способствует налаживанию взаимопонимания как между представителями разных поколений внутри одного общества, так и между представителями разных обществ. В лингвистике такая комплексная пошаговая методика в виде направленного ассоциативного эксперимента позволяет, во-первых, сформировать номинативное поле понятия, во-вторых, выявить особенности семантики и системной организации наименований понятия, в-третьих, установить многочисленные семантические признаки, выраженные первичными словами-ассоциациями, а также семантические признаки, обнаруживаемые путем попарного обобщения слов-ассоциаций, в-четвертых, идентифицировать протопическую организацию понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика / пер. с англ. В. И. Менжулина. М : АСТ, 2009. 252 с.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : Восток–Запад ; Тверь : АСТ, 2007. 314 с.
3. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение, 1964. 244 с.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд, доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. 260 с.
5. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : Мин. гос. лингвист. ун-т, 2013. 131 с.

УДК [811.161.3+811.134.2]'373'367.625:398.9 (045)

Рублевская Татьяна Витальевна, магистрант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: taniarub8@gmail.com

Rublevskaya Tatyana, MA Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: taniarub8@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье проводится сопоставительный анализ белорусских и испанских фразеологизмов с глаголами перемещения с целью изучения особенностей использования указанных глаголов для репрезентации окружающего мира в данных языках.

Ключевые слова: фразеологизмы; глаголы перемещения; глаголы движения; белорусский язык; испанский язык.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH VERBS OF MOVEMENT IN THE BELARUSIAN AND SPANISH LANGUAGES

The article provides a comparative analysis of Belarusian and Spanish phraseological units with verbs of movement in order to study the features of using these verbs to represent the world in these languages.

Key words: phraseological units; verbs of movement; verbs of movement; Belarusian language; Spanish language.

Глаголы перемещения представляют собой лексико–семантическую группу акциональных глаголов в белорусском языке. Акциональные глаголы «обозначают физические или ментальные действия лица». В их составе Г. А. Золотова выделяет пять групп глаголов, в том числе «глаголы движения», считая, что последние «сопровождаются указанием на предметные ориентиры (исходную и конечную точку движения, путь движения, а также средство или способ)» [1, с. 163].

Существуют разные подходы к определению и описанию глаголов движения и перемещения. Некоторые исследователи считают, что к глаголам движения, или перемещения, принадлежат любые языковые единицы, обозначающие изменение местоположения субъекта или объекта в пространстве при определённом пути следования [2, с. 21].

Согласно второму подходу глаголы движения и перемещения не разграничиваются и рассматриваются как компоненты одной лексико-семантической группы, объединяющей лексемы с определёнными морфолого-синтаксическими особенностями [3, с. 6].

Тем не менее многие учёные рассматривают глаголы движения, которые обозначают физическое перемещение в пространстве, как часть группы глаголов перемещения. Согласно данной концепции глаголы перемещения включают в себя глаголы движения, которые характеризуются парностью, семантико-морфологической взаимоотношенностью членов противопоставления (например, *ісці – хадзіць, ехаць – ездзіць*) [3, с. 3]. В нашем исследовании мы придерживаемся этой концепции.

К глаголам перемещения относятся глаголы, обладающие следующими семантическими особенностями: глаголы перемещения одушевлённого субъекта или неодушевлённого объекта в пространстве (*ісці, ляцець, падарожнічаць, лезьці* и др.), глаголы со значением манипуляции с объектом или субъектом в пространстве (*несці, гнаць, везці* и др.), а также глаголы, называющие смену расположения субъекта или объекта в пространстве (*кідаць, падаць, вешаць, узяць, апусціць* и др.).

Глаголы движения составляют особую лексико–семантическую группу глаголов, которая включает в себя парные глаголы несовершенного вида (далее – НСВ) со значением перемещения в пространстве [4, с. 606]. Таким образом, в белорусском языке существуют следующие пары глаголов движения: *ісці – хадзіць, ехаць – ездзіць, бегчы – бегаць, ляцець – лятаць, плыць – плаваць, валачыся – валачыцца, лезці – лазіць, паўзці – поўзаць, весці – вадзіць, везці – вазіць, несці – насіць, каціць – катаць, цягнуць – цягаць і гнаць – ганяць*. Другие глаголы (*падарожнічаць, спускацца, вандраваць*), обозначающие перемещение в пространстве, однако не имеющие парных соответствий в виде таких пар глаголов, как *хадзіць* и *ісці*, не относятся к группе глаголов движения.

Первые глаголы в вышеприведённых парах называют глаголами группы *ісці* (*ісці, ехаць, бегчы* и др.), вторые – глаголами группы *хадзіць* (*хадіць, ездзіць, бяжаць* и др.).

Семантическая дифференциация глаголов движения может также исходить из способа передвижения и точки зрения направленности. Так, по способу передвижения глаголы движения могут быть объединены в следующие группы [4, с. 606–607]:

- 1) способ передвижения по поверхности: *ісці, бегчы, паўзці, каціцца*;
- 2) использование или неиспользование средств передвижения: *ехаць, ісці, бегчы*;
- 3) передвижение в определённой среде: движение по твёрдой поверхности (*ісці*), жидкой среде (*плыць*), воздушной среде (*ляцець*);
- 4) принуждение объекта к движению: *гнаць*;
- 5) скорость передвижения: *несціся, бегчы, брэсці*.

Глаголы движения можно дифференцировать и по отношению говорящего к самому движению или к субъекту, осуществляющему это движение: *цягнуцца, несціся*.

По направленности глаголы движения можно разделить на три типа [5, с. 608]:

- 1) движение однонаправленное, то есть поступательное движение объекта от точки А до точки Б;
- 2) движение ненаправленное (разнонаправленное);
- 3) движение двунаправленное.

В испанском языке глаголы, отражающие перемещение, не выражают характера движения: однонаправленное и неоднаправленное, однократное и неоднократное. Сравните:

- 1) *Voy a la Universidad – Иду в университет.*
- 2) *Todos los días voy a la Universidad – Каждый день я хожу в университет.*

Конкретизация способа передвижения происходит с помощью контекста, описательных конструкций или с помощью использования специальных глаголов (например, *andar, caminar* (*шагаць*)).

Значения белорусских префиксов в испанском языке могут выражаться специальными глаголами (1), с помощью описательных конструкций (2) или одним и тем же глаголом (3):

1. *Я надыходжу да універсітэта – Me acerco a la Universidad. Я выходжу з універсітэта – Salgo de la Universidad;*
2. *Захадзі! – Ven adentro!* (дословно: *ідзі унутр!*);
3. *Яны сышлі да хаты – Se fueron a casa. Яны разышліся па дамам – Se fueron a casa.*

Следует также иметь в виду, что один белорусский приставочный глагол может быть переведён на испанский язык несколькими (например, *прыйсці – venir, llegar*), а один испанский глагол – несколькими белорусскими (например, *llegar – прыйсці, прыехаць, дайсці, даехаць*).

Нами было проведено исследование, целью которого было сопоставление белорусских и испанских фразеологизмов с глаголами перемещения для изучения отражения перемещения в языковых картинах мира данных языков.

Нами было отобрано 120 фразеологизмов с указанными глаголами на белорусском и испанском языках. Наиболее частотными глаголами перемещения, встречающихся среди отобранных нами фразеологизмов, являются следующие: *ісці – хадзіць / ir, andar* (перемещение без использования средств транспорта), *увайсці–уваходзіць / entrar* (перемещение, появление в пределах другого пространства), *бегчы–бегаць / correr* (быстрое перемещение), *ляцець–лётаць / volar* (перемещение в воздушном пространстве), *весці–вадзіць / llevar* (перемещение с сопровождением другого субъекта или объекта), *устаць / levantarse* (перемещение, принятие стоящего движения), *плаваць–плыць / nadar* (перемещение в воде), *анусціць / bajar* (перемещение в более низкое положение), *узяць / agarrar* (перемещение субъектом или субъекта некой сущности), *спусціцца / bajar* (перемещение сверху вниз) и др.

Отобранные фразеологизмы могут быть объединены в следующие семантические группы:

1) Фразеологизмы, описывающие характер человека: *вецёр ходзіць у галаве – tener la cabeza vacía*, *выйсці з сябе – perder los estribos*, *з дуба зваліўся – caerse del nido* и др.

2) Фразеологизмы, описывающие отношение к работе: *кідацца як рыба ў вадзе – dar mas vueltas que una ardilla*, *пальцам не наварушыць – no mover los dedos*, *сядзець злажыўшы рукі – cruzarse de brazos* и др.

3) Фразеологизмы, описывающие поступок и отношение к другим людям поступков: *вадзіць за нос – darsela con queso*, *вешаць локшыну на вушы – a otro perro con ese hueso*, *ісці насустрач – salir al encuentro* и др.

4) Фразеологизмы, описывающие эмоции: *схадзіць з розуму – volverse loco*, *зямля сышла з-пад ног – perderse terreno*, *ўстаць не з той нагі – levantarse con el pie izquierdo* и др.

5) Фразеологизмы, описывающие перемещение: *бегчы без аглядкі – correr sin volver la cabeza*, *бегчы на ўсю сілу – correr a todo pulmón*, *насіцца як ашалелы – andar sofocado* и др.

Согласно нашим подсчётам:

1) В 55 % отобранных фразеологизмов глаголы перемещения белорусского и испанского языков совпадают: *бегчы без аглядкі – correr sin volver la cabeza*, *бегчы на ўсю сілу – correr a todo pulmón*, *выходзіць сухім з вады – salirse con la suya*, *корчы без аглядкі – correr sin volver la cabeza*, *бегчы на ўсю сілу – correr a todo pulmón*, *выходзіць сухім з вады – salirse con la suya*;

2) В 14 % белорусских и испанских фразеологизмов присутствует глагол перемещения, однако сами глаголы отличаются: *плыць па плыні – ir a la deriva*, *ісці насустрач – salir al encuentro*;

3) В 25 % испанских фразеологизмов нет глагола перемещения, который имеется в белорусском фразеологизме: *вецёр ходзіць у галаве – tener la cabeza vacía*, *галава ходзіць кругам – tener un caso (mental)*;

4) В 6 % белорусских фразеологизмов нет глагола перемещения, который имеется в испанском фразеологизме: *казаць намёкамі – andar con preambulos*.

Таким образом, глаголы перемещения занимают важное место в процессе познания человеком окружающего мира. При сравнении фразеологизмов обнаруживается, что в белорусском языке глаголы перемещения используются чаще, чем в испанском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса единиц: АН СССР, Ин-т русского языка ; отв. ред. Ю. В. Рождественский. М. : Наука, 1982.
2. Ярема Е. В. Функционально-семантические особенности глаголов движения (на материале разносистемных языков): автореф. дис.... к. филол. н. Майкоп, 2008. 24 с.
3. Блягоз З. У. Глаголы перемещения в современном русском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горьк. гос. ун-т. М., 1964. 25 с.
4. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. / А. В. Величко [и др.] ; под ред. А. В. Величко. СПб. : Златоуст, 2018. 752 с.

УДК 811.161.3

Канановіч Аліна Уладзіміраўна, магістр філалагічных навук
Сярэдняя школа № 11 г. Гродна, Гродна, Беларусь
Электронная пошта: mallvinna@list.ru

Kananovich Alina, Master of Philological Sciences
School № 11 Grodno, Grodno, Belarus
e-mail: mallvinna@list.ru

АСАБЛІВАСЦІ ІДЫЁМАЎ З НАЗВАМІ КОЛЕРАЎ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

У артыкуле вылучаюцца і апісваюцца адметнасці ідыём з назвамі колераў у беларускай мове. Асаблівая ўвага надаецца спецыфіцы значэння назваў колераў у названых фразеалагічных адзінках.

Ключавыя словы: беларускі; ідыёмы; колеры; мова; фразеалогія.

THE PECULIARITIES OF COLOUR IDIOMS IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

The article deals with the peculiarities of colour idioms in the Belarusian language. Phraseological units are revealed according to the specific meaning of colour names.

Key words: Belarusian; colours; idioms; language; phraseology.

Фразеалогія ўтварае «самую яркую і найбольш вобразную частку слоўніка любой мовы» [1, с. 3]. Веданне яе багацця з'яўляецца важнай рысай вывучэння роднай мовы. Фразеалогія валодае спецыфічнымі рысамі, маючы асаблівыя характарыстыкі ў маўленні, якія аб'ядноўваюць адметнасці ў структуры са значэннем. Існаванне падобных фразеалагічных адзінак у розных мовах даказвае ўніверсальнасць іх выкарыстання чалавецтвам. У той жа час адрозненні дапамагаюць зразумець спосаб мыслення людзей у розных частках свету.

Сучаснасць даследавання абумоўлена цікавасцю да карціны свету, прадстаўленай у фразеалагічных адзінках беларускай мовы з акцэнтам на нацыя-

нальны кампанент мовы. Каб даследаваць асаблівасці ідыём з назвамі колераў, ім даецца агульная характарыстыка ў беларускай мове, знаходзяцца іх агульныя і спецыфічныя рысы, аналізуюцца тэндэнцыі функцыянавання ідыёмаў з назвамі колераў і выяўляюцца асацыяцыі з рознымі колерамі ў фразеалагічных адзінках беларускай мовы.

У апошні час цікавасць да фразеалогіі ўзрастае, таму што лінгвістычная кампетэнцыя ўключае таксама знаёмасць з устойлівымі выразамі, ідыёмамі і прыказкамі, як і магчымасць утвараць і разумець метафарычныя інтэрпрэтацыі. Так, Н. М. Амосава пісала, што фразеалогія – гэта «скарбніца мовы» [2, с. 5]. Побач з асобнымі словамі носьбіты мовы ўжываюць буйнейшыя моўныя блокі, якія складаюцца больш, чым з аднаго слова і функцыянуюць як адзінае цэлае. У кожнай мове ёсць свае ўтварэнні, звязаныя з лінгвістычнымі фактарамі або са знешняй рэальнасцю. А. У. Кунін даў наступнае азначэнне фразеалагічным адзінкам: «Фразеалагічныя адзінкі або ідыёмы – гэта асобныя ўтварэнні з поўнасцю або часткова пераасэнсаванымі значэннямі» [3, с. 7]. У іх агульны сэнс дамінуе над фармальнай адасобленасцю кампанентаў. Даследчык фразеалогіі І. Я. Лепешаў лічыў, што асноўнай рысай фразеалагічнай адзінкі з'яўляецца яе «цэласнасць значэння» [4, с. 6]. Ідыёмы з'яўляюцца ўстойлівымі выразамі, якія складаюцца з некалькіх слоў, што ўжываюцца разам, але мы не можам здагадацца пра значэнне ідыёмы, абпіраючыся на значэнне яе частак. Гэты крытэрый называецца ступенню семантычнай ізаляванасці. У розных відах ідыёмаў ён праяўляецца ў рознай ступені. Паводле структуры можна падзяліць ідыёмы на ўстойлівыя адзінкі: устойлівыя рэгулярныя і ўстойлівыя нерэгулярныя (могуць мець варыянты на граматычным узроўні) і зменныя (маюць варыянты на лексічным узроўні).

Ідыёмы належаць да вуснага маўлення. Ужыванне ідыёмаў таксама характэрнае для літаратуры і публіцыстыкі. Стылістычнае адрозненне фразеалагічных адзінак уключае эмацыянальныя характарыстыкі, якія яны набываюць, калі выкарыстоўваюцца ў спецыфічных сферах камунікацыі людзей. Выкарыстанне ідыёмаў абмежавана канкрэтным стылем мовы. Шматлікія фразеалагічныя адзінкі не толькі называюць рэаліі жыцця, але таксама ўказваюць на своеасаблівыя адносіны да іх (іронію, незадавальненне і інш.). Такім чынам, паводле стылістычнай і экспрэсіўнай афарбоўкі можна вылучыць некалькі груп фразеалагічных адзінак: стылістычна нейтральныя, размоўныя (прастамоўныя), кніжныя, устарэлыя.

Крыніцай устойлівых выразаў выступае паўсядзённае жыццё, літаратура, іншыя мовы, гісторыя. У нашым артыкуле мы звярнуліся да адзінак, вылучаных са «Слоўніка фразеалагізмаў» І. Я. Лепешава (54 адзінкі). Даследаванне фразеалагічных адзінак праводзілася метадамі тэарэтычнага і кампанентнага аналізу, метадам суцэльнай выбаркі, метадам лінгвістычнага апісання і стылістычным метадам.

Пры параўнанні фразеалагізмаў беларускай мовы з іншымі мовамі знаходзім як адпаведнікі ў значэнні: абсалютныя эквіваленты (інтэрнацыянальныя выразы), адносныя эквіваленты (калі значэнне захоўваецца, але ёсць адрозненні

ў форме, або калі змест базуецца на іншым вобразе); так і цалкам адрозныя паводле лексічнага кампаненту аналагі, а таксама такія, што з'яўляюцца арыгінальнымі (не маюць адпаведнікаў у іншай мове).

Калі звярнуцца непасрэдна да значэнняў колераў, то варта адзначыць, што папулярнае разуменне асноўных колераў адрозніваецца ад навуковага. Так, чорны і белы, паводле навуковага падыходу, не з'яўляюцца колерамі. Культурныя асацыяцыі з колерамі таксама могуць быць рознымі, таму колеры выкарыстоўваюцца па-рознаму ў розных мовах.

Так, найбольш частая асацыяцыя з чорным колерам – гэта сум, шэры таксама асацыіруецца з сумам, белы – з чысцінёй, але і са страхам, чырвоны – са злосцю, зялёны – з зайздасцю і сквапнасцю, блакітны – і з сумам, і з радасцю. Яркія колеры ўспрымаюцца як пазітыўныя, ахраматычныя асацыіруюцца з манатоннасцю і панурасцю.

Трэба адзначыць, што большасць ідыёмаў у сваім складзе мае словы чорны і белы, у беларускай мове яны складаюць 57 % ад прааналізаваных адзінак. Беларускія ідыёмы таксама ўключаюць такія колеры, як чырвоны, руды, зялёны, сіні, блакітны, ружовы, карычневы. Назвы колераў ўжываюцца не толькі ў сваім першым значэнні, але і сімвалічна. Выкарыстанне метафарычнага сэнсу спрыяе павелічэнню эмацыянага ўздзеяння на слухача.

Спынімся больш падрабязна на асобных фразеалагічных адзінках. Белы колер (33 %) выкарыстоўваецца як сімвал чысціні: у *белых пальчатках*, як указанне на нешта невядомае: *белая пляма*, звязваецца з высакароднасцю: *белая косць*, у негатыўным значэнні: *казка пра беллага бычка*, у нейтральным значэнні: *белыя мухі, белы свет*.

Чорны (24 %) часта мае негатыўнае значэнне: у *чорным святле, у чорным целе, чорна ў роце*.

Чырвоны (7 %) сігналізуе небяспеку: *чырвоны певень*.

Зялёны (17 %) асацыіруецца з прыродай і маладосцю: *молада-зелена*, а таксама са свабодай: *зялёнае святло, зялёная вуліца*.

Сіні (7 %) і блакітны (4 %) сімвалізуюць шчасце: *сіняя птушка* і арыстакратыю: *блакітная кроў*.

Ружовы колер (7 %) абазначае пазітыў і ідэалізацыю: *маляваць ружовымі колерамі*.

Карычневы (2 %) і руды (2%) выкарыстоўваюцца рэдка і надаюць ідыёмам негатыўнае адценне значэння: *карычневая чума, як рудая мыш*.

Такія колеры, як жоўты і фіялетаваы не знайшлі адлюстравання ў фразеалагічных адзінках беларускай мовы.

Варта адзначыць, што некаторыя ідыёмы могуць утрымліваць дзве назвы колераў: *чорным па белым, рабіць з беллага чорнае*, а таксама могуць мець некалькі назваў колераў у якасці варыянтаў: *на <сіні, чорны> пазногаць*.

Паводле прыналежнасці да стылю ідыёмы з назвамі колераў маюць у слоўніку паметы размоўнае, народнае, кніжнае, некаторыя з'яўляюцца ўстарэлымі: *чорная костка*.

Паводле эмацыйнай афарбоўкі асобныя фразеалагічныя адзінкі вызначаюцца як неадабральныя: *сіняя панчоха, чорна ў роце*, некаторыя з іх маюць адценне іроніі: *молада-зелена, у белых пальчатках*.

Больш за адно значэнне налічваецца ў 13 % ідыёмаў: *белая пляма, у чорным целе*. Аманімічнае значэнне мае фразеалагізм *зялёная вуліца*. Асобныя ўтварэнні ўступаюць у сінанімічныя адносіны: *зялёная вуліца*¹ – *зялёнае святло, белая костка – блакітная кроў*. Сустрэкаюцца адзінкі з супрацьлеглым значэннем: *у чорным святле – у ружовым святле, маляваць чорнай фарбай – маляваць ружовымі фарбамі*. Фразеалагізмы могуць мець варыянты або варыятыўныя кампаненты ў сваім складзе: *у чорным святле (у чорных фарбах), выводзіць (выцягваць) на белы свет*.

Большасць фразеалагічных адзінак мае ў сваім складзе назоўнік. Вялікая частка ідыёмаў можа адыгрываць у сказе ролю розных яго членаў.

Такім чынам, фразеалагічныя адзінкі робяць маўленне больш жывым і эмацыйным. Існаванне ідыёмаў з назвамі колераў у беларускай мове гаворыць пра яе нацыянальнае багацце і адметнасць, бо яны маюць свае ўласныя значэнні для апісання рэальнасці. Сэнс фразеалагічных адзінак не выводзіцца са значэнняў асобных кампанентаў, а мае сімвалічны змест, утвораны на базе асноўнага значэння колеру з дапамогай метанімічнага пераносу. Вывучэнне канатаўнага значэння ідыёмаў дапамагае асэнсаванню нацыянальнай спецыфікі беларускіх фразеалагізмаў з назвамі колераў.

ЛІТАРАТУРА

1. Алёхина А. И. Краткий русско-английский и англо-русский фразеологический словарь. Минск : БГУ, 1980. 400 с.
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л. : ЛГУ, 1963. 205 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Высшая школа, 1992. 237 с.
4. Лепешаў І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. Минск : БелЭн, 2008.

УДК 811

Улична Мартина, кандидат филологических наук
Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словакия
Электронная почта: martina.ulicna@euba.sk

Uličná Martina, Candidate of Philological Sciences
University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia
e-mail: martina.ulicna@euba.sk

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОЛОРИЗМОМ «БЕЛЫЙ» В СРАВНИТЕЛЬНОМ РУССКО-СЛОВАЦКОМ ПЛАНЕ

В статье рассматриваются устойчивые сочетания с компонентом «белый», входящие в русский и словацкий языках в семантическое поле «человек, его внешность, характер и эмоции» и проводится их сравнительный анализ с точки зрения реализации семантических признаков, входящих в лексическое значение данного колоризма.

Ключевые слова: русский язык; словацкий язык; сравнительное исследование; колоризм «белый»; устойчивое сочетание.

IDIOMS WITH COLOURISM "WHITE" IN A COMPARATIVE RUSSIAN-SLOVAK PLAN

The article considers idioms with the component "white" included in Russian and Slovak languages in the semantic field "man, his appearance, character and emotions" and carries out their comparative analysis from the point of view of similarities and differences in the implementation of semantic features included in the lexical meaning of this colourism.

Key words: Russian language; Slovak language; comparative study; colourism "white"; idioms.

Цветовые предпочтения являются одним из атрибутов своеобразия этнокультурного сообщества, так как названия цветовых оттенков становятся средством выражения культурно обусловленных символических значений, характера и духовных ценностей народа.

Согласно теории Б. Берлина и П. Кея «развитие цветовой терминологии проходит в строгой последовательности и на «самой низшей» стадии, стадии I, в языке есть только два basic-цветообозначения и это во всех случаях оказываются слова, указывающие на белый и черный цвета» [1, с. 17].

По количественным данным прилагательные «белый» и «черный» являются наиболее встречаемыми колоризмами и самыми активными в образовании фразеологических единиц, причем лежат в основе фразеологических единиц (ФЕ) построенных на противопоставлении признаков «белый – черный», «светлый – темный», переносных и символических значений данных колоризмов или просто на факте выражения противопоставления.

Колоризм «белый» и его словацкий эквивалент «biely» в своем основном значении обозначают цвет предмета, похожий на снег или молоко, но предполагается, что первоначальное значение, в противопоставлении к прил. «черный» – «čierny», было связано с обозначением света («яркий, светлый, слепящий»). Промежуточным семантическим признаком между значением цвета и (солнечного) света является значение светлого варианта окраски («очень светлый; светлее, чем обычно»). Основным мы считаем семантический признак, связанный с солнечным светом «ясный, яркий» – *белый день – biely deň*; дальше «светлый» – *белый хлеб – biely chlieb* и «цвета снега, молока, мела» – *белый лист бумаги – biely list papiera*. В отличие от русской традиционной культуры колоризм «biely» не выражает признаков «чистый» (русск. *белая изба* – с трубой) или «связанный с добром; нравственно безупречный» (*белая совесть*).

На основе сопоставительного анализа русского и словацкого языкового материала, взятого из лексикографических источников (толковых и фразеологических словарей русского и словацкого языков, исторического словаря словацкого языка), сборников пословиц и поговорок и текстов народных сказок, в статье рассматриваются особенности структуры лексического значения

колоризмов «белый» и «biely» в функции компонентов устойчивых словосочетаний и ФЕ входящих в русском и словацком языках в семантическое поле «внешность, характер, физическое состояние и эмоции человека».

В словацкой фразеологии фразеологической единицей считается особый тип устойчивых сочетаний, характеризующихся экспрессивностью и образностью, компоненты которых были полностью или хотя бы частично десемантизированы [2]. В данном исследовании к ним присоединены и устойчивые сочетания нефразеологического и терминологического характера, которые не обладают экспрессивностью, а также постоянные эпитеты в народных сказках.

Теоретическую базу к синхроническому и диахроническому анализу лексических единиц в сравнительном плане представляют работы В. Бланара [3]. Лингвокультурологический аспект русско-словацкого сравнительного подхода рассматривается в работах И. Дулебовой и Н. Цингеровой [4]. Сравнительный подход к концепту цветообозначений применяется в большом количестве статей и монографий, напр. в русском и немецком [5], русском и польском [6], в русском, английском и японском языках [7].

Основные характеристики человека – раса, пол, социальный статус.

Светлая кожа и расовая принадлежность европейского населения в русском и словацком языке обозначается атрибутом «белый»: *белый человек* – *biely človek, beloch*. В русском языке встречаются ФЕ как *белые люди* – ‘комфортабельно, благоустроено’; *белый негр* – о бесправном, выполняющем непосильную работу (подобно неграм-рабам) человеке.

В словацком языке нет эквивалентов к упомянутым русским ФЕ, но есть пословицы, которые связаны с расовой принадлежностью: *Murín nebude bielym* (‘Негр не станет белым.’) и предрассудками и стереотипами, основанными на контрасте между словацким населением и цыганами: *Neboj sa tak čierneho cigáňa ako bieleho*. (белый цыган – врун, обманщик).

Ассоциация белого цвета кожи с внешностью женщины, выраженная при помощи компонента *белый* лежит в основе ФЕ *obchod s bielym mäsom* (‘торговля белым мясом’ – незаконный вывоз женщин за границу для принудительного занятия проституцией), синхронно часто употребляемой в журналистике.

Компонент *белый* также встречается в перифразах, связанных с профессией: *белые халаты* – *biele plášte*, врачи, фармацевты, люди, работающие в лаборатории, *белые воротнички* – *biele goliere*, государственные служащие, предприниматели и другие, которые не занимаются физическим трудом.

В русском языке к ним можно присоединить и понятие *белый священник*, белое духовенство – часть православного духовенства, не дающая обетов строгого воздержания и безбрачия. Исторически *белый* в русском языке является и свободный от налога – *белые крестьяне*, свободные от всех податей и повинностей.

Принадлежность к разным социальным классам выражена в ФЕ *белая кость* (о человеке знатного происхождения) и пословице *Белый лебедь серому гусю не товарищ*. В словацком языке к этим ФЕ нет эквивалентов с компонентом *белый*.

Человека, который значительно отличается от других, в русском и в словацком языках называют *белой вороной* (*biela vrana*). Отрицательное отношение к такому человеку со стороны общества подтверждается ФЕ *белую ворону и свои заклюют*, которое в словацком языке не имеет эквивалента.

Внешность человека, его физическое и психическое состояние.

Белый цвет традиционно ассоциируется с положительной оценкой внешности женщины или ребенка, красоты, в русском языке иногда в контрасте с ее внутренними качествами, характером: *красавица румяна и бела; краше цвета алого, белей снегу белого; бела, румяна, да нравом упряма*; в словацком языке *diet'a biele ako húsatko, nevesta biela ako sneh a červená ako krv*.

В языке сказок компонент *белый* встречается в виде постоянного эпитета при описании частей тела: *белые руки/ручки, белая шея/шейка, груди белые*; в слов. *biele ruky/rúčky*. В русских сказках компонент *белый*, напр. словосочетание *белые руки, белые груди* употребляется и при описании мужского тела: *царь приказал ... принимать Илью Муромца за руки белые; распорол бы я (богатырь) поганцу груди белые*. В отличие от русских сказок компонент *biely* в словацких сказках встречается только при описании внешности женщины (девушки) или ребенка: *biela ako kvet, moja žena musí byť biela ako sneh a červená v lícach ako krv*. Наличие эпитета *biely* в описании привлекательной внешности мужчины встречается исключительно редко, единственный пример мы нашли в суеверном заклинании *Vrba, vrba, daj mi muža, červeného ako ruža a bieleho ako kvet a dobrého ako med!*

Закрепление компонента «*biely*» с существительным «*osoba*» в значении 'женщина' или 'девушка' наблюдается не только в сказках, но и в исторических документах: *biela hlava, osoba, pohlava* о женщинах. Компонент «*белый*» и «*biely*» обычно связан с преклонным возрастом и седым цветом волос (бороды): *белый как лушь (совсем седой)*, слов. *biely ako holub*.

Физическое и психическое состояние, человеческие эмоции

Сравнения с цветом мела, стены выражают состояние бледности лица от страха, гнева, волнения: *стал белым как мел, стена, полотно (побледнел), bol biely ako stena*.

Компонент «*белый*» встречается в ФЕ довести (дойти) до белого каления, в котором «*белое каление*» обозначает крайнюю степень свечения раскаленного тела при высоких температурах и в переносном значении состояние крайнего раздражения. В разговорном словацком языке можно встретить ФЕ *rozzúrit'/vytočiť' (sa) dobiela* основанную на той же метафоре.

Исходя из народных сказок, *белый свет* можно понимать как мир на поверхности, с солнечным светом, в отличие от подземного мира. Более широкое значение по словарю Даля – это «вольный свет, открытый мир, свобода на все четыре стороны; весь свет, мир, вся земля наша и все люди». Хотя сам *белый свет* воспринимается положительно, его образ встречается и в поговорках, связанных с отрицательными эмоциями: *свету белому не рад, белый (Божий) свет не мил (кому)*. Метафорическому *белому свету* в словацком языке соответствует *boží/biely svet*, но эквивалентов для указанных русских ФЕ нет.

Характер человека

Если описание внешности человека чаще всего выражается с помощью сравнения, то для образной оценки характера человека в основном используются пословицы и поговорки. Компонент «белый» выражает несоответствие между внешностью и характером человека в русском языке при помощи противопоставления компонентов «белый» и «черный» или «серый»: *Мыло серо, да моет бело. Чёрного кобеля не отмоешь добела.* (о неисправимой человеческой природе); *Рубашка беленька, да душа черненька.* Рубаха черна, да совесть бела. *Черная риза не спасет, а белая к греху не доведет.*; в словацком языке *I čierna kvočka biele vajce znesie.* В сборнике словацких пословиц и поговорок Затурецкого можно найти ФЕ *Darmo čerta čistíš, predsa ho nikdy nevybieliš*; но в современном словацком языке противопоставление белого и черного цвета в этом значении не встречается, ср. *Nebude zo psa slanina, ani z vlka baranina.* (человека не изменишь); *Vodu káže, víno pije.* (о лицемерии); *Nie je všetko zlato, čo sa blyští.* (о несоответствии внешнего вида и характера). В словацком языке антонимическая пара «белый – серый» в этом значении не используется.

Русско-словацкое сопоставительное исследование колоризмов «белый» и «*biely*» показывает, что несмотря на генетическую близость сопоставляемых языков, семантическая структура лексического значения колоризма «белый» и «*biely*», не является идентичной. Наблюдаются различия в количестве семантических признаков, входящих в лексическое значение данных колоризмов, а также национальное своеобразие в применении компонента «белый» («*biely*») в устойчивых сочетаниях терминологического и фразеологического характера в русском и словацком языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич А. П., Кузнецова С. Н. Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М. : КомКнига, 2005. 216 с.
2. Mlacek J., Ďurčo P. et all. Frazeologická terminológia. URL: https://www.juls.savba.sk/ediela/frazeologicka_terminologia/ (дата обращения: 21.04.2024).
3. Blanár V. Porovnávanie lexiky slovanských jazykov z diachrónneho hľadiska. Bratislava: Veda, 1993. 192 s.
4. Dulebová I., Cingerová N. Ruské lingvoreálie. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave. 2017. 274 s.
5. Солодилова И. А., Щербина В. Е. Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты современной фразеологии : монография. Оренбург: ИПК ГОУ ОГ. 2011. 377 с.
6. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : Московский Лицей, 2001. 470 с.
7. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2011. 320 с.

УДК 811.581'373.222(045)

Ма Юйкунь, магистрант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: 937698867@qq.com

Ma Yujkun, MA Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: 937698867@qq.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ СЛОВ-ОРНИТОНИМОВ

В статье рассматриваются особенности семантики и системной организации китайских слов-орнитонимов. Орнитонимы – номинативные единицы, представляющие названия птиц, рассматриваются в качестве объектов лингвистического изучения.

Ключевые слова: семантическое пространство языка; признак семантической прозрачности; китайские слова-орнитонимы; номинативная единица; иероглиф; лексико-семантическая группа

SEMANTIC FEATURES OF CHINESE ORNITHONYMS

The article discusses the peculiarities of semantics and system organization of Chinese ornithonyms. Ornithonyms – nominative units representing the names of birds – are considered as objects of linguistic study.

Keywords: semantic space of language; semantic transparency feature; Chinese ornithonyms; nominative unit; Chinese character; lexico-semantic group

Исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками. Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира, описания национального семантического пространства позволяет перейти от языковой картины мира к когнитивной, к описанию национально-культурной специфики семантического пространства языка.

Антропоцентрический характер языковой системы при изучении лексики требует выявления и описания отношений между языком и его пользователем. Лексические средства являются носителями национально-культурной информации, на их основе можно познать культуру нации. Работа посвящена исследованию семантических особенностей слов-орнитонимов в китайском языке, что актуально в антропоцентрической парадигме современной лингвистики. Орнитоним (от греч. *ὄρνις* ‘птица’, *ὄνομα* ‘имя, название’) – это номинативная единица, представляющая название птицы как объекта лингвистического изучения.

Слово птица ассоциируется с полетом. Но это не единственная ассоциация. В поведении птицы найдется немало признаков, которые могут трактоваться по-разному в зависимости от ситуации и прагматической интенции говорящего,

и положительно, и отрицательно. Птица клюет, нападает, вскармливает и защищает своих птенцов. Она то радостно поет, то тревожно кричит, то губит посевы, то спасает их, то рано просыпается, то не спит вовсе, то вьет гнезда, то пользуется чужим домом. Эти особенности ее поведения ложатся в основу метафорических переосмыслений [1].

Основная единица китайского письма – иероглиф, отличительной чертой которого как языкового знака является то, что иероглиф может означать не только отдельные звуки и слоги, морфемы, слова, но и целые понятия. Это означает, что иероглиф может являться семой. Слова в китайском языке могут состоять как из одного, так и из двух и более иероглифов. Основным интересом заключается в том, что, глядя на незнакомое китайское слово, можно догадаться о его значении, если знаком хотя бы один иероглиф, входящий в состав слова [2].

Семантические особенности китайских слов-орнитонимов заключаются в их семантической прозрачности. Признак семантической прозрачности заключается в значимости иероглифа, как организующего фактора системной организации китайских орнитонимов. Иероглиф 鸟 *niǎo* (переводится как ‘птица’) входит в состав орнитонимов. Иероглифы 鸦 ‘ворона’, 隼 ‘сокол’, 鹈 ‘кулик’, 燕 ‘ласточка’, 雕 ‘беркут, орел’, 鹅 ‘гусь’, 鸡 ‘курица’, 雀 ‘воробей’ являются наиболее частотными среди наименований птиц. Самыми частотными являются иероглифы 鹅 ‘гусь’ и 鸡 ‘курица’.

На основе данных иероглифов объединяются наименования птиц, относящихся к одному классу: иероглиф 鸦 ‘ворона’ входит в состав орнитонимов: 水老鸦 ‘баклан’, 渡鸦 ‘ворон’, 唐鸦 ‘галка’, 白嘴鸦 ‘грач’, 松鸦 ‘сойка’; 鸡 ‘курица’ является частью слов: 公火鸡 ‘индюк’, 母火鸡 ‘индюшка’, 发鸡 ‘киви’, 孵卵鸡 ‘клуша’, 长脚秧鸡 ‘коростель’, 母鸡 ‘курица’, 公鸡 ‘петух’, 榛鸡 ‘рябчик’, 黑琴鸡 ‘тетерев’, 雌黑琴鸡 ‘тетерка’, 野鸡 ‘фазан’, 凤头麦鸡 ‘чибис’; 雀 ‘воробей’ – 中地雀 ‘вьюрок’, 燕雀 ‘зяблик’, 金丝雀 ‘канарейка’, 青山雀 ‘лазоревка’, 孔雀 ‘павлин’, 雌孔雀 ‘пава’, 五十雀 ‘поползень’, 山雀 ‘синица’, 红腹灰雀 ‘снегирь’, 黄雀 ‘чиж’, 金翅雀 ‘щегол’, 雌金翅雀 ‘щеглиха’. Для обозначения женского рода используются иероглифы 雌 и 母 в начале слова (雌鹰 ‘самка орла’, 雌孔雀 ‘самка павлина’, 雌鹌鹑 ‘самка перепела’, 母乌鸡 ‘самка тетерева’). Для обозначения мужского используются иероглифы 公 и 雄 (公鸡 ‘петух’, 雄吐绶鸡 ‘индюк’).

При выявлении семантических особенностей китайских слов-орнитонимов установлены основные иероглифы, входящие в состав обозначений птиц. Иероглиф 鸟 *niǎo* ‘птица’ входит в состав огромной части орнитонимов.

Например: 小黑鸟 ‘балобан’, 沙锥鸟 ‘бекас’, 征鸟 ‘беркут’, 潜鸟 ‘гагара’, 啄木鸟 ‘дятел’, 黑啄木鸟 ‘желна’, 知更鸟 ‘зарянка’, 绿黄色科鸣鸟 ‘зеленушка’, 翠雀 ‘зимородок’, 黄鸟 ‘иволга’, 芙蓉鸟 ‘канарейка’, 交喙鸟 ‘клест’, 布谷鸟 ‘кукушка’, 知更鸟 ‘малиновка’, 嘲鸟 ‘пересмешник’, 太平鸟 ‘свиристель’, 棕鸟 ‘скворец’, 鸵鸟 ‘страус’, 黑雷鸟 ‘тетерев’, 花魁鸟 ‘топорик’, 火烈鸟 ‘фламинго’, 军舰鸟 ‘фрегат’.

Можно заметить, что данный иероглиф стоит последним в слове, «закрывает» его. При этом он является архисемой. Впереди стоящие иероглифы более подробно раскрывают значение слова. Например: 小黑鸟 ‘бекас’ дословно переводится как ‘маленькая черная птица’, 潜鸟 ‘гагара’ – ‘птица, ныряющая под водой’, 啄木鸟 ‘дятел’ – ‘птица, долбящая дерево’, 翠雀 зимородок – ‘изумрудного цвета птица’, 黄鸟 ‘иволга’ – ‘желтая птица’, 交喙鸟 ‘клест’ – ‘птица со скрещенным клювом’, 棕鸟 ‘скворец’ – ‘древесная птица’, 军舰鸟 ‘фрегат’ – ‘птица военных кораблей’, 嘲鸟 ‘пересмешник’ – ‘смеющаяся птица’. Впереди стоящие иероглифы могут указывать на внешний вид птицы, место ее обитания, поведенческие особенности.

Иероглиф 鸦 *yā* переводится как ‘ворона’. Данный иероглиф включают в себя следующие слова-орнитонимы: 水老鸦 ‘баклан’, 渡鸦 ‘ворон’, 唐鸦 ‘галка’, 白嘴鸦 ‘грач’, 松鸦 ‘сойка’.

Иероглиф 隼 *sǔn* переводится как ‘сокол’. Данный иероглиф входит в состав следующих слов: 游隼 ‘сапсан’, 猎隼 ‘сокол’.

Иероглиф 鹈 *yí* переводится как ‘кулик’ и объединяет наименования птиц, которые относятся к классу куликов. Это следующие слова: 田鹈 ‘бекас’, 丘鹈 ‘вальдшнеп’, 鹈 ‘кулик’, 滨鹈 ‘песочник’, 泽鹈 ‘поручейник’, 红脚鹈 ‘травник’, 林鹈 ‘фифи’.

Иероглиф 燕 *yàn* – ‘ласточка’. Входит в состав следующих орнитонимов: 沙燕 ‘береговушка’, 燕子 ‘касатка’, 燕鸥 ‘крачка’, 燕子 ‘ласточка’, 雨燕 ‘стриж’, 石燕 ‘тиркушка’.

Иероглиф 雕 *diāo* переводится как ‘беркут, орел’. Данная архисема выделяется в следующих словах: 乌雕 ‘подорлик’, 海雕 ‘орлан’, 金雕 ‘беркут’, 皂雕 ‘гриф’.

Архисема *беркут* может быть выражена еще одним иероглифом – 鸞. Данный иероглиф можно встретить в вариантах слов *беркут* ‘狗鸞’ и *гриф* ‘兀鸞’.

Один из наиболее часто встречающихся в составе слов-орнитонимов иероглиф – это иероглиф 鵞 *é*, который переводится как ‘гусь’ и является компонентом таких слов, как 天鹅 ‘лебедь’, 企鹅 ‘пингвин’, 雄鹅 ‘гусак’, 母鹅 ‘гусыня’ и т.д.

Самая распространенная архисема 鸡 *jī* ‘курица’ является частью многих слов, например, 公火鸡 ‘индюк’, 母火鸡 ‘индюшка’, 发鸡 ‘киви’, 孵卵鸡 ‘клуша’, 长脚秧鸡 ‘коростель’, 母鸡 ‘курица’, 公鸡 ‘петух’, 榛鸡 ‘рябчик’, 黑琴鸡 ‘тетерев’, 雌黑琴鸡 ‘тетерка’, 野鸡 ‘фазан’, 凤头麦鸡 ‘чибис’.

Еще один иероглиф 雀 *qiè* ‘воробей’ в качестве архисемы входит в состав таких слов, как 中地雀 ‘вьюрок’, 燕雀 ‘зяблик’, 金丝雀 ‘канарейка’, 青山雀 ‘лазоревка’, 孔雀 ‘павлин’, 雌孔雀 ‘пава’, 五十雀 ‘поползень’, 山雀 ‘синица’, 红腹灰雀 ‘снегирь’, 黄雀 ‘чиж’, 金翅雀 ‘щегол’, 雌金翅雀 ‘щеглиха’.

Довольно легко определить, к какому роду относится то или иное слово. Для обозначения женского рода используются иероглифы 雌 *cí* и 母 *mǔ*, которые стоят в начале слова. Например: 雌鹰 ‘самка орла’, 雌孔雀 ‘самка павлина’, 雌鹌鹑 ‘самка перепела’, 母乌鸡 ‘самка тетерева’ и т.д. Для обозначения мужского используются иероглифы 公 *gōng* и 雄 *xióng*. Например: 公鸡 ‘петух’, 雄吐绶鸡 ‘индюк’ и т.д. Таким образом, можно сделать вывод о семантической «прозрачности» китайских слов-орнитонимов.

По данным китайской лексикографии [3] на основании анализа материала установлены 20 ЛСГ орнитонимов китайского языка:

ЛСГ 1: Птица, живущая обычно около жилища человека 通常生活在人类的住所附近; ЛСГ 2: Водоплавающая птица 水禽; ЛСГ 3: Лесная птица 森林鸟类; ЛСГ 4: Хищная птица 猛禽; ЛСГ 5: Болотная перелётная птица 种涉水的候鸟; ЛСГ 6: Лесная перелетная птица 森林中的一种候鸟; ЛСГ 7: Перелётная птица 迁徙的鸟; ЛСГ 8: Перелётная птица отряда воробьиных 鸚鵡科的一种候鸟; ЛСГ 9: Домашняя птица 家禽类; ЛСГ 10: Всеядная птица 杂食鸟; ЛСГ 11: Дикая и одомашненная птица 野生和驯养的鸟类; ЛСГ 12: Перелетная птица семейства вороновых 乌鸦科的一种候鸟; ЛСГ 13: Певчая птичка отряда воробьиных 传说中的一种鸣禽; ЛСГ 14: Лесная певчая птица 森林里的鸣禽; ЛСГ 15: Птица семейства утиных 鸭科的一种鸟; ЛСГ 16: Водяная птица 水鸟; ЛСГ 17: Живущая на мелководье птица 生活在浅水区的鸟类; ЛСГ 18: Морская птица 海鸟; ЛСГ 19: Крупная нелетающая птица 大型飞禽; ЛСГ 20: Бескрылая птица 唯一的无翼鸟属.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кошелева Е. Ю., Хао Ц. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащие зоонимы // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1701–1703.
2. Хуан Б., Ляо С. Современный китайский язык. Пекин : Изд-во высш. шк., 2007. 306 с.
3. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info> (дата обращения: 24.03.2016).

УДК 811.581'373.72+81:008(=581)

Протасеня Нина Сергеевна, старший преподаватель
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *nlnaprotasenya@gmail.com*

Protasenya Nina, Senior Lecturer
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *nlnaprotasenya@gmail.com*

СИМВОЛИКА БАЛКИ (梁) В КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье отражены результаты лингвокультурологического анализа китайских фразеологических единиц с компонентом 梁 'балка', который является именем одного из ключевых символов китайской культуры. На основе актуальной семантики фразеологизмов определены культурно значимые смыслы единицы «балка».

Ключевые слова: фразеологические единицы; фразеологическая картина мира; символ; балка.

SYMBOLICS OF A BEAM (梁) IN THE CHINESE PHRASEOLOGICAL NATURAL LANGUAGE ONTOLOGY

The article reflects the results of a linguocultural analysis of chinese phraseological units with the 梁 'beam' component, which is the name of one of the key symbols of chinese culture. Based on the current semantics of phraseological units, culturally significant meanings of the unit «beam» are determined.

Key words: phraseological units; phraseological natural language ontology; symbol; beam.

Дом считается одним из важнейших знаков китайской культуры. С момента возникновения жилища происходит формирование его ценностно-символической значимости в лингвокультуре. При освоении мира и его концептуализации используются хорошо известные объекты и предметы, именно поэтому с понятием дом соотнесены важнейшие характеристики человека, его жизнь и многие составляющие картины мира. Национально-культурная специфика отличает внешний вид и структуру жилья у разных народов, что отражается в семантике и функционировании соответствующих языковых единиц. Важнейшим объектом лингвокультурологических исследований выступают фразеологизмы, которые являются наиболее «культуроносными» единицами каждого языка. Специфика фразеологизма как языкового знака прежде всего связана с тем, что в его значение «вплетена», по выражению М. Л. Ковшовой, культурная семантика (коннотация), отражающая связь между фразеологией и областью культуры: «Фразеологизм выполняет как собственно языковую, так и культурную функции: образно передает информацию о происходящем в мире и одновременно с этим транслирует культурные смыслы, прескрипции культуры, стереотипные представления и т.п.» [1, с. 69].

Каждый конструктивный элемент дома характеризуется определённым назначением и наряду с практической функцией обладает значимыми для

культуры смыслами. Балка относится к числу ключевых частей китайского традиционного жилища, выполняет поддерживающую и несущую функции, и в силу этого обладает особым символическим значением, выступает знаком культуры. Этим объясняется выбор в качестве объекта исследования фразеологизмов, включающих традиционный для национального мировосприятия китайцев символ балки в качестве ключевого компонента (одного из ключевых). Цель данной публикации – раскрыть место и роль метафоры «балка» как способа кодирования культурно значимой информации в китайской фразеологии.

В качестве материала исследования были отобраны китайские фразеологизмы, содержащие как односложное слово 梁 ‘балка’, так и двусложные слова 栋梁 ‘коньковая балка’, 大梁 ‘несущая балка’, 正梁 ‘главная балка’ (при семантизации фразеологизмов мы используем переводческое соответствие балка). Источниками языкового материала послужили «Китайский фразеологический словарь Цыхай» (гл. ред. Чэнь Сяцунь) [2], «Большой словарь пословиц» (гл. ред. Гао Гэдун) [3], «Большой словарь поговорок» (гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн) [4].

В китайской фразеологической картине мира образ балки может метонимически замещать целостное восприятие здания: 暗牖空梁 ‘запустелый дом’ (букв. ‘мрачные окна, пустые балки’). В традиционной китайской культуре балки не только выполняют конструктивную роль, но и являются важным декоративным элементом. Резные и расписные балки служат знаком отличия, подчеркивая социальный статус хозяина, транслируют социально-иерархическую семантику культуры, могут выступать символом величия. Ср.: 雕梁画栋 ‘роскошное здание’ (букв. ‘резные балки, расписные прогоны’).

Характерной особенностью китайского традиционного жилища является стоечно-балочная конструкция, которая описывается следующим образом: «Главным конструктивным элементом здания выступает каркас, состоящий из столбов-балок и балочных перекрытий, которые и принимают на себя всю тяжесть кровли (крыши)» [5, с. 234]. На этом свойстве балки как фрагмента действительности основаны культурные коннотации ‘основа’, ‘опора’, именно поэтому в составе идиоматических выражений лексемы со значением ‘балка’ передают идею базиса, основы чего-либо. Ср.: 钉鞋怕没掌, 唱戏怕没嗓, 讨老婆怕没钱, 盖房怕没梁 ‘бояться отсутствия основы в деле’ (букв. ‘когда подбиваешь туфли, боишься отсутствия подошвы; когда выступаешь на сцене, боишься потерять голос; когда женишься, боишься отсутствия денег; когда строишь дом, боишься отсутствия балки’).

В семантике многих китайских фразеологизмов запечатлено анимистическое восприятие мира, позволяющее уподоблять человека части строения. Балке приписывалось значение связующего начала не только по отношению к конструкции дома, но и по отношению к членам семьи. Так, образная аналогия «жена – балка» отражена в китайской пословице: 人若无妻 如屋无梁 ‘мужчина не

может создать семью без жены, так же как дом не может быть построен без балки' (букв. 'человек без жены как дом без балки'). С образом коньковой балки (栋梁, выполняющей несущую и опорную функции, ассоциируются представления о руководящих качествах человека, который обладает необходимым опытом, знаниями, навыками и способен взять на себя ответственность. В связи с этим балка обладает символическими значениями 'столп (опора) государства', 'человек государственного ума', 'государственный деятель'. Ср.: 大厦栋梁 'талантливый человек, который берет на себя важные государственные задачи' (букв. 'высокое здание, коньковая балка'); 大者为栋梁 'талантливый человек, способный нести большую ответственность за страну' (букв. 'великий человек является коньковой балкой'); 国家栋梁 'человек, который берет на себя важные государственные обязанности' (букв. 'коньковая балка государства'). Ср. также фразеологизм 扛大梁 'брать на себя большую ответственность' (букв. 'нести на плечах несущую балку'), в котором добровольное выполнение сложных и требующих больших усилий обязанностей уподобляется размещению тяжелой ноши (балки) на собственных плечах.

Анимические представления, реализующиеся в «архитектурной» метафоре, уподобляют смерть великого человека разрушению балки. Ср. чэньюй 梁木其坏 (букв. 'О, разрушилась балка!'), восходящий к высказыванию Конфуция, который сравнивал свою смерть с разрушением балки. В наши дни выражение используется в надгробной речи о смерти добродетельного человека, которого все почитали [2, с. 717].

Выбор материала, достаточно надежного для изготовления балки, составляет ассоциативно-образную основу фразеологизмов со значением оценки интеллектуальных способностей человека. Ср.: 杉木尾子 — 做不了正梁 'ограниченность способностей и неспособность выполнять важные задачи' (букв. 'хвосты кедра невозможно использовать в качестве главной балки'). Подходящий материал для укладки балок выполняет роль эталона качественного измерения интеллектуальных способностей человека, служит средством символизации выдающегося ума и большого интеллекта: 栋梁之才 'человек, который может взять на себя важные государственные обязанности' (букв. 'лес для прогонов и балок').

Значимость балки в китайской лингвокультуре способствует формированию семантики идеального образца, к которому нужно стремиться. Во фразеологизме 恨木不成梁 恨铁不成钢 'быть требовательным к человеку и надеяться, что он станет ещё лучше' (букв. 'досадовать, что дерево не становится балкой, а железо не становится сталью') лексема 梁 'балка' выступает в роли эталона высокого интеллекта и деловых качеств.

Фразеологизмы с компонентом «балка» (или 梁 'балка', 大梁 'несущая балка') отображают различные стороны взаимоотношений между людьми. Балка как символ прочности и опоры может метафорически кодировать идею

сплочённости и отражать представления о важности коллектива: *一根木头做不成梁, 一块砖头砌不成墙* ‘в одиночку невозможно совершить великих дел’ (букв. ‘одно дерево не может составить балку, из одного кирпича нельзя построить стену’).

Образ балки может также кодировать негативную оценку лица – при уподоблении человеческих пороков неустойчивости балки, которая портит строение в целом и его детали: *上梁不正下梁歪* ‘если человек, занимающий более высокую должность, ведет себя плохо, люди, находящиеся ниже него, последуют его примеру’ (букв. ‘когда верхняя балка согнута, нижние тоже искривляются’). С помощью образа балки семиотизируется мысль о недостойном поведении руководителя, нарушающего нормы межличностных отношений и негативно влияющего на подчиненных: *大梁不正, 口怪二梁歪斜* ‘старшее поколение и руководители, которые ведут себя ненадлежащим образом и обвиняют младшее поколение и подчиненных в том, что они не справляются’ (букв. ‘когда несущая балка согнута, удивляться, что второстепенные балки тоже искривляются’).

Сказанное позволяет заключить, что единицы *梁* ‘балка’, *栋梁* ‘коньковая балка’, *大梁* ‘несущая балка’, *正梁* ‘главная балка’ представляют в семантике фразеологизмов символный компонент, обнаруживая при этом высокую активность в китайском фразеологическом фонде. Будучи важным элементом жилища, маркирующим его верхнюю границу и выполняющим опорную функцию, балка в сознании носителей китайского языка приобрела статус символа. Анализ фразеологических единиц позволил выделить следующие культурно значимые смыслы компонента «балка»: ‘основа’, ‘прочность’, ‘выдающийся государственный деятель’, ‘руководитель, старший’. Актуальное значение фразеологизмов, внутренняя форма которых опирается на образ балки, связано преимущественно а) с оценкой интеллектуальных и деловых качеств человека; б) характеристикой взаимоотношений между людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – изд. 3-е. М. : URSS : Ленанд, 2016. 456 с.
2. *中华成语辞海* / 主任陈霞村. 长沙 : 湖南教育出版社, 2013. 1796 页. (Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. Чанша : Изд-во просвещения Хунань, 2013. 1796 с.).
3. *谚语大词典* / 高歌东主编. – 2版. 成都 : 四川辞书出版社, 2022. 1049 页. (Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. Чэнду : Изд-во Сычуан. слов., 2022. 1049 с.).
4. *俗语大词典* / 温端政主编. 北京 : 商务印书馆, 2015. 2522 页. (Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. Пекин : The Commercial Press, 2015. 2522 с.).
5. 玛丽娜 克拉夫佐娃, 张冰. *中国文化概论 : 俄语*. 北京 : 北京大学出版社, 2020. 356 页. (М. Кравцова, Чжан Бинчжу. Очерк культуры Китая: русский язык. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2020. 356 с.)

УДК 811

Дементьева Александра Максимовна, кандидат филологических наук
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронная почта: *aleksandra.dementieva@gmail.com*

Dementieva Alexandra, Candidate of Philological Sciences
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: *aleksandra.dementieva@gmail.com*

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК ЧАСТЬ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются результаты семантического анализа лексики со значением частей тела в финском языке и образованные с помощью нее языковые метафоры, отображающие наивную картину мира.

Ключевые слова: олицетворение; метафора; финский язык; семантика; наивная картина мира.

THE PERSONIFICATION AS PART OF THE NAIVE PICTURE OF THE WORLD IN THE FINNISH LANGUAGE

The article describes the results of the semantic analysis of the vocabulary with the meaning of body parts in the Finnish language and the linguistic metaphors formed using it, reflecting a naive picture of the world.

Key words: personification; metaphor; the Finnish language; semantics; the naive picture of the world.

В представленной далее статье предлагаются результаты семантического анализа, проведенного на материале современного литературного финского языка. Нами была рассмотрена лексика со значением частей тела человека и образованные с ее помощью языковые метафоры.

Такие метафоры являются важным элементом наивной картины мира, в которой мерилom вещей выступает человек. Исследователи отмечают, что антропоморфизм – это языковая универсалия; нередко он связывается с примитивной формой сознания, однако это не так [1]. Антропоморфизм присущ в полной мере как современным развитым языкам с давней письменной традицией, так и языкам, существующим в устной форме. Финский язык в этом плане занимает промежуточное положение. Так, первые финские тексты появились в XVI в., однако долгое время они были узконаправленными и оставались малодоступными широким слоям населения. Только во второй половине XIX в. финский стал развиваться как язык науки, литературы, юриспруденции; грамотность населения Финляндии существенно возросла. Поэтому в письменном литературном языке до сих пор сохраняются черты народного языка с яркой образностью.

Второй характерной чертой наивной картины мира является персонификация как частный вид языковой метафоры, то есть восприятие объектов

окружающего мира как одушевленных. Это свойство в своей первичной форме присуще мифологическому мышлению. В современных языках персонификация часто является стертой, т.е. осознается только как оборот речи, но все же в ней есть оттенок одушевленности [2].

Несмотря на важность таких метафор для описания картины мира, в финском языке они, при всем богатстве материала, исследованы мало. Для нашего анализа было выделено лишь несколько лексем, которые активно используются для номинации особенностей различных объектов и явлений, а также ориентации в пространстве. Примеры, использованные для исследования, были подчёрпнуты из крупнейшего толкового словаря современного финского языка *Kielitoimiston sanakirja*. Таким образом, они не являются авторскими метафорами, а функционируют в языке как полноправные единицы.

1. Примеры олицетворения со словом *poski* 'щека'.

Помимо своего основного значения, существительное может обозначать боковую часть или место рядом с основным объектом, например, *omenan poski* 'бок яблока' (буквально 'щека яблока'); *tien poskessa* – 'на обочине, рядом с дорогой' (буквально 'в щеке дороги'). Эта семантика прослеживается и в таком фразеологизме, как *homma meni poskelleen* – 'дело провалилось', то есть буквально упало на свою щеку, как на некую боковую часть.

2. Примеры олицетворения со словом *kieli* 'язык'.

Финское существительное *kieli* употребляется применительно и к анатомии, и к языку как средству общения. В переносном значении оно может обозначать выступающую, выдающуюся часть. Примерами могут послужить словосочетания *kengän kieli* 'язычок у обуви', *lukon kieli* 'задвижка' (буквально 'язык замка'). Также слово имеет значение 'струна': *viulunkieli* 'струна скрипки'.

3. Примеры олицетворения со словом *suu* 'рот'.

С этим словом обнаружены интересные примеры персонификации, в которых лексема приобретает значение входного отверстия: *luolan suu* 'вход в пещеру' – буквально 'рот пещеры'; *sulkea säkin suu* 'завязать мешок' – букв. 'закрывать рот мешка'; *kohdunsuu* 'шейка матки' – букв. 'рот матки'. Также слово употребляется применительно к водоемам и обозначает как устье, так и исток, например, *joen suu* 'исток/устье реки'; *puron suu* 'исток/устье ручья' и т.п. Наконец, обозначая начало чего-либо, это существительное может употребляться вместе со словами, обозначающими время, например, *illan suussa* 'ранним вечером' – буквально 'во рту вечера'.

5. Примеры олицетворения со словом *korva* 'ухо'.

Данное слово употребляется в переносном значении как выступающая часть, ручка: например, *kattilan korva* 'ручка кастрюли' – букв. 'ухо кастрюли'. Кроме того, слово используется как послелог и обозначает нахождение поблизости, например, *sillan korvassa* 'рядом с мостом' – букв. 'в ухе моста'.

6. Примеры олицетворения со словом *selkä* 'спина'.

Это существительное получило немало переносных значений в финском языке. В первую очередь, как и в русском языке, это оборотная сторона какого-либо предмета, например, *sohvan selkä* 'спинка дивана' – буквально 'спина

дивана'; *kämmenselkä* 'тыльная сторона руки' – буквально 'спина ладони'. Кроме того, это может быть некая выдающаяся часть чего-либо, как-то *nenän selkä* 'переносица' – буквально 'спина носа', а также в географии – высокая узкая возвышенность, что отразилось в топониме *Salpausselkä* – системе моренных гряд на юго-востоке Финляндии. Помимо этого, слово может обозначать открытую водную поверхность без островов, например, *merenselkä* 'открытое море' – буквально 'спина моря'; *järvenselkä* 'открытая гладь озера' – буквально 'спина озера'.

7. Примеры олицетворения со словом *pää* 'голова'.

Как и в других языках, у этого существительного обнаруживается много переносных значений. Приведем только некоторые. *Pää* может обозначать конечную, округлую часть предмета, например, *kaalin pää* 'кочан капусты', *vaahtopää* 'гребень волны' – буквально 'пенная голова'. Интересно, что в финском языке при описании частей тела человека *pää* задействовано не только для наименования собственно головы. Это может быть любая округлая оконечность, например, *kuynärpää* 'локоть', *sormenpää* 'кончик пальца', *olkapää* 'плечо', *kantapää* 'пятка', *poskipää* 'скула'. Помимо этого, слово обозначает конец чего-либо, например, *matkan pää* 'конечная цель пути', *istua pöydän päässä* 'сидеть в конце стола'.

8. Примеры олицетворения со словом *silmä* 'глаз'.

На базе основного значения у этого существительного сложилось переносное значение отверстия, пробоины. Это показывают такие словосочетания, как *kirveen silmä* 'проушина' – буквально 'глаз топора'. Также слово описывает центральную округлую часть чего-либо, например, *lähteen silmä* 'место, откуда бьет ключ' – буквально 'глаз источника'; *suon silmä* 'открытое водянистое место на болоте' – буквально 'глаз болота'. Интересным представляется пример *myrskyn silmä* – 'спокойное место посреди бури' – буквально 'глаз бури'. Наконец, как и в русском языке, *silmä* может означать 'глазок, пятнышко': *perhosen siivissä olevat silmät* 'глазки, находящиеся на крыльях бабочки'.

Если предыдущие примеры можно отнести к наивной картине мира, которая складывалась в языке на протяжении столетий, то в некоторых случаях персонификация применяется осознанно, например, при создании терминов. Так, слово *nivel* 'сустав' в ботанике обозначает место присоединения листа к стеблю и переводится на русский как «колено»; в технике *nivelakseli* – шарнирный механизм, переводящийся как «карданная передача». В обоих случаях, однако, выбор лексемы *nivel* мог быть обусловлен влиянием других языков.

Анализ, представленный в данной статье, не является исчерпывающим. Внимания заслуживает и другая лексика, обозначающая части тела и органы человека. Тем не менее, как показывают примеры, в финском языке подобные олицетворения играют важную роль в обогащении словарного состава и в наивной картине мира. В некоторых случаях наблюдается сходство с аналогичными

примерами из русского языка, однако немалая часть присуща именно финскому языку. Представленный анализ может служить основой для дальнейших исследований, в особенности сопоставительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песина С. А., Вторушина Ю. Л. Антропоморфизм в обиходной картине мира // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6, № 4. С. 46-51.
2. Чепанова Е. И., Тебайкина А. Н. Персонификация и мифологическое мышление в лингвистике // материалы I международной научно-практической междисциплинарной Интернет-конференции «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации» / под ред. В. В. Хлыновой. Якутск: Международный центр науч.-исслед. проектов. 2013.

УДК 811

Овсянникова Ассоль Алексеевна, старший преподаватель
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронная почта: *oassol@mail.ru*

Ovsyannikova Assol, Senior Lecturer
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: *oassol@mail.ru*

Махоткина Мария Дмитриевна, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронная почта: *mahotkina1106@bk.ru*

Makhotkina Mariya, Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: *mahotkina1106@bk.ru*

Смолина Светлана Сергеевна, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронная почта: *sweeta.mobile@gmail.com*

Smolina Svetlana, Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: *sweeta.mobile@gmail.com*

Талабаева Алёна Алексеевна, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронная почта: *t.alenka1994@gmail.com*

Talabaeva Alyona, Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: *t.alenka1994@gmail.com*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается понятие фразеологии как ключ к пониманию культуры и моральных ценностей разных народов. Авторы посвятили свое исследование изучению пословиц и поговорок библейского происхождения в славянских языках – русском, украинском, белорусском и болгарском.

Ключевые слова: фразеологизм; поговорка; Библия; религия; пословица; поговорка; славянские языки.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BIBLE PROVERBS AND SAYINGS IN SLAVIC LANGUAGES

The article examines the concept of phraseology as the key to understanding the culture and moral values of different peoples. The authors devoted their research to the study of proverbs and sayings of biblical origin in the Slavic languages – Russian, Ukrainian, Belarusian and Bulgarian.

Key words: language; phraseology; Bible; religion; proverb; saying; Slavic languages.

Родоначальником русской фразеологии считается академик В. В. Виноградов, который сформулировал учение о фразеологических единицах в русском языке и распределил их по семантическим группам [1].

Согласно Большой российской энциклопедии, «Фразеология – 1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка, его фразеологический состав» [2, URL].

Несмотря на то, что фразеология как раздел лингвистики изучается уже достаточно давно, ученые до сих пор не сходятся в точном определении некоторых терминов, поскольку понимают их по-разному. Например, пословицы и поговорки исследовали В. И. Даль, В. Н. Телия, О. С. Ахманова, А. Н. Мартынова, В. П. Аникин и многие другие.

Лингвист-русист Николай Максимович Шанский в работе «Фразеология современного русского языка» предлагает несколько характерных особенностей пословиц и поговорок.

Среди них он называет такие:

1) пословица – законченное суждение, поговорка – незавершенное умозаключение;

2) пословица всегда является предложением и преследует дидактическую (поучительную) цель, а поговорка включает структурно-семантические типы устойчивых образных сочетаний слов [3, URL].

Стоит отметить, что пословицами и поговорками считаются только такие высказывания, которые пользуются популярностью. И это, как правило, за редким исключением, старинные высказывания. В них, как правило, отражаются традиции, обычаи, поверья, реалии и исторические факты (в нашем случае) славянских народов. В них заключена народная мудрость и отражена национальная языковая картина мира.

Владимир Иванович Даль видел главное отличие пословицы от поговорки в том, то она является суждением с назидательным характером, а поговорка это понятие только выражает: «Пословица – коротенькая притча. Это суждение,

приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [4, с. 35].

По происхождению пословицы и поговорки делятся на три основные группы:

- исконные пословицы того или иного языка;
- заимствованные из Библии и других литературных источников;
- заимствованные из иностранных языков [3, URL].

Согласно Новому словарю русского языка российского лингвиста Татьяны Федоровны Ефремовой, «пословица – меткое образное изречение, обычно ритмичное по форме, обобщающее, типизирующее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл [5, URL]. Например, *Сколько волка не корми – он всё равно в лес смотрит*. А поговорка – «краткое устойчивое выражение, преимущественно образное, не составляющее, в отличие от пословицы, законченного высказывания» [5, URL]. Например, *семь пятниц на неделе*.

Пословицы и поговорки, заимствованные из Библии, называют **паремиями** (греч. *paroimia* – притча, изречение, отрывок из Библии), поскольку Библия является важнейшим литературным источником, а заимствованные из нее высказывания являются полностью ассимилированными в славянских языках.

В филологии паремия понимается как устойчивое краткое высказывание, имеющее утилитарное применение и дидактический смысл, то есть является поучением и придает речи образность [6, с. 27].

Паремиология является одним из подразделов фразеологии – «раздел фразеологии, который изучает и классифицирует различные виды пословиц, поговорок, афоризмов и других выражений, передающих традиционные ценности и взгляды на основе жизненного опыта народа» [5, URL]. Кроме вышеназванных, паремиология изучает пословичные выражения, веллеризмы, девизы, слоганы, афоризмы, максимы, загадки и приметы.

В большинстве случаев пословицы и поговорки библейского происхождения имеют полное лексическое сходство, так как имеют общий источник и часто являются кальками или полукальками, то есть заимствуются путем буквального перевода [7, с. 17].

Таковыми примерами являются поговорки:

Стереть с лица земли (бел. *Сцерці (змесці) з (твару) зямлі* [8, URL], укр. *Стерти (змести) з лица землі* [9, с. 267], болг. *Изтривам от лицето на земята* [10, URL]);

Зарыть талант в землю (бел. *Закапаць талент у зямлю*, укр. *Закопати талант у землю* [9, с. 245], болг. *Скривам таланта си в земята* [10, URL]).

В таких пословицах, как *Бог дал, Бог и взял* (бел. *Бог даў, Бог і ўзяў*, укр. *Бог дав, Бог і взяв*, болг. *Бог дал, бог взел* [10, URL]);

Кто не работает, тот не ест (бел. *Хто не працуе, той не есць*, укр. *Хто не працює, той не їсть*, болг. *Който не работи, не трябва да яде* [10, URL]).

Интересным примером является пословица *В чужом глазу соринку видишь, в своём бревна не замечаешь*. В одной из заповедей Иисуса Христа в текстах

Евангелия от Матфея читаем: «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь... Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» [11, URL]. На белорусском она будет звучать так: *У чужым воку і парушынку ўгледзім, а ў сваім і калоды не пабачым* [8, URL], на украинском – *У чужому глазу бачить зразу, а в своїм – ні разу*. Здесь прослеживается различие между понятиями «соринка – парушынка – зразу (сразу)» и «бревно – калода – ни разу». То есть, в украинском языке акцентируется временной аспект (у другого человека увидеть сразу, а у себя соответственно никогда), в отличие от белорусского и русского языков. На болгарском языке эта поговорка звучит как в русском: *виждам сламката в чуждото око, а гредата в своето не виждам* [10, URL] ('Я вижу соринку в чужом глазу, но не вижу бревна в своем').

Фразеологизмы могут изменяться со временем, причем эти изменения могут происходить не во всех языках, несмотря на общий источник. Так, например, случилось с фразеологизмом *Пройти сквозь огонь и воду*, который означает преодолеть все жизненные испытания. Он восходит к одному из псалмов Библии «Мы вошли в огонь и воду, и Ты вывел нас на свободу» (Псалтирь 65:12) [11, URL].

Однако в восточнославянских языках чаще употребляется иной вариант данного фразеологизма – *Пройти сквозь огонь и воду и медные трубы* (бел. *Прайсці агонь, ваду і медныя трубы*, укр. *Пройти крізь вогонь і воду і мідні труби* [9, с. 574]), в других славянских языках такой вариант не встречается (болг. *Минавам през огън и вода* [13, с. 373]).

Компонент «медные трубы» символизирует испытание славой, предположительно, он появился после Отечественной войны 1812 года и восходит к духовому оркестру, которым встречали победителя, то есть того, кто прошел «сквозь огонь и воду» [14, URL].

Однако, несмотря на значительное влияние Библии на фразеологию, один и тот же фразеологизм иногда может не иметь соответствий в других языках.

Так, пословица *Всякой твари по паре* встречается в белорусском (*Кожная пачвара мае сваю пару, Кожнай пачвары па пары* [8, URL]) и украинском языке (*Кожної тварі по парі*), но отсутствует во фразеологических словарях болгарского языка, имея только вариант перевода в самой Библии (*За всчки твари по две от всеки вид*).

Таким образом, можем сделать вывод о том, что во всех славянских языках представлены паремии библейского происхождения, поскольку христианство играет важную роль в жизни всех славянских народов. Проанализированные нами пословицы и поговорки не только характеризуют морально-ценностную парадигму, поскольку Библия – источник общечеловеческой мудрости, но и отражают сходства и различия общего культурного кода в разных языках.

Кроме того, несмотря на то, что большинство пословиц и поговорок библейского происхождения имеют общеславянские лексические элементы, мы

наблюдаем и существенные различия между языками: в русском, украинском и белорусском различий меньше, а в сравнении с болгарским, который относится к южнославянской подгруппе, различия более существенные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. Л.: Наука, 1946. 328 с.
2. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 28.04.2024).
3. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для студентов филологических факультетов. М.: URSS, 1996. URL: <https://litmir.club/br/?b=251353> (дата обращения: 28.04.2024).
4. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник. М., 1957.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково- словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 28.04.2024).
6. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. 236 с.
7. Байрамова Л. К. Эквивалентность библейских аксиологических фразеологизмов // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С.17–22.
8. Санько З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. М.: Навука і тэхніка, 1991. URL: <https://reallib.org/reader?file=589559> (дата обращения: 22.03.2024)
9. Словник фразеологізмів української мови. М.: Наукова думка, 2003. 788 с.
10. Български фрази и изрази. Значение на фрази и изрази. Фразеологичен речник с фразеологизми. URL: <https://frazite.com/> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Евангелие от Матфея. Глава 7. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/biblija/ev_matf/txt07.html?ysclid=lv1214x3kf28682691 (дата обращения: 28.04.2024).
12. Русско-белорусский словарь пословиц, поговорок и фразеологизмов. URL: <https://899.slovaronline.com/?ysclid=luik4a16ta963871155> (дата обращения: 25.03.2024)
13. Руско-български фразеологичен речник Русско-болгарский фразеологический словарь. М. : Русский язык, 1980. 588 с.
14. Грамота.ру – справочно-информационный портал о русском языке. URL: <https://gramota.ru/?ysclid=luijw6ipws294319660> (дата обращения: 20.03.2024).

УДК [811.161.1+811.111]:373'4

Гаева Анна Михайловна, студент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: annagaeva2019@mail.ru

Gaeva Anna, Student

Minsk State Linguistic University Minsk, Belarus

e-mail: annagaeva2019@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С КЛЮЧЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ – НАИМЕНОВАНИЕМ ЛИЦА.

Статья посвящена исследованию идиоматических выражений русского и английского языков с ключевым компонентом – наименованием лица. Представлены результаты полевой организации пословиц и поговорок русского и английского языков. В результате сопоста-

вительного анализа сделаны выводы о национально-культурных особенностях русских и английских идиоматических выражений с ключевым компонентом – наименованием лица.

Ключевые слова: наименование лица; идиоматическое выражение, поговорка; ключевой компонент; лексико-фразеологическое объединение; полевой подход.

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH IDIOMATIC EXPRESSIONS WITH A KEY COMPONENT – COMMON NOUNS FOR NAMING PEOPLE

The article is devoted to the study of Russian and English idiomatic expressions with a key component – common nouns for naming people. The results of the field organization of proverbs and sayings of the Russian and English languages are presented. As a result of the comparative analysis, conclusions are drawn about the national and cultural characteristics of Russian and English idiomatic expressions with a key component – common nouns for naming people.

Keywords: name of the person; idiomatic expression proverb; saying; key component; lexical and phraseological group; field approach.

Идиоматический состав языка представляет собой «наиболее самобытное явление его явление» в плане выражения национальной самобытности народа – носителя языка. Система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях [1, с. 215].

В пословицах и поговорках нашла отражение вся многогранная жизнь народа, все сферы деятельности человека со сложностями бытия и его противоречиями. Центральной фигурой в них всегда выступает человек в своих различных «проявлениях» – во всём своём блеске и во всех своих неприглядностях. Пословицы и поговорки представляют собой обобщение многовекового жизненного опыта народа, содержат эмоционально-экспрессивную оценку поступков человека, событий и явлений [2, с. 3].

Пословица – это суждение, приговор, поучение, высказывание обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Как отмечает В. И. Даль, поговорка отличается от пословицы как по смыслу, так и по строению: поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы [3].

Пословицы имеют общие с фразеологизмами черты – устойчивость лексического состава, употребления, обладают свойством воспроизводимости. Однако они не являются семантически целостными единицами, неэквивалентны слову. Поговорки обладают не только устойчивым составом компонентов, но и смысловым единством, смысловой целостностью, воспроизводимы, функционально близки к слову, синтаксически нечленимы. Все типы устойчивых оборотов – особенно половицы, поговорки, фразеологизмы – в системе языка взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют в процессе преобразования и перехода одних единиц в другие. Пословицы могут переходить в поговорки, в свою очередь поговорки могут стать фразеологическими оборотами. Благоприятст-

вует этому функционирование их в одних и тех же тематических группах. Разнообразные типы пословиц, поговорок, фразеологизмов взаимодействуют на базе семантической общности, обслуживая одни и те же темы.

Для исследования методом сплошной выборки из лексикографических источников [4] русского и английского языков [5] были отобраны русские пословицы и поговорки (251 идиоматическое выражение) и английские пословицы и поговорки (147 идиоматических выражений) с ключевым компонентом – наименованием лица. Наименования лица – это нарицательные имена существительные, обращения, которые могут отражать возраст человека, положение в обществе, уважение или неприязнь, культурные традиции, нормы и ценности общества. К анализу фразеологического материала, был применён полевой подход. Семантическое поле представляет собой абстрактную концептуальную структуру, внутри которой слова и фразы объединяются на основе их семантических связей и тематической принадлежности. Этот подход к организации лексики позволяет более эффективно анализировать структуру и семантику языка, выделять группы слов, обладающих общими смысловыми характеристиками, и изучать их внутренние связи и взаимодействия [6, с. 20]. В результате полевой организации русских ФЕ получилось 21 лексико-фразеологическое объединение (ЛФО). В результате полевой организации английских ФЕ получилось 13 ЛФО. В обеих классификациях общими ЛФО являются «Здоровье», «Дружба», «Труд», «Дети», «Судьба», «Достаток», «Ум», «Характере и поведение людей». Анализ данных групп позволяет сделать выводы о различиях и сходствах двух культур. Изучение пословиц и поговорок раскрывает глубинные убеждения, ценности и представления о жизни, отражая богатство культурного наследия каждого народа.

Основываясь на ЛФО «Отрицательные черты характера» и на ЛФО «Положительные черты характера» мы можем сделать выводы о качествах человека, которые порицаются и одобряются в обеих культурах.

Отрицательные черты характера: *спесь – девка спесива – не скажет спасибо, злость – злему человеку бог убавляет веку, упрямство – и хорош молодец, да есть норовец, трусость – молодец против овец, а против молодца сам овца, жадность – за копейку отца родного продаст, беспечность – (пока) гром не грянет, мужик не перекрестится, завистливость – горе берет, что сосед хорошо живет, коварность – лучше честный враг, чем коварный друг, лень – лодырю всегда нездоровится, ворчливость – лето к осени дождливее, а человек к старости ворчливее.* Положительные черты характера: *скромность – скромность украшает человека, доброта – доброму человеку и чужая болезнь к сердцу, храбрость – смелый находит там, где трус теряет, верность – верному другу цены нет, честность – тот и герой, кто за правду горой, радушие – хоть не богат, а гостям рад.*

У англоязычного населения положительными чертами являются: упорство – *wilful man must have his way* (досл. своенравный человек должен добиваться своего), честь – *there is honour among thieves* (досл. честь среди воров), *do right*

and fear no man (досл. поступай правильно и никого не бойся), дисциплина, трудолюбие, – *procrastination is the thief of time* (экв. оттягивать да откладывать – только время воровать), пунктуальность – *punctuality is the politeness of princes* (досл. Точность – вежливость королей), верность – *no man can serve two masters* (досл. нельзя служить двум господам сразу), храбрость – *cowards die many times before their death* (экв. смелый умирает один раз, а трус каждый день), *faint heart never won fair lady* (досл. Робкому сердцу не завоевать прекрасной дамы), милосердие – *it is good to make a bridge of gold to a flying enemy* (облегчить отступление побитому врагу), осторожность – *threatened men live long* (экв. кто предупреждён, тот вооружен. Отрицательные черты характера: лень – *procrastination is the thief of time*, лживость – *a liar ought to have a good memory* (досл. лжец должен иметь хорошую память, самонадеянность – *hasty climbers have sudden falls* (экв. тише едешь, дальше будешь), трусость – *cowards die many times before their death*.

Из анализа данных пословиц и поговорок можно сделать следующие выводы:

В русскоязычной культуре отрицательными чертами характера являются спесь, злость, упрямство, трусость, жадность, беспечность, завистливость, коварность, лень, ворчливость. Положительными чертами характера: скромность, доброта, храбрость, верность, честность, радушие.

В англоязычной культуре отрицательными чертами характера: лень, лживость, самонадеянность, трусость. Положительными чертами характера: упорство, честь, дисциплина, трудолюбие, пунктуальность, верность, храбрость, милосердие, осторожность.

Пословицы и поговорки связанные с умом отражают негативное отношение к глупости и недалёковидности, а также подчеркивают ценность мудрости, разума и опыта: *Дурака учить – что мертвого лечить. Лучшие с умным померять, чем с дураком найти. Experience is the best teacher* (досл. опыт – лучший учитель). *Fools rush in where angels fear to tread* (экв. Дуракам закон не писан). Пословицы также указывают нам на необходимость осторожности и здравого смысла в принятии решений и общении с другими людьми: *Не бойся врата умного, а бойся друга глупого. Не дай бог с дураком связаться.*

Идиоматические выражения в русском языке о здоровье подчеркивают ценность здоровья над материальными благами: *Здоровый нищий богаче больного короля. Больному человеку и мед горек.* Указывают на негативное воздействие лени на человека: *Лень – сестра болезни.* Пословицы *An apple a day keeps the doctor away* (досл. яблоко в день – доктора в дверь), *the best doctors are dr. Diet, dr. Quiet, and dr. Merryman* (досл. самые лучшие доктора в мире – Доктор Диета, Доктор Покой и Доктор Веселье), *a hungry man is an angry man* (досл. Голодный мужчина – сердитый мужчина) напоминают, что комплексный подход к здоровью, который включает в себя не только медицинское лечение, но и правильное питание, отдых и позитивный настрой оказывает положительное влияние на физическое и эмоциональное состояние.

Дружба играет значительную роль в жизни любой культуры. Дружба в русскоязычной и англоязычной культуре рассматривается как одно из важнейших и ценных составляющих человеческой жизни, придавая большое значение взаимопониманию, поддержке и искренности в отношениях: *He тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет. Друг дороже денег. Старый друг лучше новых двух. A friend in need is a friend indeed* (экви. друзья познаются в беде). Также важно обратить внимание на выражение *A man is known by the company he keeps* (экви. скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты), которое говорит о том, что характер человека определяется его окружением. Пословица *Save us from our friends* (экви. не бойся врата умного, а бойся друга глупого) иронично указывает на то, что друзья могут иногда причинить больше беды, чем пользы.

Анализирую пословицы о труде как в английской, так и в русской культуре, мы видим сходства в уважении к труду, бережливости, ответственности и активной жизненной позиции. Обе культуры придерживаются идеи о том, что труд не только приносит материальные плоды, но и украшает человека, формирует его личность и дает удовлетворение: *Труд украшает человека. Труд человека кормит, лень портит. If you want something done, ask a busy person* (досл. если нужно что-то сделать, попроси занятого человека). Рассматривая пословицы о труде в английском языке, мы видим, культуру, в которой ценят баланс между трудом и отдыхом, подчеркивается важность приложения усилий к задачам и принятия ответственности за свои действия: *All work and no play makes jack a dull boy* (экви. мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем). *A bad workman blames his tools* (экви. у плохого мастера плохая пила).

Существует множество пословиц и выражений, отражающих важность и особенности отношений с детьми. Дети ассоциируются с жизнью и являются поддержкой для родителей: *Дом с детьми – базар, дом без детей – могила. Сын – отцу помощник*. Родители любят своих детей независимо от их недостатков или ошибок: *Свое дитя и немытое мило. Дитя хоть и криво, а отцу с матерью мило*. Поговорки *Like father, like son* (экви. по отцу и дитятко) и *like mother, like daughter* (экви. по матери дочь) указывают на сходство между родителями и их детьми, как во внешности, так и в поведении, что подчеркивает важность семейных связей и наследственности.

В обеих языках находит отражение представление о судьбе, понимание, что, несмотря на лучшие намерения, внешние силы могут нарушить наши планы: *Судьба играет человеком. Man proposes, God disposes* (экви. человек предполагает, а Бог располагает). *The best-laid schemes of mice and men gang aft agley* (досл. лучшие планы мышей и людей часто идут вкривь и вкось). Однако, пословицы *every man is the architect of his own fortune* (экви. Всяк своему счастью кузнец) и *opportunity never knocks twice at any man's door* (досл. возможность никогда не стучится дважды в дверь ни к кому) подчеркивают ценность, придаваемую индивидуальным усилиям, ответственности за свою жизнь и принятия активных шагов к достижению своих целей.

В русском языке больше акцентируется внимание на духовных ценностях: *Не дом хозяина красит, а хозяин – дом. Всяк дом хозяином славится. Друга на деньги не купишь.* В английском языке, напротив, часто больше акцентируется внимание на индивидуальной инициативе, материальных успехах и активном преодолении трудностей: *Money makes a man* (досл. деньги делают человека). *One man's loss is another man's gain* (досл. потеря одного человека – это выигрыш другого человека). *Beggars can't be choosers* (досл. беднякам не приходится выбирать).

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. 4-е изд. стер. Ростов н/Д. ; Москва : Феникс, 2008. 590, [1] с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля / [Предисл. М. Шолохова]; [Вступ. статья В. Чичерова, с. V-XXVIII]. Москва : Гослитиздат, 1957. XXVIII, 991 с.
4. Зимин В. И., Ашурова С. Д. Русские пословицы и поговорки : учеб. словарь. М. : Школа Пресс, 1994. 320 с.
5. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs: dictionary / John Simpson, Jennifer Speake. – Oxford Univ. Press, 2003. 364 с.
6. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.

УДК [811.161.1'42:398.81:355]811.581(045)

Верниковская Алла Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: alla.vernikovskaya@mail.ru

Venukoyskaya Alla, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: alla.vernikovskaya@mail.ru

Гэн Пэйлун, магистрант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: gpl333493944@gmail.com

Geng Peilong, MA Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: gpl333493944@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОГО ВОЕННОГО ПЕСЕННОГО ДИСКУРСА (на фоне китайского)

Статья посвящена анализу русского и китайского песенного военного дискурса в лингвистическом и культурологическом аспектах. Выявлена тематика, средства эмотивности русских и китайских песенных текстов; установлены черты их сходства и различия.

Ключевые слова: песенный военный дискурс; креализованный текст; жанр; эмотивная лексика, национально-культурные особенности.

LINGUISTIC AND CULTURAL DISTINCTIVENESS OF THE RUSSIAN WAR SONG DISCOURSE (Against the Chinese Background)

The article is devoted to the analysis of the Russian and Chinese war song discourse in the linguistic and cultural aspects. The topics, emotive means in Russian and Chinese texts have been revealed, as well as similarities and differences between them.

Key words: war song discourse; crealized text; genre; emotive words; national and cultural peculiarities.

Песня – продукт сочетания двух и более различных семиотических систем: вербальной, мелодической, визуальной, что дает основание рассматривать песенный дискурс (ПД) как вид креализованного текста. ПД транслирует основные культурно значимые ценности народа, носит ярко выраженный национальный характер. ПД выполняет ряд функций: эмотивную, коммуникативную, прагматическую, фатическую, поэтическую, императивную. Массовая песня выступает средством пропаганды, способом формирования мировоззрения и эстетического воспитания. Так, например, политическая направленность советского довоенного ПД – это пролетарский интернационализм, коллективизм и сталинизм.

Большое место в жизни каждого народа, пережившего ужасы войны, занимают военные песни. Песни Великой Отечественной войны не теряют своей популярности, продолжают и сегодня волновать своей искренностью.

Русский песенный военный дискурс (ПВД) отличается жанровым и тематическим разнообразием. Это марши, призывы, размышления, баллады, лирические, шуточные песни. В хронологическом отношении песни подразделяются на старинные, времен революции и гражданской войны, Великой Отечественной войны, послевоенных лет.

Русская военная песня имеет более чем 200-летнюю историю. Наиболее давние – это рекрутские, казачьи песни. Строевые песни служили для поддержания боевого духа, порядка в армии. Они исполнялись хором в походах, при маршировке, отличались простой бодрой мелодией и незамысловатым текстом. Песня «Солдатушки, бравы ребятушки» построена по принципу «вопрос – ответ»: «...кто же ваши деды? – Наши деды славные победы, вот кто наши деды». Эта шуточная, на первый взгляд, песня, отражала жизненную правду. В царской армии солдаты, служившие по многу лет, иногда и пожизненно, были оторваны от семьи, привычного крестьянского быта. Теперь для них «жены – пушки заряжены», «матки – белые палатки».

На досуге солдаты пели также лирические народные песни, проникнутые тоской по родному дому, в которых нередко говорилось о смерти: «Черный ворон, что вы вьешься над моею головой?».

Следующий этап становления русской военной песни связан с событиями 1917 г. и гражданской войной, когда песня выступала как средство революционной пропаганды: «Смело мы в бой пойдем», «Красная Армия всех сильнее», «Тачанка», «Марш Буденного», «По долинам и по взгорьям», «Авиа-

марш» и др. Песней утверждалась вера в светлое будущее, готовность умереть за дело революции. Музыка таких песен отличалась маршевым, бодрым характером.

Основной этап в развитии русской военной песни – годы Великой Отечественной войны. В первые дни войны была написана песня «Священная война» звучащая, как гимн, как торжественная клятва. Лексическое наполнение песни соответствовало ее назначению – активизировать народный гнев («*Пусть ярость благородная, вскипает, как волна*»), призвать к борьбе на защиту Родины. В тексте песни много эмотивной лексики и выражений с отрицательной коннотацией (*проклятая орда, гнилой фашистской нечисти загоним пулю в лоб, отребью человечества сколотим крепкий гроб*), образных сравнений, метафор, эпитетов (*царство тьмы, сила темная, ярость благородная, вскипает, как волна, пламенные идеи, смертный бой*).

Песня «Священная война» получила огромную популярность в Китае, так как ее содержание и форма отвечали духу времени и внутреннему настрою китайцев, боровшихся против японских захватчиков. При переводе песни на китайский язык были сохранены все особенности текста-оригинала.

Наряду с песнями ярко выраженного гражданского звучания, в годы войны появилось немало лирических песен, раскрывающих чувства бойца, его тоску по родному дому. Значение таких песен неопределимо: они поддерживали веру в победу, в оберегающую от смерти силу любви матерей, жен, невест («В землянке», «В лесу прифронтовом», «Синенький скромный платочек», «Огонек», «Темная ночь» «Соловьи» и др.). Не зря такие песни получили название «песни-обереги».

В лирических песнях нередки элементы пейзажных зарисовок, изобразительно-выразительные средства (*тускло звезды мерцают, про тебя мне шептали кусты, на поленьях смола, как слеза, тоскует мой голос живой, пой, гармоника, вьюге назло; заплутавшее счастье зови, негасимая любовь*).

Задумчивость лирических песен создавалась за счет эмотивной лексики с положительной коннотацией (*родная, любимая, дорогие, милые, желанные, ласковые, верная, любовь*); слов с суффиксами субъективной оценки (*весточка, паренек, платочек, письмецо, синенький, звездочка, огонек, гармоника*).

В годы войны были популярны также шуточные, задорные песни, которые способствовали психологической разрядке бойцов, помогали перенести невзгоды: «Песенка фронтового шофера», «Ты ждешь, Лизавета», «Пора в путь-дорогу». В тексте таких песен много стилистически окрашенной лексики, выражений разговорного и просторечного характера, что сближает их с произведениями фольклора: *через реки, горы и долины; Эх, путь-дорожка фронтовая! Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы; поговорим о то о сём, ты так и знай; малость невдомёк*. Строки «*Помирать нам рановато. Есть у нас еще дома дела!*» стали крылатым выражением.

Следующий этап – послевоенные годы, когда появились много песен, в том числе на слова замечательных поэтов В. Высоцкого, Р. Гамзатова, Б. Окуджавы и др. Это песни-воспоминания о войне, выражающие скорбь о безвременно

погибших, о страшной цене завоеванной победы, о фронтовом братстве. Они отличаются особой, искренней интонацией, потому что боль утраты еще не притупилась. Появились также песни-реквиемы о жертвах фашистских концлагерей.

Для песен данного периода характерен высокий художественный уровень текстов. Многие песни были написаны к кинофильмам: «10-ый наш десантный батальон», «На безымянной высоте», «Я сегодня до зари встану», «Вот солдаты идут», «День Победы» и др. Эмоциональное воздействие таких песен усиливалось благодаря видеоряду. Фильмы в 60-80-е годы смотрели в кинотеатрах и по телевидению практически все, и прозвучавшие в них песни сразу завоевывали большую популярность.

Китайские военные получили свое становление в 20-ом веке, чему предшествовало знакомство с русскими песнями, которые были переведены и стали очень популярны в годы дружбы и сотрудничества между СССР и Китаем. Советские песни транслировались в Китае по радио, распространялись в печати, исполнялись на сцене. Многие китайские авторы песен сформировались под влиянием русской песенной школы; некоторые китайские песни основаны на текстах русских песен.

Военные песни в Китае стали особенно востребованы в годы войны с Японией. Сами названия таких песен свидетельствуют об их боевом характере: «Народная армия предана партии», «Марш Железный смерч», «Военная песня об укреплении армии», «Преследовать отступающего противника», «Возвращение после стрельбы по мишеням», «Мы обязательно водрузим флаг победы на Тайване», «Единство – сила» (революционный лозунг). Слова этих песен звучат, как лозунги, призывы к борьбе либо повествуют о военных действиях. Как правило, тексты китайских песен небольшие, с многократными повторами фрагментов либо всего текста.

С точки зрения содержания китайский ПВД отличается ярко выраженной патриотической направленностью и идеологизированностью. В нем воспеваются верность партии, бесстрашие и мужество солдат, готовность народа защищать Родину ценою собственной жизни, ненависть к врагам, уверенность в победе. Лишь в некоторых текстах присутствуют элементы пейзажных зарисовок, цель которых – оттенить тревожную военную обстановку, подчеркнуть, что силы природы тоже помогают изгнать врага с родной земли: *Весенний гром бьет в барабаны войны. Красное солнце светит на нас и уничтожает врага. Оседлав ветер и волны, мы стремимся к осуществлению мечты о сильной армии!*

Анализ лексического наполнения китайского ПВД показал, что в нем, как и в русском, широко представлена лексика и словосочетания, связанные с военной тематикой. Это наименования оружия, бойцов, армейских атрибутов, воинских подразделений, действий: *солдаты, бойцы, добровольческая армия, снайперы, батальон, авиация, ружья, пушки, мечи, боевое знамя, уничтожить, окружить, прицелиться, стрелять, разгромить, победить, рассеять головы, прорвать осаду* и т. п.

Характерной особенностью китайского ПВД является широкое использование эмотивной лексики: 1) «высокого» стиля (*братья по оружию, кровопролития и жертвы, водрузить флаг победы, миссия священна, на пути к исчезновению*); 2) с отрицательной коннотацией (*реакционеры, бандиты, дьяволы, собаки, волки, тигры, дерьмо, свирепствуют*).

В китайском ПД, как и в русском, встречаются тропы, а также идиомы. Наиболее частотными являются эпитеты *стальной, железный*: *верность железному кулаку, Железный поток катится вперед! стальная клятва нации, железная верность китайских солдат, Единство – сила, эта сила – железо, эта сила – сталь, тверже железа, прочнее стали*.

Метафоры и гиперболы используются для демонстрации героизма армии: *глаза сверкают героической кровью; упираясь головой в луну на границе; одетые в дождь, снег и ветер; мечи рассекают головы дьяволов*.

Для китайского ПВД, как и для русского, характерны синтаксические средства эмотивности: побудительные восклицательные и вопросительные предложения с обращениями, которые могут неоднократно повторяться в тексте песни: *Не беспокойся, Отчизна моя! Готовы ли вы? На фронт! Наша кровь сильна! Услышите стальную клятву нации! Не давайте врагу дышать! Цельтесь в сердце и грудь противника! Уничтожьте его! Встряхнуть тигров и волков! Преследуйте их!*

Отмечено почти полное отсутствие китайских лирических песен. Текст песни «Я люблю голубое небо своей страны» включает описание природы, что, однако, подчинено общей идее – продемонстрировать боевой дух армии, выразить патриотические чувства.

Солнце ярко светит в ясном небе.

Белые облака проложили мне дорогу.

Восточный ветер посылает меня вперед.

Золотой закат танцует вокруг меня.

Море облаков бесконечно.

Весенний гром бьет для меня в барабаны войны.

Красное солнце светит на нас и уничтожает врага.

Только в последние десятилетия в Китае был создан ряд военных песен лирического характера. В песне «В жизни солдата есть свои времена года» раскрывается внутренний мир солдата: говорится о его трудной жизни, о солдатском братстве, мечтах о родном доме. При этом главное место занимают заверения в любви к стране, которую солдат *любит так же сильно, как своих родителей*, в том, что он не боится смерти, потому что годы службы *«превратили железо в сталь»*.

Лирический герой песни «Звездный охотник» не может уснуть и ищет в небе звезду, которая *«такая яркая и глубокая»*, как глаза его любимой. В песне нет упоминания о военных действиях, по своей тональности и по содержанию она напоминает русскую военную песню «Темная ночь».

Под влиянием песни «Темная ночь», возможно, была создана также песня «Пятнадцатая луна». Лирические герои по ночам тоскуют друг о друге. Он ох-

раняет границу страны, а она – сон их ребенка в колыбели. Однако лейтмотив этой песни – выражение преданности Родине, готовности пролить за нее кровь.

Сравнительный анализ русского и китайского ПВД позволил установить черты как сходства, так и различия между ними. Общим является патриотический пафос песен-призывов героического характера, их лексическое наполнение: обилие эмоционально окрашенной лексики с положительной и отрицательной коннотацией, устойчивых выражений, а также синтаксических конструкций эмотивного характера, повторы (припевы). Вместе с тем было выявлено, что для русских ВП характерно большее тематическое и лексическое разнообразие, широкое использование изобразительно-выразительных средств, включение элементов пейзажных и бытовых зарисовок (обычно в начале текста): «С берез неслышен, невесом слетает желтый лист», «Майскими холодными ночами», «Вьется в тесной печурке огонь» «Расцвели яблони и груши» и др.

Многие русские песни, особенно шуточные, близки к народным, насыщены разговорной и просторечной лексикой, клишированными выражениями, в них использована традиционная народная символика: образы птиц (ворон, орел, сокол), символ степи, дороги и др.

Во время ВОВ бойцы воевали в разных родах войск: в пехоте, в артиллерии, в воздушном и морском флоте, танковых войсках. Поэтому создавались песни, посвященные артиллеристам, морякам, летчикам, шоферам. Важным участком борьбы с врагами было партизанское движение. Известны песни о партизанах: «Шумел сурово брянский лес», белорусская «Лесная песня»: «Ой, березы да сосны – партизанские сестры». Адресность русской военной песни также является ее характерной чертой.

Актуальность военных песен в наши дни связана с необходимостью сохранять историческую память, вырабатывать у молодого поколения протест против новых войн. В этих песнях, как в «зеркале культуры», получили отражение общие черты, присущие военным песням всех стран, и в то же время ярко проявились национально-культурные особенности каждого народа.

УДК 811

Овсянникова Ассоль Алексеевна, старший преподаватель
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронный адрес: oassol@mail.ru

Ovsyannikova Assol Alekseevna, Senior Lecturer
Moscow Linguistic State University, Moscow, Russia
e-mail: oassol@mail.ru

Денисова Анастасия Андреевна, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронный адрес: denisova238173@gmail.com

Denisova Anastasia, Student
Moscow Linguistic State University, Moscow, Russia
e-mail: *denisova238173@gmail.com*

Кондрачук Олег Олегович, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронный адрес: *oleg2030121@mail.ru*

Kondrachuk Oleg, Student
Moscow Linguistic State University, Moscow, Russia
e-mail: *oleg2030121@mail.ru*

Шалаевских Валерия Игоревна, студент
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Электронный адрес: *lera.shlaevskikh@mail.ru*

Shalaevskikh Valeria, Student
Moscow Linguistic State University, Moscow, Russia
e-mail: *lera.shlaevskikh@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА УКРАИНСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на примере перевода стихотворения Андрея Малышко «Я люблю твої очі у мрії»)

В статье рассматриваются такие понятия, как «перевод», «художественный перевод», «поэтический перевод». Авторы на конкретных примерах рассматривают проблемы, с которыми сталкивается переводчик, выполняя поэтический перевод с украинского языка на русский.

Ключевые слова: художественный перевод; поэтический перевод; стилистические особенности; перевод с украинского языка на русский.

PROBLEMS OF TRANSLATION OF UKRAINIAN POETRY INTO RUSSIAN (on the example of translation of the poem "I Love Your Eyes in Dreams" by Andriy Malyshko)

The article discusses such concepts as "translation", "artistic translation", "poetic translation". The authors use specific examples to consider the problems faced by a translator performing a poetic translation from Ukrainian into Russian.

Key words: artistic translation; poetic translation; stylistic features; translation from Ukrainian into Russian.

Проблема перевода вообще, и художественного в частности была и остается одной из самых сложноразрешимых среди лингвистов и переводчиков-практиков.

Согласно Толковому переводоведческому словарю, художественный перевод – это «вид перевода, функционирующий в сфере художественной литературы. Является инструментом культурного освоения мира и расширения коллективной памяти человечества, фактором самой культуры» [1, URL]. Другими словами – это один из самых сложных видов перевода, требующий от

переводчика целого ряда навыков, знаний, компетенций и эрудиции, поскольку он имеет дело не столько с коммуникативной функцией языка, сколько с эстетической.

Отечественные и зарубежные лингвисты, такие как Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер и многие другие, занимались и занимаются не только проблемами художественного перевода, но, в первую очередь, определением понятия «перевод». Так, Л. С. Бархударов понимает его как – «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [2, с. 10], а профессор В. С. Виноградов, называет перевод процессом, вызванным «общественной необходимостью» и результатом передачи информации, выраженной в письменном или устном тексте на одном языке, посредством эквивалентного (адекватного) текста на другом языке» [3, с. 11].

И если мы говорим о художественном переводе как таковом, то не можем не учитывать, что художественный текст всегда отражает особенность того или иного народа, культуры и эпохи. И кроме всего прочего, художественный перевод не может быть лишены позиции автора, его отношения к описываемым событиям и героям, а также авторской интонации [4, с. 354].

В художественном переводе как подвиды выделяют: перевод поэзии, пьес, художественной прозы, текстов песен и т. д. И в этом ряду именно поэтический перевод является одним из самых сложных в силу того, что ключевое понятие, связанное с этим видом перевода, – понятие эквивалентности [5].

Так, лингвист А. В. Федоров в статье «Проблема стихотворного перевода» (1927) утверждает, что понятие «точный перевод» достаточно относительное, поскольку «невозможность построить понятие “точного” перевода определяется самой природою материала – словесною природою поэзии» [6, с. 105].

Среди сложностей перевода поэтического текста можно назвать: 1) необходимость передать в переводе содержание, ритмико-мелодическую и композиционно-структурную сторону подлинника и 2) зависимость поэтического произведения от особенностей языка, на котором оно написано, что, по мнению Л. С. Бархударова, обусловлено «расхождениями между структурой двух языков и жесткими формальными требованиями, налагаемыми на поэтические тексты» [2].

И в этой связи процитируем мнение одного из самых признанных переводчиков поэзии – Самуила Яковлевича Маршака, который писал: «Перевод стихов – высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два <...> положения: Первое. Перевод стихов невозможен. Второе. Каждый раз это исключение. Прочитав перевод <...>, читатель должен быть уверен, что <...> поэт-переводчик донес до него подлинны мысли и чувства поэтов, не потеряв ничего главного, основного, существенного. <...> Важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта, его время и национальность, его волю, душу, характер, темперамент» [7, с. 65].

При перекладі поетичного твору перекладачеві необхідно передати не тільки повністю різні виразні засоби (звукоподражання, алітерації, ритм, риму і др.), але і розмір і стопність, а також кількість і місце лексических і синтаксических повторів і др. [8]. І при цьому дотримуватися граматическі правила мови перекладу.

Що стосується перекладу в парі російський – український, то перекладач на граматическому рівні стикається з такими проблемами, як:

1) невідповідність роду у імен іменісних: *кризис* (м. р.) – *криза* (ж. р.); *степь* (ж. р.) – *степ* (м. р.);

2) невідповідність числа: *сутки* (мн. ч.) – *доба* (ед. ч.), *часы* (мн. ч.) – *годинник* (ед.ч.). [9, URL];

3) утворення степенів порівняння прикметив: *самый красивый* – *найкрасивіший*;

4) при згині складних числівитих (50, 60, 70, 80) в РЯ згинаються обидві частини, в УЯ – тільки друга: *шестидесяти* – *шістдесяти*, *семидесяти* – *сімдесяти* і т.д. [9, URL] і т. д.

Визначені складності представляють і так звані «ложні друзі перекладача». Наприклад, дієслово *считать* не завжди перекладається на український як «рахувати». *Рахують* в математическому дієстві або кількості, а словосполучення *считать возможным* перекладається на український мову «вважати за можливе». Тут спостерігається збільшення кількості слогів, що, безумовно, порушує ритм вірша.

Такої ж проблемою є імперативна форма дієслів. Наприклад, *давайте прочитаем* в УЯ буде мати форму «прочитаймо».

Щоб проілюструвати, з якими труднощами може зустрітися перекладач при роботі з поетическими творами, розглянемо підстрочний переклад вірша Андрія Малишко «Я люблю твої очі у мрії».

<p>Я люблю твої очі у мрії, Ті, що глянули в душу колись, В них мої сподівання й надії Дивним карбом навек запеклись.</p> <p>Я узяв тих очей таємницю І зіниці твої золоті, Наче воду з ясної криниці, Щоб розхлюпати людям в житті.</p> <p>І дивились на мене ті очі, Як веселки, з-під маєва брів, Тож диханням твоїм опівночі Я людей у житті обігрів.</p>	<p>Я люблю твої глаза мечтающие, Те, что глянули в душу когда-то, В них мои ожидания и надежды Удивительным следом навек запеклись.</p> <p>Я взял тех глаз тайну И твой взгляд золотой, Словно воду из чистого колодца, Чтоб расплескать людям в жизни.</p> <p>И смотрели на меня те глаза, Как радуги, из-под хмурых бровей, Так что дыханием твоим в полночь Я людей всех в жизни обогрел.</p>
--	---

<p>І коли ти повернешся знову, Прочитаєш ти в людських очах Свою душу легку і шовкову По стежках, по лужках, по ночах!</p>	<p>И когда ты вернёшься снова, Прочтёшь ты в людских глазах Свою душу легкую и нежную По тропинкам, по лужайкам, по ночам!</p>
---	---

Обратим внимание, что представленный подстрочник является первым шагом для дальнейшего рифмованного поэтического перевода. Но уже на этом этапе при переводе с УЯ на РЯ были произведены следующие замены, связанные как с грамматическими особенностями УЯ, так и с необходимостью передать общее романтическое настроение оригинала.

1. У *мрії* заменили причастием ‘мечтающие’, поскольку дословный перевод ‘в мечте’ в данном контексте звучит не органично для РЯ.

2. Союз *й* опущен, т. к. при переводе на русский как ‘и’ добавит лишний слог и приведет к нарушению ритма в стихотворении.

3. *Зіниці* дословно по-русски звучат как ‘зрачки’, но было принято решение перевести как ‘взгляд’, что больше соответствует общему романтическому настрою стихотворения.

4. Словосочетание *ясна криниця* перевели как ‘чистый колодец’ (пример несовпадения рода в УЯ и РЯ), и заменили прилагательное, которое в РЯ передает значение украинского словосочетания – колодец с чистой, родниковой водой.

5. Слово *шовкова* в переводе на РЯ звучит как ‘шелковая’, но нами было принято решение передать его как ‘нежная’, что в точности передает смысл оригинала.

Подводя итог всему вышесказанному, можем утверждать, что поэтические произведения для большинства иноязычных читателей становятся доступными благодаря художественным переводам. И если говорить о художественном поэтическом переводе с русского языка на украинский, переводчику необходимо владеть лексическим материалом, знать орфографические, грамматические и морфологические особенности обоих языков и уметь находить слова с учетом их семантических оттенков, стилистических особенностей текста и контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый переводоведческий словарь. URL: https://pervodovedcheskiy.academic.ru/1889/художественный_перевод?ysclid=lvmjiiwgn369963670 (дата обращения: 30.04.2024).
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. М., 2001.
4. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М., 2007. 354 с.
5. Шутемова Н. В. Поэтический перевод в контексте художественной деятельности // Вестник Пермского университета. Вып. 6 (12). С. 76–82.
6. Федоров А. В. Проблема стихотворного перевода. 1925. С. 104–118.

7. Маршак С. Я. Портрет или копия? (Искусство перевода). Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 (статьи, заметки, воспоминания). М. : Правда, 1990. 453 с.
8. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
9. Особливості перекладу з російської українською мовою. URL: https://studopedia.ru/6_132346_osoblivosti-perekladu-z-rosiyskoi-na-ukrainsku-movu.html?ysclid=lud1bsvsnf188644090 (дата обращения: 28.03.2024).

УДК 811.161.1.37

Акуленко Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: dgl@mslu.by

Akulenka Alena, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: dgl@mslu.by

Леонтьева Вера Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: dgl@mslu.by

Leontyeva Vera, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: dgl@mslu.by

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБСТАНТИВНОЙ ПЕРИФРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется проблема перифрастической номинации. В центре внимания – субстантивная перифраза с опорным компонентом королева, обладающая чрезвычайно высоким функциональным потенциалом в современной коммуникации

Ключевые слова: субстантивная перифраза; перифрастическая единица (ПЕ); перифрастическое значение; метафорическое значение; функциональный потенциал; речевая практика; языковая компетенция говорящих; современная коммуникация.

FUNCTIONAL POTENTIAL OF SUBSTANTIVE PERIPHRAISIS IN MODERN COMMUNICATION

The article deals with the research of periphrasal nomination problem. The focus is on the substantive pariphrasis with the basic component “queen”, which has extremely high functional potential in modern communication.

Key words: substantive periphrasis (paraphrase); periphrasis unit (PU); periphrasis meaning; metaphorical meaning; functional potential; speech practice; speakers’ linguistic competence; modern communication.

Субстантивная перифраза сегодня является привычным инструментом представления многочисленных и разнородных денотатов. Ее бытование в современных текстах сопровождают экспрессивность, оценочность, многоуровневость прочтения, то есть всё то, что делает любое лексическое значение живым, объемным и многогранным. Не умаляя значимости перифразы как

стилистического средства экспликации экспрессии, как яркого тропа, уделим внимание перифразе как языковой единице, сосуществующей в 2 лингвистических мирах, находящей свое применение на стыке языковой системы и текстовой реальности.

В данном исследовании под субстантивными перифразами мы понимаем составные лексические единицы вторичной номинации, семантически синкретичные, прагматически заряженные, которые адресант использует с целью образного, подчас экспрессивного представления объекта номинации. Данные единицы вторичной номинации коммуникативно успешны в замещении прямых номинаций. Отметим, что одни замещаемые реалии являются фактами традиционного толкового словаря, другие – узнаваемыми именами собственными.

В качестве объекта исследования нами избраны субстантивные перифразы с опорным элементом *королева*, отобранные посредством сплошной выборки из Основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Общее количество контекстов, в которых отмечено вхождение лексемы *королева*, составляет 1664; из них более 350 контекстов содержат единицы перифрастической номинации с опорным компонентом *королева* в своем составе.

Коммуникативно-прагматический потенциал заданной субстантивной перифразы весьма широк, несмотря на недвусмысленный позитивный оценочный посыл, который обнаруживает опорный компонент. Оценочно-прагматические трансформации, которые данная ПЕ демонстрирует в современных текстах, позволяют говорить о «воспроизводимой модифицируемости» как ее конститутивном свойстве. Семантическая синкретичность и структурная дискретность субстантивной перифразы позволяют коммуникантам в ходе ее использования реализовывать собственную языковую свободу, креативно раз за разом реинтерпретируя денотативный мир.

Казалось бы, лексическая единица *королева* в силу действия законов семантического согласования предполагает в роли зависимого компонента слова «позитивной» семантики (социально одобряемые номинации, исключаяющие стигматизацию): *** *Мисс Европа при встрече с мисс Францией (в медальон) на юг Франции ожидают приезда мисс Америки.* *** *Анджела Бертолино – королева изящества в Эксь-ле-Бэн (сезон 1929)* [Некоронованные Королевы Красоты // журнал «Театр и Жизнь», № 14 (Париж), 1929]; *Наука – инструмент для познания мира, а у физики в этом смысле возможностей, считалось, было больше: как-никак, королева наук!..* [Э. Данилова. ...Плюс вся картина мира // «Юность», 1972]; *«Королева не только музыки, но и красоты» – высказывались подписчики в комментариях.* [Певица Адель появилась на публике в наряде украинского дизайнера // Lenta.ru, 23.10.2020].

Заметим, однако, что *королева* в качестве опорного компонента оказывается на удивление толерантной и не ставит запрет на сочетаемость со словами «негативной» семантики (*королева мафии, королева преступного мира* и т. д.): *Но это сценические псевдонимы, а до того как она начала петь, ее звали просто «Мисс Зина – королева наркотиков».* [Жизнь прекрасна (1997) // «Сто-

лица», 11.11.1997]; В Женеве опубликованы материалы, свидетельствующие о перечислении талибской наркомафией процента с прибылей на швейцарские счета бывшего Президента Пакистана Беназир Бхутто: сейчас «героиновая королева» Б. Бхутто благоденствует в Великобритании. [Митрополит Владимир (Иким). ... А друзей искать на Востоке (2001)].

Субстантивная перифраза с опорным компонентом *королева* в силу своей языковой природы редко выполняет номинативную, или номинативно-субститутивную, функцию в чистом виде: *Российскую модель Елизавету Аниховскую, которая в 2016 году получила звание «Мисс Екатеринбург», выгнали из автобуса на пути из Асбеста в Екатеринбург. Бывшая королева красоты рассказала, что последние несколько дней чувствовала себя плохо, поэтому из-за тошноты вынужденно сняла защитную маску в общественном транспорте* [Королеву красоты выгнали из автобуса в российском городе // Lenta.ru, 23.12.2020]; *Королева поп-музыки с альбомом Madame X с большим отрывом лидирует по результатам продаж в США, сообщает Francetvinfo. На втором месте после Мадонны в списке самых продаваемых альбомов Billboard 200 Chart – 69-летний Брюс Спрингстин с альбомом Western Stars.* [Мадонна вновь возглавила американский хит-парад // РИА Новости, 25.06.2019]

Описательная природа перифразы неизбежно внесет дескриптивный мотив: *А праправнучка Николая I, королева Арбата тех лет, – такая же американская баба, как Мерилин.* [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]; *Это странно, так как легкая атлетика – настоящая «королева» допингового спорта.* [В. Покровский. На смену допингу идет скальпель хирурга // «Общая газета», 1998]; *Например, в нее входят все книги "золотой" Джоан Ролинг о Гарри Поттере, но в ней нет ни одной (!) книги "серебряной" Дарьи Донцовой, что говорит о том, что королева отечественного иронического детектива берет, скорее, количеством наименований, чем успехом отдельных книг.* [Ю. Рахаева. Покупатель всегда прав. «Библио-Глобус» как зеркало книжных предпочтений // «Известия», 2003.02.11]; *Именно на таких, глубоких как мировой океан, лежбищах любит отдыхать в своем загородном доме на побережье в Ист-Хэмптоне королева нью-йоркской моды Донна Каран, известная своим фанатичным педантизмом в области эргономики и комфорта.* [Открытие Америки (2004) // «Мир & Дом. City», 15.05.2004] Особенно заметна описательность многокомпонентных субстантивных перифраз.

Реализация субстантивной перифразой познавательной функции предполагает обогащение языковой компетенции говорящего в процессе коммуникации. Перифраза, как правило, используется в повседневной речевой практике при условии ее регулярного распознавания и не нацелена на коммуникативный сбой, однако может потребовать от коммуникантов актуализации пресуппозиционных знаний, включения челночного внимания при восприятии текстовой последовательности, опоры на контекст и ситуацию общения. Перифраза, обладая таким ценным свойством, как референциальность, то есть способностью давать отсылку к событиям прошлого, воспитывает говорящего, делает его умелым игроком на коммуникативном поле. Апелляция к прошлому, позво-

ляющая раскодировать, считать свернутую предикацию, весьма ценна: *«Королева мороженого»* даже и подумать не могла, что спустя три столетия католическая церковь выступит и против самого мороженого. [И. Лепин. Ода мороженому рабочих и крестьян (1997) // «Столица», 02.09.1997] – о Екатерине Медичи, вдохновительнице Варфоломеевской ночи; *Мы слышим отголоски песенок Палиссо в подмосковных песнях деревень меценатствовавших бояр, вроде мужа Параша Жемчуговой, и «Златые горы», не находящие себе автора, – один из примеров прижившегося французского сентиментализма времен, когда королева гильотины еще доила в Трианоне коров, отирая серебряный подойник брюссельскими кружевами* [И. А. Аксенов. Мария Ивановна Бабанова (1933)] – о Марии-Антуанетте, королеве Франции. Отдельно отметим специфику приведенных перифраз, в составе которых опорный компонент королева использован не в переносном, а в прямом значении, что мгновенно приводит к замене метафорической модели метонимической.

На наш взгляд, регулярное включение регулятивного регистра в ходе представления и позиционирования денотата ожидаемо, если принять во внимание метафорическую природу заданного перифрастического значения. Расцветившая речь ПЕ, говорящий поневоле предпринимает попытку регулирования восприятия адресата: *В частности, названы бывшая первая леди США Жаклин Кеннеди, британская актриса Одри Хепберн, «королева Голливуда» Элизабет Тэйлор, американская певица и поэтесса Патти Смит и никарагуанская актриса Бьянка Джаггер. [Названы самые красивые постаревшие знаменитости // lenta.ru, 01.04.2019]; 1961 Новый год встречали у Мары Черновой с Зоей и Эликом, Риной Зеленой. Король и королева комедии, а особенного веселья не было... [В. Катанян. Лоскутное одеяло (1960-1969)]; И вдруг увидел ее: совершенно естественно, словно это и было ее место, она стояла рядом с режиссером в направленном на них свете, в лучах его славы: королева бала. [Г. Я. Бакланов. Мой генерал // «Знамя», 1999]; Как же устроена молекула ДНК, эта королева живой клетки? [М. Франк-Каменецкий. Век ДНК // «Наука и жизнь», 2008] и т. д.*

Многочисленные контексты с ПЕ демонстрируют реализацию манипулятивной функции. Сам факт употребления субстантивной перифразы с опорным компонентом королева – свидетельство определенного позиционирования перифразируемой номинации. Грань между регулированием и манипулированием (восхваление, лесть, дискредитация и т. д.) в реальной коммуникации весьма зыбкая, а в условиях давления фактора двойной («двунаправленной») интерпретации, авторской и слушательской, вряд ли она может быть неоспоримо проведена: *Алла Борисовна когда-то сказала, что она королева всех плебеев. [Раздел «Культура». Пугачевой припомнили слова про «королеву всех плебеев» // gazeta.ru, 20.04.2019]; «Лента.ру» совместно с онлайн-кинотеатром Okko рассказывает, как одна хрупкая француженка сотворила целую эпоху. «Непочтительная». Так Ройтфельд назвала свою первую книгу. Королева порношика, привыкшая бросать вызов устоявшимся нормам, никогда не отличалась податливым нравом. Ретивая, смелая, фонтанирующая идеями, с вечно горящими глазами, она открыла миру моды десятки громких имен.*

[С. Поворазнюк. Королева порношика // lenta.ru, 08.03.2019]; *Вечер балерины д'Арто и «королевы танго» Е. Э. Крюгер 22 июля был довольно интересным вечером. Все балетные номера носили необыкновенно-художественный характер. В лице Марии д'Арто мы имели возможность видеть безусловно крупное хореографическое дарование. Каждый ее танец отделан тщательно.* [Мария д'Арто и «королева танго» (06.08.1915) // газета «Отклики Кавказа» (Армавир), 1915].

Среди ведущих функций назовем и эмоционально-оценочную, которая, вопреки ожиданиям, основанным на семантических основаниях, отнюдь не всегда предполагает экспликацию позитивной оценки: языковые контексты, реализующие ироническую, саркастическую и иные негативные коннотации, регулярны в современной речевой практике: *В длинном анамнезе и безнадежно пропахший кислой капустой общепит, и забывший вид приличного товара магазинный прилавок, и хамящая, уверенная в своей безнаказанности королева бытового сервиса ...* [В. Гимпельсон, Н. Ноздрина. Как живет москвичу // «Горизонт», 1989]; *Нора не просто соблазнительная женщина, Нора – королева столичных клопов.* [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Гадкие лебеди (1967)].

Интересно, что случаи «закавычивания» в текстах перифраз с ярко выраженным негативно-ироническим оттенком встречаются нечасто: *"Королева мировых рекордов". Американская популярная певица Бритни Спирс заявила, что пробежала дистанцию в 100 метров менее чем за 6 секунд. Рекорд мира в беге на 100 метров принадлежит ямайскому спринтеру Усэйну Болту – 9, 58 секунды. "Впервые выбежала из шести секунд!"* [«Королева мировых рекордов». Бритни Спирс пробежала 100 метров быстрее Усэйна Болта // Vesti.ru, 26.03.2020]; *Подписчики заявили, что после такого «королева шпагата» Анастасия Волочкова должна кусать локти.* [«Волочкова кусает локти»: Полина Гагарина впечатлила шпагатом // Московский комсомолец, 02.05.2019].

С эмоционально-оценочной функцией тесно связана функция эмоционально-экспрессивная: *Подписчики похвалили стиль Шеляговой в комментариях. «Виктория, ну вы королева эпатажа. Красота такая»* [Ушанку с Красной площади сочли трендом благодаря жене владельца похоронных бюро // Lenta.ru, 30.11.2020]; *Увлечкаяся болтовней с приятелем королева бензokolонки долго не подходила к пульту.* [П. Андреев. Афганские рассказы (1998) // «Звезда», 2000]; *– Будете есть? Или подождете, пока все соберутся? – Она вновь расслабилась, посмотрела на него с умеренным любопытством. Здесь ее территория, она – королева супов и каш, владычица еды, а он – пришелец, бродяга.* [М. Галина. Куриный Бог (2013)]; *В эфире к ведущим присоединилась «чили-королева» Шахина Васим (Shahina Waseem), эксперт по острому перцу* [Телеведущие отведали самый острый перец в прямом эфире и заплакали // lenta.ru, 01.08.2019].

Отдельно отметим реализацию посредством использования субстантивной перифразы эстетической функции языка: *Затем лауреатом премии стала Наташа Гутман – «богиня музыки», «королева виолончели», как я ее называю.* [Ю. Башмет. Вокзал мечты (2003)]; *Врачиха (жена начальника тюрьмы)*

обещала выписать винегрет и обманула... Роскошная женщина, **королева** снов моих, моя богиня (влюбился в нее с первого взгляда), обманула меня как последняя сука!.. [Г. Жженов. Прожитое (2002)].

В особых случаях субстантивные перифразы способны выполнять в коммуникации и такие частные функции, как эвфемистическая (1): *Говоря о сказочных растениях, нельзя не остановиться на белладонне. Она имеет много разных названий – красавка, «сонная одурь», «бешеная ягода», «песчи вишни», «вишня сумасшедших» и – среди прочих – романтическое и зловещее «мать королева ядов».* [С. В. Мельникова. Сказки и «волшебные» растения (2003) // «Биология», 01.04.2003]; апеллятивная (2): – *Ну посмотри на меня, – взмолился Юра, – подними глаза-то, королева равнодушных! У меня действительно хорошая новость.* [А. Маринина. Мужские игры (1997)]; *На минуту ей показалось, что он вовсе и не ждет ее, просто поговорит сейчас с гардеробщиком, помажет насмешливо ручкой – и гуд бай, королева поломоек* [А. Маринина. Иллюзия греха (1996)]; людическая (3): – *Между прочим, с тебя, Алена, все и началось! Все эти авантюры... – Авантюры? Да мы о тебе заботимся, королева блондинок!* [Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри (2002)]; *Она сидела, прямо глядя на меня своими прекрасными, спокойными глазами, и говорила о том, как ее «друг» впадает каждый раз, когда ее видит, в бессильное и тихое исступление. – Он всегда говорит: какая греза! Ты – королева грез. Ты понимаешь – он за эти грезы деньгами платит. И потом еще говорит «томление», и потом «опьянение обладанием» и всякую другую хреновину.* [Г. Газданов. Ночные дороги (1939)].

Референциальная многомерность и возможность оценочной переориентации, допускающей мену вектора оценки на противоположную, позволяют оценивать функционально-прагматический потенциал субстантивной перифразы с опорным компонентом *королева* как чрезвычайно высокий. Бытование перифразы в современной коммуникации, на наш взгляд, сопровождается как функциональный синкретизм, единовременная реализация нескольких функций языка, так и перманентная мена доминантной функции.

УДК 392.91

Курило Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: kurilo.mslu@yandex.ru

Kuryla Natallia, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: kurilo.mslu@yandex.ru

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА-КОНТАМИНАНТЫ: К ВОПРОСУ ОБ ИХ СОЗДАНИИ И ЗАКРЕПЛЕНИИ В ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию имен собственных, используемых в качестве прозвищ и являющихся результатом процесса редукции полного наименования (сочетания двух

или более слов), осложненного сложением редуцированных элементов или их наложением друг на друга.

Ключевые слова: имя собственное; контаминация; контаминант; словосложение; сокращение.

PROPER NAMES-BLENDS: TO THE QUESTION OF THEIR CREATION AND ASSIMILATION IN THE LANGUAGE

The article is devoted to the description of the proper names which are the result of the process of blending when initial and/or terminal parts of two (sometimes more) words are joined together to create a new word. It helps to understand the nature of the blends used as nicknames.

Key words: a proper name; a blend; blending; compounding; shortening.

Предпринятое исследование посвящено вопросам появления и закрепления в языке ряда лексических единиц, относящихся к классу имен собственных, или онимов.

Имя собственное как слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект [1, с. 473], уже неоднократно становилось объектом пристального внимания лингвистов. Однако, несмотря на это, мы считаем, что наше исследование обладает определенной долей новизны, и обусловлено это, в первую очередь, тем, что из полного спектра имен собственных мы выделили онимы-прозвища, при этом только те, которые являются результатом процесса контаминации.

Под контаминацией мы, вслед за Т. Р. Тимошенко, понимаем способ словообразования в виде слияния двух или более сокращенных основ или слияние полной основы с сокращенной, в результате чего образуется новое слово, которое полностью или частично объединяет значения всех структурных элементов, входящих в его состав [2, с. 9].

На первый взгляд, собственные имена-контаминанты достаточно однородны по форме и содержанию, однако, как свидетельствуют результаты исследования, это не совсем так.

Наиболее распространенными именами-контаминантами, используемыми в качестве прозвищ, являются контаминированные имена, данные вновь образовавшимся парам звезд. Мы считаем, что практически каждый человек, интересующийся не только музыкой, театром и кино, но и личной жизнью известных людей, хотя бы раз слышал такие имена, как *Bennifer* 'Беннифер' или *Brangelina* 'Бранджелина'. Именно *Bennifer* является, как свидетельствует история, первым прозвищем в череде прозвищ, данных звездным парам, а *Brangelina* – самым упоминаемым из них. Итак, о какой череде прозвищ идет речь?

В список собственных имен-контаминантов, отобранных нами для анализа методом случайной выборки, вошли следующие лексические единицы:

Ashmi ← *Ashton Kutcher* + *Demi Moore*;

Bennifer ← *Ben Affleck* + *Jennifer Lopez*;
Brangelina ← *Brad Pitt* + *Angelina Jolie*;
Gyllenspoon ← *Jake Gyllenhaal* + *Reese Witherspoon*;
Kimye ← *Kim Kardashian* + *Kanye West*;
Kukus ← *Ashton Kutcher* + *Mila Kunis*;
Robsten ← *Robert Pattinson* + *Kristen Stewart*;
Shefani ← *Blake Shelton* + *Gwen Stefani*;
Spederline ← *Britney Spears* + *Kevin Federline*;
Speidi ← *Spencer Pratt* + *Heidi Montag*;
Tomkat ← *Tom Cruise* + *Katie Holmes*;
Vaughniston ← *Vince Vaughn* + *Jennifer Aniston*;
Zanessa ← *Zac Efron* + *Vanessa Hudgens*.

Этот список можно продолжить прозвищами звездных пар с политическо-го небосклона, например: *Billary* ← *Bill Clinton* + *Hillary Clinton* (в девичестве – *Rodham*).

Популярность некоторых звездных пар настолько высока, что они «удостаиваются чести» получить дополнительно второе и даже третье прозвище (речь идет об упомянутых выше Винсе Воне и Дженнифер Энистон, а также Джейке Джилленхолле и Риз Уизерспун), например:

Vinnifer ← *Vince Vaughn* + *Jennifer Aniston*;
Jeese ← *Jake Gyllenhaal* + *Reese Witherspoon*;
Witherhaal ← *Jake Gyllenhaal* + *Reese Witherspoon*.

Более того, среди анализируемых нами лексических единиц есть собственное имя-контаминант, получившее вторую жизнь: Это прозвище *Bennifer*, варианты которого *Bennifer 2.0* и *Bennifer Jr.* символизируют союз Бэна Аффлека и его новой возлюбленной Дженнифер Гарнер. Стоит, однако, отметить, что у пары появилось и свое собственное прозвище *Garfleck* (*Ben Affleck* + *Jennifer Garner*), позволяющее избежать ассоциаций с Дженнифер Лопес, экс-возлюбленной Бэна Аффлека.

На первый взгляд, указанные выше собственные имена-контаминанты являются ярким примером образования новых лексических единиц по аналогии. Однако при ближайшем рассмотрении мы можем заметить, что одни из них образованы в результате сложения и сокращения имен своих обладателей, а другие – их фамилий. На наш взгляд, основная причина выбора между именами их обладателей и их фамилиями в качестве исходных наименований – благозвучность прозвища, получаемого в результате процесса контаминации.

Примеры контаминации имени одного человека с фамилией другого человека в анализируемой выборке отсутствуют. При этом в выборку попало неоднословное прозвище, при образовании которого контаминации подверглись как имена, так и фамилии его обладателей (речь идет об актере и сценаристе Уильяме Х. Мэйси и актрисе Фелисити Хаффман): *Filliam H. Muffman* ← *William H. Macy* + *Felicity Huffman*.

Несколько иным по своей сути является русскоязычный контаминант *Рембад*. Это прозвище получил известный французский поэт XIX века Жан Николя Артюр Рембо, который провел достаточно большую часть своей жизни, путешествуя (в основном по странам Африки) и занимаясь торговлей. Очевидно, что при создании прозвища его автор использовал свои ассоциации Артюра Рембо с Синдбадом-мореходом (сказочным персонажем, совершившим множество путешествий по Африке и Азии): *Рембад* ← *Жан Николя Артюр Рембо* + *Синдбад-мореход*.

Нечто подобное мы наблюдаем и с кличкой первого в мире поросенка-художника *Pigcasso* ‘Пигкассо’, при создании которой хозяин поросенка использовал имя всемирно известного испанского и французского художника, графика, скульптора и т. д. Пабло Пикассо: *Pigcasso* ← *pig* + *Pablo Picasso*.

Свое прозвище-контаминант может получить не только человек или животное, но и населенный пункт. Например, Франкфурт-на-Майне как финансовая столица Германии, в которой расположены более 300 банков, в том числе и Европейский центральный банк, получил прозвище *Bankfurt* ‘Банкфурт’ (*bank* + *Frankfurt am Main*), а ассоциации его банковского квартала с Манхэттеном за высокую концентрацию небоскребов, которых здесь больше, чем во всей остальной Германии, легли в основу и второго прозвища *Mainhattan* ‘Майнхэттен’ (*Frankfurt am Main* + *Manhattan*).

Не вызывает сомнения то, что описанные выше единицы созданы с определенной стилистической направленностью на основе словообразовательных средств того или иного языка и являются результатом словотворческой деятельности их авторов. Они принципиально отличаются от потенциальных слов целью своего появления и условиями функционирования (как отмечает Р. А. Киселева, подобные (то есть авторские) лексические единицы изначально закреплены за определенными контекстами, давшими им рождение [3, с. 55]). Как следствие, возникает вопрос: имеют ли такие образования возможность перейти в разряд обиходных слов и, более того, быть зафиксированными в словаре.

Время покажет, так как язык знает ряд примеров в прошлом авторских новообразований, а ныне общеупотребительных слов (например, контаминированная лексическая единица *Oxbridge* (*Oxford* + *Cambridge*), впервые появившаяся в 1859 году в романе английского писателя У. Теккерея «Пенденнис»). Однако уже сегодня мы можем сказать, что некоторые из отобранных нами для анализа собственных имен-контаминантов начинают жить своей собственной жизнью, например, принимая участие в других словообразовательных процессах. Так, в заголовке одной из интернет-статей “The Fug Girls Would Like to Stop Being Gyllenspoon-fed” мы обнаружили производное от прозвища *Gyllenspoon*. Вполне очевидно, что лексическая единица *Gyllenspoon-fed* представляет собой имя прилагательное, являющееся результатом процесса сложения имени существительного *Gyllenspoon* и причастия *fed*: *Gyllenspoon-fed* ← *Gyllenspoon* + *fed*.

Часто, стремясь выразить мысль, говорящий сталкивается с выбором синонимических номинаций. Давление речевой ситуации не всегда позволяет сделать мгновенный выбор, что, как отмечает С. Ж. Нухов, может также привести к образованию того или иного слова. Это, в свою очередь, вызывает необходимость в разграничении спонтанных, самопроизвольных случаев возникновения лексических инноваций и фактов их преднамеренного создания, так как первые дают представление о подсознательном действии механизмов словообразования, а вторые четко ориентированы на языковую игру [4, с. 128].

Что касается закреплённости собственных имен-контаминантов в словаре, то на сегодняшний день мы можем найти подобные лексические единицы в интернет-изданиях типа *Urban Dictionary*, *Толстый словарь* и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подольская Н. В. Собственное имя // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. (репринтное). М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 473-474.
2. Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: автореф. дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.04 / Киев. гос. пед. ин-т ин. языков. Киев : КГПИИЯ, 1976. 26 с.
3. Киселева Р. А. Структурные особенности авторских неологизмов // Лексикологические основы стилистики: сб. науч. работ. Л. : ЛГПИ, 1973. С. 53–61.
4. Нухов С. Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное. Монография / Башкир. пед. ин-т. Уфа : БПИ, 1997. 178 с.

УДК 811

Дегтярева Ангелина Ильинична, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *degtyarva.99@bk.ru*

Degtyareva Angelina, Student

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: *degtyarva.99@bk.ru*

Хлыбова Анна Владимировна, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *DianaNai355@gmail.com*

Khlybova Anna, Student

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: *DianaNai355@gmail.com*

Потапенко Данил Евгеньевич, студент

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Электронная почта: *potapenkodaniils@yandex.com*

Potapenko Danil, Student
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e-mail: potapenkodaniils@yandex.com

СМЫСЛОВЫЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ, БЕЛОРУССКИХ, УКРАИНСКИХ, ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ СКАЗОК

В статье описаны основные сходства и различия в именах собственных, встречающихся в славянском фольклоре и затрагивающие смысловые (этимологические) и орфографические аспекты.

Ключевые слова: фольклор; славянская мифология; сравнение; существа; сказки.

SEMANTIC SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN PROPER NAMES IN SLAVIC FOLKLORE ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN, BELARUSIAN, UKRAINIAN, POLISH AND CZECH FAIRY TALES

The article describes the main similarities and distinguishing features of proper names found in Slavic folklore and affecting semantic (etymological) and spelling aspects.

Key words: folklore; slavic mythology; comparison; creatures; fairy tales.

Сказки, былины, поверья неразрывно связаны со славянской культурой. А какого происхождения названий этих существ? Что общего между *Бабой Ягой* и *Еджи-Бабой*? В статье рассмотрим сходства и различия в именах собственных, встречающихся в славянском фольклоре и затрагивающие смысловые (этимологические) и орфографические аспекты.

Баба Яга – один из самых известных персонажей в восточно- и западнославянском фольклоре. В русском, украинском и белорусском языке данный персонаж именуется *Баба Яга*. Самые известные сказки – русская «*Гуси-Лебеди*», белорусская «*Пилипка-сынок*», украинская «*Казка про допитливого Дмитрика*».

У западных славян этот персонаж носит имя *Jedu-baba* или *Jedza-baba* и предстает в разных образах.

Советский филолог, фольклорист, профессор Ленинградского университета Владимир Яковлевич Пропп выделяет три типа яги:

- 1) дарительница, от которой герой получает коня или волшебный предмет;
- 2) похитительница, которая даже крадет детей;
- 3) воительница, с которой герой сражается не на жизнь, а на смерть [1, с. 145].

В западном фольклоре *Jedza-baba* имеет трех сыновей лютых змей, а передвигаться она предпочитает не в ступе, а в чайнике. Несмотря на достаточно склочный характер, отношение западных славян к старушке положительное. Также *Jedza-baba*, ввиду своей гиперактивности, покровительствует и оберегает домовитых хозяек. Однако для мужчин *Jedza-baba* – враг номер один. В чешском фольклоре одна из самых популярных сказок с этим персонажем «*Ян Деда и красная баба-яга*» в Чехии.

Основные различия между *Бабой Ягой* и *Jedza-baba* заключаются в ее имени. Согласно Этимологическому словарю Макса Фасмера, слово «Яга» родственно прибалтийским словам, обозначающим досаду, раздражение, нечто противное, а также древнеисландскому *ekki* ‘скорбь’, ‘боль’, а вот чешский и польский вариант соответствует санскритскому *ahi* – «змей» (Звук [h], сохраненный в русском смягчается в [жд] = [зд], [ж] и [з]). Чешская *jedu-baba* образовалось из *яждати, ездити, еда*. Производные *ягать, яжить*» стали употребляться в значении ‘кричать, шуметь’ («Что ты яжишь, как Баба-яга?») [2].

Так Баба Яга предстает в разных языках в разных образах. Если для восточнославянских языков это грозная, страшная баба, ассоциирующая (основываясь на этимологии) с болью и страхом, то для западных славян это персонаж положительный, похож на ведьмочку.

Водяной в отличие от Бабы Яги, и в восточно- и в западнославянской мифологии одинаков. Он является злым духом, воплощением стихии воды как отрицательного и опасного начала. Чаще всего выступает в облике мужчины с отдельными чертами животного (лапы вместе рук, рога на голове) или безобразного старика, опутанного тиной, с большой бородой и зелеными усами. Водяные утаскивали людей к себе на дно, пугали и топили купающихся. Интересен тот факт, что больше всего водяных боялись мельники и, чтобы водяной не сломал мельницу, под колесо пускали хмельной мед, бросали муку и даже бараньи головы. А поскольку водяной любил черный цвет, существовал обычай держать на водяных мельницах черных животных, любезных водяному [3, с. 82].

Имя этого персонажа созвучно как в восточно-, так и в западнославянских языках. В русском языке – Водяной, в украинском – *Водяник*, в белорусском – *Вадзянік* или *Вадзяны дзед* [3, с. 83].

Имя от одного корня: *вода* – рус., *вода* – укр., *вада* – бел.

Дзед (в переводе с бел. ‘дед’) дополнительно отсылает на внешность этого фольклорного персонажа. У западных славян ситуация похожая – в польском языке *Wodnik* («водник») от слова *woda*, в чешском *Vodnik* («водник») от слова *voda* [4, с. 123].

Таким образом, водяной становится персонажем идентичным для восточно- и западнославянского фольклора, поскольку совпадают и смысл, и этимология слова.

Среди самых известных сказок с этим персонажем можно назвать сказку «Мужик и водяной» Л. Н. Толстого.

Еще одним знаменательным персонажем славянской мифологии, а также представителем водной стихии, является **русалка**.

Слово русалка, вероятнее всего, произошло от слова «русалии» – древнеславянский праздник в честь поминания умерших [5, с. 234]. На Руси считалось, что девушки, утонувшие в реке во время русалий становились русалками.

На Украине русалки – прекрасные, но наделенные чертами покойника, девушки без хвоста, утопившиеся из-за несчастной любви или злой мачехи [5, с. 148]. Называют их *мавки*. И вместе с тем к ним испытывают определенную симпатию и жалость.

Слово «мавка» происходит, по одной из теорий, от общеславянского слова «*навь*», которое означало «смерть», однако это не единственная теория происхождения этого названия [5, с. 142]. Считается, что слово «мавка» так же могло произойти от устаревшего глагола *maati* ‘мавать’, что значит «кивать, покачивать» [5, с. 141]. Данное слово более не употребляется, но его все еще можно встретить в поэме Гомера «*Иллиада*» в переводе Николая Гнедича, где Зевс постоянно «помавает», т. е. кивает головой. *Русалки и мавки* упоминались в сказке-феерии Леси Украинки «*Лісова пісня*».

В Беларуси *вадзяніцы* – страшные персонажи, уродливые лохматые старухи с обвисшими грудями и горящими демоническим блеском глазами. *Вадзяніцы* считались в Беларуси «болотными злыднями» которые были опасны для людей и были способны заманить в омут, непроходимые топи, защекотать насмерть или даже загрызть [6, с. 345].

Западное представление о русалках, главным образом, связано с древнегреческими существами с именем *seirena*, от которого и произошло польское название *siréna*. Им называли девушек с рыбьими хвостами, а также существ, которые первоначально изображались наполовину женщинами, наполовину птицами и зазывали моряков пением, вследствие чего их корабли разбивались о скалы. Самая известная *siréna* в польской мифологии – дочь Балтыка, короля Балтийского моря.

Имя чешской русалке – *mořská panna* (‘морская дева’). Как и в польской мифологии, она является положительным персонажем.

Таким образом, говоря о русалке в славянской мифологии, стоит обратить внимание на различия как имен для девушки с рыбьим хвостом, так и на отношение к ней. Восточные славяне опасались русалок и изображали их ужасными существами, в то время как западные представляли прекрасных дев с чарующим голосом.

Известный всем нам **Домовой** в славянской мифологии – домашний дух, отвечающий за порядок в доме [3, с. 145]. Жильцам, исполняющим обряды, регулярно задабривающим «хозяина дома», он дарует удачу, сопутствует в домашних делах. Тех, кто обрядов не соблюдает, домашний дух наказывает. Разбитая посуда, украденные вещи и спутанные волосы – самые безобидные шалости, которые приписывали этим созданиям [3, с. 145].

Русскому домовому наиболее близок белорусский *хатнік*. Оба персонажа – хранители дома, помогающие людям вести хозяйство. *Хатнік* любит, когда с ним делятся молоком или хлебом, а если оставить угощение на ночь возле печки, дух дома обязательно поможет в хозяйстве [7, с. 184]. Этимология происхождения имен похожа: *домовой* – от рус. дом, *хатнік* – от белорус. хата.

Польский домовый – *chowaniec*. В отличие от восточнославянского, он забирает душу хозяина дома после смерти в обмен на помощь по хозяйству. Этимология слова не совсем ясна и может происходить от слова *wychowywać* – ‘воспитывать’. Название может свидетельствовать о происхождении от слова *chować się* – ‘прятаться’, что соответствует тому, что это существо обычно не показывается на глаза людям, или же хозяева сами прячут его от глаз посторонних.

Общими для всех видов домовых являются владение и управление домом.

В некоторых легендах у домового даже есть жена – **Кикимора**, которая известна почти на всей территории славянских земель. Поверья о ней распространены, в основном, у русских, белорусов – *kikimara* и поляков *kikimora*, в меньшей степени – у украинцев, словаков, болгар, сербо-хорватов.

Кикимора – существо, которое известно своими забавными шутками над людьми. Она может появиться в виде оставленного на дороге ребенка и после того, как ее поднимут и пригреют, она смеясь убегает [3, с. 225].

Ее представляют по-разному: как хозяйку избы, жену домового или лесного. Чтобы защититься от нее, люди обращались к молитве или же бранились. Любимое занятие Кикиморы – тканье и пряжа. Ночью под Рождество она трепала и жгла недоработанную пряжу. Это роднит ее с языческой богиней Мокошью. Иногда Кикимору считали полезной помощницей в домашних делах, например в выпечке, мытье посуды, уходе за скотом и детьми. Часто считается, что кикимора поселяется в домах, построенных на «плохом» месте, то есть там, где был зарыт удушенный или неотпетый покойник; где был убит или умер ребенок, или же где похоронено тело ребенка.

По одним источникам, Кикимора – это ребенок, похищенный или обмененный нечистой силой, а по другим Кикиморы – это дети, рождающиеся от связи девушек с огненным змеем [8, с. 543].

Слово кикимора состоит из двух частей. Первая часть **кик-** от древнего балто-славянского корня *кик-/кык-/кук-*, который имеет значение горбатости, скрюченности (другими исследователя связывается то с глаголом кыкать – кричать, издавать резкие звуки, то с существительным кика – хохол, чепец). Вторая – **мора** от общеславянского корня *-морь-* ‘смерть’, который в некоторых славянских языках является самостоятельным словом и обозначает женских демонов, насылающих на людей ночные кошмары [3, с. 225].

В польской мифологии *mora* – это женщина, у которой по ночам душа может отделяться от тела и в виде мотылька проникать в чужие дома и душить спящих [8, с. 976].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что имена собственные в славянском фольклоре чаще всего имеют общее происхождение, но написание слов различается из-за особенностей алфавита и словообразования в отдельных языках.

Однако стоит отметить, что имена собственные нередко имеют лексические и культурные различия, что обосновано разной картиной мира и представлением одного и того же персонажа. Так, например, Сирена является

важным символом столицы Польши, в то время как русалка в России рассматривается как коварное существо, которое ранее было прекрасной и несчастной девушкой, утонувшей в воде.

В результате сравнения имен собственных фольклорных славянских персонажей на примере русских, белорусских, украинских, польских и чешских сказок, можно сделать вывод, что в них отражены различия менталитета и картины мира разных славянских народов.

Кроме того, прослеживаются разные функции фольклора у разных народов. Так, восточные славяне посредством сказок о злых лесных и водных существах воспитывали детей и обучали их технике безопасности, в то время как у западных славян он играл более художественную, символическую роль в формировании личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. СПб : Питер, 1928. 256 с.
2. Этимологический словарь Макса Фасмера. URL : <https://gufo.me/dict/vasmer/яга> (дата обращения: 21.04.2024).
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Междунар. отношения, 2002. 349 с.
4. Кишкин Л. С. Миколаш Алеш и чешская культура. М. : Наука, 1978. 268 с.
5. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М. : Индрик, 1995. 423 с.
6. Гурко А. В. Кто живет в Беларуси. Минск : Беларуская навука, 2012. 798 с.
7. 100 найвідоміших образів української міфології / О. М. Таланчук [и др.]. Київ : Автограф ; Книжковий дім «Орфей», 2006. 108 с.
8. Белова О. В. Легенда о Хапуне: формы бытования сюжета на польско-украинско-белорусском пограничье. 2-е изд. Цехановец : Museum Rolnictwa, 2013. 1203 с.

УДК 81'373

Урбанович Ия Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: slavonic@mslu.by

Urbanovich Iya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: slavonic@mslu.by

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются окказиональные процессы трансформации узуальных фразеологизмов, представленных в публицистическом тексте на материале периодического издания «СБ: Беларусь сегодня». Рассматривается специфика трансформации фразеологизмов в заголовках и подзаголовках статей.

Ключевые слова: окказионализм; фразеология; способы трансформации; публицистический стиль.

OCCASIONAL PHRASEOLOGICAL TRANSFORMATION IN PUBLIC TEXT

The article examines the occasional processes of transformation of usual phraseological units presented in a journalistic text based on the material of the periodical "SB: Belarus Today". The specifics of the transformation of phraseological units in the headings and subheadings of articles are considered.

Key words: occasionalism; phraseology; transformation methods; journalistic style.

Считается, что художественная литература – законодательница создания окказиональных норм словоупотребления, но в последние годы на эту роль также претендуют средства массовой информации. Особенно ярко словообразовательная игра представлена в публицистическом тексте, где процессам трансформации подвергаются узуальные фразеологизмы. Несомненно, язык газеты по сути своей насквозь «фразеологизирован», поскольку стандартность многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка.

В результате фразеологического новаторства публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых обыгранные устойчивые выражения. Творческая обработка фразеологизмов придает им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность. Чаще всего журналисты преобразуют фразеологизмы, которые имеют высокую степень устойчивости лексического состава и выполняют в речи экспрессивную функцию, а читатели могут легко узнать исходный фразеологический оборот. При этом измененные фразеологизмы сохраняют художественные достоинства общенародных – образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность.

Журналисты обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Их речь выразительна благодаря частому обращению к пословицам, поговоркам, крылатым фразам. В газетных статьях фразеологизмы часто употребляются в их обычной языковой форме с присущим им значением, как правило, для усиления экспрессивной окраски и привлечения внимания читателей к самой статье.

Фразеологизмы, как правило, употребляются не только в текстах статей, но и в заголовках. Абсолютное начало текста (заголовок) – типичная позиция для фразеологической единицы, так как в этом случае употребление фразеологизма помогает задавать оценку описываемому материалу, заинтересовать читателя, направить его внимание, иногда выполнить функцию рекламы.

Считается, что специфика заголовков-фразеологических единиц состоит в том, что они, как правило, дают образную характеристику и оценку публикуемому материалу, при этом не раскрывая его содержания. Отсутствие функций информации объясняется широтой семантики фразеологической единицы, тем, что ее можно использовать в различных ситуациях.

ФЕ в заголовочной части в периодическом издании «СБ: Беларусь сегодня» представлены 24 единицами со следующими способами трансформации:

- «Место встречи с Путиным изменить нельзя» ← Место встречи изменить нельзя (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, введение добавочного компонента.

- *Гора раздора* ← яблоко раздора (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Дело не копеечное* ← недурное дело (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Для тех, кто в танке* ← быть в танке (узуальный). Авторское толкование, используется в прямом смысле.
- *Договор дешевле денег* ← уговор дороже денег (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Доплясалась, стрекоза* ← попрыгунья-стрекоза. Использование образа.
- *Дорогу осилит бегущий* ← дорогу осилит идущий (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Занять свое место под солнцем* ← место под солнцем (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, введение добавочных компонентов.
- *И швец, и жнец, и все остальные* ← и швец, и жнец, и на дуде игрец (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, замена лексических компонентов.
- *К нам едет Путин!* ← К нам едет ревизор! (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Меж двух партий* ← меж двух огней (узуальный). Замена лексического компонента.
- *На медийном поле боя* ← поле боя (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, введение добавочного компонента.
- *Нарушителей посчитают по осени* ← цыплят по осени считают (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, замена лексического компонента, варьирование грамматических особенностей.
- *Не хочу учиться, а хочу учить* ← не хочу учиться, а хочу жениться. Создание авторского фразеологизма по образцу.
- *Нижний Новгород зовет* ← труба зовет (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Перейдем на безличности* ← перейти на личность (узуальный). Варьирование грамматических особенностей.
- *По зову крови* ← по зову сердца (узуальный). Замена лексического компонента.
- *С мира по нитке – больнице ремонт* ← с мира по нитке – голому рубашка (узуальный). «Расщепление» фразеологизма, замена лексических компонентов.
- *Семь раз отмерь, один – подпishi* ← семь раз отмерь, один отрежь (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Сирота ярославская* ← сирота казанская (узуальный). Замена лексического компонента.
- *Смех сквозь стопы* ← смех сквозь слезы (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Старик и горе* ← старик и море (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Трактор есть, ума не надо* ← сила есть, ума не надо (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Учиться под счастливой звездой* ← родиться под счастливой звездой (узуальный). Замена лексического компонента.

Также выделяются трансформированные фразеологизмы в подзаголовках статей (6 единиц):

- *Наркомании все возрасты покорны* ← любви все возрасты покорны (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Аппетит приходит вОвремя* ← аппетит приходит во время еды (узуальный). Расщепление» фразеологизма, варьирование морфологических особенностей.

- *Береги челюсть смолоду* ← береги честь смолоду (узуальный). Расщепление» фразеологизма, замена лексического компонента.

- *Глеба и зрелищ* ← хлеба и зрелищ (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Приезжайте с миром* ← идите с миром (узуальный). Замена лексического компонента.

- *Сколько ниточке виться* ← сколько ниточке не виться (узуальный). Создание отрицательной конструкции.

Таким образом, журналисты по-разному строят материал с фразеологическими единицами, но все это подчинено одному: четко, емко, ярко дать интерпретацию темы статьи, раскрыть сущность описываемого факта.

УДК [811.161.1+811.111]'371(045)

Вододохов Михаил Владимирович, студент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: vododohovrp@gmail.com

Vododokhov Mikhail, Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: vododohovrp@gmail.com

«ТАЙНА» / «MYSTERY» В НАИВНЫХ КАРТИНАХ МИРА РУССКИХ И АНГЛИЧАН

В статье представлен концепт “тайна” / “mystery” в контексте наивных картин мира русской и английской культур. Автор опирается на лексикографические источники фразеологических единиц для анализа того, как различные культурные контексты влияют на понимание и концептуализацию тайны.

Ключевые слова: концептуализация, языковая картина мира, наивная картина мира, фразеология, культурный контекст.

«TAINA» / «MYSTERY» IN THE NAIVE WORLDVIEWS
OF THE RUSSIANS AND THE ENGLISH

This article explores the concept of “тайна” / “mystery” within the context of the naive worldviews of Russian and English cultures. The author relies on lexicographic sources of phraseological units to analyze how different cultural contexts influence the understanding and conceptualization of mystery.

Key words: conceptualization, linguistic worldview, naive worldview, phraseology, cultural context.

В настоящее время, когда наблюдаются значительные изменения и переосмысление ценностей, человечество стоит перед серьёзным испытанием в поисках ключевых инструментов для анализа культурных и мыслительных процессов. Согласно Гераклиту, «перемены – это единственная постоянная вещь в жизни». Лингвистика, по нашему мнению, как раз и является той наукой, которая может дать ответ, насколько постоянны эти перемены в контексте культурного взаимодействия, так как язык неразрывно связан с тем, как человек видит и интернализирует окружающий его мир. Язык не только отражает реальность, но и формирует наше восприятие мира, передавая культурные коды и символы, которые помогают нам лучше понять друг друга.

Следует выделить такое понятие, как картина мира, что «есть целостная система субъективных и объективных, индивидуальных и коллективных знаний и представлений о мире, сформированных в сознании человека и оформленных в языке, которые конфигурируются особым образом» [1].

В своё время, языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [2, с. 38]. Внутри этого комплексного феномена среди других “картин” стоит специально подчеркнуть наивную картину мира, которая, согласно Ю. Д. Апресяну, является «своеобразным раскрытием представленного в языке концептуального материала» [3, с. 391]. Мы видим её как знания людей о мире, основанные на повседневном опыте и здравом смысле, без глубокого научного анализа. Это своего рода “народная” философия, которая отражает обыденные взгляды и убеждения людей.

Концепт “тайна” занимает особое место в различных лингвокультурах, отражая их уникальные исторические, социальные и психологические особенности. К примеру, об этом свидетельствует частота употребления данного слова в Национальном корпусе русского языка: 32802 примера в 9610 текстах [4]. А в Британском национальном корпусе частота равняется 2171 [5]. В предыдущих исследованиях “тайны” мы обращали внимание на различные аспекты языка (этимологию, толкование, словообразование, синонимию). Однако цель данной статьи – исследовать фразеологические выражения, связанные с концептом “тайна” в русской и английской культурах, выявить их структурно-семантические сходства и различия, а также понять, как эти выражения отражают культурные и ментальные особенности носителей языка.

Фразеологизмы являются важным элементом языковой картины мира, так как они не только передают информацию, но и несут в себе культурные коды, символы и метафоры, характерные для той или иной культуры. Идиоматический фонд языка в полной мере отражает наивную картину мира.

Лексикографические материалы русского и английского языков используются как источник фразеологизмов из-за их достоверности, систематизации, исторического контекста, примеров употребления и объективности.

В русском языке мы выделили целый ряд фразеологических единиц, которые следует представить в виде групп:

- Собственно фразеологизмы: между (меж) нами, с глазу на глаз, выдавать тайну, держать в тайне, поведать тайну, посвящать в тайну, приоткрыть завесу тайны.
- Фразеологические заимствования: секрет Полишинеля, тет-а-тет, Сфинкса загадка, Эзопов язык.
- Фразеологизмы-библейзмы: за семью печатями, за семью замками, тайна сия велика есть, святая святых, пути Господни неисповедимы.
- Крылатые выражения: тайны мадридского двора, загадочная русская душа, богиня тайн, тайна сердца, всё тайное становится явным.
- Терминологического характера: тайна исповеди, церковное таинство, государственная тайна, тайна вкладов, коммерческая тайна, тайна переписки, врачебная тайна, тайна следствия.
- Экспрессивно окрашенные: покрыто тайной, покрыто мраком неизвестности, держать язык за зубами.

Фразеологизмы с центральной идеей “тайна” в русском языке демонстрируют многогранность и глубину восприятия этого понятия в культуре и языке. Эти выражения охватывают широкий спектр ситуаций и контекстов, от личных и интимных (между нами, с глазу на глаз) до официальных и юридических (государственная тайна, тайна следствия). Фразеологические заимствования (секрет Полишинеля, тет-а-тет) и библейзмы (за семью печатями, святая святых) подчеркивают влияние других культур и религиозных текстов на русскую культуру. Экспрессивно окрашенные выражения (покрыто мраком неизвестности, держать язык за зубами) добавляют эмоциональную насыщенность и драматизм, а крылатые выражения (тайны мадридского двора, загадочная русская душа) отражают исторические и культурные особенности.

Фразеологизмы английского языка нами была выделена классифицированы следующим образом:

- Собственно фразеологизмы: enduring, insoluble, unexplained, unfathomable, unsolved mystery ‘непреодолимая, неразрешимая, необъяснимая, непостижимая, неразгаданная тайна’, big, deep, great, profound mystery ‘большая, глубокая, великая, серьезная тайна’, intriguing mystery ‘интригующая тайна’, mystery deepen, remain, surround something, unfold, unravel ‘тайна углубляться, оставаться, окружать что-либо, разворачиваться, распутываться’, air, aura, sense of mystery ‘воздух, аура, ощущение таинственности’, a bit, something of mystery ‘немного, что-то таинственное’.

- Фразеологические заимствования: *mysterium tremendum*, *Sphinx' riddle* ‘Сфинксова загадка’.
- Фразеологизмы-библейзмы: *sealed book* ‘запечатанная книга’, *closed book* ‘закрытая книга’, *god works in mysterious ways* ‘пути Господни неисповедимы’.
- Крылатая фраза: *a riddle, wrapped in a mystery, inside an enigma* ‘загадка, окутанная тайной, внутри энигмы’.
- Терминологического характера: *mystery story (detective)* ‘загадочная история (детектив)’, *mystery play* ‘мистическая пьеса’, *mystery religion* ‘мистериальная религия’, *mystery shopping* ‘практика тайных покупок’, *mystery shopper* ‘таинственный покупатель’, *state secret* ‘государственная тайна’, *trade secret* ‘коммерческая тайна’.
- Экспрессивно окрашенные: *complete/total mystery* ‘полная/тотальная’, *hide from prying eyes* ‘спрятаться от посторонних глаз’, *open secret* ‘секрет Полишинеля’, *wheredunit* ‘история-детектив’.

Концепт “*mystery*” в английской фразеологии глубоко укоренился, что отражает его культурную и лингвистическую значимость. Перечисленные идиомы и выражения подчеркивают различные измерения тайны, от непреходящей и непостижимой до интригующей и глубокой. Эти сочетания часто вызывают чувство глубины и сложности, предполагая, что тайны – это не просто головоломки, которые нужно решить, но и неотъемлемая часть человеческого опыта, часто оставаясь нерешенными или лишь частично понятыми. Заимствованные термины, такие как “*mysterium tremendum*” и “*Sphinx' riddle*”, добавляют исторический и кросс-культурный слой, в то время как библейские ссылки (*sealed book* и *god works in mysterious ways*), подчеркивают сакральные и экзистенциальные аспекты тайны. Экспрессивно окрашенные идиомы, такие как “*hide from prying eyes*” и “*open secret*”, раскрывают социальную динамику секретности и откровения.

Таким образом, сравнивая репрезентацию понятий “тайна” и “*mystery*” в русской и английской наивных картинах мира, можно отметить, что русские выражения акцентируют внимание на многогранности и эмоциональной насыщенности тайны. В то время как английские идиомы подчеркивают глубину и сложность тайны, рассматривая её как неотъемлемую часть человеческого опыта, часто с духовными и экзистенциальными аспектами. В обоих языках используются экспрессивные выражения для передачи социального контекста секретности и откровения, но это происходит через призму уникальных культурных и лингвистических традиций. Изучение этих фразеологизмов дает представление о том, как разные культуры воспринимают и формулируют концепцию “тайны/*mystery*”, что позволяет не только расширить лингвистические знания, но и углубить понимание культурных нюансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нечаева Н. А. Языковая картина мира: наивная и научная // *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2016. №2 (22). URL: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2021/09/02/yazykovaya-kartina-mira-naivnaya-i-nauchnaya> (дата обращения: 04.04.2024).

2. Попова З. Д. Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Яз. рус. культуры, 1995. 767 с.
4. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34. URL: <https://ruscorpora.ru/explore?req=%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BD%D0%B0> (дата обращения: 04.04.2024).
5. The British National Corpus Online service, managed by Oxford University Computing Services on behalf of the BNC Consortium. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 04.04.2024).
6. Фразеологический словарь Фёдорова. URL: <https://gufo.me/dict/fedorov> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Интернет-сервис «Academic.ru». URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 04.04.2024).
9. Macmillan Collocations Dictionary, Elt Dictionaries Series, World English corpus / Michael Rundell : Macmillan Education, 2010, 911 p.
10. Collins Online English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english> (дата обращения: 04.04.2024).
11. Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 04.04.2024).

УДК [811.161.3+811.161.1]'371(045)

Юрасова Анна Сергеевна, студент

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: hanny2ameya@gmail.com

Yurasova Hanna, Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: hanny2ameya@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале белорусского и русского языков)

В статье рассматриваются национально-культурная специфика репрезентации концепта «женщина» в русской и белорусской языковых картинах мира. На материале данных лексикографических источников описаны различные виды семантических трансформаций лексем «женщина», «жанчына», «баба».

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, репрезентация, трансформация, коннотация.

REPRESENTATION OF THE CONCEPT «WOMAN» IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (Based on the Material of the Belarusian and Russian Languages)

The article examines the national and cultural specifics of the representation the concept "woman" in the Russian and Belarusian language pictures of the world. On the basis of data from lexicographic sources, various types of semantic transformations of the lexemes "женщина", "жанчына" and "баба" are described.

Key words: language picture of the world, concept, representation, transformation, connotation.

Лексема «женщина» происходит от древнего слова «жена». В словаре М. Фасмера словарная статья «женщина» отсутствует. Слово «жена» имеет родственные слова в других славянских языках (напр. укр. *жона́, жінка* и словен. *žéna*), а также во многих индоевропейских языках, где обозначает как «жену» (замужнюю женщину), так и «женщину» (особу женского пола): др.-инд. *jániṣ* «жена, женщина» [13, с. 46]. В белорусском языке приводится ст.-слав. *жена* «жонка; жанчына», а также отмечается, что «*Л.-е. *g^hena* 'жонка; жанчына' супастаўлялі з *g^hen- 'нараджаць', што, аднак, недастаткова абгрунтавана» [14, с. 235–236]. Словарная статья «жанчына» указывает, что, вероятнее всего, это слово было заимствовано из старопольского (*żenczyzna*) и позднее подведено под восточнославянскую модель без -z- [14, с. 210].

В словаре В. Даля, как и в «Гістарычным слоўніку беларускай мовы», словарная статья «женщина» («жанчына») отсутствует: «жена» как «вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба» [4], первое значение слова «жонка» – это «жена», а второе – «женщина» [3, с. 51].

В толковых словарях «женщина» определяется как «лицо, противоположное по полу мужчине» [9, с.192], [5], [2, с. 606, 612], «жанчына – асоба, па полу супрацьлеглая мужчыну» [12, т. 2, с.251, 258]. С. Ожегов дополняет: «та, к-рая рождает детей и кормит их грудью» [9, с.192], а Т. Ефремова и «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» выделяют значения «лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола» [5], [12, т. 2, с. 258].

Во всех этих словарях слово «женщина» имеет также и значение «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке», а у «жены» выделяется значение «то же, что женщина», только с пометкой «устар.».

В словаре синонимов в словарной статье «женщина» большинство синонимов отмечены как просторечные и преимущественно пренебрежительные (диминутив «дамочка»; «баба», «тётка») или обиходно-разговорные («тёленька» и «тётя»). Лишь один синоним – «дама» – имеет стилистическую помету «уважительное», что свидетельствует о его книжном характере [11, с. 336]. Однако выражение «дама из Амстердама» выражает неодобрительную оценку и отражает динамические процессы в семантической структуре данной лексемы.

В Словаре символов образ женщины представлен более многогранно с учётом информации, зафиксированной в языковой картине мира. С одной стороны, женщина – воплощение негативных основ, она символизирует Хаос и разлад, а также имеет дьявольское происхождение (Ева) [7, с. 77]. Это отражается в однозначно негативных образах, таких как «женщина с семью головами и десятью рогами» – образ «блудницы Вавилонской» и папского Рима, торгующего индугенциями [7, с. 79]; «*femme fatale*» (роковая женщина) – губительница мужчин, причём этот образ возник давно и сохранился до наших дней: сирена, завораживающая моряков своим пением и выпивающая их кровь,

у греков, и *женщина-вамп*, подчиняющая себе мужчин и доводящая их до могилы, в современной поп-культуре [7, с. 80]; наконец, *женщина в белом* – явление, предсказывающее беду, предчувствие смерти [7, с. 81].

Отмечается, что «*уяўленні пра яе [жанчыны] фізіялагічную «нечыстату» і грахоўнасць далі імпульс для залічэння жанчыны да адмоўнага вартаснага полюсу*» [1, с. 168–169], и в некоторых случаях само присутствие женщины было опасным.

Образ жестокой женщины представлен как богиней (*Артемида*), так и смертной (*амазонка*) [7, с. 78].

С женщиной ассоциируется много низменных качеств: *болтливость, любопытство, изменчивость, забывчивость (девичья память), злопамятность* [7, с. 80–81]; также женщина – источник ссор, скрытая причина многих событий («*Ищите женщину!*») и существо, стремящееся к крайностям [7, с. 80].

С другой стороны, женщина – это чистота, плодовитость, любовь, моральность. Образ женщины как обладательницы истинной женственности, образец скромности, целомудренности и добродетели (*нимфа Эгерия*) [7, с. 79]. Также важен образ женщины как матери, например, образ *Мадонны с ребёнком*. Женщина – существо, обречённое быть терпеливым («*Нравственные послания Сенеки*») [7, с. 81]. Также женщина – предмет обожания, любования ею со стороны мужчины [7, с. 79–80].

Отдельно стоит упомянуть образ женщины противоречивой: *Мать-Земля – девственная и одновременно многодетная, чистая и нечистая*. Женщина, с одной стороны, даёт жизнь, с другой – несёт смерть, например, вышеупомянутая *женщина в белом* или *смерть с косой в чёрном плаще*. Распространено представление об амбивалентности женщины. Согласно «Беларускай міфалогіі», женщина «*выступае як прадстаўнік іншага свету і таму можа ўплываць на лёсы людзей і на самую зямлю*». Женщина – особенная, не такая: *вещунья, жрица* [1, с. 168–169]. Ещё женщина – это «*мать и дочь Прогресса*»: феминистическое движение, появление терминов «*Железная леди*», «*Первая леди*» [7, с. 81], представляющие собой устойчивые единицы интернационального характера.

В рамках исследования мы считаем необходимым обратить внимание на слово «*баба*», зафиксированное в большинстве славянских языков. Его относят к словам, произошедшим от детского лепета. Помимо слов из других языков со сходным значением (болг. *ба́ба* и лит. *boba* «старая женщина, старуха»), есть слова со сходной формой, но другими значениями: англ. *baby* «дитя», ит. *babbo* «отец» [10, с. 10].

Слово «*баба*» в одном из значений тождественно слову «*женщина*», однако следует подчеркнуть, что оно отмечено специфическими коннотациями. Если у В. Даля «*баба*» определяется как «*замужняя женщина низших сословий*» [4], то позже появляются ещё «*необразованная женщина*» (Т. Ефремова *баба 2* [5]) и «*вообще о женщине* (иногда с пренебр. или шутл. оттенком) (*прост.*)»

(С. Ожегов баба 2 [9, с. 33]), «женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения)» (Ефремова баба 1 [5]). «Баба» может употребляться и в несвойственном значении по отношению к мужчине с целью унижительно-пренебрежительной оценки характера или поступков (*мужик в юбке*). Следует отметить, что просторечный глагол «*обабиться*», означающий (в случае, если характеризуется женщина) «перестать следить за собой, опуститься», обладающий негативной коннотацией, может употребляться и для характеристики мужчины, подверженного влиянию женщины.

В словарях же белорусского языка значения «жанчына наогул» нет, слово «баба» определяется как «*матчына або бацькава маці*», «*старая жанчына наогул*», но есть и значение «*замужняя жанчына (разм.)*» [12, т. 1, с. 318], а следовательно исключает вышеперечисленные унижительно-пренебрежительные оценки. Однако приводятся устойчивые словосочетания, такие как «*агонь-баба – энергічная жанчына*», «*базарная баба – сварлівая, грубая жанчына*» [12, т. 1, с. 318], что свидетельствует о том, что слово «баба» в белорусском языке также может использоваться по отношению к любой женщине, возможно под влиянием русского языка в условиях близкородственного билингвизма.

«Баба» также означает «*пажылую, спрактыкаваную кабету, якая валодае неабходнай сакральнай інфармацыяй*» (*бабка-знахарка, шаптуха*) [1, с. 33]; отмечается, что повивальная бабка предвидела ход жизни и могла определять очерчивать русло, в пределах которого будет протекать жизнь новорождённого [8, с. 363]. Таким образом, баба, как и женщина, обладает сверхъестественными способностями и способна повлиять на судьбу других людей.

В русском языке у «бабы» фиксируются и положительные значения, в наивной картине мир это «*женщина, хранящая домашний очаг; женщина, целиком отдающая себя семье – мужу и детям; мудрая женщина, способная понять и простить ошибки близких ей людей*» [6, с. 132]. «Баба»-хранительница очага противопоставляется «женщине», которая является самостоятельной и независимой, следит за своим здоровьем и внешностью и рождает не более одного-двух детей или вовсе отказывается от обязанностей матери. Иными словами, «баба» – носительница традиционных ценностей, а «женщина» – современных. При таком подходе слово «баба» не является оскорбительным. [6, с. 129–135].

Все вышесказанное указывает на то, что слово «баба» претерпело стилистическую и семантическую трансформацию в процессе развития языка и сегодня имеет негативную эмоционально-экспрессивную окраску, в то время как слово «женщина» является стилистически нейтральным словом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. / С. Санько Б43 [і інш.]; склад. І. Клімковіч. 2-ое выд., дап. Мінск : Беларусь, 2006. 599 с.

2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред.: Л. И. Балахонова. Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004. Т. 5 : Деньга - Жюри. – 694 с.
3. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад. Т. І. Блізнюк [і інш.] ; рэд. А. М. Булыка. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. Т. 10. : Жеребець – Замена. 287 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. // Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <https://slovardalja.net/>. – Дата доступа : 19.03.2023.
5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. // Толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа : <https://www.efremova.info/>. – Дата доступа : 19.03.2023.
6. Коваль В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография. М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. 217 с.
7. Копалинский В. Словарь символов / пер. с пол. В. Н. Зорина. Клининград : ФГУИПП “Янтар. сказ”, 2002. 267 с.
8. Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. Мінск : Беларусь, 2011. 430 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 7-е изд., дополненное. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
10. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / сост. А. Г. Преображенский. М. : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910-1914. Т.1 : А - О. 679 с.
11. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. Т. 1 : А-Н. 680 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы у 5 т. / пад агульнай рэд. акадэміка АН БССР К. К. Атраховіча. – Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977–1983. – 5 т.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. 2-е изд. М. : Прогресс, 1986. Т.2 : Е - Муж. 672 с.
14. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Р. У. Краўчук [і інш.]; рэдактар В. У. Мартынаў. Мінск : Навука і тэхніка, 1985. Т. 3. : Г - І. 408 с.

УДК 821.161.3 (075.8)

Сомов Сергей Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: somov72@mail.ru

Somov Sergey, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: somov72@mail.ru

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В статье анализируется содержание и художественное оформление картины мира в ораторской прозе белорусского просветителя Георгия Конисского, в его речах и храмовых проповедях – «Словах». Отмечается, что автор целенаправленно использует наивные представления слушателей о мироустройстве, чтобы добиться более адекватного понимания ими духовно-религиозных истин.

Ключевые слова: картина мира, Георгий Конисский, ораторская проза, слово, бинарные оппозиции.

A NAIVE PICTURE OF THE WORLD IN ORATORIC PROSE OF GEORGE KONISSKY

The article analyzes the content and artistic design of the picture of the world in the oratorical prose of the Belarusian enlightener Georgy Konissky, in his speeches and temple sermons – “Words”. It is noted that the author purposefully uses listeners’ naive ideas about the world order in order to achieve a more adequate understanding of spiritual and religious truths.

Key words: picture of the world, Georgy Konissky, oratorical prose, word, binary oppositions.

Могилевский и Белорусский православный архиепископ Георгий Конисский (1717–1795) был одним из образованных людей своего времени. До вступления на Могилевскую кафедру он пятнадцать лет (полный курс) обучался в Киево-Могиланской духовной академии, а затем десять лет трудился в ней как профессор «пиитики», философии и богословия, префект и ректор. Научные работы Конисского этого времени показывают его как оригинального самостоятельного мыслителя, осуществляющего переход от средневекового аристотелизма к философии нового времени. Иными словами, нет сомнений в том, что Георгий был знаком с научной картиной мира эпохи Просвещения. Например, обращаясь к Российской императрице Екатерине второй с приветственной речью в 1787 г. в Мстиславле, он начал ее словами: «Оставим астрономам доказывать, что земля вокруг солнца обращается: наше Солнце вокруг нас ходит, и ходит для того, да мы в благополучии почиваем» [1, с. 242. Далее цитаты по этому изданию с сохранением особенностей орфографии и пунктуации оригинала.].

Вместе с тем, в многочисленных «Словах», т.е. в храмовых проповедях, обращенных к широким слоям необразованного населения, Конисский предлагает слушателям далеко не научную картину мира, поскольку ставит перед собой не научно-просветительские, а духовно-просветительские задачи. Так, к «Слову на Рождество Христово» 1785 г. [1, с. 180–186] Георгий избирает эпиграф из Ветхого Завета Библии (Псалтири царя Давида): «Снидет яко дождь на руно, и яко капля каплющая на землю» [Пс. 71. 6]. Это позволяет проповеднику сразу установить широкие временные и пространственные рамки предполагаемого повествования (земля и небо, давние времена, эпоха пророков и пророчеств, великих событий, знамений и чудес). Такое смысловое поле позволяет моделировать и воспроизводить в слове явления мирового масштаба и значимости.

Людям малограмотным, каковыми были абсолютное большинство слушателей георгиевской проповеди, эпиграф поначалу мало что говорит. Он представляет собой сравнение, в котором сравниваемый предмет не указан, и поэтому лексическое значение слов *снидет*, *дождь*, *руно* и *капля каплющая*

в восприятии прихожанина является поначалу прямым. Можно лишь априори предполагать, что данные слова каким-либо образом могут относиться к празднуемому событию пришествия в мир Христа и к нему самому, поскольку проповедь включается в ход храмовой службы и является пастырским комментарием к евангельскому чтению, иными словами, вписывается в широкий смысловой контекст литургических молитвенных воспоминаний о событиях далекого прошлого.

Конисский осознает смысловую непрочность использованной им библейской метафоры и поэтому первую композиционную часть праздничной проповеди посвящает прояснению смысла эпиграфа. Он говорит о том, что *псалом сей у Евреев написан о Соломоне*, однако содержит в себе указания на неправдоподобные, не свершившиеся события, как то: необыкновенная длительность его царствования (*доколе и солнце светит и прежде луны рода родов*), всевластие (*что поклонятся ему вси царие земстии, вси языцы поработают ему*). Повествование о столь необычных событиях, по словам Георгия, столь же не соотнобразится с реальной жизнью Соломона, *как и свет с тьмою* [1, с. 180]. Уже здесь Конисский соотносит жизнь человека – Соломона – с *солнцем*, как нечто низшее с высшим.

Противопоставление света и тьмы универсально, в данном случае оно является языковой номинацией одной из древнейших мифологических оппозиций «верх – низ», посредством которой Конисский вводит слушателя в целую систему новых оппозиций, лежащих в основе христианского представления о мироустройстве. Фактически речь идет о системе концептов, веками воспроизводимых религиозной, сначала языческой, устно-поэтической традицией, а затем, в трансформированном виде, христианской, книжной догматикой.

Георгий дает понять слушателям, что есть иное, подлинное Солнце и подлинный Свет, *кoмy предшествовал Соломон, сын Давидов, как тень только свету, как образ самой вещи*. Предшествие тени свету есть предшествие неподлинного существования (плоти) подлинному (духу), предшествие древнего хаоса – космосу. Таковым космосом и гармонией для земного духовно не оформленного человеческого существа является Христос – 'Солнце', 'свет', 'вещь', т.е. нечто не иллюзорное, настолько осязаемое, что даже понятие 'вера' устраняется, уступая место понятию 'знание': прихожанин должен не уверовать во Христа (он уже верит – он в храме), но познать Его, приобрести опыт общения с Ним. Так прямое лексическое значение слов *дождь, руно и капля* трансформируется в переносное значение, все еще не очевидное, но явно связанное не с водой и выделанной овечьей шкурой, а с характером пришествия в мир Христа и состоянием *смиреннаго и призреннаго царствия Его в мире сем*.

Подготовив слушателей, Конисский формулирует сложный тезис, представляющий собой новую, более широкую в пространственно-временном отношении оппозицию (также универсальную, но уже сугубо христианскую, более позднюю): первое снисхождение Христа на спасение людей было тихим, как *стук росы, падающей на руно и капли, исподволь собирающейся и едва в нес-*

колько времени укапающей на землю, второе же на суд будет подобно молниям, трещущим и осыпающим грешников; ...целой реке огненной, жерелами многими лиющейя просто на главу беззаконников. Данное противопоставление задает и логику рассуждений оратора, и двухчастную композицию основного повествования.

Динамическое описание первого пришествия в мир Бога хронологически последовательно и построено как ряд антиномий, доказывающих тезис и делающих более яркими, запоминающимися эпизоды из жизни Спасителя: *рождество было благовещано Архангелом, но так тихо, что того не знал даже и самый обручник Иосиф, который хотел тай (тайно, сокрыто) отпустить от себя Марию, во чреве имущую (чрево – место сокровенное); рожден Христос не в дому Иосифовом (определенное место), но в странствовании (неопределенная пространственная характеристика, несмотря на уточнение – в Вифлееме); Мария, не получив обители человеческая, в хлевине скотской Царя нашего родить принуждена; младенцу воссияла звезда новая (светило, свет), но зарю звезды сея тот час и закрыла тьма (смущение Ирода, царя земного, не истинного); запели Ангелы в рождестве Царя (песнь ассоциируется с гармонией), но эту песнь заглушил крик младенцев... заколенных и вопль (звуки дисгармоничные, негативные) матерей их мечущихся (причастие, производное от глагола, обозначающего движение беспорядочное, хаотическое); жизнь до крещения (Богоявления) отмечена проблеском лучи премудрости Его (свет), но все Его тридцатолетнее воспитание густым облаком было покровенно (никому не известно); время Евангельской проповеди хотя было свет и день беспрерывны (ср. приводимые Георгием в качестве доказательств цитаты из боговдохновенной книги: *дондеже свет имате, ходите в свете, да тма вас не имет* [Иоан. 12. 35], и *паки: мне подобает делати дела пославшаго мя, дондеже день есть: егда в мире есмь, свет есмь миру* [Иоан. 9. 14]), но весь этот день наносимыми отсюду мрачными облаками окрываем был, часто прозирало солнце Божества, но вдруг и закрывалось.*

Понятия ‘свет’ и ‘тьма’ оформляются в многоуровневые системы. Свет: реальный солнечный, снисходящий с неба на землю, живительный – высший духовный, Божественный, животворящий, очищающий – действия Бога-Слова на земле по закону Отца Небесного: *исцелял недуги, воочал слепыя, очищал прокаженных, бесы изгонял, мертвыя воскрешал.* Тьма: реальная, ночная, тень от тучи – земное существование людей без Бога, действия против Истины, наиболее откровенно явленные в поступках против Сына Божия: *продан был от ученика, взят и связан, истязан и судим, везде ругаем и биен, и смерти безчестнейшей... приговорен, ко кресту пригвожден, терновым венцом... изboden, желчею залит, от беззаконников посмеваем.* Не случайно понятия ‘свет’ и ‘тьма’ получают у Конисского конечное раскрытие не в существительных или прилагательных, а в глаголах и глагольных формах, потому что ‘добро’ и ‘зло’ есть не предмет, а действие любви или нелюбви, конкретный выбор в нравственной ситуации.

Евангельский сюжет о смерти Христа и сопутствующих ему знамениях становится частью воспроизводимой Георгием в «Слове» древней концептуальной системы. Слушатель, воображая вслед за проповедником картину солнечного затмения и природного катаклизма, улавливает оба смысловые ряда: и 'гибель' покрываемого тьмою солнца реального, которая есть пролог к его возвращению на небо, и смерть Солнца правды и истины, также являющуюся лишь прологом к торжеству величайшей идеи Пасхи. Оба эти компонента восходят к мифологическим представлениям о природе божественного. Образ Христа, некогда заменивший собой в умах древних славян их верховных божеств, вбирает в себя значимые составляющие концепта «Бог». Ср.: Перун – бог молний и воды, посылающий ее на землю для жизни всему земному, и Христос, снисходящий с неба, как дождь и как роса, или карающий молниями Христос во втором пришествии; Дажьдбог – солнце, дающее свет и жизнь, и Христос – Солнце правды, несущее свет миру.

Вторая часть проповеди посвящена описанию нового пришествия в мир Христа на суд. Картина Второго пришествия совершенно иная: *возгласит Архангел и труба Божия так громко, что и мертвии услышат глас сей Сына Божия; все Ироды, все каины, все озлобители немощных предстанут суду, черву, во век неусыпаемому, уготованы; все сии закусят язык свой, мнящийся мудр быти юродивым покажется, и просвещенный мраком вечным покрываются*. Метафорический перенос значения 'Христос – живительная влага' получает здесь свое развитие: грешники, не испившие живой воды на земле (здесь же просматривается мотив крещения – 'рождения от воды и Духа') и поэтому попавшие в ад, уже лишены возможности покаяния навсегда: *хулители одной капли воды просить будут на язык свой, страждущий в пламени во век неугасимом*. Этот мотив достигает высшего развития в сравнении Христа с рекой: *реке шумящей, когда с горы стремится к морскому волнению, волны своя до небес воздвигающему, подобно будет второе пришествие в мир Спасителя нашего*.

Конисский по своему обыкновению и по законам проповеди делает шаг от абстрактной риторики к реальности, к вполне осязаемым предметам и явлениям сегодняшнего дня. Многие из них вписываются в контекст рассуждений оратора и воспринимаются как верные свидетельства о близости всеобщего суда: *да вот уже и вестники суть близкаго Суда Божия: трясения земли (ср. сотрасл стрегущих гроб); наводнения необычныя, на подобие потопа (ср. река шумящая); от лияния непрестанных дождей, на некоторых местах не дожди, но огни лиются с небес и сожигают*.

Оказывается, что огонь, приходящий на земдю бывает двояким: божественным, святым (от Солнца) и зловещим, геенским (от преисподней). Создаваемая Георгием в «Слове» картина извергающегося вулкана расширяет наивные представления христианина об устройстве вселенной: *вулканы новые... указуют не окны уже ада, как доселе мы почитали Везувия и Этну, Геклу и другия немногия, но щели частыя его, яко уже тесная храмина его состарелась, и щели частыя указуя, хочет обвалиться, а на то место обняти и пожерти всю землю огнем*.

Пространственные характеристики ‘верх’ – ‘низ’ теперь четко обозначены понятиями ‘небо’ (+) (вещественное, пределы солнца и света и невещественное, обиталище Бога, вечной духовной жизни) и ‘земля’ (–) (обиталище людей, бренного существования, тьмы и греховности), а еще ниже – ‘подземелье’, ‘ад’, противопоставленный небу также, как и земля. Христа *вели до верху горы* (гогофа, место позорной казни, обратившееся в место славы Христа и торжества жизни над смертью), *дабы долу низринуть* (опозорить, обесчестить, убить, развенчать; это же и вектор пути Христа по смерти во ад).

Таким образом, картина мира, создаваемая архиепископом Георгием Могилевским в его ораторской прозе, показывает, что христианское мышление культивирует особенные представления о мироустройстве. Осуществляя духовную проповедь, просветитель игнорирует научные истины не потому, что они входят в формальное противоречие с религиозными догматами, а потому, что являются несущественными с точки зрения практики этического строительства. Георгий, безусловно, понимающий непространственный характер понятий ‘рай’, ‘ад’ и др., намеренно актуализирует в умах паствы наивную картину мира: ад (пространство внизу) – земля (плоскость) – небесный свод (твердь со светилами) – рай (высший мир Бога и святых). Этот подход функционален: пастырь адекватно оценивает коммуникативную среду и пользуется эффективными средствами воздействия на слушателей; он принимает в качестве исходного материала даже древнейшие языческие представления о божестве, о природе божественного и его проявлениях в действительности, чтобы вернее изобразить духовный облик Христа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слова и речи Георгия Кониссаго, Архиепископа Могилевского. / Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литогр. Я. Н. Подземскаго, 1892. 470 с.

УДК [811.581+811.161.1]’37:82-2

Длюбарская Людмила Максимовна, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: mdlyubarskaya@gmail.com

Dliubarskaya Liudmila, Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: mdlyubarskaya@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ НА МАТЕРИАЛАХ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Данная исследовательская работа направлена на анализ структурно-семантических особенностей вопросительных предложений в драматургических произведениях в пространстве пьес «Гроза» Цао Юй и «Чайка» А.П. Чехова.

Ключевые слова: вопросительные предложения; драматургические произведения; структурно-семантическая характеристика; общие вопросы; специальные вопросы; полярные вопросы; модификации вопросов.

ANALYSIS OF STRUCTURAL-SEMANTIC ASPECTS OF INTERROGATIVES IN DRAMATURGICAL MATERIALS IN THE CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES

The purpose of this study is to analyze the structural-semantic peculiarities of interrogatives in dramatic works in the space of the plays "Thunderstorm" by Cao Yu and "The Seagull" by Anton Chekhov.

Key words: interrogative sentences, dramatic works, structural-semantic characteristics, general questions, Wh-questions, polar questions, question modifications.

Вопросительные конструкции являются неотъемлемой частью языка и культуры, играя ключевую роль в передаче смысла и эмоций в литературных произведениях. В драматургии, где каждое слово имеет свой вес и непосредственно взаимодействует с актерами и аудиторией, вопросительные предложения приобретают особое значение. Они способны не только раскрыть внутренний мир персонажей, но и создать напряжение, подчеркнуть ключевые моменты сюжета и даже влиять на развитие сюжета в целом.

Данная работа направлена на анализ структурно-семантических особенностей вопросительных предложений в драматургических произведениях в пространстве пьес «Гроза» Цао Юй и «Чайка» А. П. Чехова. Цель работы состояла в том, чтобы дать структурно-семантическую характеристику вопросительным предложениям в вышеуказанных пьесах. Выбор пьес "Гроза" и "Чайка" обусловлен их значимостью в литературе, а также влиянием их авторов на мировую литературную традицию.

Проанализировав все вопросительные предложения в указанных выше произведениях, нами были сделаны следующие выводы. Китайский драматург Цао Юй предпочитает использовать общие вопросы перед специальными, в то время как А.П.Чехова использовал общие и специальные вопросы в пропорционально равном количестве. В пьесе «Гроза» было обнаружено 134 специальных вопросов (43 % *谁说要搬房子? 'Кто сказал, что вам нужно переехать?'*) и 175 общих (57 % *你是十七岁了吧? 'Тебе семнадцать лет?'*) [1, с.115]. В пьесе «Чайка» было зафиксировано 104 специальных вопросов (51 % *Отчего вы всегда ходите в черном?*) и 99 общих (49 % *Мы сегодня веселы в конце концов?*) [2, с. 800].

Т а б л и ц а 1

Классификация по наличию вопросительных слов
в китайском и русском языках

Язык	Общие вопросы	Специальные вопросы	Всего
китайский	175 (57 %)	134 (43 %)	309 (100 %)
русский	99 (49 %)	104 (51 %)	203 (100 %)

В пьесе «Гроза» обнаружены модификации общих вопросов, среди которых представлены полярные вопросы (95 % *您知道我们要搬家么? 'Вы знали, что мы переезжаем?'*) и разделительные вопросы (4 %? *她才十九岁, 是不是? 'Ей всего девятнадцать, не так ли?'*), альтернативные вопросы встречались значительно реже (1 % *看看还是我对, 还是把女儿关在家里对? 'Посмотрим, прав ли я, или правильно оставить дочь дома?'*). В пьесе «Чайка» разделительные и альтернативные вопросы отсутствовали, данная тенденция может быть обусловлена личным предпочтением автора.

Т а б л и ц а 2

Разновидности общих вопросов
в китайском и русском языках

Язык	Полярные вопросы	Альтернативные вопросы	Разделительные вопросы	Всего
китайский	166 (95 %)	2 (1 %)	7(4 %)	175 (100 %)
русский	99 (100 %)	0	0	99 (100 %)

Анализ модели вопросительных предложений в пьесе «Чайка» показал, что 177 вопросов были построены на основе трансформации повествовательных предложений (87 % *Луна восходит?*) и только 26 вопросов – по собственным синтаксическим образцам (13 % *Что с вами?*) [3, с. 387]. Средством трансформации выступает интонация (41 % *Спирт есть?*), вопросительные местоименные слова (32 % *Евгений Сергееч, кто из нас моложе?*), вопросительные частицы (15 % *Разве всякое желание ее, даже каприз, не важнее вашего хозяйства?*) и вопросительные местоименные слова с частицами (12 % *Мой милый сын, когда же начало?*). В пьесе «Гроза» чаще встречаются вопросительные предложения с частицей 么 (52 % *您以为她没有主张么? 'Думаете, у нее нет мнения?'*), позитивные предложения без вопросительных частиц (20 % *你跟她求婚? 'Ты делаешь ей предложение?'*) и вопросительные предложения с частицей 呢(8% *别人知道了说闲话呢? 'Что, если другие узнают и начнут сплетничать?'*). Спорадично встречались негативные вопросительные предложения без вопросительной частицы (4% *你一点不觉得? 'Вы так не думаете?'*), негативные вопросительные предложения с частицей 吗 (1 % *你这不是孩子话吗? 'Разве ты не ребячлив?'*), позитивные вопросительные предложения с частицей 吧 (6 % *你听得清楚吧? 'Ты меня ясно слышишь?'*), негативные вопросительные предложения с частицей 吧 (3 % *你又没*

钱了吧?`У тебя снова закончились деньги?`), вопросы с утвердительно-отрицательной формой сказуемого, вопросительные предложения (4% *我请你不要用这两个字好不好?`Могу ли я попросить вас не использовать эти два слова?`*), выраженные при помощи вопросительно-выделительного средства **是 不是** (2% *哦,她才十九岁,是不是?`О, ей всего девятнадцать, не так ли?`*). Позитивные вопросительные предложения с частицей **吗** были не обнаружены [4].

С точки зрения семантики, Цао Юй предпочитает использовать собственно вопросительные предложения (77% *她现在还好么?`С ней сейчас все в порядке?`*), однако были представлены случаи употребления вопросительных предложений с иными коммуникативными целями – несобственно вопросительные, среди которых самыми частотными являются вопросительно-утвердительные предложения (44% *你这不是孩子话吗?`Разве ты не говоришь как ребенок?`*), вопросительно-риторические (20% *怕人家笑我们穷么?`Боимся ли мы, что люди будут смеяться над нашей бедностью?`*) и вопросительно-отрицательные (19% *你不怕父亲不满意你么?`Не боишься, что отец будет тобой недоволен?`*). В пространстве пьесы А. П. Чехова также преобладают собственно вопросительные предложения (70% *Отчего он так скучен и суров?*), однако были представлены случаи употребления вопросительных предложений с иными коммуникативными целями – несобственно вопросительные (30% *А вы, во-первых, неверующий, во-вторых, – какие у вас грехи?*), среди которых самыми частотными являются вопросительно-риторические предложения (75% *Какая охота идти за человека, которому самому есть нечего?*). Также были зафиксированы примеры употребления вопросительно-утвердительных предложений (10% *`Значит, ехать?`*), вопросительно-отрицательных (8% *`Разве я не сумасшедший?`*) и вопросительно-побудительных (7% *`Мой милый сын, когда же начало?`*) [5, с. 462].

Т а б л и ц а 3

Семантический анализ вопросительных предложений
в китайском и русском языках

Язык	Собственно вопросительные	Несобственно вопросительные	Всего
китайский	239 (77 %)	70 (23 %)	309 (100 %)
русский	143 (70 %)	61 (30 %)	203 (100 %)

Анализ несобственно вопросительных предложений

Вид	Количество в китайском	Количество в русском
вопросительно-риторические	14 (20 %)	46 (75 %)
вопросительно-утвердительные	31 (44 %)	6 (10 %)
вопросительно-отрицательные	13 (19 %)	5 (8 %)
вопросительно-побудительные	12 (17 %)	4 (7 %)
Всего	70 (100 %)	61 (100 %)

В заключении данного исследования, важно подчеркнуть роль структурно-семантического анализа в языковой динамике драматургических произведений, поскольку данный анализ позволяет не только раскрыть особенности структуры и семантики вопросительных предложений, но и глубже проникнуть в смысловую глубину текста. Вопросительные предложения могут быть прямыми (наблюдается соответствие между семантическим и прагматическим содержанием высказывания, например, *为什么穿这样衣服?`Почему ты носишь такую одежду?`*) и косвенными (смысл высказывания на первый взгляд отличается от его фактического толкования при восприятии, например, *姐姐, 你跟弟弟在这儿坐一坐好不好?`Сестра, не могли бы вы с братом посидеть здесь немного?`*). Данные оттенки влияют на восприятие и интерпретацию высказывания, что делает понимание прагматических аспектов вопросительных предложений важным для анализа художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теоретическая грамматика китайского языка: Учеб.пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» — М.: Просвещение, 1989. — 115с.
2. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкина [и др.] ; 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк.,1989. 800 с.
3. Академическая грамматика русского языка : в 2 т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (глав. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1980. 662 с.
4. Билдуева Т. С. Общевопросительное предложение в китайском языке: категория установки и синтаксис [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа :<https://cyberleninka.ru/article/n/obshevoprositelnoe-predlozhenie-v-kitayskom-yazyke-kategoriya-ustanovki-i-sintaksis/viewer>. Дата доступа: 13.02.2023.
5. Лекант П. А., Гольцова, Жуков В. П. Современный русский литературный язык. / под ред. П. А. Леканта. М. : Высш. шк., 2001. 462 с.

УДК [811.11+811.161]’366.59(045)

Ле Ван Карина Нгиевна, магистрант

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Электронная почта: *karinalvn88@gmail.com*

Le Van Karina, MA Student

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

e-mail: *karinalvn88@gmail.com*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ИРРЕАЛИСА (на материале германских и восточно-славянских языков)

В данной работе рассматривается выражение категории ирреальности в немецком, русском, белорусском и английском языках с помощью сослагательного и повелительного наклонений.

Ключевые слова: ирреальность, ирреалис, сослагательное наклонение, повелительное наклонение, модальность

NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF IRREALIS (Based on the Material of Germanic and Eastern Slavic Languages)

This paper examines the expression of the category of irreality in German, Russian, Belarusian and English using the subjunctive and imperative moods.

Key words: irreality, irrealis, subjunctive mood, imperative mood, modality

Данная работа посвящена исследованию категории ирреальности. Под ирреальностью понимается несоответствие ситуации действительности, представление высказывания как желаемого, требуемого, предполагаемого. В языке ирреальность выражается с помощью грамматической категории ирреалиса.

Понятие ирреалиса тесно связано с понятием модальности. Однако они не тождественны, так как семантика ирреалиса гораздо шире семантики модальности [1, с. 1]. В языках мира существует ряд значений, которые выражаются граммемой ирреалиса, но при этом не являются модальными. Это связано с тем, что, говоря об ирреальной модальности, мы имеем в виду только те ситуации, которые не имеют, не могут или не должны иметь место в реальном мире. Граммемой ирреалиса же может выражаться более широкий спектр значений. Например, эпистимическая оценка ситуации говорящим, семантические зоны желания и намерения входят в сферу значений ирреалиса [2, с. 251].

Рассмотрим средства выражения категории ирреальности в немецком, русском, белорусском и английском языках, а именно сослагательное и повелительное наклонения. В немецком языке сослагательное наклонение (или Konjunktiv II) состоит из двух временных форм – форма настоящего времени (Präteritum Konjunktiv) и форма прошедшего времени (Plusquamperfekt Konjunktiv) [3, с. 32]. В русском и белорусском языках сослагательное наклонение выражается аналитически с помощью частицы бы/б. Также сослагательное наклонение в данных языках не имеет категорию времени. При использовании сосла-

гательного наклонения категория времени выражается лексически либо может быть понятна из контекста [4, с. 521; 5, с. 239]. В английском языке внутри сослагательного наклонения (Oblique Mood) выделяют Subjunctive I, Subjunctive II, Conditional Mood, Suppositional Mood. Все виды Oblique Mood, кроме Subjunctive I имеют формы настоящего и прошедшего времени [6, с. 412].

Для выражения повелительного наклонения в языках мира используется ряд конструкций. В таблице (см. табл. 1) представлены наиболее часто используемые конструкции для выражения повелительного наклонения в немецком, русском, белорусском и английском языках.

Т а б л и ц а 1

	немецкий	английский	русский	белорусский
2-е лицо ед. ч.	основа глагола + суффикс -e	инфинитив без частицы "to"	основа настоящего времени + формообразующий суффикс -и-	основа настоящего времени + формообразующий суффикс -i- / -ы-
2-ое лицо мн. ч.	основа глагола + суффикс -t		форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения + суффикс -те	форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения + суффикс -це
3-е лицо ед. и мн. ч.			частицы «пусть», «пускай», «да» + 3 лицо ед. или мн. числа изъявительного наклонения	частицы «няхай», «хай» + 3 лицо ед. или мн. числа изъявительного наклонения
форма совместного действия	1) инфинитив + местоимение «wir» 2) глагол «wollen» + местоимение «wir» + инфинитив	“let’s” + инфинитив	1) форма 1-го лица множественного числа изъявительного наклонения + суффикс –те 2) давай/давайте + инфинитив, глагол в форме будущего времени	1) окончания -ем, -ім 2) давай/давайце + инфинитив, глагол в форме будущего времени

Использование категории ирреальности было рассмотрено на материале оригинального художественного произведения Э. М. Ремарка «Три товарища» и его переводов на русский (И. Шрайбер), английский (А. Уин) и белорусский (В. А. Попкович) языки. Всего было выявлено и проанализировано 180 случаев использования сослагательного наклонения с семантическим компонентом ирреальности, которые можно классифицировать следующим образом (см. табл. 2):

Т а б л и ц а 2

	немецкий	английский	русский	белорусский
Ирреальное сравнение	Präteritum Konjunktiv	Present Subjunctive II	«Как будто», «будто», «кажется, что»	"Як быццам", "быццам (бы)", "здаецца, што"
	Plusquamperfekt Konjunktiv	Past Subjunctive II		
Ирреальное желание	Präteritum Konjunktiv	Present Conditional Mood	Частица «бы»	Частица «бы»
	Plusquamperfekt Konjunktiv	Past Subjunctive II, Past Conditional Mood		
Ирреальная возможность	Präteritum Konjunktiv	Present Conditional Mood		
	Plusquamperfekt Konjunktiv	Past Conditional Mood		
Ирреальное условие	Präteritum Konjunktiv	Present Subjunctive II		
	Plusquamperfekt Konjunktiv	Past Subjunctive II		

Императив представляется более проблемным с точки зрения перевода. Было проанализировано 200 случаев употребления повелительного наклонения, однако не выявлено паттернов перевода определенных конструкций. Поскольку значение императива в каждом рассмотренном языке может быть выражено несколькими конструкциями, переводчик может использовать их по своему усмотрению.

Так, среди проанализированных примеров было выявлено 32 случая несоответствия использования сослагательного и повелительного наклонений для описания нереальных ситуаций. Рассмотрим один из них: *Das wollte ich auch schon lange mal wissen* 'Это я сам хотел бы узнать уже очень давно'. В оригинальном тексте можно наблюдать использование автором сослагательного наклонения, в то время как в переводе на английский (*I've been asking myself that a long time* 'Я задаю себе этот вопрос на протяжении долгого времени') используется изъявительное наклонение. Как можно заметить, переводчик трансформировал не только модальную категорию ирреальности, но и категорию времени. Это можно объяснить разницей систем выражения грамматического времени в немецком и английском языках. Из данного примера мы видим, что действие длительное, т.е. оно продолжается на протяжении определенного промежутка времени. В английском языке для выражения длительных действий используются Continuous Tenses. Конструкция, используемая для выражения

ирреального желания *would like to* в английском языке в континиусе не используется, поэтому переводчик использовал изъявительное наклонение и перефразировал предложение таким образом, для того чтобы использование континиуса стало возможным. Несмотря на это, коммуникативная цель (а именно, передача читателю информации о желании говорящего найти ответ на интересующий его вопрос) была сохранена. Перевод этого же предложения на русский язык выглядит следующим образом: *Именно это хотел бы я и сам знать*. В переводе на русский использование сослагательного наклонения сохраняется. Перевод на белорусский выглядит следующим образом: *Сам даўно думаю пра гэта, – адказаў я*. Как можно заметить, в белорусском, так же как и в английском, сослагательное наклонение заменяется изъявительным, что переносит ситуацию из сферы ирреалиса в сферу реалиса. Переводчик рассматривает действие как реальное, существующее в реальном мире, однако, как и в английском языке, коммуникативная цель сохраняется.

Таким образом, можно утверждать, что в большинстве случаев использование сослагательного и повелительного наклонений для описания ирреальных событий семантически тождественно во всех рассмотренных языках. Однако существуют исключения, когда нельзя провести четкой параллели между употреблением средств выражения категории ирреальности в разных языках, т.к. граммема ирреалиса выражает широкое количество значений. Более того, категория ирреальности имеет эмоционально-культурный характер, так как выражает отношение национальностей к нереальным, возможным, предполагаемым событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильина Е. В. Ирреалис, эвиденциальность, модальность: к проблеме соотношения категорий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irrealis-evidentsialnost-modalnost-k-probleme-sootnosheniya-kategoriy/viewer> (дата обращения: 05.02.2024)
2. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : РГГУ, 2011. 672 с.
3. Брим Н. Е. Практическая грамматика немецкого языка как второго иностранного (продвинутый уровень обучения) : учеб.-метод. пособие. Ижевск : изд-во Удм. ун-та, 2014. 84 с.
4. Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М. : Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2002. 726 с.
5. Атраховіч К. К. Граматыка беларускай мовы. Мінск : Выдавецтва Акадэміі Навук, 1962. 542 с.
6. Качалова К. Н. Практическая грамматика английского языка. Санкт-Петербург : КАРО, 2018. 609 с.

УДК 81.161.3'22'42(045)

Салаўёва Марыя Аляксееўна, кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь
Электронная пошта: salauyova@mail.ru

Soloviova Maria, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: salauyova@mail.ru

ИНДУЦЫРАВАННЕ СЭНСУ ПРЫ ДАПАМОЗЕ ЭСТЭТЫЧНАГА РЭФРЭЙМІНГУ

Індуцыраванне сэнсу як адзін з механізмаў сэнсава-каштоўнаснай і эмацыйна-ацэначнай трансфармацыі канцэптаў можа здзяйсняцца праз эстэтычны рэфрэймінг пры дапамозе мастацкага канцэпту на аснове канцэптуальнага зліцця, вербалізацыі антыканцэптаў, змяшчэння ў іншы/новы фрэйм, устанавлення адносін інтэртэкстуальнасці, выкарыстання прэцэдэнтнага феномену, змянення аксіалагічнай афарбоўкі.

Ключавыя словы: рэфрэймінг; індуцыраванне; сэнс; фрэйм; канцэпт; мастацкі канцэпт.

SENSE INDUCEMENT WITH THE HELP OF AESTHETIC REFRAMING

Sense inducement as one of the mechanisms of sense, value, emotional and axiological transformation of concepts can be performed owing to an aesthetic reframing with the help of an artistic concept on the basis of conceptual blending, anti-concepts verbalisation, placing into a new/different frame, intertextual relations, using a precedent phenomenon, changing the axiological colouring.

Key words: reframing; inducement; sense; frame; concept; artistic concept.

Рэфрэймінг трактуецца намі як сэнсава-каштоўнасная, эмацыйна-ацэначная трансфармацыя канцэптаў. Такая інтэрпрэтацыя, з аднаго боку, базуецца на ўжо класічных аксіялагічна дэтэрмінаваных трансфармацыях Р. Бэндлера і Дж. Грындэра, выведзеных на аснове заканамернасцяў генератыўнай граматыкі Н. Хомскага [1; 2; 3]. Трансфармацыі ў гэтай канцэпцыі здзяйснююцца з мэтай усведамлення моўнай асобай каштоўнаснага аспекту і індывідуальнай, а не толькі лінгвакультурнай абумоўленасці канцэптаў. З другога боку, наша трактоўка выцякае з кагнітыўнага падыходу Дж. Лакафа і М. Джонсана, якія бачаць рэфрэймінг у дыскурсе не як механічнае перанясенне ў іншы ці супрацьлеглы па значэнні фрэйм (вербалізаваны антонімам ці, у шырокім сэнсе, лексемай, якая ўключае сему адмаўлення), а як размяшчэнне канцэпту ў фрэйм, які мае іншае эмацыйна-ацэначнае нападзенне, уваходзіць у іншую кагнітыўную мадэль, канцэптуальную метафару альбо трактуецца з пункту гледжання розных кагнітыўных мадэлей і канцэптуальных метафар [4, с. 116; 5, с. 419; 6, с. 11]. Таксама і вынікі аналізу матэрыялу даследавання, які ахоплівае мастацкі дыкурс сучаснага перыяду развіцця беларускай мовы, прыводзяць нас да высновы, што заканамернасці рэфрэймінгу грунтуюцца менавіта на сэнсавых і каштоў-

насных зменах. Само вызначэнне паняцця «рэфрэймінг», гісторыя і тэндэнцыі яго прымянення ўказваюць на тое, што падыход да аналізу рэфрэймінгу мусіць быць інтэгратыўным і абапірацца на кагнітыўна-дыскурсіўны і лінгвакультурны падыходы, бо гэтага вымагаюць аб'ект (механізмы рэфрэймінгу канцэптаў у мастацкім дыскурсе) і метады даследавання (кагнітыўнае мадэляванне, фрэймавы аналіз, лінгвакультурны аналіз, кантэкстуальны аналіз канцэптаў і г.д.). Вынікі, прадстаўленыя ў дадзеным артыкуле, аснованыя на аналізе паэтычнага зборніка Анатоля Сыса «Пан лес» (1989). Канцэпт, рэфрэймінгу якога надзяляецца ўвага, – гэта «лес», паколькі ён уваходзіць у сістэму параметрызацыі асобы як адзін з аспектаў сферы ўзаемадзеяння чалавека са светам [7, с. 698]. Канцэпт «лес» уяўляе сабой кагнітыўную дамінанту, важную для вывучэння кагнітыўных мадэлей беларускамоўнага мастацкага дыскурсу, паколькі ў даследаваннях карціны свету і кагнітыўнай апазіцыі «свой – чужы» ў іншых мовах ён можа быць размешчаны ў кагнітыўным полі «чужое», у той час, як у беларускамоўным дыскурсе ён пераважна ўваходзіць у кагнітыўную вобласць «сваё» [7, с. 92; 8, с. 190].

Паколькі рэфрэймінг цікавіць нас з пункту гледжання яго ўдзелу ў сэнсаспараджэнні, звернемся да паняцця «сэнс». У сучаснай лінгвістыцы пры звароце да паняцця «сэнс» звычайна ўзгадваецца яго тлумачэнне Г. Фрэге [9]. Сэнс у гэтай канцэпцыі супрацьпастаўляецца значэнню, альбо дэнатату. Мы мяркуем, што сэнс у трактоўцы Г. Фрэге можа быць суаднесены з канцэпт-туальным значэннем у лінгвакультуралогіі [10, с. 208]. Лінгвакультурнае тлумачэнне канцэпту збліжаецца з канцэпцыяй Г. Фрэге ў тым, што ў ёй падкрэсліваецца не толькі суб'ектыўнасць і абумоўленасць індывідуальным досведам вобраза ўяўлення, але і яго эмацыйнасць, нераўнамерная прадстаўленасць некаторых яго складнікаў, што дазваляе правесці паралель з полевай структурай канцэпту, якая мае больш выражаную канвенцыянальную ядзерную зону і больш суб'ектыўную перыферыю. Паняцце канцэпту адпавядае ўяўленням аб тых сэнсах, якімі аперыруе чалавек у працэсах мыслення і якія адлюстроўваюць змест досведу і веды ў выглядзе перажываемых «квантаў» ведаў [11, с. 5]. Гэта ментальныя адзінкі, якія з'яўляюцца элементамі канцэптасферы і мадэлююць моўную свядомасць індывіда і цэлай нацыі.

Трансфармацыі сэнсу канцэпту адпавядаюць механізмам рэфрэймінгу, якія мы класіфікуем па мадэлі, адаптаванай па аналогіі з мадэллю змянення семантыкі славесных шэрагаў, прапанаванай Ю.І. Левіным [12, с. 199–215]. Сцвярджаецца, што ў паэтычным тэксце адбываецца распад значэння на семы і яго трансфармацыя пад уплывам кантэксту, калі сема змяняе сэнсавую вагу [12, с. 213].

Устаноўленыя намі механізмы рэфрэймінгу ўяўляюць сабой акцэнтацыю сэнсу (падкрэсліванне пэўнага семантыка-прагматычнага значэння), індукцыраванне сэнсу (наданне новай інтэрпрэтацыі альбо сэнсу аўтарам ці магчымым светам тэксту), затушоўванне сэнсу (вывядзенне ядзернага семантыка-прагма-

тычнага значэння ў перыферыю), нейтралізацыю сэнсу (устараненне пэўнага семантыка-прагматычнага значэння канцэпту ў канкрэтным тэксце альбо ў канкрэтную эпоху). Творчы характар мастацкага дыскурсу падразумявае, што індукцыраванне адбываецца праз пашырэнне перыферыі канцэпту пры дапамозе, сярод іншага, мастацкага канцэпту. Пад апошнім мы разумеем шматслойныя ўтварэнні, якія паўстаюць у выніку змянення нацыянальных канцэптаў у сэнсавым полі індывідуальнай аўтарскай свядомасці [13, с. 7, 41]. Такі спосаб трансфармацыі канцэпту пад уплывам прэцэдэнтных тэкстаў мы разглядаем як эстэтычны рэфрэймінг.

Эстэтычны рэфрэймінг закранае вобразна-эстэтычны кампанент канцэпту, які ахоплівае прэцэдэнтныя сэнсы, назапашаныя ў мастацкім дыскурсе. Як паказвае аналіз матэрыялу даследавання, гэты спосаб можа суправаджацца іншымі альбо ўваходзіць у іх склад праз індывідуальныя аўтарскія перавагі.

Звернемся да тлумачэння лексемы *лес*, якая, як лічыцца, стварае ядро канцэпту [14; 15]. 1. Дрэвы на корані, якія займаюць значную прастору; масіў зямлі, зарослы дрэвамі; (пераноснае значэнне) Вялікая колькасць, мноства якіх-н. прадметаў, якія ўзвышаюцца над чым-н. 2. (зборны назоўнік) Спілаваныя дрэвы як будаўнічы, вырабны і пад. матэрыял [16]. У аналізаваным зборніку выкарыстоўваецца прамое значэнне 1, якому адпавядаюць сінонімы *пушча, тайга, гай, бор, сасняк, хвойнік* і інш. [17].

Ужо сама назва зборніка «Пан лес» праз персаніфікацыю звязвае даследуемы канцэпт з канцэптам высокага статусу «пан». Такім чынам, індукцыраванне новага сэнсу адбываецца праз увядзенне канцэпту «лес» у нетыповы для яго фрэйм «сацыяльныя адносіны», «высокі статус». Кагнітыўным механізмам, які дазваляе здзейсніць гэтую аперацыю, з'яўляецца канцэптуальнае зліццё [18, с. 18]. Мастацкі канцэпт «лес» далучаецца да сацыяльна значных, статусных канцэптаў. Такія самыя механізмы рэфрэймінгу выкарыстоўваюцца не толькі ў назве зборніка, але і ў асобных творах («Пан лес», «Маналог Язэпа Драздовіча»).

Канцэптуальнае зліццё даволі актыўна выкарыстоўваецца ў рэфрэймінгу як індукцыраванні сэнсу праз размяшчэнне мастацкага канцэпту ў нязвыклым, нетыповым для моўнага канцэпту фрэйме. Напрыклад, выкарыстанне абодвух гэтых кагнітыўных механізмаў дазваляе пазіцыяніраваць «*чорны хвойны лес*» як «*белы храм*» («Чорная быль»). Для пашырэння перыферыі канцэпту выкарыстоўваюцца адначасова антыканцэпты («белы» – «чорны»). *Лес* пры гэтым змяшчаецца ў фрэйм «сакральнае». Гэтае сакральнае – відавочна, важны складнік канцэпту «айчына». Індукцыраванне такога сэнсу дасягаецца праз прапазіцыянальную характарыстыку, якая дапаўняе перыферыю мастацкага канцэпту («Паэт»). Мастацкі канцэпт «лес» уводзіцца ў перыферыю канцэпту «айчына» праз фрэймавыя адносіны.

Канцэпт «лес», які набывае праз магчымы свет твораў канатацыі сацыяльна значнага, статуснага, сакральнага канцэпту, супрацьпастаўляецца вобразу

таго беларуса, які не ўсведамляе сваіх каранёў, гістарычных сувязяў, і вербалізуецца праз антыканцэпт «хам» (у апазіцыі «пан» – «хам») пры дапамозе тых жа спосабаў рэфрэймінгу. Мастацкі канцэпт «хам» выступае не столькі ў ролі сацыяльнага статусу і модусу паводзінаў, колькі адлюстроўвае адсутнасць адпаведных маральных і грамадзянскіх перакананняў. Індуцыраванне гэтага сэнсу адбываецца ў вершы «Вяпрук» праз канцэптальнае зліццё «вяпрук» – «правадыр», «вепрукі» – «народ». У гэтым творы праяўляецца такі спосаб рэфрэймінгу як інтэртэкстуальнасць, якая назіраецца паміж вобразами вепрукоў і свіннямі ў «Адысеі» Гамера. Для вепрукоў «паганы гэты лес» – яны шукаюць лесу прывіднага, няіснага. Так індуцыруецца сэнс негатыўнай аксіалагічнай афарбоўкі мастацкага канцэпту для тых, хто не ўсведамляе сябе часткай свайго асяродку, які трактуецца імі як «чужы» («Вяпрук»). Такое пазіцыянаванне супрацьпастаўляецца ў вершы аўтэнтчнасці і мудрасці пры дапамозе канцэптальнага зліцця. Праз размяшчэнне канцэптаў «лес» і «хам» у магчымым свеце асобных твораў адбываецца канцэптальнае зліццё, якое індуцыруе адпаведныя сэнсы ў перыферыі мастацкага канцэпту «лес» і пашырае набор фрэймавых актантаў у вершы «Пан Лес» (лес – храм, хам, святое).

З пункту гледжання кагнітыўнай апазіцыі, у якую ўключаецца гэты дамінантны канцэпт, лес – гэта не проста «сваё», а «сваё» сакральнае, неўсведамляемае, забытае, пакінутае, якое дае душы носьбіта мовы магчымасць ачышчэння.

Канцэпт «лес» праяўляе адпаведны фрэйм, удзельнікамі якога, як вынікае з аналізу твораў, з’яўляюцца не толькі тыповыя жывёлы, вядома, вербалізаваныя праз алегарычныя вобразы, і не толькі не характэрныя для гэтага фрэйму мастацкія канцэпты «хам», «храм», але і метафарычныя «лясная мова», «лясныя галасы», у якіх індуцыруецца значна глыбейшы сэнс, чым той, што вербалізуецца праз канцэптальнае зліццё (лясны голас – голас лісточка, кволенькай жылкі) («Лес»).

Можна першапачаткова меркаваць, што канцэптальнае зліццё на аснове фрэймавых складнікаў мастацкага канцэпту (лес – гэта айчына) індуцыруе новае рэфэрэнтнае значэнне (лясная мова – беларуская мова). Але далей у вершы мастацкі канцэпт «лес» праз адносіны інтэртэкстуальнасці з біблейскімі тэкстамі і выкарыстаннем прэцэдэтнага імя (Іюда) выводзіцца на ўзровень універсальнага канцэпту, які вербалізуе кагнітыўную вобласць «сваё» ў агульнахрысціянскім кантэксце.

Мы мяркуем, што паколькі зборнік «Пан Лес» мае тэматычную, ідэйную і вобразную цэласнасць, мастацкі канцэпт «лес», ствараемы ім, трэба разглядаць не як просты набор дадатковых сэнсаў, а як цэласнае шматслайнае аксіалагічна афарбаванае ўтварэнне.

Мастацкі канцэпт «лес» у вершах А. Сыса здзяйсняе эстэтычны рэфрэймінг адпаведнага моўнага канцэпту за кошт індуцыравання сэнсаў у яго перы-

фэрыі, якая, на наш погляд, непазбежна папаўняецца прэцэдэнтнымі творамі ўнікальнага і значнага для беларускай лінгвакультуры аўтара. Спосабам рэалізацыі індукцыравання сэнсу як механізму рэфрэймінгу ў гэтым прэцэдэнтным зборніку твораў з’яўляецца эстэтычны рэфрэймінг пры дапамозе мастацкага канцэпту, які можа здзяйсняцца ў сукупнасці з канцэптуальным зліццём; вербалізацыяй антыканцэптаў; змяшчэннем у іншы/новы фрэйм; устанавленнем адносін інтэртэкстуальнасці; выкарыстаннем прэцэдэнтнага феномену; змяненнем аксіалагічнай афарбоўкі.

ЛІТАРАТУРА

1. Бэндлер Р., Гриндер Дж. Большая энциклопедия НЛП. Структура магии. М. : Издательство АСТ, 2020. 608 с.
2. Bandler R., Grinder J. Reframing: neuro-linguistic programming and the transformation of meaning. Moab : Real People Press, 1982. 174 p.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М. : Издательство Московского университета, 1972. 259 с.
4. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. NY : Basic Books, 1999. 624 p.
5. Lakoff G. Moral politics: how liberals and conservatives think. Chicago and London : The University of Chicago Press, 2002. 471 p.
6. Lakoff G. The political mind: why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain. NY : Penguin Books, 2008. 292 p.
7. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и. доп. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
8. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М. : Издательство Наука, 1965. 251 с.
9. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып.8. С. 351–379.
10. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры ; Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
11. Карасик В. И., Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис, 2019. 424 с.
12. Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. М. : Наука, 1966. С. 199–215.
13. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте (на материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 ; Саратовск. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2004. 52 с.
14. Воркачев С. Г. Страна своя и чужая: идея патриотизма в лингвокультуре: монография. М. : ИНФРА-М, 2021. 151 с.
15. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре : монография. М. : Гнозис, 2007. 320 с.
16. Глумачальны слоўнік беларускай мовы. URL.: <https://www.skarnik.by/tsbm/35679> (дата звароту: 03.04.2024).
17. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы. URL.: <https://slounik.org/search?dict=sinonimy&search=лес> (дата звароту: 03.04.2024).
18. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York : Basic Books, 2003. 440 p.

УДК 81'373.45

Аникеева Татьяна Владимировна, аспирант
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: tatsiana.anikeyeva@gmail.com

Anikeyeva Tatsiana, PhD Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tatsiana.anikeyeva@gmail.com

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО И ЧАСТНОСЕМАНТИЧЕСКОГО В СТРУКТУРЕ ИМЕННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается соотношение категориального и частносемантического в семантико-структурной организации именных феноменов современного художественного текста. Выявляются основные типы взаимодействия категориальных и частносемантических компонентов в интерпретации precedentного феномена.

Ключевые слова: precedentный феномен; атрибутивное precedentное имя; неатрибутивное precedentное имя.

THE CORRELATION BETWEEN CATEGORIC AND INDIVIDUAL SEMANTIC FEATURES IN THE STRUCTURE OF NOMINATIVE PHENOMENA OF MODERN LITERARY TEXT

The article describes the correlation between categoric and individual semantic features in the structural and semantic organization of nominative phenomena of modern literary text. It defines the main types of categoric and individual semantic features interplay in the interpretation of a precedent phenomenon.

Keywords: precedent phenomenon; attributive precedent name; non-attributive precedent name.

Ключевую роль в интерпретации precedentных явлений, впервые выделенных в классификации В.В. Красных и Д.Б. Гудкова, играют компоненты значения, которые осуществляют структурирование precedentного имени [1, с. 173]. Для описания данных компонентов в научной литературе широко используются термины категориальности и частносемантической. Категориальные семы, как правило, абстрактны и ассоциированы с обобщением множества компонентов в рамках анализа последовательности единиц, в то время как частные семы реализуются специфическими в семантическом анализе, цель которого состоит в детерминировании семантики указанных номинантов свойством или характеристикой. Объектом проводимого нами анализа послужила семантическая структура precedentных имен, которые представлены в современном художественном тексте вариативным синтагматическим образом, а также способы раскрытия взаимодействия категориальной и частной семантики данных единиц.

Исследования в области когнитивно-лексического подхода позволяют рассматривать имя существительное, обозначающее название лица по профессии или статусу как маркирующее тип ситуации и связанное с ним в рамках фрейма [2]. Семасиологический подход, реализуемый нами в настоящем исследовании, позволяет утверждать, что семантика прецедента как имени собственного конструируется путем обобщения лексикографического и контекстуального значения, в котором, в зависимости от контекста, интерпретационный процесс привлекает семантику контекста, которая, в свою очередь, далее трансформируется в лексикографическую. Это обуславливает факт слабой узуальности значения прецедента и возможность демонстрировать широкий спектр черт и характеристик, способных выступать контекстуально ведущими по отношению к феномену. Среди них выделяются черты внешности персонажа, атрибуты внешности, закрепленные в когнитивной базе лингвокультурного сообщества, особенности восприятия и поведения, факты его биографии (реальной или воспринимаемой культурной памятью в качестве имевшей место в действительности), специфика отражения отношений с другими персонажами того же произведения или дискурсивного поля.

В рамках анализа семантической структуры прецедентных имен современного художественного текста нами было определена структура модели, на основе которой осуществляется интерпретация имен современного художественного текста, принадлежащих различным сферам-источникам. Референциальный аспект (соотнесение выделяемого имени с определенной тематической сферой) для указанных имен не являлся критерием отбора материала данного исследования; анализируемые имена представляли собой структуры различной атрибуции, то есть, не подвергались синтагматическому редуцированию в соответствии с критерием их пропозиционального развертывания.

Количественный анализ имен современного художественного текста позволил утверждать, что интерпретационные возможности как атрибутированных, так и неатрибутированных прецедентных имен современного художественного текста демонстрируют наличие сходной модели репрезентации значения, эксплицирующей компоненты трех основных типов. Корректность понимания прецедента, представленного как единица выражения межтекстовых связей, детерминирована не только ресурсом лексикографического описания указанных единиц, но представляет сложную модель взаимодействия категориальных и частносемантических компонентов.

Согласно ему, все проанализированные единицы реализуются как совокупность реализации трехчастной структуры, включающей сему известности, которая вытекает из закреплённости имени в когнитивной базе представителей определенного лингвокультурного сообщества, категориальной семы деятеля, выступающей обобщающим компонентом в интерпретации семантики имен и являющейся компонентом, отображающим оценочную направленность явления, а также совокупности частносемантических компонентов, вытекающих из интерпретации отдельного имени или синтагматического ряда.

Анализ совокупности дискурсивных реализаций прецедентных имен указывает на то, что прецеденты, реализуемые в современном художественном тексте, не демонстрируют единообразия в структуре модели интерпретации, а представляют собой вариативные способы реализации интерпретационной модели. Так, прецедентные имена известных политических деятелей в совокупности своих дискурсивных реализаций не всегда актуализируют спектр морально-этических оценок, но направлены на экспликацию фактологической или воспринимаемой как фактологическая информации о соответствующем лице.

Частнокатегориальные компоненты, свойственные для современного художественного текста, имеют возможность эксплицироваться вариативным образом. Количественная реализация частнокатегориальных компонентов представляется разнотипной, что отражено на *Диаграмме 1*. Их типология включает текстовые реализации следующих параметров:

- развертывание и обогащение интерпретационной модели при помощи указания на черты внешности лица или персонажа:

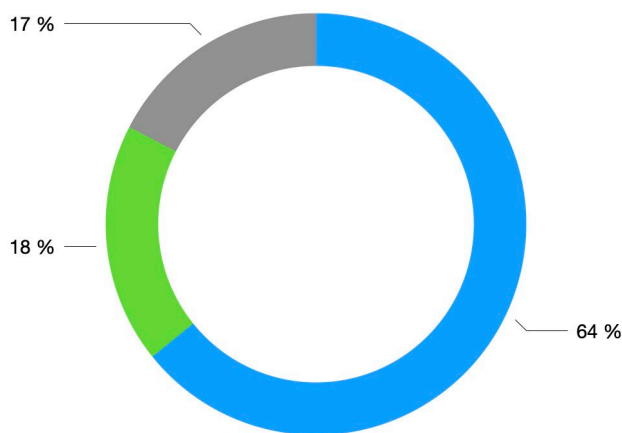
напр. *«Эта баба, этот кошмар в байковом халате, эта Кирка, конечно же, вне конкуренции. На её фоне любая, самая некрасивая, будет как Софи Лорен или Клаудио Кардинале. Или как её... Линда Евангелиста»* [3].

- развертывание и обогащение интерпретационной модели при помощи указания на функциональные особенности лица или персонажа:

напр. *«Монолог русского детектива я исполнил из рук вон плохо, и слушали его безо всякого внимания. Зато из этого поручения вытекло другое, прямо как полноводная река из рук Озириса»* [4].

- развертывание и обогащение интерпретационной модели при помощи указания на факты биографии лица или персонажа:

напр. *«По-моему, поначалу, во всяком случае, очень хотел, но не мог, боялся прошлого, воспоминаний, напоминаний, разрытых могил, боялся своей слабости, боялся разрушить то, что он сделал со своим прошлым в своих стихах, боялся оглянуться на прошлое, как Орфей на Эвридику, – и потерять его навсегда»* [5].

Диаграмма 1. Количественные данные обогащения модели частносемантическими признаками (в %)

Представленные примеры и положения позволяют сделать несколько выводов относительно взаимодействия категориального и частносемантического в структуре прецедентных имен современного художественного текста. Семантика прецедентов как вербализованных знаков культуры различается в лексикографическом и функциональном аспектах. Сложность интерпретации прецедента, таким образом, состоит не только в потенциальном многообразии признаков, участвующих в интерпретационном процессе, но и в формировании модели, которая ведет интерпретатора к сужению семантики от общеформальной к категориальной, и далее – к частносемантической. Выявляемые категориальные признаки позволяют развертывать семантическую модель прецедента при помощи обращения к формирующим категорию деятеля оценочным средствам, которые присутствуют в языковой форме или требуют интерпретационной экспликации. Частносемантические признаки во множестве своего текстового представления указывают на доминирование особенностей функционального развертывания прецедентного явления. Совокупности дискурсивных реализаций одного и того же прецедента также не демонстрируют однозначного тяготения к интерпретации по одной из выявленных моделей, что указывает на вариативность семантико-смыслового потенциала каждой из представленных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
2. Илюхина Н. А. Существительное как средство реализации пропозициональной семантики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschestvitelnoe-kak-sredstvo-representatsii-propozitsionalnoy-semantiki> (дата обращения: 04.04.2024).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИСПОЛЬЗОВАННОГО МАТЕРИАЛА

3. Славникова О. Бессмертный. URL: http://loveread.ec/view_global.php?id=31488 (дата обращения: 30.04.2024).
4. Элтанг Л. Радин. URL: <https://www.litres.ru/book/lena-eltang/radin-67297719/chitat-onlayn/page-3/> (дата обращения: 30.04.2024).
5. Толстая Т. Девушка в цвету. URL: <https://inlnk.ru/20vAEE> (дата обращения: 30.04.2024).

УДК 81.373.2:811.161.1:811.111

Михалевич Милана Михайловна, кандидат филологических наук
Международный государственный экологический институт имени А. Д. Сахарова
Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь
Электронная почта: *milana.michalevic@gmail.com*

Michalevic Milana, Candidate of Philological Sciences
International State Environmental Institute of Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: *milana.michalevic@gmail.com*

ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ КРЕОЛИЗОВАННЫХ НОМИНАЦИЙ

В статье рассматриваются возможности анализа креолизованных предметных номинаций с точки зрения ономасиологического подхода, главные условия осуществимости такого анализа, перечислены группы предметной лексики, для которых наиболее характерна креолизация.

Ключевые слова: ономасиологическая структура, этимологическая история, креолизация, номинация, нумеральный компонент, эвфемизм

ON THE ONOMASIOLOGICAL STRUCTURE OF CREOLISED NOMINATIONS

The article discusses the possibilities of analysing creolised nominations of objects from the point of view of the onomasiological approach, indicates the main conditions for the feasibility of such an analysis, and lists the vocabulary groups for which creolisation is most characteristic.

Key words: onomasiological structure, etimological history, creolisation, nomination, numeral component, euphemism

Понятия ономасиологической структуры и ономасиологической категории, используемые для объяснения когнитивных схем, согласно которым абстрактные представления о явлении получают материальное воплощение в форме языковых знаков, имеют огромное значение как для базового системного описания отдельных языков, так и сравнительно-сопоставительного лингвистического анализа и исследований в области межкультурных сходств и различий. Взрывное ускорение технического прогресса, появление множества новых вещей и явлений в материальном мире, введение новых понятий в сферах научного знания, особенно тех, которые занимаются человековедческой проблематикой, порождает постоянную необходимость новых номинаций либо переосмысления старых – однако как в первом, так и во втором случае у пользователя, если мы так можем назвать носителя языка, должен существовать четкий ответ на вопрос: почему именно это явление, понятие, вещь так называется? В синхронном срезе ответ на этот вопрос дает именно ономасиологический анализ, с помощью которого мы можем определить ономасиологический базис – ОБ, ономасиологический признак (или признаки) – ОБ и соответствующие им

глубинные ономаσιологические категории. По замечанию Т. Г. Трофимович [1], эффективным «инструментом познания мотивов возникновения предметного наименования и особенностей его ономаσιологической структуры» является номинативное суждение [2]. Как показывает опыт преподавания, обращение к семантизации производных слов с опорой на номинативное суждение способствует лучшему усвоению иностранного слова, чем словарная дефиниция. Однако практическое значение полученные в результате такого анализа знания приобретают не только для изучающих иностранные языки, но и для систем автоматизированного перевода, а также индексации текстов и автоматизированного поиска.

Действительно, в случае новых слов с прозрачной ономаσιологической структурой (бел. *колаўторквалка, падабайка*, рус. *волонтерить, гуглить*, англ. *friendlord, clustering, groundhogging*), семантическая деконденсация с использованием номинативного суждения – самый простой способ. В то время как ОБ служит своего рода категориальным маркером, ОП выявляет материализует непосредственную связь производного слова с мотивирующей единицей. Тем не менее остается открытым вопрос, возможен ли ономаσιологический анализ в случае более сложных номинаций, чем те, в составе которых мы можем обнаружить один-два ономаσιологических признака (эксплицированных в виде соответствующих основ) и эксплицированный либо имплицированный ономаσιологический базис. Например, каков потенциал ономаσιологического анализа наименований, которые представляют собой свернутые этимологические истории (*иван-да-марья, страстоцвет*)? Как быть с квазикомпозитами (*квадроцикл, гироскутер, гидрокостюм, инфохомяк, snackification, hortifuturism*)? И наконец, как быть с креолизованными наименованиями (*VIP-обслуживание, HR-отдел, ч@тик, на100%ящий, 1,2-дихлорбензол, β2-адренорецепторы, β1-адреномиметики, γ-лучи*), которые могут иметь схожие черты и с первыми и со вторыми?

Мы полагаем, что ономаσιологический анализ, за редким исключением, возможен во всех этих случаях. В более ранних публикациях [2] были показаны возможности ономаσιологического анализа квазикомпозитов и свернутых этимологических историй, осложненных метафоризацией. В данной работе наметим некоторые особенности анализа ономаσιологической структуры креолизованных наименований.

Понятие креолизации чаще используется применительно к единицам более высокого уровня. Так, А. А. Бернацкая определяет креолизацию как «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности». [3]. Однако лексическая устойчивость и повторяемость отдельных креолизованных номинаций, на наш взгляд, позволяет говорить о распространении данного явления и на лексическом уровне, чему способствует, в числе прочего, повсеместная визуализация коммуникации и

стремление к передаче максимально концентрированного смысла за единицу времени. Т. В. Попова отмечает, что креолизация производного наименования может создаваться различными средствами: сочетанием в рамках слова элементов одного языка, но разных хронологических пластов; разнофункциональных элементов одного языка (знаки препинания; элементов разных языков, в основном латиницы и кириллицы; элементов языка и цифр; элементов языка и идеограмм; элементов нескольких систем [4].

Распространенность данных наименований обуславливает внимание к ним широкого круга лингвистических школ, особенно следует отметить работы, посвященные «словам-кентаврам», сочетающим элементы латинской и кириллической графики. Употребляются и другие термины: графодериваты, полиграфиксаты, латинографиксаты и др. Рассматривая данные лексемы с ономаσιологической точки зрения, мы предпочитаем термин «креолизованное наименование».

Несмотря на частое использование таких единиц во внешней рекламе, заголовках и электронных медиа (везде, где необходимо привлечение внимания и максимальная визуализация коммуникации), сфера их функционирования гораздо шире. Можно выделить несколько групп лексики, для которых типична креолизация:

1) прагматонимы и эргонимы (как в русском, так и в белорусском и английском языках): *7up*, «*На100ящий*», «*iСломал*», *3M*, *su:m37°*; *Coffee&кава* и т.п.);

2) научные термины (*γ-излучение*, *β-адреностимуляторы*, *β-агонисты*, *β1-адренорецепторы*, *5-метил-1-гексин*, *2-amino-6-methylheptane* и т.п.);

3) общеупотребительная лексика, обозначающая относительно новые понятия, предметы и явления, в основном из сферы информационных технологий и коммуникаций (*SMS-сообщение*, *FB-коммуникация*, *VIP-исполнение*, *email-рассылка*, *IoT-девайсы*, *3D-визуализация* и т.п.);

4) авторские окказионализмы, характерные для рекламных текстов и сообщений (*DOROGая*, *\$стоящий*);

5) окказионализмы, создаваемые с эвфемистическими целями – здесь стоит отметить не только традиционную графическую модификацию обценной лексики, но и креолизацию слов, которые могут повлечь за собой уменьшение охвата читательской аудитории по возрасту или автоматический запрет публикации из-за действующих онлайн-алгоритмов; например, кириллические буквы А или Я, реже другие гласные, в них заменяются символом @, в английском языке буква S может заменяться знаком \$, некоторые буквы могут заменяться цифрами и т.п. (*c*g@rettes*, *de@th*, *см*пть*, *r_pe*, *c3n\$orship* и т. п.).

При каких условиях можно говорить о возможности полноценного ономаσιологического анализа данных слов?

1. В случаях, если элемент(ы), принадлежащие к иной графической системе (идеограммы, цифры, часть русского или белорусского слова, написанная латинской графикой), можно рассматривать в качестве отображения семантического маркера, соотносящегося с отдельным словом в рамках номинативного суждения. Элементы иноязычной графики в таком случае могут являться как графическим отображением фонетической оболочки слова (*VIP-клиент*), так и соотноситься с понятийной категорией напрямую (цифры в химических терминах) или опосредованно (*γ-лучи – вид электромагнитного излучения, характеризующийся чрезвычайно малой длиной волны – менее $2 \cdot 10^{-10}$ м*). Во втором случае следует отметить типичную для таких номинаций синкретичность нумерального и детерминантного ономаσιологического признака (в химической номенклатуре – цифры или буквы, указывающие на расположение более простых составных частей соединения; греческие буквы, указывающие на положение имеющихся радикалов и других структурных частей и т.п.). Например, в названии *5-метил-1-гексин* цифра 5 говорит о положении метильной группы в скелете углеводорода, то есть о том, что группа CH_3 стоит у пятого атома углерода в цепи, цифра 1 указывает на тройную связь между атомами углерода у первого атома и т.п. Такие наименования следует отличать от эвфемистических написаний, когда нумеральные графические элементы не соотносятся с подлежащим экспликации ономаσιологическом признаком, например, если они используются как замена схожей буквы для обхода алгоритмов.

2. В случаях, если элемент(ы), принадлежащие к иной графической системе, отсылают к этимологической истории, при развертывании которой можно эксплицировать семантические маркеры и соответствующее им слово / слова, чтобы перейти на ономатоιогический уровень анализа. Так, латинское *i* в наименовании сети ремонтных мастерских и магазинов *iСломал* указывает на то, что в первую очередь продукты и услуги адресованы пользователям Apple: *'Компания Apple является производителем смартфонов iPhone' >> 'i' >> iСломал*. Сочетание 37° в наименовании корейского бренда *su:m37°* ставит целью подчеркнуть его естественность в отличие от искусственно ферментированной косметики, поскольку температура 37°C считается оптимальной температурой брожения.

Таким образом, ономаσιологический анализ подобных слов возможен, однако в данном случае мы выходим за рамки традиционных его инструментов (семантическая деконденсация при помощи мотивирующего словосочетания либо номинативного суждения). В случае свернутых этимологических историй ономаσιологический анализ подразумевает развертывание истории для определения места в ней эксплицированных элементов наименования.

Распространение подобных наименований указывает на расширение сферы межкультурного и межъязыкового взаимодействия, взаимопроникновение языков и культур как на графическом, так и на фонетическом уровне, а также на

насушную необходимость нормирования правописания в этой сфере, особенно в языках с кириллической графикой. На наш взгляд, лексикализация подобных наименований вне узкотерминологической сферы, их словарная фиксация [5, с. 220] указывает на то, что в настоящее время в языках с кириллической графикой данные процессы разворачиваются активнее, чем в языках с латинской графикой, в частности, в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности: моногр. Минск : БГПУ, 2003. С. 37.
2. Михалевич М. М. Типы композитных предметных наименований в русском и английском языках: ономаσιологический аспект: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Бел. гос. пед. ин-т им. М. Танка. Минск, 2017. С. 34-37.
3. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние. Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). Красноярск: Красноярский ун-т, 2000. С. 109.
4. Попова Т. В. Креолизация современных дериватов (на материале русского языка). // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов IX Междунар. науч. конф. Минск, 2009. Ч. I. С. 37–41.
5. Годизова З. И., Чжан С. Слова-кентавры в современном русском языке рубежа веков: особенности функционирования и проблемы освоения. // Вестник ННГУ. 2023. № 2. С. 214–220. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-kentavry-v-sovremennom-russkom-yazyke-rubezha-vekov-osobennosti-funktsionirovaniya-i-problemy-osvoeniya>. Дата доступа: 04.04.2024.

Секция 3. ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 372.881.161.1+81-13(437.6)

Борисова Екатерина, кандидат философских наук
Экономический университет, Братислава, Словакия
Электронная почта: ekaterina.borisova@euba.sk

Borisova Ekaterina, PhD
University of Economics in Bratislava, Slovakia
e-mail: ekaterina.borisova@euba.sk

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В СЛОВАКИИ: АКТУАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

В статье анализируются особенности преподавания русского языка как иностранного в Словакии. Особое внимание уделяется анализу ситуации с изучением русского языка в Словакии, разработке национального цифрового учебника русского языка «Встречи с Россией. Сегодня» и описанию проекта по разработке учебников для русско-словацких билингвальных гимназий.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Словакия, методология, инновационные технологии, практический опыт, цифровой учебник, язык через культуру, билингвальные гимназии.

FEATURES OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN SLOVAKIA: CURRENT SITUATION, METHODOLOGICAL ASPECTS, PRACTICAL EXPERIENCE

The article analyzes the features of teaching Russian as a foreign language in Slovakia. The research is based on the study of modern methodological approaches, innovative technologies and practical experience in this field. Special attention is paid to the analysis of the situation with the study of the Russian language in Slovakia, the development of a national digital textbook of the Russian language "Meetings with Russia. Today" and a description of the project to develop textbooks for Russian-Slovak bilingual gymnasiums.

Key words: Russian as a foreign language, Slovakia, methodology, innovative technologies, practical experience, digital textbook, language through culture, bilingual gymnasiums.

Система образования Словакии, выстроенная поэтапно, обеспечивает своим учащимся высококачественное образование, делая его доступным всем слоям населения.

Первым этапом является дошкольное образование, представленное детскими садами (*materská škola*), куда принимаются дети с 3 до 6 лет. Следующая ступень – это обязательное для всех детей 9-летнее начальное образование

(základná škola), где дети изучают основные предметы, такие как словацкий язык, математика, иностранные языки, физика, химия, биология, география, этика, обществознание, рисование, искусство и музыка. По окончании начальной школы дети переходят (поступают) в среднюю школу. Существует два основных типа средних школ: гимназии (gymnázium) – 4-летняя программа, ориентированная на подготовку к университету, и средние профессиональные школы (stredná odborná škola) – это учебные заведения с 3–4-летними программами, которые готовят школьников к конкретным профессиям – после окончания средней специальной школы выпускники получают диплом о среднем специальном образовании и могут или приступить к трудовой деятельности, или продолжить образование. Завершающим этапом является высшее образование. В Словакии 23 государственных университета, где обучение для граждан Словакии и ЕС бесплатное. Существует широкий выбор бакалаврских, магистерских и докторских программ. Также в стране работают 10 частных и 6 иностранных высших учебных заведений, в которых образование платное.

Система образования Словакии имеет ряд особенностей. Во-первых – акцент на языки: в школах изучают два иностранных языка, а в некоторых школах и гимназиях – три. Во-вторых, развитая система профессионального образования: около 70 % выпускников школ поступают в средние профессиональные училища. И, наконец, доступность высшего образования: согласно данным переписи населения, проведенной в 2021 году, количество лиц с высшим образованием в Словакии за период с 1991 по 2021 год выросло более чем в три раза: с 306 920 человек (5,82 % от общей численности населения) до 1 001 446 человек (18,38 %). Примечательно, что 2021 год стал историческим рубежом: впервые число людей с высшим образованием превысило число людей со средним (или средним специальным) образованием. В 1991 году таких людей было 1 512 818 (28,68 %), а в 2021 году – 692 554 (12,71 %) [1, с. 1]. Также в последнее десятилетие в сфере высшего образования наблюдается изменение **гендерного распределения**: в 1991 и 2001 годах среди людей с высшим образованием преобладали мужчины. Однако с 2011 года доминирует женская часть этой категории населения. Все эти данные свидетельствуют о существенных изменениях в образовательном уровне населения Словакии. Рост числа людей с высшим образованием и снижение доли лиц со средним и средним специальным образованием являются индикаторами положительных тенденций в развитии общества и его интеллектуального потенциала.

Система образования Словакии уделяет большое внимание изучению иностранных языков. Это обусловлено целым рядом факторов, например географическим положением страны (Словакия граничит с пятью странами – Чехия, Польша, Венгрия, Украина, Австрия), глобализацией и членством в Европейском Союзе (ЕС). Изучение иностранных языков является одним из ключевых приоритетов в системе образования ЕС. 2002 год стал знаменательным годом в истории языковой политики ЕС – на Барселонском саммите

ЕС главы государств и правительств приняли решение о внедрении в образовательные системы стран-членов ЕС принципа «родной язык плюс два иностранных», целью которого ставилось овладение всеми европейскими гражданами двумя иностранными языками дополнительно к их родному [2, с. 6].

На данный момент в Европе сложилось устойчивое распределение языков, изучение которых кажется ее гражданам наиболее целесообразным, причем оно мало изменилось между двумя обследованиями «Евробарометра», проведенными в 2005 и 2012 гг. Самыми распространенными языками в ЕС остаются английский, французский, немецкий, испанский и русский [3, с. 5]. При этом три наиболее распространенных языка, изучаемых в Словацкой республике – это чешский язык (47%), английский язык (26%) и немецкий язык (22 %) [4, с. 84]. По информации «Евробарометра» на 2012 год в странах бывшего соцлагеря значительно сократилась доля населения, владеющего русским и немецким языками. Эта тенденция наблюдается с 2005 года. Например, в Болгарии и в Словакии доля населения, говорящая по-русски, сократилась на 12 пунктов, в Польше на 8 пунктов, в Чехии на 7 пунктов [3, с. 16].

Русский язык и сейчас изучается как факультативный предмет на всех уровнях словацкой системы образования – его предлагают школьникам и студентам как второй или как третий иностранный язык. Первый иностранный язык в подавляющем большинстве словацких школ, гимназий и вузов – английский язык. А вот второй и даже третий иностранный учащиеся могут выбрать себе сами из ряда языков, предлагаемых их учебным заведением. Согласно данным словацкой газеты SME, в 2020 году русский язык выбрали для изучения почти 60 тысяч учащихся начальных и средних школ, а также студентов высших учебных заведений [5, с. 1]. Несмотря ни на что, русский язык и сейчас остается востребованным предметом для многих словацких школьников и студентов.

В Словацкой республике есть ряд национальных учебников для изучения русского языка как иностранного. Например, учебник «Встречи с Россией», выпущенный почти 30 лет назад – это не просто учебник русского языка, а путеводитель по богатому миру русской культуры. Авторы Э. Колларова и Л. Б. Трушина мастерски сочетают изучение языка с погружением в историю, традиции и обычаи России, опираясь на концепцию иноязычного образования «язык через культуру, культура через язык», разработанную Е. И. Пассовым – в основе обучения лежит принцип взаимосвязи языка и культуры [6, с. 46]. «Встречи с Россией» отличается от других учебников глубоким проникновением в культурный контекст, что позволяет не только выучить язык, но и понять менталитет и ценности русского народа. «Встречи с Россией» – это проводник в увлекательное путешествие по стране русского языка и богатой культуры: языковые навыки развиваются через знакомство с русской культурой [7].

Спустя более чем 25 лет после публикации первого издания учебника «Встречи с Россией», одна из его авторов, профессор Эва Колларова, в соав-

торстве с коллегами, приступила к его комплексному обновлению. Данный процесс осуществляется на основе научного подхода, включающего: анализ современных тенденций в преподавании русского языка как иностранного; изучение актуальных потребностей изучающих русский язык; учет новейших исследований в области лингвистики и методики; соавторство школьных учителей с методистами, с носителями русского языка и с носителями словацкого языка

В результате обновления учебник, который теперь называется «Встречи с Россией. Сегодня», сохраняет свои лучшие качества и при этом соответствует современным требованиям к учебным пособиям и максимально способствует успешному освоению русского языка словацкими учащимися. В соответствии с требованиями времени новый учебник будет цифровым. Первые главы (встречи) учебника «Встречи с Россией. Сегодня» уже сейчас можно найти на сайте www.vstrechi.evakollarova.sk Вот слова авторов, предваряющие учебник: «Мы разговариваем. Читаем. Размышляем. Оцениваем... Живём. Жизнь как разговор с вами, с собой, с природой, с вселенной... Покажи мне героев, на которых смотрят молодые люди твоей страны, и я скажу тебе, какое будущее ждет твою страну». Учебник содержит систему гиперссылок на полные тексты стихотворений, упомянутых в диалогах и упражнениях; задания после диалога; рекомендации специализированных сайтов, связанных с темой урока. В текстах нового цифрового учебника «Встречи с Россией. Сегодня» представлены все основные стили русского языка: это позволяет учащимся познакомиться с богатством и разнообразием русского языка. Учебник содержит аутентичные материалы, такие как диалоги, тексты песен, статьи, фрагменты литературных произведений, что позволяет учащимся познакомиться с живым русским языком и его использованием в различных ситуациях. В учебнике активно используется русская фразеология и прецедентные феномены. Учебник знакомит учащихся с культурными реалиями не только России, Словакии, но и других стран – это способствует расширению кругозора, формированию культурной грамотности и воспитанию поликультурной личности. Учебник содержит различные средства визуальной наглядности, например фотографии, репродукции картин, видеоматериалы. Поскольку целевая аудитория учебника – школьники, то в учебнике используются и игровые задания, что позволяет сделать учебный процесс более интересным и эффективным. Учебник «Встречи с Россией. Сегодня» – ценный ресурс для изучения русского языка и культуры, находящийся в свободном доступе для всех желающих, который сохранив принципы и неоспоримые плюсы своего бумажного прототипа, приобретает ценные черты современности – интерактивность, наглядность, динамичность, активные методы обучения, мгновенную обратную связь, персонализацию, доступность, экономичность, удобство поиска информации, мультимедийность, экологичность. Он может быть использован как в учебных заведениях, так и для самостоятельного изучения языка.

Еще одной новинкой и достижением словацкой русистики можно считать реализацию проекта KEGA «Tvorba učebníc pre rusko-slovenské sekcie bilingválnych a slovanských gymnázií» – создание серии учебников по географии, истории, экономике, психологии и социологии для русско-словенских секций билингвальных гимназий. Учебники были адресованы гимназиям с углубленным изучением русского языка. Гимназии этого типа в Словакии называются «билингвальные гимназии». Данные учебные заведения осуществляют прием учащихся по завершении 8-го или 9-го класса общеобразовательной школы. На момент поступления требования к знанию русского языка у абитуриентов отсутствуют. Программа обучения рассчитана на 5 лет. По окончании этого типа гимназий учащиеся достигают уровня C1 общеевропейской шкалы языковой компетенции (CEFR) по русскому языку.

Первая билингвальная русско-словацкая гимназия была открыта почти 20 лет назад в Братиславе. В настоящее время в Словакии существует 7 билингвальных русско-словацких гимназий, расположенных в разных городах страны. Их учебный план включает изучение русского и словацкого языков наравне с другими предметами, а часть предметов преподается на русском языке. В этой связи у учащихся и педагогов нарастала высокая потребность в учебниках по общеобразовательным предметам. В русско-словацких билингвальных гимназиях отсутствовали учебники по географии, истории и обществознанию на русском языке (но по словацкой программе). Это затрудняло подготовку учителей к образовательному процессу. Ассоциация русистов Словакии выступила с инициативой создания серии учебников по основным предметам для этого типа гимназий. Результатом этой инициативы было обращение к кафедре русистики университета святых Кирилла и Мефодия в Трнаве с просьбой о разработке серии учебников по географии, истории, экономике, психологии и социологии для русско-словацких билингвальных гимназий. Участниками проекта стали кафедра русистики Философского факультета Университета святого Кирилла и Мефодия в Трнаве, Институт русистики Философского факультета Прешовского университета, билингвальная гимназия в г. Врбле, гимназия им. Ивана Хорвата в Братиславе. Важным принципом создания учебников было обязательное сотрудничество соавторов – методиста, сотрудника университета и школьного учителя, который этот предмет преподает. Сотрудничество с гимназиями помимо этого позволило тестировать упражнения, задания и материалы в процессе разработки учебников; оценить понятность, удобство и эффективность учебных материалов; обеспечить соответствие учебников потребностям учеников и педагогов.

В результате реализации проекта была разработана и издана серия учебников по географии и истории для 3 класса 5-летней билингвальной гимназии и учебников по экономике, психологии и социологии для 4 класса 5-летней

билингвальной гимназии. Учебники имеют единый методический аппарат: русско-словацкий словарь в начале каждой лекции, вопросы и задания для проверки усвоения материала, домашние и самостоятельные задания, дополнительные рубрики: «Запомни!», «Это интересно», «Историческая справка», «Визитка страны», «Знаете ли вы, что...» и т.д., QR-коды, цветные иллюстрации, карты, портреты и т.д. Учебники доступны в печатном и электронном виде (на CD), что удобно для распространения среди учащихся. Появление этих учебников значительно повысило эффективность образовательного процесса в билингвальных гимназиях, оказало неоценимую помощь учителям, преподающим учебные предметы на русском языке по словацким образовательным программам и способствовало развитию методической базы преподавания в билингвальных гимназиях.

Из вышечисленного следует, что русский язык и сейчас пользуется популярностью в Словакии, однако его изучение сопряжено с рядом трудностей. Одним из перспективных направлений в области преподавания русского языка как иностранного в Словакии является создание, обновление и использование национальных цифровых учебников, разработанных с учетом современных требований к образованию в соавторстве методистов, школьных учителей и носителей языка. Использование современных методов и технологий обучения позволяет повысить эффективность процесса изучения языка и сделать его более интересным для учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Počet vysokoškolsky vzdelaných obyvateľov na Slovensku stúpa // Trend 2024. URL: <https://www.trend.sk/spravy/pocet-vysokoskolsky-vzdelanych-obyvateľov-slovensku-stupa> (дата обращения: 19.04.2024)
2. Europeans and their Languages. P. 5–10. Conclusions of the Barcelona European Council in March 2002. URL: https://ec.europa.eu/invest-in-research/pdf/download_en/barcelona_european_council.pdf (дата обращения: 19.04.2024)
3. SPECIAL EUROBAROMETER 386 // Europeans and their Languages. 2012, URL: https://nellip.pixel-online.org/files/publications_PLL/19_Languages%20for%20Europe.pdf (дата обращения: 19.04.2024)
4. Марусенко М. А. Языковая политика Европейского союза: институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 288 с.
5. Jenisova K. Ruština je pre študentov stále atraktívnejšia // EDUWORLD – centrum vzdelávania. 2020. URL: <https://eduworl.d.sk/cd/katarina-jenisova/334/rustina-je-pre-studentov-stale-atraktivnejšia>
6. Пассов Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования: Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Москва: Просвещение, 2000. 172 с.
7. Колларова Э., Трушина Л. Встречи с Россией. Для I и II классов средних школ. Братислава, SPN. 2010. 310 с.

УДК 378.016:130.2:811.161.1'243'242

Вазанова Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словакия
Электронная почта: vazanovam@mail.ru

Vazanova Marina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia
e-mail: vazanovam@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКОВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Рассмотрены вопросы, связанные с языковой подготовкой специалиста-международника, способного создать программу действий при возникновении ситуаций, требующих для их разрешения культуроведческой компетенции.

Ключевые слова: культура, культуроведческая компетенция, профессиональная компетентность, транскультурная коммуникация, студенты-иностранцы.

FORMATION OF CULTURAL COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS WHEN TEACHING LANGUAGE DISCIPLINES

The article deals with the issues related to the language training of a specialist-internationalist, who is capable of creating a programme of actions in case of situations requiring cultural competence for their resolution.

Key words: culture, cultural competence, professional competence, transcultural communication, foreign students.

Изменения в глобальном мире, происходящие в последние десятилетия, приводят к необходимости разработки новых подходов к подготовке высококвалифицированных специалистов, отличающихся подлинным профессионализмом, что предполагает их готовность и способность трудиться в мультикультурном обществе, обладая для этого сформированной культуроведческой компетентностью.

Надо признать, культуроведческая компетентность специалистов в разных сферах профессиональной деятельности – это императив сегодняшнего дня. По мере того как глобальные сообщества становятся все более взаимосвязанными как в технологическом, так и в социальном плане, от профессионалов в любой области ожидается, что они смогут работать с людьми разных национальностей и преуспевать в установлении и поддержании связей и отношений в мультикультурной среде.

Действительно, международный рынок труда все больше признает необходимость того, чтобы работники всех звеньев организаций обладали разносторонними и открытыми взглядами на поликультурный мир, умели «ненасилованным путем решать конфликты, возникающие между социальными группами на культурной, национальной, религиозной и других почвах» [1, с. 261].

Достижение высокого уровня культуроведческой компетенции имеет особое значение для студентов-иностранцев, готовящихся связать свою будущую профессиональную жизнь с работой в международных компаниях. Уже сегодня в крупных транснациональных корпорациях наблюдается тенденция отбирать выпускников университетов по их умению общаться, вести дела с людьми, имеющими разные национальные и религиозные убеждения и мировоззренческие представления. Поэтому вполне понятно растущее давление на высшие учебные заведения со стороны работодателей, требующих от них подготовки глобально мыслящих специалистов, обладающих компетенцией в своей собственной и в других культурах.

Отправным моментом в установлении специфики содержания культуроведческой компетенции является, по нашему мнению, выяснение характера таких смежных с ней понятий, как *интерес*, *осведомленность*, *понимание*, *чувствительность* и *интеллект* [2, с. 13–15].

Культурный *интерес*, несмотря на свою универсальность и всеобщность проявления, имеет прямое отношение к формированию у студентов-иностранцев культуроведческой компетенции. Интерес к другой культуре учащиеся могут проявлять уже лишь потому, что она отличается от их собственной.

Культурная *осведомленность* – понятие более глубокое. Она предполагает определённый уровень видения учащимися различий между разными народами, этносами, проявляющихся в их поведении, ценностях, убеждениях; признание существования в обществе предрассудков, предубеждений и стереотипов в отношении людей других национальностей.

Наличие у студентов лишь интереса к культурным артефактам и даже некоторой их осведомленности в вопросах национальной идентичности недостаточно для того, чтобы быть готовым к профессиональной деятельности в международных организациях. Для этого необходимы более высокий уровень осведомленности, предполагающий глубокие знания о *другой* культуре, попытки постичь ее, в частности, для построения и укрепления межкультурных связей. При этом определяющим становится опыт деятельности обучающегося, у него появляется *понимание* взглядов и ценностей, причин тревожности и страхов человека из другой культуры, того, какой смысл он вкладывают в такие понятия как честность, надежда, преданность, его особого чувства юмора.

Такое *знание* и *понимание*, пропущенные через культурную призму чужого, в свою очередь, помогут студенту-иностранцу развить в себе активную жизненную позицию, сформировать уникальную, культурно обоснованную точку зрения на поведение, образ мышления *других*. Осознание учащимся наличия сходств и различий между людьми разных национальностей; отказ от предвзятых мнений о них, от часто распространённой в обществе привычки сортировать и ранжировать их по принадлежности к той или иной культуре; и в общем, неприятие им стереотипизации культур будут сигнализировать о сформированности у него *культурной чувствительности*. Специалист-международник, мыслящий при классификации различных культур вне категорий

лучшие или худшие, без разделения их на правильные или неправильные, безусловно, может считать себя вполне готовым к комфортному межкультурному общению в своей профессиональной деятельности.

Для транснациональных корпораций, исповедующих нулевую толерантность к любому рода дискриминациям, критически важно, чтобы их сотрудники обладали также *культурным интеллектом*. Под культурным интеллектом понимается способность человека успешно сотрудничать с людьми из разных культур, преследуя общие интересы и ожидая одинаковых результатов от работы в глобальной организации. Это то, что можно назвать умением «ладить с людьми» [2, с. 14]. По-другому говоря, культурный интеллект помогает человеку успешно общаться, сотрудничать и вести переговоры в деловом мире с представителями разных культур.

Таким образом, культуроведческая компетентность – это успешное применение культурных интересов, осведомленности, понимания, чувствительности и интеллекта. Обладание ею дает право выпускнику университета интерпретировать свою собственную и другие культуры, считать себя их частью, претендовать на работу в мультикультурной организации.

Немаловажное значение в достижении культуроведческой компетентности имеет признание и уважение студентом окружающего его культурного разнообразия. Такая способность позитивно относиться к своей и чужой культурам «жизненно важна» для будущего специалиста-международника. Полностью развитая культурная идентичность, относящая себя к *обеим* культурам как в психологическом, так и в поведенческом смысле [3, с. 26] – это то, к чему должен стремиться в своем развитии каждый студент, это то, что хотели бы видеть работодатели в выпускниках университетов как потенциальных сотрудников своих компаний.

Ощущение причастности личности студента «ко всему человечеству» не снимают потребности и проблемы её этнокультурной самоидентификации. Признавая поликультурность как закономерный и позитивный фактор функционирования мирового сообщества, надо всячески подчеркнуть мысль о необходимости национальной маркированности индивидуума, осмысления уникальности того народа, к которому он принадлежит, познания его истории, культурных традиций, мировоззренческих и религиозно-нравственных особенностей. Отринуть свои этнические корни, пренебречь своей словесной культурой – значит поддаться духу манкуртизма, чего следует всячески опасаться и избегать [4, с. 93].

Важной составляющей формирования культуроведческой компетенции студентов является их живое участие в транскультурной коммуникации. Встречи, знакомства и взаимодействия с людьми разных национальностей, совместное чтение художественных произведений, просмотр фильмов на изучаемом иностранном языке сродни беседам, в которых присутствует постоянная сменяемость сюжетов, лиц и личностей и создается пространство для новых знаний и пониманий. Признав и приняв наличие различий в стилях и стратегиях

общения как внутри одной культуры, так и между разными культурами, участники такой беседы совместно создают «третью культуру» [5, с. 94] – безопасное и позитивное пространство для общения, построенное на основе доверия, равенства и взаимного уважения.

Активно участвуя в таких беседах, студенты понимают, кто они есть, какими видят других и какими позиционируют их другие. Ведь если учащиеся находятся в рамках *своей* культуры, они неизбежно смотрят на мир сквозь призму ее ценностей, закономерно принижая *другую*. Чтобы избежать переоценки собственной культуры в ущерб другой, они должны обладать высоким уровнем культурной рефлексии.

Культурная рефлексия как саморазвитие должна стать постоянной домашней работой для студентов, планирующих в будущем работать в транснациональных компаниях. Подлинная культурная компетентность – это не то, что можно «включить» по необходимости, например, на занятиях, это работа, которую учащиеся выполняют постоянно.

Чтобы быть в эффективном в своей будущей профессии, студенту-международнику необходимо выработать привычку самостоятельно собирать информацию, например, наблюдая за общественным поведением представителей *другой* культуры, анализируя то, как они в жизни взаимодействуют друг с другом. Поведение человека любой национальности или культуры зависит от той социальной роли, которую он играет в данный момент, решая те или иные социальные или коммуникативные задачи и удовлетворяя свои жизненные потребности. Например, в магазине он становится покупателем и ведет себя в соответствии с данной ситуацией, в метро мы можем видеть, как он «исполняет» роль пассажира. Наблюдение за поведением людей в естественных условиях коммуникации может помочь студенту глубже проникнуть в существенные характеристики другой культуры, в менталитет данного народа и обрести чувство достоинства и уважения к его национальным ценностям.

Программа обучения студентов-иностранцев должна быть построена таким образом, чтобы сформировать у них навык добывать и использовать знания о культуре различных народов, их истории, обычаях, традициях и менталитете в своей будущей профессиональной деятельности, чтобы успешно взаимодействовать с носителями различных культур. В связи с этим необходимо изменить подход к преподаванию языковых дисциплин, чтобы их содержание воспринималось не только как набор правил и схем, но и как средство выражения той или иной культуры, понимания ее уникальности и ценности.

Приступая к изучению новой грамматической темы, чтению художественного произведения или просмотру фильма, преподавателю необходимо задаваться прагматическим вопросом: «А что дает это занятие студенту, насколько оно формирует его культуроведческую компетенцию и приближает его к выполнению в будущем профессиональной деятельности «со знанием дела»? В ходе анализа отдельных фрагментов текста, наряду с изучением текстообразующих возможностей самостоятельных и служебных слов, синтаксических единиц и

конструкций, обучающемуся важно понять тот культурный контекст, который обуславливает речевое поведение героев, их мысли, объясняет совершаемые ими поступки и переживаемые ими чувства. Так, например, анализируя повесть Дарьи Доцук «Голос» мы поднимаем для обсуждения такой простой, как может показаться на первый взгляд, вопрос: *Почему Саша не обратилась за психологической помощью сразу после теракта, (жертвой которого она стала)?* Ответ на него дает сама героиня: *«Там было много людей, которые пострадали намного больше меня. Как можно занимать линию, когда есть те, кто потерял близких, те, кого в тяжелом состоянии увезли в реанимацию? Я-то почти не пострадала. Я бы и сюда ни за что не пришла, если бы не участились приступы, особенно тошнота.*

У многих студентов-иностранцев поведение девушки, пострадавшей во время теракта, но не обратившейся за медицинской помощью, вызывает недоумение, а у некоторых – раздражение и даже гнев; ее поступок они поспешно оценивают как «безрассудство и легкомысленность». Роль преподавателя в данном случае сводится к указанию учащимся на ошибочность такого рода рассуждений, построенных без учета своеобразия культурного контекста и различий в менталитетах их собственного и русского народов; и главное – к организации доверительной беседы на тему *жертвенности*, как одного из феноменов русской культуры. Важно увести размышления студентов от оценивания поведения героини повести в слишком простых для данного случая категориях *правильно-неправильно*, предложить посмотреть на ситуацию не со стороны, а изнутри, глазами этой девочки, попытаться понять мотивы и причины такого ее поведения, почувствовать боль и страдания, которые она испытывает.

Итак, понимание культурных различий, желание сотрудничать, преследуя общие интересы, отказ от стереотипных представлений, уважение к различным точкам зрения могут стать конкретной опорой для достижения высокого уровня культуроведческой компетентности студентов-иностранцев. Разговоры друг с другом или с преподавателем как представителями разных культур могут быть для них как познавательными и увлекательными, так и напряженными. Важно, чтобы это общение строилось на доверии, чтобы это был диалог, причем диалог не только с другими, но и с самими собой. Когда мы узнаем и понимаем себя, свою культуру, мы лучше узнаем и понимаем других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.
2. Heckroodt S., Waddah S. Ghanem Al Hashmi. Cultural Competence. The Intrinsic Strategic Advantage. New York: Routledge, 2024. 104 p.
3. Ranzjin R., McConnochie K., & Nolan W. Psychology and Indigenous Australians: Foundations of Cultural Competence. South Yarra: Palgrave Macmillan, 2009. 272 p.
4. Анисимов Г. А. Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. 317 с.

УДК 811.162.4:81'27:811.161.1(47)

Шерешова Терезиа, кандидат философских наук

Экономический университет в городе Братислава, Братислава, Словацкая республика

Электронная почта: terezia.seresova@euba.sk

Seresova Terézia, PhD

University of Economics in Bratislava, Bratislava, Slovakia

e-mail: terezia.seresova@euba.sk

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА ИЗУЧЕНИЕ СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА РУССКОГОВОРЯЩИМИ

В данной статье рассматриваются лингвокультурные факторы, влияющие на овладение языком русскоговорящими взрослыми иммигрантами. В теоретической части представлены значение и последствия, которые имеет правильное овладение языком принимающего общества для интеграции иммигрантов. В практической части объясняется, с какими лингвокультурными факторами сталкиваются русскоговорящие мигранты в процессе овладения языком, как ключевым аспектом их интеграции в принимающее общество в Словакии.

Ключевые слова: интеграция, овладение языком, русскоговорящие иммигранты, лингвокультурные факторы, Словацкая республика.

INFLUENCE OF LINGUACULTURAL FACTORS ON LEARNING SLOVAK BY RUSSIAN SPEAKERS

This paper examines the linguacultural factors that influence language acquisition by adult migrants. In the theoretical part, it presents the significance and consequences that proper acquisition of the language of the receiving society has on the integration of immigrants. The practical part explains what linguacultural factors Russian speaking immigrants encounter in language acquisition as a key aspect of their integration into the receiving society in Slovakia.

Key words: integration, language acquisition, Russian speaking immigrants, linguacultural factors, Slovak republic.

Овладение языком принимающей страны является главным условием интеграции иммигрантов. Интеграция – это длинный и сложный процесс встраивания иммигрантов в принимающее общество [1, с. 88–93]. В нашем случае статья исследует изучение языка автохтонного общества – словацкого языка. Научные исследования подтверждают, что встраивание иммигрантов является одним из важнейших условий успешной интеграции [2, с. 35]. Уровень владения языком влияет не только на интеграцию в принимающее общество, но и на фактическое трудоустройство или интеграцию на рынке труда [3, с.753–772].

Основным условием успешной интеграции, несомненно, является язык. Многие, не только европейские страны, требуют от иммигрантов знание языка принимающего общества для получения въездной визы, постоянного места жительства или гражданства [4, с. 3]. Фактическому получению гражданства предшествует экзамен по языку и культурно-историческим знаниям конкретной

принимающей страны. Из-за этого овладение языком является центральным элементом иммиграционной и интеграционной политики большинства европейских стран.

По мнению Гарсии, лингвистическая интеграция часто означает обеспечение того, чтобы мигранты говорили на языке конкретной страны, в которую они прибыли [5, с. 11–26]. В Словацкой Республике мигранты, получившие гражданство (чему предшествует языковой тест), могут активно участвовать в жизни общества не только экономически, но и политически.

Статья посвящена освоению словацкого языка русскоговорящими и лингвокультурным факторам, влияющим на это освоение.

По мнению экспертов, целью интеграции является «включение иностранцев в общество таким образом, чтобы через определенный период времени они перестали зависеть от поддержки государства, могли разбираться в правовой и политической системе страны, понимать и уважать ее культуру, обычаи, традиции и знать официальный язык членов автохтонного общества, составляющего большинство» [6, с. 329–332]. По этой причине целью данной статьи является изучение словацкого языка русскоговорящими иммигрантами. Используя анализ полу структурированных интервью с взрослыми иммигрантами, в статье будет освещен вопрос овладения русскоговорящими словацким языком и одновременно проанализированы лингвокультурные факторы, которые на него влияют.

Овладение языком принимающего общества

Интеграция – это двусторонний процесс, когда мигранты пытаются интегрироваться в принимающее общество, но важно, чтобы и сами мигранты были приняты обществом [7, с. 285–292]. Современная интеграционная политика западноевропейских стран основана на знании языка страны назначения мигрантов как основного условия успешной интеграции. Европейские страны используют знание национального языка как инструмент для разграничения мигрантов на тех, которых принимают и интегрируют, и тех, которых не принимают [5, с. 24]. Этот взаимный процесс ведет к улучшению социальной сплоченности и, по мнению сторонников миграции, имеет значительные положительные последствия не только для мигрантов, но и для принимающего общества [8].

Культурные аспекты интеграции мигрантов пересекаются с социальными, политическими и экономическими аспектами интеграции [9]. Они определяют экономический успех мигранта в принимающей стране и общую социальную интеграцию в автохтонное общество. К культурным аспектам успешной интеграции мигрантов мы относим один из основных аспектов интеграции, а именно владение языком. В дополнение к вышеупомянутому аспекту эта область включает в себя получение гражданства, сохранение или принятие культурных моделей принимающего общества [10] [11, с. 12].

В своих статистических данных Европейская комиссия выделяет наиболее влиятельные аспекты интеграции мигрантов, а именно занятость, образование и активное участие в жизни общества. Причины пробелов в интеграции мигрантов из третьих стран в основном связаны с неуспеваемостью в сфере образования, языковыми барьерами, дискриминацией, неравным доступом к занятости, достойному жилью и социальным услугам [12].

Лингвокультурные факторы

Как уже говорилось во введении к статье, на изучение языка принимающего общества влияют различные лингвокультурные факторы. Респонденты – иммигранты из России, Беларуси и Украины – жили и вели экономическую деятельность в Словацкой Республике более трех лет и имели общую черту – желание остаться в Словакии надолго или навсегда.

Анализ интервью показал, что знание исторической, геополитической ситуации в этих странах помогает нам понять биографию интервьюируемых. Сами респонденты положительно реагировали на знание автором исследования их страны и культуры, что значительно облегчало ход интервью. Знание русского языка, также помогало, если респонденты не понимали вопросов или испытывали трудности с пониманием контекста изучаемой проблемы и связанных с ней вопросов интервью.

Качественное исследование имеет свои ограничения, которые стали очевидны в ходе анализа полу структурированных интервью. В ходе анализа было открыто пространство для использования количественного исследования, которое станет продолжением завершеного исследования и может помочь охватить вопросы, в которых качественное исследование оказалось недостаточным.

Одним из основных условий успешной интеграции является владение языком родного общества. Овладение языком играет важную роль в различных аспектах интеграции. Увеличение числа мигрантов в составе рабочей силы оказывает положительное влияние на практические аспекты жизни, затрагивая не только культурные, но и экономические, особенно рынок труда, социологические и другие аспекты [13]. Вопросы были составлены таким образом, чтобы получить полное представление о подходе респондентов к овладению языком принимающего общества, а также о том, как государство помогает им в этом вопросе.

На вопрос о помощи государства в освоении языка словацкого общества респонденты единодушно ответили, что государство никак не помогает в освоении языка. Полиция по делам иностранцев, которая является первым контактом мигранта с государством, не предлагает никаких возможностей для изучения словацкого языка, равно как и курсов, организованных Международной организацией по миграции (МОМ) или государственными или частными языковыми школами. По сравнению с другими странами, в Германии государство предлагает интеграционные и профессиональные языковые курсы для мигрантов и беженцев под эгидой Федерального правительства по делам

миграции и беженцев (Федеральное правительство 2023). В Чешской Республике курсы чешского языка предоставляются региональными центрами интеграции иностранцев, которые в большинстве случаев бесплатны, так как финансируются из фондов ЕС, либо мигрант оплачивает определенный процент курса, а остальная часть покрывается из вышеупомянутых источников (Иностранцы 2023).

Что касается вопроса овладения языком самими респондентами, то из этого следует, что овладение языком автохтонного общества зависит от самого иммигранта. Каждый из респондентов подходил к изучению словацкого языка по-своему, но в большинстве случаев они повторяли курсы словацкого языка, но после прохождения нескольких уровней курсы для иностранцев перестали их устраивать. Причиной было то, что они овладевали словацким языком быстрее, чем мигранты из других стран, и поэтому перестали посещать языковые школы после окончания курсов. В качестве дополнительного обучения они упоминали чтение книг и журналов на словацком языке, просмотр телепередач на словацком языке, а также словацкие сериалы, которые смотрели в основном женщины, чтобы узнать обычаи общества, которые, по их мнению, были представлены в этих сериалах. Респонденты, нашедшие себе партнера из автохтонного общества Словакии, отметили наиболее значительное улучшение в овладении языком. Этому способствовало ежедневное общение с партнером, а также исправление произношения и грамматики с его стороны.

Особым случаем в освоении словацкого языка были респонденты, чьи дети либо родились в Словакии, либо начали посещать учебные заведения в Словакии. Ответы показывают, что особенно грамматически их словацкий язык улучшился сразу после того, как их дети поступили в учебные заведения. Их собственные дети начали их поправлять в разговорной речи, или родители делали с ними домашние задания на словацком языке.

Сами респонденты назвали владение словацким языком приоритетом для интеграции в общество, получения работы и, не в последнюю очередь для того, чтобы чувствовать себя принятым автохтонным обществом. Респонденты отметили важность знания словацкого языка не только со своей стороны, но и со стороны автохтонного общества. Сразу после демонстрации знания словацкого языка в поведении большинства общества произошел поворот к лучшему. Оглядываясь назад, респонденты отмечают улучшение поведения по отношению к ним со стороны властей или государственных учреждений сразу после улучшения их языковых навыков. Другим фактором, влияющим на восприятие этих конкретных событий, является постепенное принятие обычаев автохтонного общества, и их личное восприятие чиновников или полицейских обусловлено этой постепенной интеграцией в словацкое общество.

Напротив, в качестве трудностей в освоении словацкого языка они назвали акцент, долготу гласных, исключения и словарный запас. Акцент в словацком языке сложно повторить, и он порой затрудняет понимание речи собеседника. В случае акцента самой большой проблемой является избавление от русского

ударения, которое, в отличие от словацкого языка, является подвижным. Другой проблемой для респондентов является приобретение ударения на первом слоге, поскольку в словацком языке ударение отделяет слово. Еще одна проблема – количественная (длина носителей слога), а именно научиться произносить словацкие длительности или, наоборот, уметь различать длительность и ударение (на первом слоге).

Помимо ударения, в словацком языке существует категория длительности звука. Это когда на словацком языке, не делая на слоге ударение, не произнося его громче, выразительнее, сильнее, его необходимо произнести длиннее, протянуть. Этот навык дается русскоговорящим, изучающим словацкий язык, очень тяжело.

Самой большой проблемой для респондентов стали исключения в грамматических правилах (в словацком языке очень много исключений, дети заучивают их все 13 лет школьного обучения, и иностранцу сложно освоить их в сжатые сроки), с чем согласились все респонденты.

Последней проблемой в освоении словацкого языка был словарный запас. Многие респонденты осознают, какие ошибки они допускают при использовании словацкого языка. Особенностью работы со словарным запасом, на которую указывали респонденты – это использование русских слов вместо словацких. Из-за близости наших языков, принадлежащих к одной языковой группе, порой создается ложное впечатление, что можно использовать русское слово, которое на словацком языке звучит также и создает дополнительные трудности при изучении родственного языка.

Ни одному респонденту не было отказано в приеме на работу из-за недостаточного знания словацкого языка. Напротив, респонденты утверждали, что работодатели сами отмечали сходство языков и заверяли их, что они выучат словацкий в процессе работы. Некоторые работодатели компенсировали респондентам расходы на курсы словацкого языка.

Анализ полу структурированных интервью показал, что овладение языком влияет на различные аспекты интеграции русскоговорящих иммигрантов в Словакии. Поскольку интеграция – это двусторонний процесс, когда мигранты пытаются интегрироваться в принимающее общество, важно, чтобы и сами мигранты были приняты обществом.

В центре внимания статьи – русскоговорящие, проживающие в Словацкой Республике более трех лет и являющиеся экономически активными. В статье представлены лингвокультурные факторы интеграции русскоговорящих иммигрантов, проживающих в Словакии, с помощью анализа полу структурированных интервью. Одним из наиболее важных факторов является изучение языка. Именно на овладении языком основана сама интеграция. Государство никак не помогает иммигрантам изучить словацкий язык. Сами респонденты называют владение словацким языком приоритетом для интеграции в общество, трудоустройства и, что не менее важно, ощущения себя принятым в автохтонном обществе. В данной работе автор анализирует трудности, возникающие у русскоговорящих учащихся при освоении словацкого языка.

К числу этих проблем относятся фонологические особенности (различия в акцентуации, долготе гласных и согласных звуков), грамматические особенности (наличие исключений из правил, сложность морфологической системы) и лексические особенности. Анализ показал, что сами работодатели воспринимают родство языков, и ни один респондент не подвергался дискриминации на работе из-за незнания словацкого языка. Сами члены принимающего общества рассматривают овладение словацким языком как необходимость в процессе интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. BARŠOVÁ A., BARŠA P. 2005. *Přistěhovalectví a liberální stát*. Brno: Masarykova univerzita.
2. GOODMAN S. W. 2010. Integration Requirements for Integration's Sake? Identifying, Categorising and Comparing Civic Integration Policies. In: *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 36, n. 5, pp. 753-772. <https://doi.org/10.1080/13691831003764300>.
3. ŠTEFANČÍK R., LENČ J. 2012. *Mladí migranti v slovenskej spoločnosti. Medzinárodná migrácia, moslimovia, štát a verejná mienka*. Brno: Tribun EU.
4. EXTRAMIANA C.; PULINX R.; Van AVERMAET P. 2014. *Linguistic integration of adult migrants: Policy and practice draft re-port on the 3rd Council of Europe Survey*. Strasbourg, France: Council of Europe, 2014.
5. GARCÍA O. 2017. Problematizing linguistic integration of migrants: The role of translanguaging and language teachers. In: BEACCO J. C., KRUMM H. J., LITTLE D., THALGOTT P. (eds.): *The linguistic integration of adult migrants/L'intégration linguistique des migrants adultes*, P. 11-26.
6. ŠTEFANČÍK R. 2008. Integračná politika ako súčasť migračnej politiky na Slovensku. In: *Marta Goňcová a kol.: Evropa 21. storočie: rozmanitosť a soudržnosť?* Masarykova univerzita, Brno. S.329– 332.
7. LAURENTSYEVA N., VENTURINI A. 2017. The Social Integration of Immigrants and the Role of Policy – A Literature Review. In: *Review of European Economic Policy*, vol. 57., n. 5. P 285-292.
8. ALGAN Y., BISIN A., MANNING A., VERDIER T. (eds.) 2013. *Cultural integration of imigrant in Europe*. Oxford: Oxford Univ.Press, 2013.
9. KYMLICKA W. 1995. *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press.
10. PENNIX R. 2004. Integration of migrants. Economic, social, cultural and political dimensions. In: *Population Challenges and Policy Responses*. Dostupné na internete: https://www.researchgate.net/publication/254920820_%27Integration_of_migrants_Economic_social_cultural_and_political_dimensions%27_background_paper_for_the_European_Population_Forum_2004_%27Population_Challenges_and_Policy_Responses%27_12-14_January_Geneva_Pu.
11. KRIGLEROVÁ-GALLOVÁ E., KADLEČÍKOVÁ J., LAJČÁKOVÁ J. 2009. *Nový pohľad na staré problémy. Multikulturalizmus a kultúrna integrácia migrantov na Slovensku*. Bratislava: CVEK, s. 12.
12. Európska Komisia 2018. *Inclusion of non-EU migrants*. <<https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1274&langId=en>> [15. 9. 2023].
13. ALBA R., LOGAN J., LUTZ A., STULTS B. 2002. Only English by the third generation? Loss and preservation of the mother tongue among the grandchildren of contemporary immigrants. In: *Demography*, 2022, vol. 39, n. 3. P. 467-484.

УДК 371.321.2

Бочкарев Александр Александрович, кандидат философских наук
Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай
Электронная почта: dianyingquhua@163.com

Bochkarev Alexander, Candidate of Philosophical Sciences
Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China
e-mail: dianyingquhua@163.com

ПРОБЛЕМА ОТБОРА КЛЮЧЕВЫХ ТЕКСТОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

В статье рассматриваются различные аспекты трудностей отбора ключевых текстов русской культуры для практики преподавания РКИ, обсуждаются критерии такого отбора и оценивается важность включения в минимальный корпус культурно значимых текстов произведений классического русского кино и мультипликации.

Ключевые слова: ключевые тексты русской культуры, преподавание РКИ, критерии отбора, корпус текстов, культурная значимость, кино, мультипликация.

PROBLEM OF RUSSIAN CULTURE KEY TEXTS SELECTION IN TEACHING RUSSIAN AS SECOND LANGUAGE

The article discusses various problems arising during the selection of Russian culture key texts for teaching Russian as second language, selection criteria and underlining the importance of inclusion of classical Russian cinema and animation works in the minimal corpus of significant texts of Russian culture.

Key words: Russian culture key texts, teaching Russian as second language, selection criteria, text corpus, cultural significance, cinema, animation.

Практика преподавания РКИ в иноязычной аудитории явственно показывает, что барьер иностранной культуры оказывается одним из самых труднопреодолимых для учащихся вне зависимости от их возраста, целей обучения и условий процесса обучения. В программах преподавания русского как иностранного на языковых специальностях в иностранных вузах, как правило, существует блок нефилологических дисциплин, направленных на знакомство учащихся с русской культурой. В этот блок могут входить различные дисциплины с различным содержательным наполнением и различными названиями, такие как страноведение, лингвострановедение, лингвокультурология, основы русской культуры, история русской литературы и русского искусства, но во всех случаях этих дисциплин остро встаёт проблема отбора учебного материала. Мир русской культуры представляет собой огромное, фактически безграничное множество текстов различных форм бытования (коммуникативных, фольклорных, литературных, художественных), на основе которых учащиеся должны осваивать основные идеи, представления о мире, устойчивые модели поведения, ценностные установки и другие важные черты русской культуры. Но даже самые благоприятные условия преподавания русской культуры неизбежно ставят авторов учебных пособий, организаторов учебного процесса и

преподавателей-практиков перед задачей отбора необходимого минимума наиболее значимых, представительных и актуальных в плане формирования русской культуры текстов. Указанное множество текстов в русскоязычной научной практике получало различные названия: «сильных текстов» (В. А. Разумовская), «ключевых текстов» (М. А. Литовская), «ядерных текстов» и т.п., однако вопрос номинации в данном случае не имеет серьёзного влияния на понимание сути данного понятия.

К сожалению, в научном сообществе пока не существует внятного определения категории «ключевых текстов»; в имеющихся дефинициях обнаруживается отсутствие ясного критерия. Так, выделяемая в определениях Н. А. Кузьминой *«Такие тексты известны большинству представителей «своей» культуры, обладают высокой информационной энергией, осуществляют энергетический взаимообмен»* [3] и В. А. Разумовской *«Сильные» тексты... обладают высоким энергетическим потенциалом, ... постоянно отдают свою энергию читателям/зрителям и получают дополнительную энергию от читателей/зрителей, которая многократно усиливается вследствие возникающего информационного резонанса* [1] в качестве системообразующей категория «информационной энергии» нам представляется не вполне конкретной и не вполне приложимой к решению конкретной задачи отграничения «сильных» текстов от всех прочих.

Очевидно, что данные тексты должны отвечать трём требованиям: во-первых, это их **вневременной характер**, сохранение актуальности вне зависимости от периода создания. Во-вторых, это культурная значимость, что предполагает **узнаваемость** данных текстов для большей части носителей русской культуры. В-третьих, это **воспроизводимость** данных текстов в системе иных текстов и в речи носителей той или иной культуры. Мы убеждены, что ни одно из вышеприведённых требований не вызовет возражений ввиду их самоочевидности. Но на этом фоне на практике возникает противоречие с **доступностью** тех или иных ключевых текстов для иностранных учащихся и с **национальной спецификой** узнаваемости тех или иных текстов в иностранной среде. Очевидно, что при колоссальной значимости для русской культуры романов Ф. М. Достоевского или поэзии И. А. Бродского, иностранные учащиеся, даже на продвинутом этапе обучения, будут испытывать неизбежные трудности при их освоении. С другой стороны, известно, что в ходе диалога культур один из текстов, даже не являясь «ключевым» и не отвечая предъявляемым выше требованиям, при попадании в иноязычную культурную среду приобретает, зачастую случайным и необъяснимым образом, все черты «сильного текста». Так, в частности, самым узнаваемым русским кинотекстом в Китае является фильм И. Джендубаева «Он – дракон» (2015), а самым цитируемым русским стихотворением – «Если жизнь тебя обманет...» А. С. Пушкина. Указанные противоречия заметно усложняют обозначенную нами выше проблему отбора, которая, несмотря на оживлённую научную дискуссию вокруг данного вопроса, до сих пор весьма далека от решения.

Так, например, в среде преподавателей-практиков распространено во многом справедливое представление о том, что в систему ключевых текстов русской культуры должны входить обязательные для изучения тексты русской литературной классики. Но, например, в практике преподавания РКИ на языковых специальностях в вузах современной КНР на изучение курса «История русской литературы» отводится не более 72 учебных часов; в немалой части вузов данный курс изучается в гораздо более скромном объёме, зачастую на китайском языке, что приводит к необходимости минимизировать всё богатство классического наследия русской литературы до предельно сжатого несистематического набора фактов об авторстве наиболее значимых произведений, их принадлежности к тому или иному литературному направлению, той или иной эпохе. Но и в рамках столь сжатого курса по знакомству с историей русской литературы китайские студенты встречаются с огромным количеством языковых, страноведческих и культурологических трудностей, преодоление которых не предусмотрено ни учебными программами, ни скромными возможностями учебных программ и пособий. Более того, в современном Китае в последние годы резко растёт объем учащихся РКИ на нефилологических специальностях, для которых изучение основных текстов русской литературы не предусмотрено, что существенно затрудняет развитие их коммуникативных навыков, их последующую речевую адаптацию в инокультурной среде.

Ещё одним измерением указанной проблемы связана с тем, что преподавание РКИ предполагает не просто освоение условной суммы знаний русской культуры, но и **формирования осознанных представлений о сходствах русской и родной культуры**, умения выявлять и обсуждать такие проблемы. Даже самое поверхностное решение этой задачи по сопоставлению родной и иностранной культуры может стать мощным катализатором для развития коммуникативных компетенций учащихся, укрепления его речевой уверенности, однако пути к решению данной задачи также остаются неясными ввиду дефицита квалифицированных преподавателей, в равной степени владеющих представлениями о русской и родной для учащихся культурах.

Одним из возможных путей решения перечисленных выше проблем, как нам представляется, должно стать утверждение расширительного подхода к отбору доступного для освоения иностранными учащимися корпуса ключевых текстов русской культуры. Во-первых, в этот корпус необходимо активнее включать тексты детской русской литературы (стихотворения А. Л. Барто, сказки К. И. Чуковского, стихи С. В. Михалкова и С. Я. Маршака, прозу В. А. Осеевой и т.п.). Данные тексты являются своеобразными входными воротами в русскую культуру для её носителей, уровень их культурной значимости и огромной роли в формировании речевых умений, в речевой адаптации иноязычных учащихся является бесспорным, однако их представленность, например, в практике преподавания РКИ в китайских вузах является явно недостаточной; то же можно сказать и о теоретических изысканиях в русле методики преподавания РКИ.

Во-вторых, по нашему глубокому убеждению, явно недооценённой является роль классического русского кинематографа в практике преподавания РКИ. В последние годы в российском обществе происходит постепенная переоценка советского культурного наследия и складывается в целом положительное отношение к советскому кино как пласту русской культуры; в ряде российских вузов (например, в ГИРЯ им. А. С. Пушкина, в МГЛУ и др.) советская киноклассика органично интегрирована в программы обучения иностранных учащихся, однако, например, в вузах КНР гораздо большее внимание приковано к современному российскому кинематографу, имеющему гораздо более низкий уровень узнаваемости, цитируемости и влияние на формирование культурного кода. Мы исходим из убеждения, что кинотексты советской эпохи и по сей день обладают высочайшей актуальностью, являются источниками многочисленных прецедентных текстов, более того, многие из них (речь идёт о высококачественных экранизациях русской классики) в значительной степени облегчают знакомство иностранных учащихся с русской литературой.

В-третьих, крайне недооценённой в плане отбора ключевых текстов русской культуры остаётся классическая советская мультипликация. Данный пласт культуры уникален в том плане, что объединяет высокую степень узнаваемости и цитируемости, характерных для детской литературы, со значительной степенью доступности и удобства для внедрения в практику преподавания, характерных для кинотекстов. В отношении этого культурного пласта существует одно парадоксальное противоречие. В русскоязычной теории и методике преподавания РКИ культурная значимость и дидактическая ценность советского мультфильма не подвергается сомнению, напротив, в ней на основе многочисленных исследований сложился даже своеобразный уникальный «мультдискурс» [4, с. 109]. С другой стороны, в теории и практике преподавания РКИ в Китае практически не рассматривается даже сама возможность использования произведений классической русской мультипликации как учебных текстов, имеющих как языковой, так и культурный образовательный потенциал; общим местом является стигматизация мультфильма как чего-то детского, несерьёзного, содержательно неполноценного. Вместе с тем, наследие классической советской мультипликации уникально, во-первых, в плане высокой степени литературоцентричности, во-вторых, в плане высокой требовательности к воспитательному потенциалу содержания, в-третьих, в плане широчайшего тематического разнообразия: в нём обнаруживаются достаточно глубокие авторские высказывания на тему войны и мира, материального и духовного, гуманистического и антигуманистического, истинных и ложных ценностей. Огромный потенциал использования произведений классической русской кинематографии и мультипликации в преподавании РКИ, по нашему убеждению, должен стать даже не темой отдельных исследований, а полноценным самостоятельным научным направлением.

Отметим, что сниженное внимание специалистов по РКИ к произведениям советской детской литературы, кино и мультипликации во многом связано

с неоднозначным, зачастую необоснованно критическим и не всегда объективным отношением к советскому культурному наследию, бытующему в последние десятилетия в российском научном сообществе. Ещё одним препятствием к утверждению объективной значимости культурных текстов советского периода является переоценка их социально-политической обусловленности и порождённая ей идеологическая конфронтация в российской научной среде. Мы не можем принять таких обобщений современных исследователей: *«Содержание отечественного кино определялось отношениями социального порядка, диалектически вскрывая противостояние социум – личность – противоречия между творческой средой и государственными структурами»* [5, с. 29] или *«В мультфильмах СССР можно обнаружить идеологические установки, ретранслировавшиеся властью через своих агентов: художников, сценаристов, актёров, цензоров»* [6, с. 140]. Мы убеждены, что приобретение тем или иным произведения статуса ключевого текста национальной культуры не может быть обусловлено или девальвировано какими-либо социально-политическими обстоятельствами его появления и бытования. В этой связи мы призываем при оценке значимости тех или иных культурных текстов всемерно воздерживаться от впадения в крайности идеологизаторства и вульгарного социологизаторства, отделять политические пристрастия от признания объективного уровня высокой востребованности, актуальности и цитируемости того или иного текста.

Приведённые нами предложения, безусловно, не носят исчерпывающего характера. Отдельной серьёзной проблемой, требующей многостороннего и междисциплинарного рассмотрения, в частности, является проблема отбора русских песен, заслуживших статус ключевых текстов русской культуры. Аналогичные проблемы встают при отборе фольклорных текстов, поскольку в практике преподавания РКИ в различных странах могут встречаться, например, пословицы и поговорки, совершенно утратившие цитируемость в современной русской речи. Этот список можно продолжать, однако мы полагаем, что приоритетными в решении данных проблем должны стать описанные выше принцип единства узнаваемости и доступности, а также отказ от необоснованного ограничения корпуса ключевых текстов, признание необходимости расширительного подхода к его наполнению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разумовская В. А. «Сильный» русский текст в пространстве восточных культур // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч-практической конф. Иркутск, 6–8 декабря 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН ФНИСЦ РАН/. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 412–417.
2. Литовская М. А. Ключевые тексты русской литературы в программе преподавания русского языка как неродного // Вестник ТГГПУ, 2012, № 2. С. 68–71.
3. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: ОмГУ, 2009. 228 с.
4. Елистратов В. С., Потёмкина Е. В., Ружицкий И. В. Мультипликация как феномен русской культурной памяти: лингводидактические аспекты // Московский педагогический журнал. 2021. № 4. С. 108–116.

5. Лубашова Н. И., Лухтан А. С. Отечественное кино как сфера культурной коммуникации // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4. С. 28–29
6. Пироженко О. История в картинках: гендерные репрезентации в советской анимации // Гендерные исследования. 2004. № 12.

УДК 372.881.161.1:[374.7+371.3]

Сокольник Ольга Геннадьевна, старший преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *olgasokolnik77@gmail.com*

Sokolnik Olga, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *olgasokolnik77@gmail.com*

Айдын Мария Евгеньевна, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *masha.savitskaya@gmail.com*

Aydin Maria, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *masha.savitskaya@gmail.com*

АКТУАЛЬНОСТЬ И АУТЕНТИЧНОСТЬ ПРИ СОЗДАНИИ УЧЕБНЫХ ТЕКСТОВ

В статье описывается важность использования аутентичных материалов в процессе обучения РКИ на разных уровнях владения языком, а также их потенциал в развитии навыков диалогической, монологической и письменной речи.

Ключевые слова: аутентичные материалы; актуальность; изучение иностранного языка; коммуникативная компетенция; речевые нормы; виды речевой деятельности; мотивация; учебный текст.

THE ACTUALITY AND AUTHENTICITY IN THE CREATION OF THE STUDY MATERIALS

The importance of using authentic study materials at all levels of language proficiency is underlined in this article. The authentic study materials have great potential for development of dialogic and monologue speech, as well as written speech.

Key words: authentic materials; actuality; foreign language learning; communicative competence; speech norms; types of speech activity; motivation; educational text.

Обучение естественному современному иностранному языку возможно лишь при условии использования материалов, взятых из жизни носителей языка или составленных с учётом особенностей их культуры и менталитета в соответствии с принятыми и используемыми речевыми нормами. На наш взгляд, тексты используемые в учебном процессе, должны соответствовать этим условиям.

Следует рассматривать текст как необходимый элемент в учебном процессе, основу, отправную точку. Подчеркивая обучающую роль текстов, Т. М. Дридзе замечает: «Через тексты обучаемый приобщается к знаниям, со-

циальным ценностям и нормам, к разнообразным сведениям, накопленным людьми в ходе практической и теоретической деятельности, что важно ему для участия в социальной жизни, для совместной с другими людьми социальной деятельности; поэтому столь значимым является то, войдут ли полученные знания в картину мира, сформированную в сознании индивида» [1].

Говоря о материалах, используемых в учебно-методических пособиях, как правило имеют в виду так называемые учебные тексты. Существуют разные трактования термина учебный текст. Приведем одно из определений: учебный текст – это единица обучения текстовой деятельности, учебной текстовой коммуникации. Это текст, организованный в дидактических целях в смыслодержательном, языковом и композиционном отношении в единую систему, часть совокупной информации учебника, предназначенной для управляемого становления текстовой деятельности, на основе которой дается система знаний, прививаются умения и навыки людям определенной группы (возрастной, национальной и т.д.) на определенном этапе обучения [2]. Задача учебного текст не только предоставлять информацию, но и, прежде всего, выполнять обучающую функцию. Следовательно, он должен включать средства, благодаря которым деятельность учащегося мотивируется, стимулируется, программируется и реализуется, приводя, в конечном итоге, к достижению целей, поставленных в процессе обучения иностранному языку.

А. Р. Габидуллина [3] выделяет в учебном тексте когнитивную (онтологическую), гносеологическую (методологическую) и прагматическую разновидности информации. Онтологический (предметный) аспект знания соотносится с результатом познавательной деятельности, т. е. знанием, рассматриваемым с учетом его логического компонента. Гносеологический (методологический) аспект знания рассматривается как способ формирования новых понятий, обоснования и интерпретации основных и уточняющих понятий. В учебном тексте есть и прагматическая информация. Посредством нее автор «встраивает» в содержательный план речи разнообразные по своему характеру и сфере действия прагматические значения.

Традиционно тексты, используемые в учебниках и в учебно-методических пособиях делятся на собственно учебные и аутентичные. Учебные тексты – это искусственно созданные тексты, предназначенные для отработки конкретного лексического и грамматического материала. Т.е. они создаются специально для конкретной методической цели. Особенность такого учебного текста заключается в том, что он ограничивается «учебным языком», то есть языком, отобранным определенным образом (в соответствии с целевой установкой) и минимизированным, т.е. «освобожденным» от несущественных и второстепенных для данных целей обучения черт. Аутентичные же тексты обычно взяты из оригинальных источников, характеризуются естественностью лексического наполнения и грамматических форм, ситуативной адекватностью языковых форм. Изначально они не предназначены специально для учебных целей, но могут быть использованы при обучении.

Несомненно, при работе с текстом важна предтекстовая работа, снятие лексических и грамматических трудностей, отработка грамматических конструкций. Но, на наш взгляд, ключевыми характеристиками для успешного усвоения материала являются актуальность и аутентичность. Актуальность – это характеристика информации, которая определяет ее релевантность и соответствие текущему времени или контексту. Она описывает степень, в которой информация является свежей, современной и применимой к конкретной ситуации или задаче. Так, например, работая с текстами, где встречаются неактуальные реалии (магнитофоны, кассеты, и т.д.), слушатели теряют интерес и мотивацию, не понимают, зачем им нужно это читать и запоминать, не видят смысла.

Основной критерий аутентичности – функциональность, т.е. ориентированность на использование в жизни, на создание иллюзии приобщения к естественной языковой среде, что является главным фактором в успешном овладении иностранным языком. Работа над функционально аутентичным материалом приближает учащегося к реальным условиям употребления языка, знакомит его с разнообразными лингвистическими средствами и готовит его к самостоятельному употреблению этих средств в речи.

Источником аутентичных материалов могут быть: билеты (в театр, на концерт, в музей, и т.д.), рекламные проспекты, объявления, меню, инструкции, чеки из магазина, различные указатели, знаки, и т.д.

Деление текстов на аутентичные и учебные представляется слишком условным. И некоторые авторы [4] предлагают расширить эту классификацию и выделяют следующие виды текстов:

- полуаутентичные тексты
- отредактированные аутентичные
- приспособленные аутентичные
- тексты, приближенные к аутентичным
- учебно-аутентичные.

Для простоты условно разделим все тексты на:

- полностью аутентичные
- полуаутентичные
- собственно учебные, т.е. специально созданные для учебного процесса.

Есть мнение, что аутентичные тексты целесообразно использовать на высоких уровнях обучения. Но мы уверены, что для таких текстов есть место и на начальных этапах обучения. Например, можно эффективно использовать мелкие формы аутентичных материалов, такие как чеки, билеты, указатели, рекламы, и т.д.

Рассмотрим на примерах, как мы используем разные тексты в нашем пособии по русскому языку как иностранному для уровня А2.

1. Полностью аутентичные. На этом уровне владения языком можно использовать знаки, билеты, рекламные объявления, вывески, дорожные указатели. Такие материалы вполне можно применять без корректировки, выбор огромный, и всегда можно подобрать что-то привлекающее внимание.

2. Полуаутентичные. Так, в одном из уроков мы предлагаем 4 реальные афиши мероприятий, которые проходили в Минске: спортивная трансляция, экскурсия по барам города, мастер-класс по приготовлению блюд, лекция психолога. В эти афиши были внесены небольшие корректировки, мы убрали, не изменяя смысла, несколько предложений, грамматические конструкции которых слишком сложны для понимания на данном уровне владения языком. Использование такой информации соответствует реальным потребностям учащихся, заинтересовывает и побуждает к продуцированию диалогической и монологической речи. На основе этих материалов можно предложить различные задания:

- на развитие диалогической речи: убедите партнёра пойти на мероприятие, которое вы выбрали. Объясните ему, почему там будет интересно. Приведите аргументы.

- на развитие монологической речи: расскажите, какое мероприятие вы собираетесь посетить. Прокомментируйте ваш выбор. Вы часто посещаете такие мероприятия?

- на развитие навыков письменной речи: напишите электронное письмо другу и пригласите его на одно из предложенных мероприятий. Сообщите детали встречи.

Также можно предложить задания для индивидуальной работы или работы в парах или в группах. Например, найти информацию в интернете о том, какие мероприятия будут проходить в Минске на этой неделе, выбрать самые интересные варианты, описать их, объяснить, почему их будет интересно посетить.

В этом же задании представлены и полностью аутентичные, т.е. не редактированные тексты – афиши, к которым нужно самим написать комментарии.

Кроме потенциала для развития навыков коммуникативной компетенции, аутентичные материалы, представленные в малых формах, можно использовать и для введения лексических единиц или грамматических конструкций даже на самых начальных этапах обучения.

3. Собственно учебные. К этой категории относятся тексты, созданные специально для учебного пособия с целью отработать лексику и грамматический материал урока. Надо отметить, что при создании собственно учебных текстов мы также придерживаемся критерия актуальности, стараясь выбирать важные, наиболее соответствующие настоящему моменту темы. Ситуация и используемые лексика и грамматические конструкции максимально приближены к реальной жизни. В качестве примера приведем диалог-разговор о заказе и доставке торта. Текст «Пандемия» был также написан авторами специально для учебного пособия. Здесь реализуется критерий актуальности. Все помнят, насколько важной эта тема была пару лет назад, а для многих остается таковой и сейчас. Для многих людей это событие кардинально изменило жизнь. Так что этот текст вызывает большой интерес и провоцирует учащихся на обсуждение и дискуссии. Еще одним примером является интервью с итальянским дипломатом, которое наша коллега провела в реальности. Конечно, мы подобрали вопросы, соответствующие отрабатываемым в этом уроке грамматическим

конструкциям. Ответы дипломата тоже были немного отредактированы. Но это интервью вызывает живой интерес, там речь идёт о реальных событиях, местах в Минске, которые все знают.

Таким образом, аутентичные материалы представляют собой образец того языка, которым пользуются его носители в общении друг с другом, использование аутентичных материалов позволяет воссоздать иноязычную среду на уроке, звучащая иноязычная речь демонстрирует нормы аутентичного речевого поведения, понимание иноязычной речи даёт учащимся особое чувство удовлетворения и способствует повышению их мотивации, облегчает усвоение грамматических конструкций и новой лексики, а также повышает эффективность работы как преподавателя, так и обучающихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука, 1984. 240 с.
2. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 130 с.
3. Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс. Горловка: ГГПИИЯ, 2009. 160 с.
4. Scarella R.C., Oxford R.L. The Tapestry of Language learning.-Boston, 2000.

УДК 378.14

Васючкова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, доцент
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: vasvolha@gmail.com

Vasuchkova Olga, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: vasvolha@gmail.com

Ковалёнок Татьяна Васильевна, студент
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: kovalionaktv@bsu.by

Kavalionak Tatiana, Student
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: kovalionaktv@bsu.by

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВНЕАУДИТОРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ВУЗЕ

В статье речь идет о проведении тематических викторин на иностранном языке, посвященных значимым страницам истории белорусского народа, как одной из форм внеаудиторной воспитательной работы со студентами. Подчеркивается важная роль подобных мероприятий на современном этапе развития высшей школы.

Ключевые слова: тематическая викторина; электронная образовательная среда; внеаудиторная работа; патриотическое воспитание; компетенции; самосознание; познавательная деятельность.

EDUCATIVE POTENTIAL
OF UNIVERSITY EXTRACURRICULAR ACTIVITIES

The article deals with students' upbringing using one of the forms of extracurricular activities – thematic quizzes devoted to memorable events in the history of the Belarusian state. Significance of educative events at higher educational institutions at the present stage of social development is stressed.

Key words: thematic quiz; e-learning environment; extracurricular activities; patriotic education; competences; self-awareness; cognitive activity.

На современном этапе развития высшей школы наряду с учебным процессом большое внимание уделяется процессу воспитательному. Задача преподавателей – средствами своего предмета способствовать реализации воспитательной функции обучения, изыскивая приемлемые формы и виды работы. Что касается такого предмета вузовской программы, как «иностраный язык», то обширным полем для проведения мероприятий воспитательного характера является внеаудиторная работа, чем активно пользуются преподаватели кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. В рамках ежегодно проводимой «Недели иностранного языка» была апробирована целая палитра учебно-воспитательных мероприятий, приуроченных к государственным праздникам, памятным датам, соответствующих идеологическому вектору развития страны на текущий период. Авторы настоящей статьи убеждены, что лучшим воспитательным средством является обращение к национальным истокам, традициям, истории и культуре своего народа. В этой связи мы поделимся опытом проведения тематических викторин на иностранном языке, которые уже стали доброй традицией и чей воспитательный потенциал трудно переоценить.

Прежде всего следует отметить онлайн формат проведения викторин на образовательном портале БГУ, на платформе Moodle. Подобный формат выбран не случайно: студенты не ограничены жесткими временными рамками выполнения задания, они свободно ориентируются в электронной образовательной среде, им привычна техника множественного выбора, тем самым создаются максимально комфортные условия для решения поставленной задачи.

Как уже отмечалось выше, викторины являются тематическими, мы остановимся на двух из них: “*They Make the Glory of the Belarusian Nation*” ‘Они составляют гордость белорусской нации’ и “*Heroic Deeds of the Belarusian People during the Great Patriotic War*” ‘Героизм белорусского народа во время Великой Отечественной войны’.

Первая из названных викторин проходила в *Год исторической памяти*, провозглашенный в Республике Беларусь (2023). Предметом обсуждения

Watch a famous performance of the Belarusian gymnast Olga Korbut, four-time Olympic champion at the Summer Olympic Games in 1972 in Munich. She was called " ___ " after her successful performance; the film with the same title being made.

Выберите один ответ:

- a. Miracle of Gymnastics
- b. Miracle with Pigtails
- c. Little Gymnast

Рисунок 2 – Вопрос викторины «Гордость белорусской нации»

Небезынтересно отметить, что зачастую к поиску ответов на поставленные вопросы подключаются, по словам студентов, все члены семьи, так что помимо познавательной, нравственной, патриотической составляющей, присоединяется еще такой ценностный компонент, как сплочение семьи.

В этом году в связи с празднованием 80-ой годовщины освобождения Беларуси от фашистских захватчиков авторами данной статьи подготовлена тематическая викторина на английском языке, посвященная этой памятной дате. Полагаем, нет необходимости обосновывать острогу и актуальность данной темы для воспитания патриотизма подрастающего поколения в контексте многочисленных попыток переписать историю Великой Отечественной войны. Именно Беларусь приняла на себя первый удар мощной гитлеровской военной машины и проявила истинный героизм и силу духа, отстаивая каждую пядь родной земли. Подвиг белорусского народа бессмертен, погиб каждый третий житель нашей страны. О страшных злодеяниях, творимых на территории оккупированной Белоруссии, и беспрецедентном сопротивлении написано множество книг и снято фильмов. Об этом помнит и знает старшее поколение, но молодежи далеко не все известно и ясно. Не без основания считаем, что факты, события, цифры, приведенные в викторине, красноречиво свидетельствуют о правде прошедшей войны и помогут студентам правильно расставить акценты при оценке событий восьмидесятилетней давности. Приведем некоторые примеры. В начале

викторины звучит фрагмент из песни «Священная война» (А. А. Александров В. И. Лебедев-Кумач), которая стала гимном Великой Отечественной войны. Как и в предыдущей викторине, все вопросы сопровождаются фотографиями героев фронта, подполья, партизан-ского движения, памятников, картин, книг, посвященных подвигу народа. На рисунке 3 – один из вопросов по данной теме: ‘Операция по ликвидации гауляйтера Вильгельма Кубе стала одной из ярких страниц в истории минского сопротивления. Годы спустя эта история стала основой для известного советского фильма __, первого фильма о героях подпольного сопротивления в Минске’. Варианты ответов: а. ‘Освобождение’, б. ‘Часы остановились в полночь’, с. ‘Щит и меч’, d. ‘Они сражались за Родину’.

Europe's biggest urban anti-Nazi underground resistance movement during the Great Patriotic War was in Minsk. The operation to liquidate gauleiter Wilhelm Kube became one of the glorious pages in the history of Minsk resistance. Years later this story became the basis for the well-known Soviet film ..., the first movie about the heroes of the underground resistance in Minsk.

Выберите один ответ:

- a. Liberation
- b. Clock Stopped at Midnight
- c. Shield and Sword
- d. They Fought for Their Homeland

Рисунок 3 – Вопрос викторины «Героизм белорусского народа во время Великой Отечественной войны»

Помимо фактологического, студенты также получают обширный языковой материал, с помощью которого смогут общаться со своими зарубежными сверстниками, обсуждая военную тему.

Прокомментировав содержательную сторону викторин, перейдем к их учебно-педагогической составляющей. Не следует считать, что мероприятие такого формата носит чисто ознакомительный или же развлекательный характер. Помимо мощного идейно-патриотического заряда, при решении поставленной задачи развивается целый ряд учебных и личностных компетенций: способность к самостоятельному поиску и готовность к принятию самостоя-

тельных решений, умение применять фоновые знания, умение работать в команде, практически применять навыки устной и письменной иноязычной коммуникации. В этом виде работы педагог ставит конкретные цели по отношению к самореализации студента: развитие лингвострановедческих знаний, формирование лексической компетенции через адекватный отбор лексического материала, порождение самостоятельных высказываний в контексте реального иноязычного общения, вовлечение студентов в создание самостоятельного образовательного и коммуникативного продукта. При этом у студентов свое целеполагание: активизация лексического материала по обсуждаемой теме, реанимация фоновых знаний, определение трудностей, связанных с применением имеющихся знаний в новой речевой ситуации, активизация умения работать с техникой множественного выбора, определение источников поиска и извлечения необходимой информации для успешного выполнения тематической викторины.

Для обеспечения результативности выполнения задания со стороны преподавателя в качестве подготовительного этапа целесообразно предоставление языковой поддержки, так называемый *Scaffolding* ‘строительные леса’, чтобы обеспечить лексическую базу для перевода специфических объектов на иностранный язык, выделить необходимый культурологический материал.

В заключение хотелось бы отметить, что тематические викторины, проводимые на иностранном языке, являются весьма успешным образцом задания, в ходе выполнения которого развиваются академические и социальные компетенции, реализуются межпредметные связи. Подобный формат работы пригоден для аудиторной, но в большей степени для внеаудиторной работы как образец патриотического воспитания молодого гражданина своей страны средствами преподаваемого предмета.

УДК 378.14+811.161.1'42-25

Федорович Николай Николаевич, старший преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: fedorovichnicolas@gmail.com

Fedorovich Nikolai, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: fedorovichnicolas@gmail.com

РОЛЬ ЧТЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГОВОРЕНИЮ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассматривается взаимосвязь между техникой чтения и уровнем развития речевых навыков студентов на начальном этапе обучения. Результаты прове-

денных экспериментов подтверждают значительную роль чтения в процессе обучения речи: уровень развития речевых навыков абсолютно точно коррелирует с качеством техники чтения. Наиболее подготовленные студенты способны охватывать большую часть прочитываемого текста, прогнозируя дальнейшее построение фразы, тогда как внимание слабых студентов сконцентрировано на прочтении слов каждого в отдельности без установления смысловых связей между ними. Сделаны выводы о роли чтения при обучении говорению на начальном этапе.

Ключевые слова: ознакомительное, изучающее, просмотровое и поисковое чтение, синтаксические конструкции предложения, неосознанное восприятие изучаемого материала.

THE ROLE OF READING IN TEACHING SPEAKING AT THE INITIAL STAGE

This article examines the relationship between reading technique and the level of development of students' speech skills at the initial stage of education. The results of the experiments confirm the significant role of reading in the process of learning speech: the level of development of speech skills absolutely accurately correlated with the quality of reading technique. The most prepared students were able to cover most of the text being read, predicting the further construction of the phrase, while the attention of the weaker students was concentrated on reading each word separately without establishing semantic connections between them. Conclusions are drawn about the role of reading in teaching speaking at the initial stage.

Key words: introductory, studying, viewing and search reading, syntactic constructions of sentences, unconscious perception of the material being studied.

Многолетний опыт работы с иностранными студентами первого курса показывает, что одной из самых трудновыполнимых задач является обучение говорению. Согласно расписанию учебных занятий на изучение языка отводится 20 часов в неделю. 4 из них занимает практическая фонетика, 8 – коммуникативная грамматика и 8 – практика устной и письменной речи. Не сложно представить, сколько времени остается у преподавателя для индивидуального контакта с каждым студентом, тем более в большой группе.

Кроме этого, заметен существенный дисбаланс в объеме получаемых знаний по грамматике русского языка и умением реализовать обретенные навыки в речевом общении. Студенты хорошо усваивают довольно сложные аспекты коммуникативной грамматики, успешно справляются с контрольными тестами. На первый взгляд создается впечатление, что необходимые навыки сформированы, доведены до автоматизма. Но это представление разрушается, как только студенты начинают делать устные высказывания. Разрыв между теорией и практикой становится очевиден.

Ситуация усугубляется еще и крайне низкой мотивацией студентов развивать речевые навыки. Собственно говоря, общение на изучаемом языке происходит только в учебное время. В процессе повседневного общения в аудитории студенты усваивают основные формы приветствия, прощания, выражения благодарности, ответа на благодарность, они знают минимум слов и выражений речевого этикета. Иногда делают небольшие сообщения в групповом чате, отвечают на вопросы в нем.

Но после занятий студенты общаются между собой только на родном языке. Языковая среда не оказывает на них почти никакого воздействия. Они не читают книг на русском языке, не смотрят фильмы, их круг общения очень ограничен, контент соцсетей, который их интересует, только на родном языке. Даже на занятиях, где есть возможность воспринимать русскую речь на слух, слабые студенты и вовсе включают специальные приложения, установленные в мобильных телефонах, которые синхронно переводят русскую речь на их родной язык. В таких условиях сложно рассчитывать на успешное овладение речью на изучаемом языке.

Одним из эффективных способов решения этой проблемы является чтение. Возможность развития речевых навыков на базе чтения никогда не вызывала сомнений ни у методистов-теоретиков, ни у преподавателей-практиков. Однако нужно отметить, что обучение речевым навыкам на базе чтения обычно проводится на продвинутом этапе, когда обучающиеся могут свободно читать текст, понимать его содержание, анализировать и интерпретировать его.

В зависимости от задач, которые ставятся перед прочтением текстов, различают ознакомительное, изучающее, просмотровое и поисковое чтение. Каждый из перечисленных видов чтения подразумевает определенный объем извлекаемой из текста информации, определенную скорость и способ его извлечения, а также способность прочитавшего поделиться полученной информацией или интерпретировать ее. Совершенно очевидно, что многие из этих задач окажутся очень сложными для обучающихся на начальном этапе.

Зачастую у многих студентов очень слабая или вовсе отсутствует техника чтения. Им трудно произносить слова вслух. Они не способны быстро распознать конструкцию предложения и установить связи между его частями. Обычно чтение является простым проговариванием отдельно взятого слова из читаемого текста, без осознания и понимания общего содержания. В таких условиях ознакомительное, изучающее, просмотровое и поисковое чтение возможно лишь с очень простыми и небольшими по объему текстами. Такие тексты можно найти в имеющихся пособиях для обучения чтению на начальном этапе, но нужно признать, что их содержание вряд ли способно мотивировать у студентов интерес к его изучению и обсуждению. А без должной мотивации сложно рассчитывать на достижение хороших результатов. Более сложные тексты, создают непреодолимые препятствия в понимании и, как следствие, являются абсолютно непригодными для их обсуждения и анализа. Где же искать выход в сложившейся ситуации?

Для начала нужно выделить причины имеющихся проблем и определить способы их решения.

К числу имеющихся проблем можно отнести следующие:

- 1) ограниченный словарный запас,
- 2) плохое представление о конструкциях простого и сложного предложения,

3) плохое представление о способах выражения причинно-следственных, временных, определительных и уступительных отношений в простом и сложном предложении,

4) плохое представление о неопределенно-личных и безличных предложениях и случаях их использования,

5) ограниченный объем экспрессивно окрашенной лексики, вводных конструкций, междометий и т.д.

Указанный выше перечень проблем не включает проблемы, связанные с грамматикой, такие как склонение, согласование в роде и числе, согласование субъекта и предиката, спряжение глаголов. Грамматические ошибки неизбежны на начальном этапе, но они не всегда препятствуют процессу коммуникации. Со временем их число постепенно сокращается. А вот решению перечисленных выше проблем очень помогает работа с текстами. Правда, она существенно отличается от традиционных видов работ с ними.

На этом этапе тексты являются, прежде всего, иллюстрацией употребления слов и синтаксических конструкций в контексте. Это значительно облегчает понимание значения новых слов, способствует их запоминанию и правильному использованию в речи. Кроме того, из текста преподаватель извлекает интересные обучающую аудиторию конструкции предложений, речевые обороты, фразеологизмы, вводные слова и выражения, экспрессивные междометия, которые делают речь более естественной, придают ей различные стилистические оттенки. Иногда одна хорошо усвоенная продуктивная синтаксическая конструкция может стать речевым шаблоном, который затем служит основой построения большого числа новых высказываний путем заполнения усвоенной конструкции другими словами.

Примерами отбираемого в тексте материала могут быть:

1. различные вводные слова и выражения, выражающие отношение говорящего к тому, что он говорит:

- к счастью, к сожалению, как ни странно, к моему удивлению;
- прежде всего, кроме того, плюс ко всему, наконец, более того
- конечно, безусловно, естественно, разумеется, вне всяких сомнений, чего бы мне это ни стоило;

- что ни говори, хочешь не хочешь, хоть убей и др.

2) экспрессивно окрашенные реплики:

- вот это да, ничего себе, ух ты, эх ты, ещё бы, а как же, кто бы сомневался, как бы не так, держи карман шире, черт возьми и пр.

3. примеры предложений со смысловым субъектом в родительном, дательном и винительном падежах:

- У нас было много времени. У нас совсем не было времени
- Мне не о чем с вами говорить. Ему там жилось очень хорошо. Ей было не по себе. Его знобит. Меня тошнит от всего.

4) примеры трансформаций активных конструкций в пассивные:

Я готовлю обед – Обед готовится. Мы всё сделали – Всё сделано.

5) побудительные выражения:

Поехали! Давай! Вперед! Валяй! Смелее! Не бойся! Где наша ни пропадала! Была не была! Будь что будет.

Разумеется, невозможно в конкретном списке отобразить все богатство языковых средств. Нам просто хотелось показать лишь часть лексического и синтаксического материала, который чаще всего совсем не представлен в разделе грамматики и не упоминается в учебниках речевой практики на начальном этапе. И только опыт преподавателя может позволить подобрать тексты с подобным лексическим материалом и вычленив его. После этого необходимо подготовить специальные упражнения, в которых отрабатывается правильное употребление извлеченного материала. Студенты практикуются в его использовании, участвуя в диалогах, делая небольшие монологические высказывания, моделируют речевые ситуации, в которых им потребуется применить полученные речевые навыки.

Помимо этого и сам процесс чтения, произношение правильных грамматических форм в предложении способствует развитию речевых навыков на подсознательном уровне. Пусть пассивно и порой даже не с полным пониманием прочитанного, тем не менее, студенты проговаривают правильные формы слов в сочетании с предлогами, с учетом глагольного управления, подчинительных связей, они видят, как используются союзы в сложных предложениях, как устанавливаются связи между частями сложного предложения. Любой текст в подобных случаях является своего рода моделью правильной речи. И чем больше будет массив таких текстов, пропущенных через сознание и артикуляционный аппарат, тем лучше будет техника чтения, тем больше будет объем активной и пассивной лексики, тем быстрее и легче будет осуществлен переход к правильной речи. Практика преподавания иностранного языка показывает, что уровень техники чтения четко коррелирует с уровнем развития речевых навыков. И чаще всего именно техника чтения является стимулом улучшения речи, а не наоборот.

Опыт преподавания и изучения иностранных языков доказывает, что далеко не все навыки можно смоделировать и отработать в упражнениях. Значительная часть речевых навыков формируется неосознанно в процессе чтения большого массива текстов, восприятия на слух большого объема информации. Очень часто память и подсознание обучаемого преподносит неожиданные приятные сюрпризы, выдавая из глубин своих запасников неосознанно усвоенные слова, конструкции и устойчивые выражения. Для получения подобного эффекта требуется достаточно много времени и большой объем текстового материала, что лишь подтверждает большое значение чтения в процессе обучения говорению.

УДК 811.161.1'367.625:378.147(045)

Жизневская Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *jiznev-ol@rambler.ru*

Zhyzneuskaya Volha, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *jiznev-ol@rambler.ru*

Яковлева Ангелина Сергеевна, студент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *angelin.yakovleva@gmail.com*

Yakauleva Anhelina, Student
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *angelin.yakovleva@gmail.com*

РУССКИЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЛИВАЛЕНТНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Актуальность темы исследования обусловлена важностью точного употребления глагольных конструкций как в речи носителей языка, так и в речи иностранцев, поскольку неверное использование данных единиц ведет к искажению общего смысла высказывания.

Ключевые слова: глагол; глагольное управление; глаголы с поливалентным управлением; обучение иностранным языкам; русский язык как иностранный.

LINGUODIDACTIC ASPECTS OF RUSSIAN VERBS WITH POLYVALENT GOVERNMENT

The research relevance is determined by the importance of precise use of verb constructions both in the speech of native speakers and in the speech of foreigners, since incorrect use of these units leads to a distortion of the general meaning of the statement.

Key words: verb; verb government; verbs with polyvalent government; foreign languages teaching; Russian as a foreign language.

Многозначные, или поливалентные, глаголы создают трудности при обучении русскому языку как иностранному. Инофоны часто допускают ошибки, связанные с неправильным выбором глагольных конструкций. Такие ошибки многочисленны и встречаются не только в речи учащихся среднего уровня, но среди тех, кто владеет русским языком на высоком уровне.

Главным компонентом глагольно-именной конструкции является глагол, а зависимым – падежная форма существительного, с предлогом или без него. Учитывая семантику предложно-падежных форм, можно выявить определенные синтаксические закономерности в употреблении разных падежей существительного без предлога на основании значений падежей и существительного с предлогом на основании значений падежей и самих предлогов.

Изучение глагольного управления может оказаться более сложным, чем другие аспекты русской грамматики. В процессе обучения иностранному языку необходимо учитывать взаимосвязи между лексическими и грамматическими явлениями, влияющими на чистоту речи. Следовательно, формирование навыков употребления глагольно-именных конструкций должно опираться на лексические и грамматические факторы. В процессе обучения иностранцев такой части речи как глагол может возникнуть ряд ошибок, обусловленных следующими трудностями.

1. Трудностями грамматического характера: ошибочное образование форм зависимого компонента, глагола или предлога в словосочетании. Например: *скажите, какая социальная работа вы уже сделали.*

2. Трудностями лексического характера: употребление компонентов словосочетания в не соответствующих контексту значениях и несоблюдение норм лексической сочетаемости. Например: *соседи не берут внимания на мои просьбы.*

3. Трудностями лексико-грамматического характера: нарушения в выборе предлога, например, *он хорошо соответствует с нашим университетом*; нарушения в структуре словосочетания, например, *он не обращает на мои замечания* [1, с. 11].

Немаловажную роль в усвоении глагольного управления играет структурно оформленный теоретический материал, без которого невозможно сформировать четкое представление о поливалентных глаголах, так как данная группа глаголов включает в себе трудности не только в запоминании глагольного управления, но и в понимании значений глагола в зависимости от глагольно-именной конструкции.

Опираясь на сказанное выше, мы хотим предложить авторский комплекс упражнений, разработанных для отработки глагола *жалеть*. Упражнения рассчитаны на инофонов уровня В2 и выше.

Глагол *жалеть* является поливалентным и может образовывать следующие глагольно-именные конструкции:

1. *Жалеть кого/что?*
2. *Жалеть о чем?*
3. *Жалеть чего?*

Для семантизации нового грамматического и лексического материала мы использовали прием наглядности. Таким образом, для каждого значения глагола в зависимости от его управления дается картинка, которая может лучше всего охарактеризовать действие, выполняемое глаголом с определенным зависимым словом. Для каждой разновидности управления было приведено пояснение в употреблении в речи.

Для тренировки нового материала подходят любые виды языковых упражнений. В качестве первичной отработки глагольного управления нами

была выбрана подстановочная таблица. Данный вид упражнений может быть использован для тренировки склонения существительных. С помощью него отрабатывается не только значение глагола, но и форма зависимых от него слова или словосочетания.

Упражнение 1. Составьте словосочетания и с учетом падежной формы зависимого компонента распределите их по колонкам.

<i>Жалеть + Р.п.</i>	<i>Жалеть + В.п.</i>	<i>Жалеть + П.п</i>

Заработанные деньги, бродячий котенок, милая собака, упущенный шанс, прошедшая любовь, потраченное время, несбыточная мечта, несбывшееся желание, плачущий ребенок, затраченные силы, больной человек, неправильное решение, лишняя копейка, дорогая покупка, свои игрушки.

Для углубления в контекст применения глаголов с поливалентным управлением мы предлагаем использовать языковое трансформационное упражнения с раскрытием скобок и изменением формы зависимого слова.

Упражнение 2. Раскройте скобки, употребляя слова в нужной форме с предлогом или без него.

1. *А вот (специи) жалеть не надо: обязательно добавь побольше молотого перца для аромата.* 2. *Что с ней будет, посуди сама... – Надо жалеть (себя). Во что превратится твоя жизнь...* 3. *В такие минуты Женя не знала, (кто) ей следует больше жалеть: (бабушка, обломавшая свою бедную психику), или (тетя Тома).* 4. *Знаете, я никогда в жизни, как бы все ни сложилось, не буду жалеть (этот ночной разговор с вами).* 5. *Я, Андрюша, (животные) стал жалеть на старости лет.* 6. *Нельзя жалеть (силы) на достижение цели. Потом вернется вдвойне.* 7. *Никогда не надо жалеть (время на разговоры с родными).* 8. *Запомнив со школьных лет фразу Ромена Роллана: «Лучше жалеть (то), что пошел, чем (то), что не пошел», я всегда охотно поддавался искушению разного рода мифов и легенд.* 9. *Главное, что Вы (это) не жалеете и умеете найти плюс, ибо жалеть (совершенные поступки) подобно саморазрушению.* 10. *Впрочем, поздно было жалеть (спички) – нужно было срочно развести костер и согреться [2].*

Цель комплекса упражнений – тренировка поливалентных глаголов и активизация их в речи, поэтому следующими упражнениями, которые могут подготовить иностранцев к использованию речевых конструкций, будут условно-речевые. Чтобы показать ситуативное использование поливалентного управления, нами предложено условно-речевое подстановочное упражнение, в котором, исходя из заданной ситуации, необходимо завершить фразы.

Упражнение 3. Закончите предложения, используя слова в скобках.

1. Максим рос очень чутким мальчиком: ... (детство, игрушки, животные, младшие ребята).
2. Чтобы добиться успеха, ... (нельзя, деньги, время, силы).
3. В последнее время Катя была в подавленном настроении, потому что ... (ссора, молодой человек, сказанные слова, неконтролируемые эмоции).
4. Нужно разумно подходить к выбору специальности и университета, чтобы ... (неправильное решение, проблемы, потраченное время).
5. Чтобы ребенок был нежадным, нужно ... (научить, игрушки, одежда, еда, другие дети).

Заключительным этапом комплекса упражнений являются речевые упражнения, что отражает коммуникативный подход в обучении иностранным языкам. Осуществлять активизацию грамматического материала мы предлагаем с помощью разработанных нами рубрик «Это интересно!», в которой отражаются языковые и культурные особенности изучаемого материала, и «Поговорим», побуждающую инофонов к размышлению и высказыванию собственного мнения. Открытый ответ помогает дать направление для развития монологического высказывания и подтолкнуть иностранцев к ведению диалога либо дискуссии. Тексты в рубрике «Это интересно!» отобраны с учетом актуальности информации с целью вызвать интерес инофонов к дальнейшему изучению русского языка.

Это интересно!

Скрудж Макдак или дядюшка Скрудж – персонаж мультфильмов, комиксов и главный герой мультсериала «Утиные истории». Образ данного персонажа всегда был связан со скупостью и предприимчивостью: дядя Скрудж умел накапливать деньги, но всегда их жалел. Однако такая характеристика героя не отражает полной картины. Несмотря на сильную любовь к деньгам, Скрудж Макдак обладает большим сердцем и искренне любит собственную семью. В мультфильме дядя Скрудж показывается с разных сторон, поэтому его по праву можно считать еще и символом крепкой любви к своим близким.

Слышали ли вы о Скрудже Макдаке? Как вы считаете, чего в жизни нельзя жалеть?

Всем известно, что русский язык богат различными прилагательными. Давайте подумаем, как мы можем назвать человека, который постоянно всех жалеет? Для этого в русском языке есть слово «сердобольный». Сердобольный – сострадательный, жалостливый; тот, кто сочувствует чужому горю, несчастью. Происхождение прилагательного восходит к словам «сердце» и «болеть», из чего можно сделать вывод, что сердобольный означает «болящий сердцем». Именно с этим чувством мы связываем жалость о чем-то или в сторону кого-то. Сердобольный чаще используется в негативном ключе,

когда человек слишком часто и в неподходящих ситуациях проявляет свою жалость. Сердобольностью человека легко пользоваться, чтобы получить, например, желаемое внимание или помощь.

Считаете ли вы себя сердобольным человеком? Часто вы жалеете других людей? В каких ситуациях?

Поговорим

1. Жалость – проявление слабости. Согласны ли вы с этим утверждением? Почему?

2. Хотели бы вы вернуться в прошлое, чтобы изменить какой-либо свой поступок? Почему? О чем вы жалеете?

Для контроля и проверки знаний мы предлагаем интерактивные упражнения, созданные на платформе «LearningApps». В конце комплекса упражнений под заголовком «Проверь себя!» размещен QR-код, с помощью которого можно перейти на сайт и выполнить упражнение для самоконтроля. В качестве контроля мы использовали языковые подстановочные и дифференцировочные упражнения.

Проверь себя!

Таким образом, практическая значимость представленной работы заключается в упорядочении информации по поливалентному глаголу *жалеть* и в разработке учебного комплекса упражнений на его тренировку. Нами было проведено пробное обучение, которое проводилось в три этапа: диагностирующий срез, обучающий этап и контрольный срез. После анализа результатов диагностирующего теста и применения комплекса упражнений на обучающем этапе контрольный срез показал эффективность предложенной системы работы, представленной в учебной разработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клепацкая Я. В. Совершенствование навыков построения и употребления глагольно-именных словосочетаний в продуктивной речи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 15.11.10 / Санкт-пет. гос. ун-т. СПб, 2010. 19 с.
2. Национальный корпус русского языка: URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.05.2023).

УДК 81'42:81'243=161.1

Самойлова Инна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь
Электронная почта: *samina2004@mail.ru*

Samojlova Ina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
e-mail: *samina2004@mail.ru*

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ ОПРАВДАНИЕ В ДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В фокусе нашего внимания речевая реализация ситуации оправдания, осуществляемая на практических занятиях по русскому языку. Внимание будет акцентировано на приемах, используемых обучающимися в ситуации неподготовки к уроку или отсутствия на предыдущих занятиях.

Ключевые слова: дидактический дискурс; коммуникативная ситуация оправдание; межкультурная коммуникация.

COMMUNICATIVE SITUATION JUSTIFICATION IN DIDACTIC DISCOURSE IN THE SPACE OF NATIONAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

The focus of our attention is the speech implementation of the situation of justification, carried out in practical classes in the Russian language. Attention will be focused on the techniques used by students in situations of unpreparedness for a lesson or absence from previous classes.

Key words: didactic discourse; communicative situation justification; intercultural communication.

Национально-культурная специфика речевого поведения проявляется в не-тождественности коммуникативной, дискурсивной, социолингвистической и культурной компетенции разноязычных личностей, что объясняется сложившимися национально-культурными стереотипами в коммуникации (И. А. Стернин, Н. П. Шумарова).

По словам Кена Хайленда, «академический дискурс относится к образу мышления и речепроизводства в рамках учебного учреждения. Его значимость заключается в комплексности видов общественной деятельности: в виде обучения обучающихся, демонстрирования обучения, распространения идей и формирования знаний, которые осуществляются с помощью языка» [1, с. 1].

В прототипической ситуации оправдания перед преподавателем студент, совершивший проступок, испытывает чувство вины (в разной степени), а также осознание возможных санкций за проступок (в виде неудовлетворительной оценки, отсутствия допуска к зачету и экзамену или исключение из списка группы), что обуславливает формирование у него определенного интенционального состояния, ведущего к вербализации речевой интенции извинения за проступок и объяснения причин своего поведения.

Иначе говоря, адресант, осознавая свою вину и потребность (формальную или эмоциональную) объяснить свой проступок, вербально 1) просит у адресата прощения (факультативный элемент), 2) аргументированно или суггестивно толкует причины поступка / поведения (обязательный элемент) и 3) промесив – обещание исправиться, предложение по корректировке ситуации (факультативный элемент) [2, с. 17].

Ключевым аспектом речевой реализации оправдания является то, что говорящий (в нашем случае – студент) не только выражает соответствующую речевую интенцию, но и демонстрирует свое отношение к собеседнику, к ситуации в целом, представляет, конструирует образ себя в определенном свете.

В целях изучения характера обоюдного речевого воздействия в научно-дидактическом дискурсе в аспекте национальной и межкультурной коммуникации было проведено анкетирование, в котором приняли участие представители семи национально-культурных сообществ, изучающие русский язык, суммарно 300 человек.

Участие в исследовании респондентов из семи регионов мира позволило выявить различия в понимании отношений коммуникантов в академической среде при речевом взаимодействии. Это обусловлено не столько существующей разницей в самой системе образования, сколько традиционными представлениями о взаимоотношениях на линии учитель – ученик (студент – преподаватель) в отдельных национальных сообществах.

На наш взгляд, оправдание не может быть охарактеризовано вне учета его связи с ценностными ориентациями личностей и установленными в обществе морально-этическими нормами.

Как выяснилось, все корейские студенты (100 %), большинство китайских (80 %), иранских (50 %), польских (44 %), часть туркменских (40 %), белорусских (31 %), российских (26 %) респондентов при пропуске занятия или неподготовленности к нему признают свою вину. Это объясняет цель оправдания: желание избежать конфликта и способствовать достижению взаимопонимания. Студенты не снимают с себя ответственности за проступок, что свидетельствует о понимании неблагоприятности поступка. Вероятно поэтому при построении высказывания они используют глагольную форму 1-ого лица единственного числа (*говорю прямо, что я не готов/-а; не оправдываюсь*) и синтаксический маркер *прямо*, использующийся, согласно словарям С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, в значении ‘правдиво, откровенно, нелицемерно’.

Полагаем, что в некоторых случаях возрастной фактор и/или социальный статус преподавателя способен блокировать интенцию оправдаться.

Часть других респондентов тоже не оправдывается, откровенно заявляя о своей низкой работоспособности и депрессивном состоянии (*лень берет надо мной верх; у меня депрессия; я проспал/-а; лень*). При этом вину они ни на кого не перекладывают, а лишь объясняют свое бездействие. Речевая тактика приз-

нения вины, как правило, выражается вводными конструкциями (*к сожалению, меня часто одолевает прокрастинация*). Весьма интересным является факт, что оправдываясь, российские студенты никогда не заявляют о своем депрессивном состоянии.

Все студенты, вне зависимости от национальной и гендерной принадлежности, оправдывая свое отсутствие и/или неподготовленность к занятиям, ссылаются, прежде всего, на плохое состояние своего здоровья, объясняя этим невозможность выполнять академические обязанности на должном уровне. Это является важным пунктом в ответах поляков (87 %), белорусов (81 %), русских (86 %), корейцев (100 %), китайцев (60 %), иранцев (100 %), туркмен (74 %).

Здоровье, безусловно, общечеловеческая ценность. Используя этот аргумент, студенты надеются на сочувствие, жалость со стороны преподавателя, пытаются затронуть его чувства (скрыто воздействовать на эмоции) в надежде заблокировать критический рациональный анализ ситуации, помешать преподавателю строго взыскать за неподготовленность к занятию или его пропуск.

Многие обучающиеся ссылаются на чрезмерную занятость и нехватку времени. При этом конструкции с активными глаголами, сочетающимися с местоимением *я* или подразумевающими это местоимение в качестве грамматического субъекта единичны (*был занят*). Чаще используются безличные конструкции (*не было /мало времени/возможности подготовиться; мне нужно срочно ехать домой / в другой город*), что подчеркивает тенденцию к преувеличению значимости внешних факторов над внутренними.

Студенты пытаются найти причины слабой подготовленности к занятиям, и делают это по-разному. Все корейцы (100 %), значительная часть русских (42 %), поляков (44 %), туркмен (34 %) и белорусов (27 %) прибегают к экспрессивам и промиссивам, извиняясь и обещая исправиться в будущем: *Я извиняюсь, не было возможности подготовиться; приношу извинения и прошу «прикрыть глаза» и отнестись ко мне с пониманием; я сделаю это на следующее занятие; вышлю почтой, приду на консультацию* и т.п.

Ни один из азиатских студентов не пытается таким образом вызывать жалость у преподавателя, что можно объяснить особой конфигурацией доминант культурно-дискурсивного пространства Азии, в особенности Китая, как «почитание авторитета», «включение в отношения», «лицо», «вежливость» [3].

Осознавая нецелесообразность оправдания в случае пропуска занятия или неподготовленность к нему, некоторые белорусские и туркменские респонденты указывают на факты использования элементов речевой агрессии в таких случаях со стороны студентов.

Нами были зафиксированы случаи косвенной (*что материал неинтересен и мне не пригодится*) и прямой (*открыто критикую преподавателя*) речевой агрессии, используемой польскими и белорусскими студентами в качестве объяснения своей неподготовленности к занятиям или их пропусков, что является нарушением этических норм.

Туркменские респонденты считают возможным указать на наличие наиболее важных дел, чем посещение занятий и подготовка к ним (*говорю, что у меня свои проблемы*), что можно рассматривать как проявление реактивной агрессии, выполняющей функцию защиты от агрессора (реального или мнимого). Кроме того, были выявлены тексты, содержащие признаки пассивной речевой агрессии у туркменских респондентов, т.е. прекращение контакта или демонстрация нежелания в него вступать. Молчание может рассматриваться как крайняя форма пассивной речевой агрессии (*не хочу говорить это; не хочу говорить преподавателю; не объясняю, зачем?*).

В некоторых случаях говорящий-агрессор осознанно отдает предпочтение именно аффективным грубым приемам воздействия. Среди ответов туркменских респондентов зафиксирован случай сильной рациональной агрессии (*это вас не касается*), которая становится результатом речевого акта, способного повлиять на изменение эмоционального состояния коммуникативного партнера, вызвать у него сильную фрустрацию, чувство унижения и т.п. Несмотря на принятое в восточной культуре почитание старших и проявление уважения к ним, в т.ч. к учителю (преподавателю), респондент умышленно демонстрирует нарушение традиционных норм морали, принятых в восточном обществе. При этом говорящий пытается воздействовать на эмоциональное состояние не только преподавателя, но и присутствующих при разговоре студентов, возможно, рассчитывая на их поддержку и/или одобрение. По нашим многолетним наблюдениям, туркмены, в большинстве своем, закрыты, у них сильно развит так называемый *дух родства*, ощущение внутренней солидарности. Если учесть, что в стране проживают представители более ста наций и народностей, которые некогда вели кочевой образ жизни, то становится понятной существующая родовая общность, где принято доверять только своим. Учитывая статусную, ролевую и, наконец, национальную принадлежность, можно заключить, что преподаватель к *своим* не относится. Желание защититься и оправдать себя при группе, проявить независимость в полиэтнических коммуникативных отношениях может эксплицироваться в агрессивной форме речевого поведения.

Случаи оправдаться болезнью членов семьи со стороны иранцев, китайцев и корейцев невозможны, поскольку тема семьи и близких в разговоре с посторонними людьми табуирована.

При анализе ситуации оправдания нами были выделены коммуникативные стратегии а) признание вины коммуникантом, б) декларация искренности, в) апелляция к предшествующему позитивному опыту отношений, г) призыв к сочувствию со стороны собеседника, которые являются универсальными для белорусской, китайской, туркменской и иранской лингвокультур. Языковая реализация манипуляционных стратегий в значительной степени обусловлена спецификой культуры и менталитета участников коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. K. Hyland, *Academic Discourse: English in a Global Context*, London 2009. 256 p.

2. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирский государственный педагогический университет: Новосибирск, 2006. 24 с.
3. Нагибина И. Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Красноярск : СФУ, 2017. URL: <https://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/147268> (дата обращения: 28.04.2024).

УДК 811.111

Полунина Людмила Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент
Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия
Электронная почта: poluninaln@mail.ru

Polunina Liudmila, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia
e-mail: poluninaln@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЛИНГВА ФРАНКА

В статье исследуются прагматические аспекты функционирования английского языка в реальной межкультурной коммуникации ненативных интерлокуторов, которые используют его как универсальное средство общения, как контактный язык лингва франка.

Ключевые слова: английский язык как лингва франка, прагматика, прагматические стратегии.

PRAGMATIC FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ENGLISH AS A LINGUA FRANCA

The article considers the pragmatic aspects of English used by non-native interlocutors in real intercultural communication as a universal means of interaction, as a contact language or lingua franca.

Key words: English as a lingua franca, pragmatics, pragmatic strategies.

Начиная со второй половины XX века, выход английского языка за пределы национальных границ и его глобальное распространение, а также возникновение вариативных форм, которые этот язык принимает в различных условиях и под воздействием различных факторов, способствовали формированию уникального социолингвистического феномена – английского языка как языка контактного, обслуживающего коммуникацию в мировом масштабе. Концепции глобального английского языка (Global English) [1] и английского языка как лингва франка – АЛФ (English as a Lingua Franca) [2] базируются на идее о том, что коммуниканты, являясь носителями самых разных культурных и языковых кодов, принимают и используют английский язык как универ-

сальное средство общения в межкультурных контактах и тем самым способствуют его трансформации в направлении гибридизации за счет множественных языковых переносов, которые частично закрепляются в вариантах английского языка в качестве локальных норм, однако, как правило, проявляются в виде окказиональных речевых образцов.

В настоящее время ведущие исследователи пришли к согласию в том, что АЛФ не является вариантом английского языка, т.к. лингва франка не используется в устойчивом лингвокультурном сообществе и потому не имеет постоянного фиксированного набора языковых форм, которые можно было бы идентифицировать во всех контекстах. Ключевой особенностью английского языка как лингва франка является, скорее, «врожденное разнообразие» [3, с. 162], которое возникает не только из-за разной степени владения английским языком носителями или из-за специфических лингвистических свойств их родных языков, но прежде всего из-за вариативного использования и смешения всех видов языковых ресурсов сообразно ситуации коммуникации.

Данные тенденции существенно расширили исследовательское поле как лингвистики, так и лингводидактики, поскольку «мультилингвизм оказался сегодня в авангарде научных дискуссий, которые бросают вызов доминировавшим доселе концепциям обучения иностранному языку» [4, с. 121]. В немалой степени этому способствовала критика максимизации нормативности стандартного английского языка (Standard English) и ориентации обучения на воспроизведение речевых характеристик носителей языка (native speakerism), а также продвижение дидактических принципов транслингвизма, защищающего право изучающих английский язык «использовать все имеющиеся в их распоряжении лингвистические и нелингвистические ресурсы для создания интегрированного языкового репертуара и обучаться на основе их собственных языковых практик» [5, с. 215]. В связи с этим исследования в области АЛФ выходят за рамки систематического описания его особенностей и обращаются к изучению того, когда, в каком качестве и с какой целью используются те или иные вербальные и невербальные средства, т.е. к прагматическим аспектам функционирования английского языка в реальной коммуникации ненативных интерлокуторов.

Критерием успешной коммуникации на английском языке как лингва франка является достижение цели общения, несмотря на ограниченность лингвистического репертуара коммуникантов, которые интуитивно используют для ее преодоления определенные прагматические стратегии. Весь спектр существующих прагматических стратегий АЛФ возможно объединить в три категории в соответствии с их основной функцией:

- стратегии достижения понимания;
- стратегии аккомодации;
- стратегии установления и поддержания контакта.

Стратегии достижения понимания служат инструментом, обеспечивающим интеракцию в условиях возможных различий в интерпретации смыслов, когда, по меткому выражению Э. Тарон, интерлокуторы «стараятся убедиться в том, что они говорят об одном и том же» [6, с. 422]. Отметим, что все приводимые далее примеры взяты из реальной практики работы с русскоязычными и иностранными студентами и аспирантами российского высшего учебного заведения.

Наиболее частотными стратегиями достижения понимания являются:

- повторы и перефразирования (*S1: You will work in medicine?... I mean... Where will you work?*);
- переспросы, в том числе вопросы-эхо (*S1: What is your name? – S2: My name? – S1: Yes, your name.*);
- просьбы о повторении, уточнении или пояснении (*S1: Have you seen a new video of Lee Min-ho? – S2: Can you repeat the name? – S1: Lee Min-ho. – S2: Is she an actress? – S1: He! He is an actor.*);
- обращение за помощью (*S1: This is... is... what is the word?*);
- проверка понимания (*S1: He told us about his trip to Machu Picchu... – S2: no reaction – S1: Have you heard about Machu Picchu?*);
- невербальные сигналы (жесты-эмблемы, жесты-иллюстраторы).

Стратегии аккомодации заключаются в трансформации коммуникантом используемых лингвистических и нелингвистических ресурсов либо способов выражения мыслей с целью сделать их более понятными (приемлемыми) для собеседника, а также с целью создания доверительной атмосферы общения, снижения языковой тревожности, достижения взаимопонимания. В конвергентных стратегиях аккомодации наиболее часто встречается отход от стандартизированных норм английского языка, что проявляется на различных языковых уровнях, например, в снижении темпа речи и намеренно выраженной артикуляции; в избегании тем, слов, невербальных маркеров, которые неприемлемы в коммуникативной культуре партнера по коммуникации. Для аккомодации весьма характерно игнорирование коммуникативно нерелевантных ошибок, которые широко распространены в речи ненативных интерлокуторов, принадлежащих к самым разным лингвокультурным сообществам. Это такие типичные грамматические и синтаксические погрешности как опущение окончания -s в глаголах в третьем лице единственного числа в Present Simple; образование множественного числа у неисчисляемых существительных; смешение квантификаторов many/much, a little/a few; неверный порядок слов в вопросительных предложениях, косвенных вопросах и др. В стратегиях аккомодации также широко используются повторы, однако здесь они выполняют иную функцию:

S1 (Arab) pointing at the girl: He don't speak English but speak Arabic... oh, no... me..., no... she? – S2 (Chinese): yes, okay, okay, I understand.

В приведенном примере повторы выражают внимание, поддержку, поощрение коммуникативных усилий. Характерной стратегией аккомодации также

является переключение кодов: использование слов на родном языке собеседника, что сигнализирует об уважении к его культуре, заинтересованности в общении:

S1 (Chinese): I can help you with it. – S2 (Russian): Really? Oh, thank you! ... How do you say? ... Xièxiè! – S1: Wow! Cool!

Стратегии установления и поддержания контакта ориентированы на создание максимально комфортной коммуникативной среды, в которой участники коммуникации минимизируют возможность конфликтов, недовольства, раздражения, настроены на одну волну и общими усилиями достигают взаимопонимания. Согласно теории межкультурной вежливости, стратегии поддержания контакта конструируются на основе нескольких компонентов: иллокутивного, отвечающего за выбор и композицию конкретного типа речевого акта в соответствии с коммуникативной целью; дискурсивного, определяющего приемлемость обсуждаемой темы; деятельностного, координирующего процедуру интеракции; стилистического, управляющего корректным оформлением речи, включая языковой регистр и просодические средства; невербального, контролирующего использование невербальных маркеров, допустимых в определенном межкультурном контексте [7, с. 19–20].

Базовой структурной единицей коммуникативного контакта является минимальный цикл интеракции, состоящий из одной пары реплик, продуцируемых двумя собеседниками, – иницирующей и ответной, таких как вопрос/ответ или приветствие/ответное приветствие. Теоретически для каждого иницирующего высказывания существует прагматически предпочтительная ответная реакция: например, предложение/согласие. Реагирование с использованием высказываний, отличных от предпочтительных, расценивается как противоречащее максиме вежливости и приводит к необходимости прибегать к дискурсивным стратегиям смягчения, извинения или объяснения. Бинарная композиция минимального цикла может быть расширена за счет включения дополнительных компонентов, которые в зависимости от интенции говорящего размещаются перед базовой парой реплик, внутри или после нее.

В коммуникации на английском языке как лингва франка таким дополнительным компонентом часто становится репарация (восстановление) нарушенного сценария речевого контакта, обусловленная трудностями коммуникантов в передаче, аудитивном восприятии или понимании передаваемой информации. Наиболее активно для репарации используются такие стратегии как коррекция высказывания, которая может быть иницирована как самим говорящим (самокоррекция), так и его собеседником, а также совместное конструирование высказывания. В частности, манифестация самокоррекции часто происходит в спонтанной речи на фоне недостаточно автоматизированных навыков (фонетических, лексических, грамматических). Например,

S1: The author discusses the consen... consenquences... sorry, consequences of the pandemic.

S2: He was very busy... No, she... She was very busy.

S3: They have saw... seen, they have seen a lot of birds there.

Коррекция, инициируемая слушающим, используется для поддержания контакта в случаях, когда допускаемые ошибки препятствуют пониманию, угрожая тем самым достижению цели коммуникации:

S1: It is known [naon] for its pictu... erm ... picturesque [piktoresku] ...

S2: may be picturesque [ˌpɪktʃərˈesk]?

S1: ... picturesque [piktoresku] scenery [stseneri] ...

S2: [ˌpɪktʃərˈesk ˈsi:nəri]

S1: ... picturesque scenery.

Данный вид коррекции зачастую перетекает в совместное конструирование высказывания:

S1: They had sixteen heli- ... erm ... those flying machines... but not airplanes...

S2: Helicopters...

S1: Yeah, thank you! They had sixteen helicopters to fight wildfires.

Кроме этого, поддержание контакта и поддержка собеседника реализуется за счет вербальных и невербальных дискурсивных маркеров отклика, которые позволяют слушающему, не перебивая говорящего, обозначить свое внимание, выразить согласие, поощрить его продолжить речь. К таким маркерам можно отнести междометия *yeah, mhm, uh huh*, кивание, одобрительные жесты.

Таким образом, исследования коммуникативного поведения в различных типах речевых актов, реализуемых ненативными интерлокуторами на английском языке как лингва франка, позволяют сделать вывод о том, что прагматические стратегии обеспечивают возможность успешной межкультурной коммуникации за счет того, что ее участники могут

- регулировать иллокутивную силу высказывания в соответствии с коммуникативной целью и ориентацией на отклик собеседника, моделировать взаимодействие на основе логичной последовательности речевых действий и соблюдения очередности;

- совместно создавать обоюдно приемлемые речевые образцы для стандартных речевых актов, без обязательного учета коммуникативных норм носителей английского языка;

- ориентироваться в коммуникативных потребностях участников коммуникации и использовать различные дискурсивные стратегии для достижения взаимопонимания;

- демонстрировать адекватный отклик на речевые действия собеседника и создавать общий дискурсивный репертуар для управления коммуникативным контактом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crystal D. English as a Global Language (2nd Ed.). Cambridge: Cambridge Univ.Press, 2003. 228 p.

2. Dewey M., Jenkins J. English as a Lingua Franca in the Global Context: Interconnectedness, Variation and Change // Contending with Globalization in World Englishes / Saxena M., Omoniyi T. (Eds.). Bristol: Multilingual Matters, 2010. P. 72–92.
3. Firth A. The lingua franca factor // Intercultural Pragmatics. 2009. V. 6, no. 2. P. 147–170.
4. Galloway N., Numajiri T. Global Englishes language teaching: Bottom-up curriculum implementation // TESOL Quarterly. 2020. 54(1). P. 118–145.
5. García O. et al. Rejecting abyssal thinking in the language and education of racialized bilinguals: A manifesto // Critical Inquiry in Language Studies. 2021. 18(3). P. 203–228.
6. Tarone E. Communication Strategies, Foreigner Talks, and Repair in Interlanguage // Language Learning. 1980. No. 30. P. 417–431.
7. Spencer-Oatey H. Culturally Speaking Second Edition: Culture, Communication and Politeness Theory. Bloomsbury Publishing, 2008. 384 p.

УДК 811.161.1243(075-054.6)

Кишкевич Елена Валентиновна, старший преподаватель
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: alenakishkevich60@gmail.com

Kishkevich Elena, Senior Lecturer
Belarusian State University, Minsk, Belarus
e-mail: alenakishkevich60@gmail.com

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ. «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ» В ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ

В статье описывается опыт работы по созданию и внедрению в учебный процесс учебно-методического комплекса по учебной дисциплине «Русский язык как иностранный. Общее владение. I сертификационный уровень».

Ключевые слова: модуль «Жизнь замечательных людей», полиформатные уроки, учебные экскурсии-квест.

RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.

«LIFE OF REMARKABLE PEOPLE» IN A REMARKABLE COUNTRY

The article describes the experience of creating and implementing into the educational process an educational and methodological complex for the academic discipline "Russian as a Foreign Language. General Proficiency. I Certification Level".

Key words: module «Life of Remarkable People», multi-format lessons, educational excursions-quest.

Делая первые шаги в изучении русского языка в Белорусском государственном университете, овладении будущей профессией, иностранные слушатели вступают в межкультурную коммуникацию, получают сведения о развитии культуры и искусства, науки и техники в Беларуси, о знаменитых белорусских ученых. «Изучение судеб выдающихся ученых показало прямую зависимость между общей культурой и достижениями в профессиональной сфере. Высшей нравственной ценностью для ученого выступает поиск нового, стремления поставить открытия на службу человеку» [1, с. 15].

Творческим коллективом преподавателей кафедры русского языка как иностранного был подготовлен учебно-методический комплекс нового поколения по учебной дисциплине «Русский язык как иностранный. Модуль общего владения языком. I сертификационный уровень» [2]. Этот УМК является одним из первых в Беларуси комплексов учебных пособий по РКИ, имеющих национально-культурологическую ориентацию и отмеченных высокими наградами. Это диплом Национального конкурса «Мастацтва кнігі – 2017. Залаты фаліант» в тематической номинации «Падручнік новага стагоддзя» (Учебник нового столетия); Диплом XIV Международного конкурса государств-участников СНГ «Искусство книги» (Москва, июнь 2017) в номинации «Учебная литература и образование».

Учебно-методический комплекс состоит из шести модулей. Объект нашей презентации – модуль «Жизнь замечательных людей» [3]. С гордостью и любовью мы называем имена замечательных людей, которые очень важны для национального самосознания белорусов. Многие из них, родившись на замечательной белорусской земле, прожив многие годы вдали от родины, навсегда сохранили её в своем сердце. Как писал образно о любви к родной стране в предисловии к напечатанной им книге «Юдифь» Франциск Скорина: *«Звери, ходящие в пустыне, знают ямы своя; птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чуюць виры своя; пчѣлы и тым подобныя бороняць ульев своих; – тако ж и люди, и где зародилися и ускормлены ... к тому месту великую ласку имают...»*.

На автопортрете Марка Шагала изображен Париж, в уголке живописного полотна – родной Витебск. «Вечный странник» Язеп Дроздович, рисуя белорусскую природу, ходил пешком по нашей земле и мечтал о космосе, изображая на картинах космические пейзажи. А другой наш земляк Олег Новицкий уже из космоса сделал фотографии родной Беларуси.

Авторы-составители учебника выбрали биографии известных белорусских деятелей науки и культуры разных эпох, чтобы показать через истории жизни замечательных людей историю их замечательной земли. Поэтому на страницах учебника их биографии сменяют друг друга: Евфросиния Полоцкая (XII век), Франциск Скорина и Николай Гусовский (XV–XVI века), Иосиф Гошкевич и Игнатий Домейко (XIX век), Марк Шагал и художники Парижской школы из Беларуси, Владимир Пичета и Язеп Дроздович (начало XX века), Жорес Алфёров и Олег Новицкий (XXI век).

Для эффективности обучения русскому как иностранному мы обращаемся к документу «Общеввропейские компетенции владения иностранными языками: Изучение, преподавание, оценка» [4], в котором не только описаны главные параметры каждого уровня владения языком, индивидуальные, языковые и коммуникативные компетенции, но и выделены три основных момента использования языка: текст, ситуация и потребности – мотивация.

Работа с любым текстом включает в себя предтекстовые и послетекстовые задания, но биографический текст имеет свою специфику. Для погружения

в историческое социокультурное пространство необходим комментарий преподавателя. Иностранцам слушателям для перевода предлагаются слова, не входящие в лексический минимум: топонимы, историзмы, название предметов и явлений традиционного быта, географические понятия и другие фоновые знания.

Во время работы с текстом выполняются различные лексико-грамматические задания. Грамматическую основу модуля «Жизнь замечательных людей» составляет тема «Выражение определительных отношений в простом и сложном предложении. Синонимические преобразования конструкций с причастиями» [5], поэтому могут быть предложены различные типы заданий: *определить вид глагола, назвать соответствующий ему глагол другого вида; продолжить предложения, используя глаголы модуля; произвести синонимичные замены причастного оборота на сложноподчиненное определительное предложение; в лексико-грамматическом тесте выбрать правильный вариант ответа; определить тему прочитанного текста и объяснить свой выбор; расположить пункты плана в последовательности, соответствующей содержанию текста; выполнить предложенные трансформации активных и пассивных конструкций; составить тезаурус прочитанного текста; выписать опорные слова к каждому пункту плана; ответить на вопросы по тексту, подготовить пересказ и презентацию.*

Эффективным приемом в воспитании чувства понимания новой языковой культуры выступают полиформатные уроки. Наибольший эмоциональный эффект достигается, естественно, при синтезе искусств: когда искусство слова сочетается с живописью и с музыкой. Перед нами каталог выставки с репродукциями картин белорусских художников французской школы из корпоративной коллекции ОАО «Белгазпром», коллекции Национального художественного музея Республики Беларусь и художественного музея Михаила Савицкого. Звучит скрипка – любимый инструмент Шагала.

В заключение такого урока можно предложить студентам поучаствовать в импровизированном конкурсе-пленэре «Улыбка клоуна». Яркий цирк одна из любимых тем в творчестве художников. Евгений Зак с его знаменитым Арлекином (Пьеро), Осип Любич с альбомом акварелей на цирковые темы, цикл Шагала о клоунах. Мы просим студентов описать сначала красками, а потом и словами свое настроение. Или, используя возможности интерактивной доски, изображаем картину по-шагаловски: выбираем свой персонаж, размещаем на чистом листе и читаем стихотворение Поля Элюара, посвященное Марку Шагалу [6, с.48]:

*Корова осёл петух или конь
И вот уже скрипки живая плоть
Человек одинокая птица певец
Проворный танцор со своею женой
Чета окунувшаяся в весну...*

В современной методике широко используются аутентичные материалы, которые «представляют широкое поле деятельности для самостоятельной работы и творчества, требуют от учащихся не изолированных знаний, умений и навыков, а их комбинации и интеграции, а также создают среду для практики и погружают обучающегося в реальный мир и реальную коммуникацию» [7, с. 785]. На занятиях мы используем все возможности погружения в социокультурное пространство Беларуси. Это касается и работы с видеоматериалами по модулю «Жизнь знаменитых людей». Для таких учебных занятий предлагаются фрагменты историко-биографического художественного фильма «Я, Франциск Скорина» с Олегом Янковским в главной роли, документальные фильмы из авторского проекта «Эпоха» Олега Лукашевича – «Преподобная Евфросиния Полоцкая» и «Игнатий Домейко. Долгое возвращение», мультипликационный фильм «Песня о зубре», которые могут служить не только интересным источником дополнительной информации, но и, возвращаясь к фундаментальному европейскому документу [3], удовлетворять потребности иностранных слушателей, мотивировать изучение русского языка.

Проверенным методическим средством погружения иностранного студента в новую образовательную и социокультурную среду служат учебные экскурсии.

Всегда с успехом проходит интерактивная экскурсия в университетский дворик. Визитной карточкой БГУ, символическим воплощением его истории является Университетский городок – комплекс зданий и скульптурных компонентов, созданных с 1925 года по наши дни. Наши учебные издания готовят к экскурсии в университетский дворик «Просветители земли белорусской» и музей истории БГУ, презентуют социокультурный материал, посвященный Евфросинии Полоцкой, Николаю Гусовскому, Франциску Скорине.

С удовольствием иностранные слушатели посещают и фотовыставку – художественный проект «Наследие Беларуси», представленный в Минске под открытым небом на арт-заборе парка Челюскинцев.

Но особое удовольствие доставляет всем студентам участие в учебной экскурсии-квест «Золотое кольцо белорусской науки». Архитектурно-художественная композиция «Золотое кольцо белорусской науки» – ансамбль, символизирующий, по замыслу авторов» преемственность науки и культуры, традиции уважения истории, состоит из ротонды и скульптур выдающихся ученых Беларуси. Слушатели получают таблички, задания и аксессуар своего персонажа. На табличках записаны имена знаменитых белорусских учёных. Это Кирилл Туровский, Франциск Скорина, Симеон Полоцкий, Казимир Семёнович, Евстафий Тышкевич, Евфмений Карский и Всеволод Игнатовский, первый президент Академии Наук Республики Беларусь. Задание – подготовить небольшой экскурсионный рассказ об этом человеке, его жизни и вкладе в белорусскую науку. Каждый персонаж имеет свой аксессуар: свиток, перо и лист бумаги, книгу, домотканый рушник, археологический арт-объект, трость или чертёж ракеты. По навигатору студенты должны найти место в городе, где установлен памятник этому ученому. Представьте себе удивление студентов,

когда все они встречаются в одном месте, в дворике Академии Наук Республики Беларусь, в двух шагах от нашего факультета, который находится в Минске на улице Академическая. Потом записываются видео подготовленных экскурсий, которые многократно просматриваются и обсуждаются в аудитории, с друзьями и отправляются родителям. Как поется в известной песне: «Не забывается такое никогда».

Иностранные студенты чувствуют нашу любовь к родной стране, работая с материалами учебника, совершая учебные и виртуальные экскурсии с преподавателем, путешествуя, начинают понимать и уважать Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вербицкая Л. А. Роль языка в жизни общества. // Русский язык за рубежом. Специальный выпуск. Избранные труды МАПРЯЛ. М. : 2019. С.13–18.
2. Кишкевич Е. В., Прокопина Ж. В. Русский язык как иностранный. Модуль общего владения языком. I сертификационный уровень : электронный учеб.-метод. комплекс для иностранных граждан факультета доуниверситетского образования. Минск : БГУ, 2018. 21 с.
3. Кишкевич Е. В., Кунаш С. М., Януш Л. А. Русский язык как иностранный. Модуль общего владения языком I сертификационный уровень – В1: учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2020. 175 с.
4. Common European Framework of Reference for languages: Learning, Teaching, Assessment. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Sours/Framework_EN.pdf. (дата обращения: 01.03.2024).
5. Русский язык как иностранный. Общее владение. I сертификационный уровень: учеб. метод. Пособие / Е. В. Кишкевич [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. 183 с.
6. Стефано де Роза. Мастера живописи. Шагал. Firenze: Guinti Gruppo Editoriale. 1997. 63 с.
7. Кишкевич Е. В. Современный учеб.-метод. комплекс по РКИ. Белорусский социокультурный компонент. Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресс МАПРЯЛ (29 апреля-3 мая 2019, Казахстан, Нур-Султан) / ред. кол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. СПб. : МАПРЯЛ, 2019. С. 782–787.

УДК 81'373.231+372.881.161.1

Тихоненко Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: tikhonenko.helen@yandex.by

Tikhonenko Elena, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: tikhonenko.helen@yandex.by

ЛИЧНОЕ ИМЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В статье описаны русские антропонимы с точки зрения обучения им иностранных студентов. Автор предлагает систему работы по включению русского личного имени в практику обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, личное имя, русский язык как иностранный, методика преподавания, коммуникативные потребности, уровни владения языком.

PERSONAL NAME IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article describes Russian anthroponyms from the point of view of their teaching to foreign students. The author proposes a system of work on the inclusion of a Russian personal name in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: onomastics, anthroponym, personal name, Russian as a foreign language, teaching methods, communication needs, language proficiency levels.

Проблема личного имени в культуре народа, национальные стереотипы, которые определяют выбор формы имени в зависимости от той или иной ситуации или контекста, являются актуальными для исследований лингвиста, культуролога, преподавателя русского языка как иностранного.

Имена и названия являются опорными точками в межъязыковой и межкультурной коммуникации. Ономастическая лексика характеризуется ярко выраженной национально-культурной составляющей, в связи с чем может являться источником затруднений при общении представителей различных культур. Употребляя в речи ономастические единицы, иностранцы испытывают трудности при семантизации и выборе правильной грамматической формы русских имен собственных.

Опыт работы с иностранными учащимися показывает необходимость включения в обучение антропонимов, поскольку особенности их употребления являются важной составляющей русского речевого этикета. Перед преподавателем русского языка как иностранного стоит задача не только обучить языковой структуре, но и познакомить студента с основами русского речевого этикета.

Работа над русским личным именем в практике преподавания РКИ включает следующие аспекты:

1. Обращение к человеку по имени-отчеству. Это обязательный компонент коммуникации, однако наличие отчества в русской антропонимике вызывает у инофона трудности при общении, так как во многих языках отчество отсутствует. Отчество, или патроним (от древнегреческого «patros» – отец), является особым способом именованя лица по отцу, важным для русской языковой картины мира. Большинство иностранных учащихся же автоматически переносят модель обращения из своего языка в русский. Таким образом, частотными коммуникативными ошибками этикетного характера являются обращения иностранных студентов к преподавателю «*мистер Александр*», «*мисс Елена*», «*профессор Руденко*», «*доктор Чумак*» и т.п., что чуждо русскому этикету.

Уже на начальном этапе обучения необходимо объяснять иностранным учащимся, что обращение к человеку или упоминание отсутствующего по имени-отчеству является наиболее нейтральным и уважительным. Обращения «*господин*», «*госпожа*» с указанием ученого звания, должности или фамилии (*господин профессор, госпожа Семенова* и т.д.) противоречит русскому этикету.

2. Словообразование русских фамилий и отчеств. Отчества образуются суффиксальным способом. При изучении русских отчеств иностранным учащимся предлагается словообразовательная модель: для образования мужского отчества добавляется *-ович/-евич*, для женского *-овна/-евна*. Чтобы закрепить полученные знания о русских именах и отчествах и способах их образования, студентам предлагается «русифицировать» с помощью изученных формантов свое имя, а также имя отца для образования отчества.

Образование русских фамилий, различение фамилии и отчества также вызывает трудности у инофона и может стать причиной коммуникативного сбоя. Например, *Иванова* и *Ивановна* для иностранных учащихся практически неразличимы, фамилии с финалью *-ич* (*Рябцевич, Матусевич*) воспринимаются в качестве патронима, имя *Галина* и фамилия *Галина* вообще звучат и пишутся одинаково. Задачей преподавателя является объяснение структуры имени: имя + отчество, фамилия + имя + отчество, имя + отчество + фамилия, фамилия + имя и т.д., разбор коммуникативной ситуации, в которой может употребляться имя вместе с фамилией и/или отчеством. Целесообразно познакомить учащихся с самыми распространенными словообразовательными типами русских фамилий, заканчивающихся на *-ов, ович /-евич, -ин /-ын, -ко, -ск /-цк, -ук /-юк, -ых /-их*.

3. Образование и употребление полных и кратких форм имени. Трудности, с которыми сталкиваются иностранные учащиеся при изучении русского языка как иностранного, связаны со способностью личных имен к образованию различных форм (полных / неполных / сокращенных, уменьшительных, ласкательных, огрубленных, фамильярных и др.), а также с их употреблением: какие коммуникативные ситуации требуют использования только полного имени, в каких употребляется сокращенное, в каких – возможны коннотативные оттенки и т.п. В их родных языках нет такого количества отыменных производных слов.

Множество формообразований личных имен, обилие коннотаций, имеющих в форме имени, представляют трудности для иностранцев, среди которых наиболее частотными являются:

– определение пола по имени: вводит в заблуждение окончание *-а*, которое в подавляющем большинстве принадлежит женщинам. Иностранному студенту непонятно, почему *Лена* – женское имя, *Гена* – мужское имя, а имя *Женя* может принадлежать обоим полам.

– неправильное использование иностранными студентами русского личного имени в разных коммуникативных ситуациях. Так, распространенной ошибкой является употребление при обращении к официальному лицу неполного имени, например, *Дима*, причем инофон осознает, что *Дмитрий* и *Дима* – формы одного имени.

Чтобы снять трудности в употреблении имен собственных и предопределить коммуникативный сбой необходима чёткая система упражнений, которая включает работу над формообразованиями антропонимов, различением их значения, использованием в конкретной коммуникативной ситуации. Система работы над антропонимом предполагает два этапа:

1. знакомство с полным официальным именем человека, структурой русского имени, образованием отчества;

2. знакомство с вариантами русских личных имен, коннотативными оттенками и особенностями использования. Преподавателю необходимо указать, что выбор формы русского имени в коммуникативном акте зависит от конкретной коммуникативной ситуации, официальной или неофициальной сферы, отношений между коммуникантами.

Таким образом, русские личные имена характеризуются множеством вариантов и обилием коннотативных оттенков. Незнание коннотации, непонимание формы русского имени может стать причиной коммуникативного сбоя. Основными принципами обучения личному имени являются:

– изучение личных имен осуществляется с опорой на уровень владения языком и коммуникативные интенции учащихся;

– инофон должен иметь представление о разнообразии форм русского антропонима, выбор форм личного имени отрабатывается на типичных для речевого общения ситуациях;

– необходимо изучать национально-культурные особенности при употреблении форм русского антропонима: например, обращение к преподавателю по имени-отчеству должно быть обязательным в иностранной аудитории, так как это отображает нормы общения, принятые в русском общении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ружицкий И. В., Мартыненко Ю. Б. Обучение иностранных учащихся вариантам русских личных имен // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 184–191.
2. Сургутскова Т. Изучение антропонимов на внеклассных занятиях по русскому языку. Тобольск, 2017.

УДК 372.881.111.1:75.04

Подберезская Юлия Александровна, старший преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *podberezskaya11@mail.ru*

Podberezskaya Yuliya, Senior Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *podberezskaya11@mail.ru*

ЖИВОПИСНОЕ ПОЛОТНО КАК СТИМУЛ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕЧЕВЫХ НАВЫКОВ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Статья посвящена вопросу развития у инофонов русской речевой культуры на основе знакомства с произведениями изобразительного искусства. В ней представлен анализ методики работы с картинами в иностранной аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; иностранные студенты; методика преподавания; живопись; картины; произведения изобразительного искусства.

PAINTING AS AN INCENTIVE FOR THE DEVELOPMENT OF SPEECH SKILLS IN A FOREIGN AUDIENCE

The article is devoted to the development of Russian speech culture among foreign speakers based on acquaintance with works of fine art. It presents an analysis of the methodology of working with paintings in a foreign audience.

Keywords: Russian as a foreign language; foreign students; teaching methods; painting; pictures; art.

В методике преподавания русского языка как иностранного применяются разнообразные подходы, помогающие обучающимся овладеть языком и правильно использовать его в различных ситуациях. Один из таких подходов – культурологический, который многие ученые связывают с лингвокультурологическим подходом, считая их одинаково значимыми.

Л. Мартин отмечает, что в процессе обучения мы всегда стремимся найти новые подходы, помогающие студентам развивать критическое мышление по отношению к окружающему миру. Основным инструментом достижения этих целей являются тексты художественной культуры [1, с. 269]. Е. И. Пассов в работе «Диалог культур: философский, социальный и образовательный аспекты» подчеркивает, что целью образовательного процесса должно быть формирование духовной личности – homo moralis. Достижение этой цели возможно благодаря культуре, особенно элитарной, с ее ценностями: духовностью, нравственностью, свободой, ответственностью и творческой деятельностью [2, с. 11].

В культурологической концепции преподавания русского языка как иностранного важную роль играют не только литературные произведения, но и другие виды искусства, в частности, изобразительное искусство.

Произведения изобразительного искусства – важная составляющая культуры каждого народа. Они отражают историю, традиции, ценности и духовное наследие общества. Анализ произведений живописи является неотъемлемой частью формирования наблюдательности у человека. Исследование таких произведений способствует развитию воображения, мышления обучающихся, позволяя им лучше понимать и интерпретировать искусство. Кроме того, изучение живописи способствует воспитанию эстетического вкуса. В результате в процессе обучения русскому языку на основе анализа произведений живописи иностранный студент становится более эмоционально развитым и культурно осведомленным, что способствует его личностному развитию.

Поэтому включение выдающихся произведений изобразительного искусства в процесс обучения русскому языку иностранцев не вызывает сомнений.

В соответствии с семантизирующей, сопровождающей, коммуникативной и аккультурирующей функциями, реализуемыми произведениями живописи А. И. Якимович выделяет следующие направления в работе с ними:

1. использование произведений живописи для создания «национального фона» в обучении, стимулирующего интерес иностранцев к изучению истории и культуры страны;

2. использование художественных изображений в качестве средства наглядности для семантизации лексических единиц;

3. использование картин в работе по развитию монологической и диалогической речи у иностранных обучающихся [3, с. 257].

В рамках нашей статьи обратимся к третьему направлению, поскольку оно дает возможность проводить комплексную работу:

- погружать иностранца в культуру изучаемого языка;
- акцентировать внимание на теме, наиболее значимой для иноязычной аудитории;
- активизировать тематическую лексику;
- совершенствовать употребление грамматических норм в речи;
- развивать коммуникативные способности студентов (создание собственного связного высказывания; участие в дискуссии) [3, с. 257].

Организация занятий по изучению русского как иностранного с использованием произведений живописи, как правило, включает следующие этапы.

Подготовка к восприятию картины: студентам предлагается специальный учебный текст о художнике, его работах, истории их создания.

После этого проводится работа с репродукциями картин, в ходе которой анализируется картина как произведение искусства: обсуждаются замысел художника, использованные им изобразительные средства, композиция, значение цвета и деталей.

Преподаватель задает вопросы, направляя внимание студентов на ключевые аспекты картины, о месте, времени, социальной или моральной направленности произведения.

После детального рассмотрения возможны дискуссии по проблематике живописного полотна, написание сочинения, изучение мнений других известных людей об этой работе художника.

Сравнение собственных впечатлений иностранного обучающегося с различными точками зрения о художниках и картинах помогает глубже понять идейное содержание картин и национальную действительность.

Важным элементом данной работы является текст о творчестве художника. Существует проблема обора произведений живописи и соответствующих текстов культурологического содержания для образовательных целей.

При отборе работ художников для занятий по русскому языку как иностранному важно учитывать их значимость для национально-культурного самосознания; доступность страноведческой информации для обучающихся; соответствие уровню подготовленности и интересам обучающихся. Текст должен соответствовать уровню владения языком, современным нормам русского литературного языка, его содержание должно быть связано с основной идеей и проблемами рассматриваемого произведения.

Эффективность обучения видам речевой деятельности с использованием произведения живописи и культуроведческого текста обеспечивает система упражнений, которая разрабатывается с учетом следующих требований:

1. упражнения должны быть неотъемлемой частью процесса обучения видам речевой деятельности и сочетаться с восприятием живописного произведения и культуроведческого текста;

2. упражнения должны соответствовать этапам работы по картине, постепенно усложняясь;

3. упражнения должны быть разнообразными и соответствовать уровню владения языком.

Обучение иностранных студентов русскому языку с использованием и культуроведческого текста и картины изначально предусматривает комбинирование речевых актов. Так, чтение-говорение, аудирование-говорение могут включать использование картины на всех этапах обучения.

Система заданий и упражнений при обучении русскому языку с использованием живописного произведения призвана выполнять следующие функции:

- комментирующую (задания и упражнения направлены на формирование культуроведческой компетенции иностранных обучающихся);

- стимулирующую (задания и упражнения полезны для активного поиска иностранцами новых слов и языковых средств, развития образной речи и создания собственного высказывания на определенную тему);

- коммуникативную (задания и упражнения способствуют развитию диалогической и монологической речи) [4].

Таким образом, использование произведений живописи является одним из эффективных средств обучения русскому языку иностранцев. Картина представляет собой предметный план речи и своими конкретными образами помогает студентам осваивать новые понятия, семантизировать слова, создавать высказывания в соответствии с темой. Ее коммуникативные возможности способствуют активизации всех видов речевой деятельности (слушания, говорения, чтения и письма).

Живопись вызывает сопереживание у иностранных обучающихся, оставляя глубокие следы в их сознании и стимулируя активное поисковое мышление при выражении своих мыслей.

Авторы многих учебных пособий для иностранцев придают важное значение использованию произведений изобразительного искусства для развития речи обучающихся и включают в свои книги материалы о русских художниках и их произведениях.

Изучению русского языка как иностранного на основе произведений изобразительного искусства посвящены многие российские учебные пособия, предназначенные для работы на разных этапах обучения.

«Русский язык для художников: учебное пособие по языку специальности для иностранных студентов» Л. В. Аладышкиной, Е. А. Журавлевой (2022) ориентировано на обучающихся, владеющих РКИ на уровне А2 и выше. В нем рассматриваются различные темы: от инструментов художника до жанров китайской традиционной живописи и поп-арта.

Пособие «Грамматика в картинах русских художников (РКИ)» Ю. Д. Поляковой, Е. В. Ермаковой (2022) может быть использовано с уровня А1–А2, содержит 30 картин и соответствующих текстов с упражнениями. Задача пособия – вызвать у обучающихся эмоциональный отклик, желание делиться своими впечатлениями, мыслями, эмоциями.

В пособии «Идем в Третьяковку» Н. Н. Левшиной, О. В. Филипповой (2021) представлены сведения о картинах Третьяковской галереи, которые вызывают наибольший интерес у иностранной аудитории. По каждой картине в пособии даны блоки текстов: изложение содержания картины, информация об истории картины, сведения о биографии художников.

«Поговорим о русской живописи: русское искусство на уроках РКИ» Г. Н. Стариковой (2017) – пособие по развитию речи на основе произведений русской живописи различных жанров. Основой явились полотна И. Левитана, И. Е. Репина, В. И. Сурикова, Ф. А. Моллера, Г. В. Сороки и др. Привлекается литературный материал о роли портрета, пейзажа, интерьера, уточняются понятия «эпитет», «метафора», «прототип». Для среднего и продвинутого этапов обучения иностранных учащихся.

В пособии «ОДНА ЖИЗНЬ – ДВЕ КУЛЬТУРЫ» К. Алликметс, А. Стренгель-Кямпер (2011) о талантливых россиянах за рубежом есть тексты о музее Дали Гале (Е. Дьяконовой), художнике Н. Рерихе. Предназначено для уровня А2–В2.

Комплексная система работы по картине, включающая отбор картин по жанрам, искусствоведческие тексты, раскрытие межпредметных связей, систему упражнений по каждому виду речевой деятельности, лингвостилистический анализ искусствоведческого текста содержится в пособии «Живопись на уроках русского языка» Л. А. Ходяковой (2003).

Белорусские пособия по изучению русского языка как иностранного на основе произведений живописи достаточно ограничены и представлены работами Н. Е. Мининой, О. А. Климович, Н. М. Татариновой «Русский язык как иностранный: модуль профессионального владения. Изобразительное искусство и дизайн» (2012), Н. Е. Мининой, О. А. Климович, И. Я. Кураш «Русский язык как иностранный: художественный модуль: методические рекомендации» (2011, 2015). Эти издания предназначены для иностранных студентов учреждений высшего образования, обучающихся по специальностям «Изобразительное искусство», «Дизайн», и ориентированы на овладение профессиональным модулем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартин Л. Современное русское изобразительное искусство на уроках РКИ в Словакии // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 268–273.
2. Пассов Е. И. Диалог культур: философский, социальный и образовательный аспекты // Русский язык в центре Европы № 4. 2001. С. 6–16.
3. Стрельчук Е. Н. Развитие речевой культуры иностранных студентов на основе знакомства с произведениями русского изобразительного искусства // Записки Горного института. Т. 193. 2011. С. 256–269.

4. Чжан Лиянь. Использование пейзажной живописи в процессе развития русской речи китайских студентов: автореф. дисс... канд. пед. наук : 13.00.02 Москва, 2007. 20 с.

УДК 378.147:881.161.1'243

Куклицкая Алина Марковна, преподаватель
ООО Малберри клуб бизнес, Минск, Беларусь
Электронная почта: alina347347@gmail.com

Kuklitskaya Alina, Lecturer
LTD Mulberry Club Business, Minsk, Belarus
e-mail: alina347347@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ПОМОЩИ ПРИЛОЖЕНИЯ «CRIMINAL CASE»

В статье рассматривается способ организации самостоятельной работы иностранных студентов, изучающих русский язык как первый иностранный, при помощи игровых технологий и с использованием игрового приложения «Criminal Case».

Ключевые слова: игровые технологий; интернет-сервис; игровое приложение.

ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK FOR FOREIGN STUDENTS USING THE «CRIMINAL CASE» APPLICATION.

The article investigates the way to organize independent work for foreign students' knowledge who study Russian as the first foreign language with the usage of gaming technologies and using the "Criminal Case" gaming application.

Key words: game technologies; Internet service; gaming application.

В процессе работы с иностранными студентами, изучающими русский язык как иностранный на подготовительном отделении, пришло чёткое понимание того, что каждый год мы сталкиваемся с трудностями усвоения обиходной лексики (мебель, продукты питания, одежда и т.д.). Объём слов, который студенты должны запомнить и частота их использования, к сожалению, не совпадают. Как правило, лексика запоминается до ближайшего теста. Почему так происходит? Возможно, из-за большого количества самих слов, которые студенты должны запомнить в совокупности со сложными грамматическими правилами русского языка. Сама лексика не используется достаточно часто в ежедневном общении, отсутствует крепкая ассоциативная связь, которая могла бы помочь вспомнить слово, или банальная усталость самого студента. Конечно, некоторые студенты достаточно успешно осваивают материал, однако большинству студентов даётся это не так просто. Поэтому, принимая во внимание вышеперечисленные особенности, возникла следующая задача: «Каким же образом помочь студентам в этом вопросе?»

Как уже упоминалось ранее, некоторые единицы обиходной лексики употребляются студентами недостаточно часто, в следствии чего, они её либо забывают, либо она переходит в разряд пассивного словаря. Одним из способов

решения данной задачи является организация самостоятельной работы таким образом, чтобы у них появилась более крепкая ассоциативная связь с изучаемой лексикой, сформировалась необходимость использования данной лексики, ну и, конечно, им должно быть интересно её выполнять, так как, таким образом формируется более правильная мотивация "я сам(а) хочу / мне это интересно", а не самостоятельная работа потому что "так надо" или "из под палки". И, на этом моменте, возникает следующий вопрос: "как же их правильно замотивировать на выполнение самостоятельной работы?". Ответ продиктован временем, в котором мы живем, а именно, временем цифровых технологий, также не стоит упускать из виду неоспоримую любовь студентов к различного рода компьютерным приложениям. Используя эти данные, было принято решение использовать игровые технологии, а именно приложение «Criminal case».

«Криминальное дело» – это игра в жанре поиска предметов на детективную тематику. Игра представляет собой детективную историю. Игрок должен выполнить задания для того, что ответить на главный вопрос и найти преступника.

Несомненное преимущество данной игры, в том, что, погружаясь в атмосферу приключений, происходит стимуляция интереса и мотивации на дальнейшее выполнение заданий. Студент получает возможность выступить в роли детектива, раскрывающего криминальные дела, тем самым продвигаясь по истории игры.

В процессе игры студент должен найти соответствующие улики, выбирая предметы в определённых локациях. Благодаря такого рода действиям формируется крепкая ассоциативная связь между словом и картинкой, отображающей это слово. Задание осложнено ещё тем, что студенту необходимо найти правильный предмет среди других вещей.

В игре «Криминальное дело» также присутствует соревновательный момент, который выступает ещё одним стимулом к выполнению самостоятельной работы. За быстрое прохождение даётся большее количество очков (в игре это звёзды). Игрок зарабатывает звёзды, которые будут использоваться в качестве валюты для выполнения необходимых для раскрытия криминального дела задач, таких как: проверка улик, допрос подозреваемых и так далее. Чтобы заработать больше звёзд студенту приходится вновь и вновь возвращаться в пройденные локации, а значит, многократно повторять использовавшуюся ранее лексику.

В процессе игры будут также появляться задачи, которые занимают несколько часов реального времени, так что студентам придётся отложить игру в сторону и отдохнуть, если вдруг они сильно увлекутся.

По мере продвижения по «делу» студент получает сведения о «жертве», о сути и причинах преступления и об отношениях «пострадавшего» с подозреваемыми. Исходя из полученных данных, полученных в процессе прохождения всего криминального «дела», в конце игрок, проанализировав их, должен «арестовать» подозреваемого, который подходит по всем критериям. Если решение верное, «дело» раскрыто.

Конечно, прежде чем организовать самостоятельную работу такого рода, со стороны преподавателя требуется определённая подготовка. Во-первых, это прописать скрипт по каждой истории для того, чтобы у студентов перед глазами была история «дела» целиком и, если у них возникнут вопросы, они могли бы перечитать и найти ответ. Скрипт необязательно присылать целиком, можно высылать частями, по мере прохождения игровых локаций. Во-вторых, можно отобрать слова и фразы, которые могут вызвать сложности в понимании учащихся. В-третьих, составить комплекс упражнений для дополнительной проработки отобранной лексики. В-четвёртых, придумать матрицу проверки приобретенных знаний и организовать с её помощью контроль за усвоением лексики.

В процессе апробации стало понятно, что такого рода самостоятельная работа нравится абсолютному большинству студентов. Студентам понравился тот факт, что они могут учить лексику в процессе игры, а не привычным способом "заучивания". Тест, который был использован в качестве контроля также показал высокие результаты.

Таким образом, организация самостоятельной работы студентов при помощи использования игровых технологий была проверена на практике и в результате – определено показывает их положительное воздействие на процесс обучения русскому языку как иностранному.

Игровой процесс становится неким медиатором, с помощью которого студентам гораздо легче преодолевать психологические трудности в отношениях с преподавателем, им легче дается когнитивная деятельность в условиях незнакомой среды.

Изучение слов и выражений происходит не только через их запоминание как абстрактных единиц, но и с визуальным подкреплением через изображения и объяснение контекстов применения. К тому же, награды, полученные студентами во время игрового процесса, служат осязаемым доказательством их достижений и эффективности в изучении языка.

УДК 372.881.161.1

Андреева Мария Владиславовна, преподаватель
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: *Maryiaand@yandex.ru*

Andreyeva Maryia, Lecturer
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: *Maryiaand@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТИКТОК НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

В статье кратко описывается приложение ТикТок и возможность использования видео из данного приложения на занятиях со студентами.

Ключевые слова: ТикТок, видео, русский как иностранный.

USAGE OF TIKTOK IN RUSSIAN
AS FOREIGN LANGUAGE CLASSES

The article briefly describes the TikTok app and the possibility of using videos from this app in classes.

Keywords: TikTok, videos, Russian as foreign language.

В современном мире с каждым годом растет влияние социальных сетей на нашу жизнь. Мы используем их для общения и отдыха, чтобы узнать что-то новое, будь то новости или образовательная информация. Социальные платформы изначально не создавались с образовательной целью, и получение новых знаний не является основным направлением работы приложения, однако сами люди вполне успешно используют различные соцсети и как частично образовательные платформы. Одной из таких социальных сетей является ТикТок.

ТикТок – приложение, созданное в 2016 году в Китае и с каждым годом набирающее все большую популярность. Эта социальная сеть становится все более привычной для молодежи, однако привлекает представителей разного возраста. Основной способ использования – просмотр и создание небольшого по хронометражу видео. Относительно простое использование и разнообразие видеоматериала способствует привлечению внимания к самому приложению. Аналог ТикТок, который используется в самом Китае – Доуинь – обладает даже большими возможностями, чем международное приложение, вследствие чего является широкоиспользуемой программой. Ориентированность на быстрое потребление контента, разнообразие получаемой информации и дополнительные свойства обеспечивают популярность данной социальной сети. Сеть позволяет не только проявить себя, показать свои таланты, но, в некоторых случаях, и заработать на них, монетизировав видео.

В ТикТоке с каждым годом появляется все больше каналов, созданных с целью помочь другим людям в изучении иностранных языков. Русский язык, несмотря на ограничения, наложенные на приложения на территории России, остается довольно популярным как для зрительской, так и для авторской аудитории. Хотя не все материалы, представленные на различных каналах, одинаково структурированы, они могут служить своеобразным дополнением как для самостоятельного изучения языка, так и работы под руководством преподавателя, хотя и не могут стать основным способом изучения [1].

Такая популярность и является одним из факторов использования видео, загруженных на платформу, в качестве учебного материала на занятиях русским языком как иностранным. ТикТок популярен среди жителей разных стран разного возраста. Особенную любовь он имеет у молодежи: например, в США около 25 % всех пользователей ТикТок – люди от 25 до 34 лет, еще 24 % – люди от 18 до 25 лет [2]. Если говорить о иностранных студентах нашего университета (2–4 курсы, добровольный опрос, 25 человек), то среди них большая часть (84 % опрошенных, 21 из 25) смотрит (22 человека) и/или снимает видео (5 человек) в ТикТок, притом на достаточно частой основе (68 % сами считают, что смотрят видео часто), а 84 % (21 из 25) смотрят видео и на русском языке.

На вопрос «Если вы смотрите видео на русском языке, какие видео вы смотрите?» многие студенты отвечали «развлекательные, которые помогают расслабиться». Основной контент, который интересует студентов на русском языке – (песни, кусочки из сериалов), хотя образовательный контент – самостоятельное изучение русского языка также интересует некоторых. Заинтересованность студентов именно в таком виде материала может помочь преподавателю при выборе и создании заданий для занятий. Именно этот фактор дополнительной самостоятельной мотивации студентов может помочь при освоении различных тем.

Примерами ответов, которые студенты предлагали при ответе на вопрос «Какие видео на русском языке вы хотите смотреть в ТикТок?», были «Где весело и вкусно поесть в Минске?», «Научные документальные фильмы об истории СССР, военных, Чернобыле», «Как учить русский язык?». Таким образом, можно сказать, что ТикТок помогает иностранцам лучше освоиться в незнакомой стране, познакомить их с городом и дать полезную для жизни информацию, а также позволяет в относительно развлекательной форме получить обучающую информацию. Это представляется особенно значимым, так как студенты нашего вуза изучают русский язык не в России, информация про которую обычно дается в учебниках при изучении материала, а в Беларуси. С помощью таких видео возможно одновременно узнать лучше страну изучаемого языка, в которой они сейчас живут, и послушать носителей языка.

Как уже было сказано, основная цель ТикТок – просмотр и съемка видео. Большинство видео в ТикТок достаточно короткие, до 3 минут, хотя встречаются варианты как на 30 секунд, так и до 10 минут. Эта длина видео является одной из особенностей приложения. По этой причине отсюда довольно удобно брать видео для разминки или введения какой-либо проблемы на занятии, так как сами создатели видео часто хотят вместить только самую важную информацию, не тратя время на лишнее. С помощью поиска по хештегам или ключевым словам можно найти самые разнообразные видео.

Сам факт того, что источник, с которым работают на занятии, взят не просто из учебника, а из популярной социальной сети, с которой сам сталкиваешься в повседневной жизни, также служит для многих мотиватором и усилителем интереса. Аудиовизуальная форма представления позволяет повысить эффективность обучения за счет понимания смысла как звукового, так и видеоряда. Некоторые примеры на определенную тему, показанные в формате видео, были более интересны, чем примеры, просто написанные в задании в виде текста. К тому же многие видео в ТикТок снимаются в формате трендов, то есть видео, которые потом повторяют с небольшими изменениями другие люди. Это также может являться дополнительной опорой для понимания, поскольку часть информации благодаря тренду смотрящему уже (интуитивно) знакома.

Для занятий на старших курсах при изучении и повторении достаточно сложных для понимания тем использовались видео с использованием популяр-

ных трендов. В качестве примера можно рассмотреть задание на распознавание системных отношений лексических единиц языка в шутке (с использованием тренда «разговаривающие» коты):

- *Что тебе твой непутёвый подарил?*
- *Убрался.*
- *Неужели? Как на него не похоже. Везде?*
- *Навсегда!*

Студенты с достаточно большим интересом смотрели и разбирали видео, пытаясь понять смысл шутки. Заинтересованность в нахождении ответа на подобное задание была несколько выше интереса к аналогичному заданию, но написанному в виде простого текста в учебнике, из чего можно предположить, что формат короткого, с нестандартной подачей информации видео дал дополнительную мотивацию при выполнении задания.

Из минусов, опять же, может быть та самая смысловая насыщенность и достаточно большая скорость подачи информации. Даже при замедлении видео не все студенты смогут сразу понять смысл показанного. Это особенно характерно для аутентичных видео, поскольку, как уже было сказано, время видео ограничено и автору необходимо рассказать все необходимое за малое количество времени. Другой проблемой может стать более сложная лексика, и если при работе с преподавателем этот вопрос решается на этапе снятия лексических трудностей, то при самостоятельном просмотре это может стать небольшой, но проблемой.

Тем не менее, данные минусы не перевешивают именно интерес студентов к материалу и форме подачи новой информации является одним из главных аргументов в пользу того, чтобы использовать ТикТок и видео из него в качестве основы для дополнительных заданий и источника аутентичных материалов и культуро- и страноведческой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Torresin Linda. Использование TikTok как средства знакомства с русским языком и культурой в процессе самообразования [Электронный ресурс]. Режим доступа : (PDF) Использование TikTok как средства знакомства с русским языком и культурой в процессе самообразования (researchgate.net). Дата доступа : 25.04.2024.
2. TikTok Statistics You Need to Know [Электронный ресурс] Режим доступа : <https://backlinko.com/tiktok-users#tiktok-user-demographics>. Дата доступа : 25.04.2024.

Круглый стол АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'33

Кирдун Алла Анатольевна, кандидат филологических наук
Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: allakirdun@belstu.by

Kirdun Alla, Candidate of Philological Sciences
Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
e-mail: allakirdun@belstu.by

РЕШЕНИЕ НЕТИПОВЫХ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ (из опыта проведения)

Описаны типовые диагностические задачи судебной лингвистической экспертизы и представлен опыт решения нетиповых диагностических задач: определение уровня языковой компетенции фигуранта уголовного дела и выявление лингвистических признаков понимания / непонимания смысла адресованных ему вопросов (реплик).

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; экспертные диагностические задачи; языковая компетенция; речевые нормы; смешанная речь; диалогическое единство.

SOLVING ATYPICAL DIAGNOSTIC TASKS IN FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE (From the Experience of Conducting)

Typical diagnostic tasks of forensic linguistic expertise are described and the experience of solving atypical diagnostic tasks is presented: determining the level of linguistic competence of a person involved in a criminal case and identifying linguistic signs of understanding / misunderstanding the meaning of questions (replicas) addressed to him.

Key words: forensic linguistic expertise; expert diagnostic tasks; language competence; speech norms; mixed speech; dialogical unity.

В теории судебной лингвистической экспертизы (далее – СЛЭ) к диагностическим (т. е. не связанным с отождествлением) относят задачи по выявлению смысла единиц различных уровней (слов, словосочетаний, предложений-высказываний, текста), установлению наличия / отсутствия в тексте информации определенного типа / содержания, определению значения / формы выражения значения и отнесение их к определенному классу и др. [1, с. 23]. Каждая такая задача может быть самостоятельной (конечной) в рамках конкретного экспертного исследования. В таком случае разрешению подлежат вопросы типа «*В каком значении употреблено слово / словосочетание “...” в тексте, поступившем на исследование?*», «*К какому слову или словам*

в предложении "... " относится определение "... "?», «Употреблено ли слово / словосочетание "... " в представленном на исследование тексте в значении '... '»?», «Содержится ли в тексте информация о передаче денежных средств / наркотиков / ...?» и др. Однако часто задачи по экспликации значений языковых единиц или поиску той или иной информации в речевом произведении являются промежуточными, т. е. их решение необходимо для ответа на вопрос, содержащий более сложную, многокомпонентную, задачу. К таковым относятся вопросы, которые ставятся в связи с рассмотрением дел об оскорблении («Содержатся ли в материале (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки унижения? Если да, то содержатся ли в материале (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки неприличной формы выражения?»), об угрозе («Содержатся ли в высказывании / тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки угрозы совершения каких-либо действий?»), о противодействии экстремизму («Содержатся ли в тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки призыва? Если да, то к каким конкретно действиям призывают адресата?»), «Содержатся ли в тексте (указание конкретного речевого произведения) лингвистические признаки возбуждения вражды, ненависти по отношению к следующей группе лиц (конкретизация группы)?») и мн. др.

Решение описанных диагностических задач (т. е. задач, связанных с поиском / выявлением в речевом произведении значений, конкретизированных в вопросе) осуществляется сегодня уже не стихийно-интуитивно, как это было на первых этапах становления СЛЭ, а на основе теоретически и методически проработанных технологий, инкорпорированных в экспертные методики (см, например, [1–8]). Другими словами, выше представлены те диагностические задачи, которые, во-первых, являются частотными в практике производства СЛЭ, а во-вторых, их решение имеет методическое обеспечение. Не претендуя на терминологическую однозначность, подобные задачи условно характеризуем как типовые. Однако диапазон диагностических задач (в том числе и классификационно-диагностических), которые могут решаться в рамках СЛЭ, значительно шире. На практике возникают ситуации, когда эксперту для выполнения запроса на лингвистическую помощь необходимо осуществить поиск научной информации по существу поставленных вопросов и содержащихся в них задач и самостоятельно определить технологию исследования речевого материала. Отметим, что в законодательстве Республики Беларусь о судебной экспертизе прямого указания на самостоятельность эксперта в выборе методов и методик нет, однако она вытекает из системного толкования положений п. 1. ст. 8, п. 2. ст. 9 Закона Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З «О судебной экспертной деятельности», абз. 6 п. 2 ст. 236 УПК Республики Беларусь и др.

Далее представлен опыт решения нетиповых диагностических задач в рамках экспертизы, назначенной по делу об убийстве, совершенном группой лиц еще в 2005 г. Обстоятельства, в связи с которыми потребовались знания в области лингвистики, были следующими.

Одним из обвиняемых являлся К**, молодой мужчина, имеющий особенности индивидуально-психологического развития. В ходе следствия в 2005–2006 гг. К** давал признательные показания об обстоятельствах убийства в соучастии с иными лицами, однако в суде в 2006 г. отказался от этих показаний. Обстоятельства сложились таким образом, что всем обвиняемым, в том числе и К**, был вынесен оправдательный приговор. В 2018 г. следствие по делу было возбуждено вновь. К** все же признал свою вину и стал давать показания об обстоятельствах совершения инкриминируемых преступлений. Другие обвиняемые то признавали, то отрицали свое участие в совершении убийства, указывали на несостоятельность показаний К**, связывая ее в том числе и с индивидуально-психологическими и психическими особенностями К**.

В вопросах, адресованных эксперту-лингвисту, содержались, среди прочих, задания определить уровень языковой компетенции (владения русским языком) обвиняемого К** и наличие / отсутствие лингвистических признаков понимания / непонимания К** смысла вопросов (реплик), адресованных ему на русском языке. Исследованию подлежала устная речь К**, зафиксированная во время процессуальных действий в четырех видеозаписях 2005 г., одной видеозаписи 2006 г., трех видеозаписях и одной аудиозаписи 2019 г. Объем и разборчивость речевого материала были признаны достаточными и пригодными для решения поставленных вопросов. В качестве рабочего использовалось определение языковой компетенции как «собственно лингвистического уровня владения языком, подразумевающего знание и владение грамматической и словарной сторонами языка» [9, с. 60].

В ходе лингвистического исследования установлено, что устная речь К** является интерферированной, гибридной. Иначе говоря, в речи фигуранта смешиваются нормативные и ненормативные явления русского и белорусского языков. Причем смешение имеет две разновидности – *уровневое* и *линейное*. Уровневое смешение проявляется в том, что по фонетико-интонационному оформлению высказывания К** соответствуют белорусскому языку, а по лексической наполненности – русскому и белорусскому языкам. Кроме того, лексические единицы русского языка могут иметь грамматические формы белорусского языка (например: *на почках* при норме рус. *по почкам*, бел. *па нырках*), а лексические единицы белорусского языка – формы русского языка (например: *зачапілася* при норме рус. *зацепилась*, бел. *зачапілася*). В речи К** также присутствуют словоформы, в которых может быть «русское» начало, но «белорусская» основа и окончание или наоборот – «белорусское» начало, но «русская» финальная часть, например: *этыя* (рус. *эти*, бел. *гэтыя*), *аны* (рус. *они*, бел. *яны*), *дзе-та* (рус. *где-то*, бел. *дзесьці*). Линейное смешение в речи К** проявляется через обозначение одного и того же объекта, понятия или явления лексемами то белорусского языка, то русского (часто за счет репродукции лексических единиц из русскоязычных реплик собеседников). Например: бел. *грошы* – рус. *деньги* («Яны мне казалі: “Пашли. Украдзём там грошы...”»), «Яна гаворыць: “У мяне німа. Дзе я табе вазьму гэтыя дзеньгі,

у мяне німа”», «П** *на́чаў успамінаць пра дзеньгі*»); бел. *бацька* – рус. *отец* («*І мне бацька гавора: “Каб ты там быў, гавора, <...> і вам бы такое было”*», «*Да, ацец прысутстваваў*» и др.); бел. *трохі* – рус. *чуть-чуть* («*Быў Р** трохі выпіўшым*», «*Я тама чуць-чуць выпіў*» и др.) и др.

Во всем массиве речи К** не было выявлено ни одного фрагмента, в котором его смешанные высказывания чередовались бы с высказываниями на русском или белорусском языке. При этом практически каждое высказывание К** содержало отклонения от речевых норм двух языков, в том числе: искажение слов («*палама́тае*» при норме рус. *полóманное*, бел. *палама́нае*; «*матафон*» при норме рус. *магнитофон*, бел. *магнітафон*; «*сашэ*» при норме рус. *шоссé*, бел. *шашá*); употребление «слов-паразитов» («ну», «бля», «каро́ча», «як вам сказаць» и др.); включение диалектизмов («*Эта дзяцёнак яшчэ малы́й быў*», «*Вуна халадзі́льнік стаіць*», «*Ну, у яго была кофта расплі́нутая*», «*Яна ўжо ні бача так... Ну, ходзя, но ўжо ні бача*» и др.); использование арготизмов, обценных, жаргонных языковых единиц («*Как убіваў, бляць, не відзеў я. Я прышоў – яна ўжо ляжала*», «*Ю** у гэтай хаце сядзеў, у якой я сяжу шчас*», «*Як очная стаўка прашла, ён мне на́чаў мулі́ пісаць*» и др.); ошибки в согласовании и управлении («*Жэ́ничын двое было́*» при норме рус. «*Же́нщин было́ две*», бел. «*Жанчы́н было́ дзве*»; «*Кроў была́ цэлая лужа*» при норме рус. «*Крови́ было́ целая лужа*», бел. «*Кры́ві было́ цэлая лужа*» и др.); и др.

На основании того, что К** использует в качестве средства коммуникации смешанную белорусско-русскую речь, нормами русского и белорусского языков не владеет и не демонстрирует способности продуцировать высказывания на каждом из них, его уровень языковой компетенции (владения русским языком) был определен как нулевой. Вместе с тем данным уровнем не обуславливается способность К** понимать сообщения, адресуемые ему на русском языке. Подобный тип речевого взаимодействия не является уникальным, он характерен для территорий, на которых совместно функционируют родственные языки, и определяется в лингвистике и социолингвистике как пассивный дуалингвизм [10, с. 38].

Для решения вопроса о понимании / непонимании исследуемые разговоры были разделены на диалогические единства (далее – ДЕ) – тематические объединения реплик, представляющих собой обмен высказываниями, каждое последующее из которых зависит от предыдущего. Лингвистические признаки, связанные с непониманием, рассматривались в рамках системы исправлений, которая представляет собой набор практик, направленных на разрешение различных проблем речевого взаимодействия (говорение, слушание, понимание и даже согласие). Учитывалось также, что кроме инициирования исправления, в бытовой коммуникации непонимание может демонстрироваться в форме отдельных речевых актов, имплицитно или эксплицитно.

Эксплицитно непонимание выражается через сообщение о соответствующем ментальном состоянии с помощью языковых единиц: *не понимаю, не*

пойму, не возьму в толк, не соображу и т. д.; *не могу понять, осмыслить, разгадать, уловить, взять в толк* и т. д.; *не понятно, не ясно*; и др. Имплицитно непонимание может выражаться в таких конструкциях, как речевые акты уточнения, удивления, раздражения, речевой акт молчания и др. [11].

Следует подчеркнуть, что наличие описанных признаков не обязательно указывает на непонимание смысла заданного вопроса или обращенной реплики. Речь может идти о случаях: а) ошибок восприятия обращенной речи, обусловленных как внешними факторами (шум), так и внутренними (отвлечение внимания или другие проблемы на побуждающем уровне восприятия); б) когда демонстрация непонимания используется говорящим как речевая тактика. Иначе говоря, не каждое «*я не понял*» свидетельствует о недоступности смысла услышанного вопроса, оно может быть способом выразить несогласие, уйти от ответа, получить паузу в разговоре и др. Разграничение таких случаев и собственно непонимания смысла сообщаемого представляет собой аналитическую проблему, разрешимую при исследовании контекста, коммуникативной ситуации и специфических индикаторов, указывающих на характер трудностей в речевом взаимодействии.

При анализе ДЕ на предмет эксплицитного выражения К** непонимания адресованных ему вопросов установлено, что во всем речевом массиве фрагменты с такими репликами единичны. Например, в одном из ДЕ К** на заданный ему вопрос, сопровождаемый уточнением «*Вам вопрос понятен?*», ответил: «*Нет, мне не паяцен*». Однако это отрицание не поддерживалось контекстом: в предшествующих репликах К** уже давал адекватный ответ на аналогичный вопрос. В других ДЕ сообщения о непонимании относились не к смыслу заданного К** вопроса, а к значению конкретного слова, о котором у него спрашивал собеседник, например: «*Что ты понимаешь под словом “оговор”?* Ты понимаешь значение этого слова?» – «*Нет, не понимаю*». Здесь отрицательный ответ К** является как раз таки выражением понимания смысла адресованного ему вопроса о значении слова «оговор».

Затруднения с ответом у К** вызывали вопросы, содержащие средства официально-делового стиля, фразеологические единицы, а также понятия, выходящие за пределы бытовой сферы. Например, в вопросе «*Кто-то с ней вступал в половую связь?*» предметом непонимания для К** стала характерная для протокольного жанра конструкция «*вступать в половую связь*». В ходе диалога путем замены этой конструкции на просторечную «*спал с ней*» непонимание было устранено (маркер – междометие *a* в последующей реплике К**, выражающее уяснение, удовлетворенное понимание).

В некоторых ДЕ присутствовали речевые акты молчания, следующие за вопросами о причинно-следственных связях («*Почему вы считаете, что именно С** её убил?*» и др.). При семантической декомпозиции предшествующих и последующих ответов К** установлено, что оно (молчание) связано не с проблемой понимания / непонимания заданных ему вопросов, а с проблемой

формулирования адекватного ответа, т. е. с трудностями в подборе необходимых языковых средств, которые оптимально отразили бы денотативную ситуацию. В то же время ответы К**, содержащие признаки непонимания обращенных к нему реплик, не имели отклонений от глобальной темы разговора и всегда были связаны с обстоятельствами убийства; все выраженные случаи непонимания разрешены за счет уточняющих вопросов или их переформулирования, что в целом является естественным для любого диалога.

В заключение следует отметить, что решение нетиповых диагностических задач, связанных с исследованием речевого материала в виде диалога, требует чрезвычайно скрупулезного «семантического протоколирования», т. е. описания в явном виде всех компонентов смысловой структуры каждого из высказываний: его *содержания*, т. е. того, о чем именно сообщается; коммуникативной *цели*, с которой что-то говорится; *способа коммуникации*, т. е. как именно произносится то или иное высказывание. Особое внимание должно уделяться также факторам, определяющим коммуникативную ситуацию: место, время коммуникации, ситуативно-ролевой статус коммуникантов, жанр коммуникативного события, тональность общения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : метод. пособие / А. М. Плотникова и [др.]; М-во юстиции Рос. Федерации, ФБУ Рос. федер. центр судеб. экспертизы. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.
2. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / М-во юстиции Рос. Федерации, ГУ РФЦСЭ. М., 2011. 330 с.
3. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / ФБУ «Российский центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации». М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
4. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.
5. Осадчий М. А. Русский язык на грани права : Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 256 с.
6. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основы и практика : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 592 с.
7. Кузнецов С. А., Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими : теоретич. основание и науч.-практич. изд. М. : Издательский дом В. Ема, 2014. 312 с.
8. Кирдун А. А., Андреева А. В. Методика производства судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с вербальным оскорблением (проспект) // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском,

- арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях: мат-лы VI междунар. науч.-практич. конф. (Уфа, 12–13 октября 2017 г.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2017. С. 93–100.
9. Словарь социолингвистических терминов / Ин-т языкозн. Рос. акад. наук, Рос. акад. лингв. наук. М., 2006. 312 с.
  10. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для вузов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 315 с.
  11. Медведева А. Г. Лингвистические средства выражения непонимания в речевом взаимодействии говорящего и слушающего в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иркут. гос. лингвист. ун-т. Иркутск, 2003. 16 с.

УДК [811.161.1+37.026]:34

Иватович-Бабич Валентина Тадеушевна, кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: viva1975@inbox.ru

Ivatovich-Babich Valentina, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: viva1975@inbox.ru

Полетаева Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой славянских языков
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
Электронная почта: poliet.olga@gmail.com

Poletaeva Olga, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Head of the
Department of Slavonic Languages
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: poliet.olga@gmail.com

ВОПРОСЫ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФИЛИЗАЦИИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Статья посвящена вопросам научно-методического сопровождения преподавания профилизации «Лингвистическая экспертиза» в рамках специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» углубленного высшего образования на базе Минского государственного лингвистического университета. Рассмотрены базовые компетенции эксперта-лингвиста, необходимые для осуществления профессиональной деятельности в сфере лингвистической экспертологии, цели и задачи подготовки, профессиональный портрет выпускника и перспективы его трудоустройства.

Ключевые слова: лингвистическая экспертология, субъект и объект лингвистической экспертизы, профессиональные компетенции эксперта-лингвиста

ISSUES OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE SPECIALIZATION «LINGUISTIC EXPERTISE»

The article is devoted to the issues of scientific and methodological support for teaching the specialization "Linguistic expertise" within the framework of the specialty "Theoretical and Applied

Linguistics" of advanced higher education at Minsk State Linguistic University. The article discusses the basic competencies of an expert linguist necessary for implementation of professional activities in the field of linguistic expertology, goals and objectives of training, professional portrait of a graduate and prospects of his/her employment.

Key words: linguistic expertology, subject and object of linguistic expertise, professional competences of an expert linguist.

Лингвистическая экспертология является одним из разделов юридической лингвистики, под которой в настоящее время понимают с одной стороны, отрасль прикладной лингвистики, предметом изучения которой является область пересечения языка, права и конфликта, а с другой – научную дисциплину, изучающую продукты речевой деятельности на стыке филологии, психологии и юриспруденции [1, с. 6].

Юридическая лингвистика находится на пересечении пространств языкознания и юриспруденции, носит междисциплинарный характер, взаимодействуя с социолингвистикой, психолингвистикой, экологией языка, лингвоконфликтологией, с одной стороны, и с юридической психологией, криминологией, гражданским и уголовным правом и т. д. – с другой).

В отечественной лингвистике термин «юрислингвистика» впервые был введен в научный оборот в только 1999 г. исследователями из «Лаборатории юрислингвистики и развития речи» Алтайского государственного университета.

Ученые видят базисные задачи этого нового прикладного направления лингвистических исследований в изучении конфликтного функционирования языка; в практической разработке юридических и лингвистических аспектов языковой политики; в совершенствовании юридического языка, способного обслуживать специальную правовую коммуникацию; в разработке единых правил судебной экспертизы различных видов; в терминологическом, переводческом и лексикографическом обеспечении юридической деятельности.

Многие исследователи справедливо отмечают, что объектом внимания юрислингвистики становится язык, реализующий различные отношения со сферой права. Впервые на их специфику указал Н. Д. Голев, который считал, что, во-первых, язык выступает как объект правового регулирования, во-вторых, как средство, при помощи которого осуществляется это регулирование, в-третьих, язык является непосредственным предметом исследования в случае необходимости исследования спорного текста [2, с. 11].

Под лингвистической экспертизой традиционно понимают процесс исследования, анализа и оценки продуктов речевой деятельности, направленный на установление значимых фактов и получение ответов на поставленные перед экспертом вопросы [3, с. 12].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что до долгое время лингвистические исследования спорных текстов проводились отдельными наиболее опытными и квалифицированными учеными, не являющимися сотрудниками

специальных экспертных организаций. В связи с этим возникал целый ряд проблем, связанных с неопределенностью профессиональных компетенций, а именно: 1) со смешением задач собственно теоретических исследований и практической экспертной деятельности, связанной, в первую очередь, с установлением фактов, имеющих значение доказательств; 2) с выдвиганием субъективных гипотез и выражением личной интерпретации и оценки, которые оказываются неприемлемыми в качестве выводов лингвистической экспертизы; 3) с отсутствием четкого представления о правовых последствиях (в том числе, судебной перспективе) и юридической ответственности за сформулированные выводы.

Очевидно, что в последние десятилетия подготовка специалистов в сфере лингвоэкспертологии становится первоочередной задачей, поскольку экспертные исследования должны стремиться выйти на уровень сформированного технологического процесса, осуществляемого специалистом-экспертом по единым, научно-обоснованным методикам и воспроизводимым лингвистическим технологиям.

Кроме того, необходимо учитывать растущие запросы на экспертизу конфликтной коммуникации, в которую оказываются вовлеченными не только граждане, организации различных форм собственности, но и средства массовой информации, интернет-издания, бизнес и органы власти.

В русскоязычном научном сообществе разработкой вопросов юрислингвистики и лингвоэкспертологии занимаются научные коллективы под руководством проф. А. Н. Баранова, проф. И. А. Стернина, проф. Н. Д. Голева, проф. В. Ю. Меликяна и др.

Анализ рынка образовательных услуг показывает, что подготовку специалистов в сфере юридической лингвистики на различных ступенях высшего образования (бакалавриат, магистратура, курсы повышения квалификации) в Российской Федерации осуществляет ряд образовательных учреждений. Авторитетные научные школы сформировались в Высшей школе экономики (Москва), Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), Кемеровском государственном университете, Санкт-Петербургском государственном университете, Томском государственном университете, Нижегородском государственном лингвистическом университете имени Н. А. Добролюбова и некоторых других учреждениях образования. Они предлагают различные образовательные траектории в сфере лингвистической экспертологии, включающие в разных пропорциях циклы учебных дисциплин по лингвистике, переводоведению, документоведению, юриспруденции.

Наряду с такими вполне традиционными учебными курсами, как «Фонетика в лингвистической экспертизе текста», «Семантика и прагматика в лингвистической экспертизе текста», «Синтаксис в лингвистической экспертизе текста», «Лингвистическая экспертиза товарных знаков», «Лингвистическая экспертиза рекламного дискурса» (например, в Высшей школе экономики), в программы подготовки включены дисциплины позволяющие

расширить профессиональные компетенции лингвиста-эксперта: «Законодательная сторона лингвистической экспертизы» (Высшая школа экономики); «Языковой экстремизм и экстремистский текст» (Нижегородский госуниверситет); «Психология социальных конфликтов», «Речевые технологии вовлечения в деструктивные социальные практики», «Религии в современном мире и религиозный экстремизм» (Южный федеральный университет).

В Республике Беларусь образовательная деятельность в данном направлении осуществляется только в рамках Института повышения квалификации Государственного комитета судебных экспертиз, который предлагает образовательную программу по специальности 9-09-1037-13 «Судебная фоноскопическая и лингвистическая экспертиза» с присвоением квалификации «Судебный эксперт в области фоноскопических экспертиз. Судебный эксперт-лингвист». Переподготовка осуществляется на базе высшего образования для специалистов как филологического, так и технологического профиля (например, прикладная информатика и компьютерные технологии, информационно-измерительные приборы, технические системы обеспечения безопасности и под.). Анализ содержания образовательного стандарта переподготовки УС РБ 9-09-1037-01 и учебного плана свидетельствует о том, что в данном учреждении при обучении специалистов акцент в большей степени делается на подготовке в сфере судебной фоноскопической экспертизы [4].

В силу образовавшейся в Республике Беларусь ниши в подготовке экспертов по лингвистической экспертизе на уровне высшего образования, а также с учетом запросов республиканского и региональных центров судебных экспертиз в Минском государственном лингвистическом университете рассматривается возможность открытия новой профилизации «Лингвистическая экспертиза» в рамках специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» углубленного высшего образования (магистратуры).

Учебный план специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» включает следующие дисциплины профилизации: «Лингвистическое обеспечение экспертной деятельности», «Стилистика речи и экология языка», «Психология социальных конфликтов».

Преимущество предлагаемого образовательного продукта заключается в том, что подготовку в рамках данной профилизации могут проходить специалисты, имеющие высшее образование лингвистического и филологического профиля и уже обладающие сформированными навыками анализа разноуровневых языковых единиц и продуктов речевой деятельности.

Поскольку в лингвистической экспертиологии речевое произведение выступает в качестве «следа», отражающего юридически значимую информацию, расширение профессиональных умений предполагается за счет формирования специальных компетенций по экспертному анализу спорного текста. Также необходимы компетенции по экспертному лингвистическому сопровождению конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства; компетенции по оказанию содействия судам, органам дознания,

адвокатам, нотариусам, физическим и юридическим лицам в разрешении спорных вопросов; компетенции по содействию в разрешении вопросов, требующих специальных знаний в области лингвистики; компетенции по регулированию конфликтной коммуникации.

Таким образом, ключевой целью обучения становится подготовка специалистов, способных выполнять прикладные исследования в сфере лингвистической экспертизы и смежных видов экспертиз и готовых к самостоятельной экспертно-аналитической работе, к совершенствованию и развитию на современной научной основе приемов экспертных методик.

В результате обучения обучающий должен знать современные методы экспертного исследования, обладать базовыми навыками проведения лингвистической экспертизы по ее наиболее распространенным видам, а также навыками комплексного анализа как стандартных, так и нетривиальных объектов лингвистического исследования (креолизованных текстов, изображения как текста в широком понимании).

Требование к точности и объективности результатов экспертизы предполагает обязательное включение в образовательный процесс задач по формированию умения профессионально пользоваться различными источниками информации: толковыми (в том числе словарями лексики, не входящей в состав литературного языка: разговорной, жаргонной лексики), фразеологическими, грамматическими, ассоциативными, терминологическими словарями и справочниками, энциклопедиями, корпусами текстов, а также научной литературой, посвящённой различным областям лингвистики. Считаем это актуальным, поскольку при проведении экспертиз специалист не может полагаться только на собственное знание языка, а должен объективировать свое заключение ссылками на авторитетные источники.

Выпускник должен стать субъектом экспертной деятельности, профессионалом, работающим на стыке разных дисциплин, умеющим проводить экспертное исследование спорного речевого произведения, целью которого является ответ на вопросы о наличии или отсутствии в тексте языковых признаков тех или иных явлений, о содержании текста, о форме представления информации в тексте.

Таким образом в число базовых компетенций, формирующих профессиональный портрет выпускника, входят следующие: умение проводить лингвистическую оценку исследуемого языкового материала, устанавливать смысл содержания текста, делать его семантико-стилистический анализ, проводить нейминговую экспертизу, в том числе в сфере патентоведения, способствовать разрешению споров в делах о защите чести и достоинства.

В настоящее время на рынке труда Республики Беларусь отмечается нехватка специалистов заявленного профиля, что подтверждается и запросами из комитетов судебных экспертиз республиканского и регионального уровней на трудоустройство выпускников МГЛУ. Исходя из этого считаем, что выпускники профилизации «Лингвистическая экспертиза» будут востребованы в ор-

ганизациях различных форм собственности: в административных и правоохранительных органах, экспертных и консультационных центрах, адвокатских и нотариальных конторах, в средствах массовой информации.

Предлагаемый образовательный продукт будет способствовать развитию школы лингвистической экспертологии в Республике Беларусь и удовлетворению потребностей рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярощук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : учеб. пособие. Белгород : БелГУ, 2020. 96 с.
2. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы : межвуз. сб. научных трудов / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул.: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11–58.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М. : Флинта, 2020. 592 с.
4. Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов : постановление Государственного комитета судебных экспертиз Респ. Беларусь от 28 августа 2023 г. № 7 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 05.12.2023, 7/5548. С. 135–146.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Романовская А. А.</i> Идиоматичная интерпретация языковой аномальности	4
<i>Катермина В. В.</i> Имя собственное как культурный и социальный знак	9
<i>Аманжолова Д. Б., Кикбаева А. Т., Шаймерденова Н. Ж.</i> Имя собственное в городском ландшафте Казахстана: от антропонимов к топонимам	12
<i>Шкапенко Т. М., Шаповаленко Е. В.</i> Лингвокультурологические характеристики проприального имени в составе эргонимических номинаций	18
<i>Маркова Е. М.</i> Национально-культурная и лингводидактическая ценность внутренней формы слова в межславянском языковом пространстве	22
<i>Трофимович Т. Г., Русакович И. К.</i> Жестовый язык в лингвокультурном и образовательном пространстве белорусского общества.....	27

Секция 1.

АКСИОЛОГИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ И СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

<i>Каминская И. С.</i> Коммуникативные стратегии и тактики выражения реакции на сообщение об экстремальной ситуации	32
<i>Шестакова Е. В.</i> Реализация нормативной оценки в англоязычном и русскоязычном юридическом дискурсе: сопоставительный аспект	36
<i>Козлова Т. А.</i> Внутренняя форма слова и национально-культурные особенности семантики	41
<i>Леон О. В.</i> Аксиологичность метанарративного комментария со структурно-смысловым компонентом «Название нарративного жанра».....	46
<i>Дерунова А. А.</i> Употребление антропонимов в актовых книгах могилевского магистрата	51
<i>Надумович Л. М. Ян Цинюй.</i> Национально-культурный компонент прилагательных-колоронимов в современном русском языке.....	56
<i>Любецкая К. П.</i> Роля выдавецкіх суполак у падрыхтоўцы вучэбнай літаратуры ў 1900–914 гг.	59

<i>Германова Е. В.</i> Авторская модальность как средство раскрытия личности Екатерины Второй (на материале переписки императрицы с Г.А. Потемкиным)	64
--	----

Секция 2.

ЯЗЫКОВАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА. НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА, ОТРАЖЕННАЯ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

<i>Куц А. А.</i> Семантика и системная организация имен существительных, объективирующих понятие победа: психолингвистический подход	70
<i>Рублевская Т. В.</i> Фразеологизмы с глаголами перемещения в белорусском и испанском языках	76
<i>Канановіч А. У.</i> Асаблівасці ідыёмаў з назвамі колераў у беларускай мове.....	80
<i>Улична М.</i> Устойчивые сочетания с колоризмом «белый» в сравнительном русско-словацком плане	83
<i>Ма Юйкунь.</i> Семантические особенности китайских слов-орнитонимов	88
<i>Протасеня Н. С.</i> Символика балки (梁) в китайской фразеологической картине мира	92
<i>Дементьева А. М.</i> Олицетворение как часть наивной картины мира в финском языке	96
<i>Овсянникова А. А., Махоткина М. Д., Смолина С. С., Талабаева А. А.</i> Сравнительный анализ библейских пословиц и поговорок в славянских языках	99
<i>Гаева А. М.</i> Сопоставительный анализ русских и английских идиоматических выражений с ключевым компонентом – наименованием лица.	103
<i>Верниковская А. В., Гэн Пэйлун.</i> Лингвистическое и культурологическое своеобразие русского военного песенного дискурса (на фоне китайского).....	108
<i>Овсянникова А. А., Денисова А. А., Кондрачук О. О., Шалаевских В. И.</i> Проблемы перевода украинской поэзии на русский язык (на примере перевода стихотворения Андрея Малышко «Я люблю твої очі у мрії»).....	114
<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Функциональный потенциал субстантивной перифразы в современной коммуникации	118
<i>Курило Н. А.</i> Собственные имена-контаминанты: к вопросу об их создании и закреплении в языке	123
<i>Дегтярева А. И., Хлыбова А. В., Потапенко Д. Е.</i> Смысловые сходства и различия в именах собственных в славянском фольклоре на примере русских, белорусских, украинских, польских и чешских сказок.....	127
<i>Урбанович И. Г.</i> Оказиональная фразеологическая трансформация в публицистическом тексте	132

<i>Вододохов М. В.</i> «Тайна» / «mystery» в наивных картинах мира русских и англичан	135
<i>Юрасова А. С.</i> Репрезентация концепта «женщина» в языковой картине мира (на материале белорусского и русского языков)	139
<i>Сомов С. Э.</i> Наивная картина мира в ораторской прозе Георгия Конисского.....	143
<i>Длюбарская Л. М.</i> Структурно-семантический анализ вопросительных конструкций в драматургическом тексте на материалах китайского и русского языков.....	148
<i>Ле Ван К. Н.</i> Национально-культурная специфика ирреалиса (на материале германских и восточно-славянских языков).....	153
<i>Салаўёва М. А.</i> Індуцыраванне сэнсу пры дапамозе эстэтычнага рэфрэймаingu.....	157
<i>Аникеева Т. В.</i> Взаимодействие категориального и частносемантического в структуре именных прецедентных феноменов современного художественного текста.....	162
<i>Михалевич М. М.</i> Об ономаσιологической структуре креолизованных номинаций.....	166

Секция 3. ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Борисова Е.</i> Особенности преподавания русского языка как иностранного в Словакии: актуальная ситуация, методологические аспекты, практический опыт.....	171
<i>Вазанова М. Г.</i> Формирование у студентов-иностранцев культуроведческой компетенции при обучении языковым дисциплинам.....	177
<i>Шерешова Т.</i> Влияние лингвокультурных факторов на изучение словацкого языка русскоговорящими	182
<i>Бочкарев А. А.</i> Проблема отбора ключевых текстов русской культуры в системе преподавания РКИ	188
<i>Сокольник О. Г., Айдын М. Е.</i> Актуальность и аутентичность при создании учебных текстов.....	193
<i>Васючкова О. И., Ковалёнок Т. В.</i> Воспитательный потенциал внеаудиторных мероприятий на английском языке в вузе	197
<i>Федорович Н. Н.</i> Роль чтения при обучении говорению на начальном этапе.....	202
<i>Жизневская О. Н., Яковлева А. С.</i> Русские глаголы с поливалентным управлением: лингводидактический аспект	207
<i>Самойлова И. Ю.</i> Коммуникативная ситуация оправдание в дидактическом дискурсе в пространстве национальной и межкультурной коммуникации	212

<i>Полунина Л. Н.</i> Прагматические характеристики межкультурной коммуникации на английском языке как лингва франка	216
<i>Кишкевич Е. В.</i> Русский язык как иностранный. «Жизнь замечательных людей» в замечательной стране	221
<i>Тихоненко Е. В.</i> Личное имя в практике преподавания русского языка как иностранного	225
<i>Подберезская Ю. А.</i> Живописное полотно как стимул для развития речевых навыков в иностранной аудитории	228
<i>Куклицкая А. М.</i> Организация самостоятельной работы иностранных студентов при помощи приложения «Criminal Case».	233
<i>Андреева М. В.</i> Использование ТикТок на занятиях РКИ	235

Круглый стол
АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА
И ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Кирдун А. А.</i> Решение нетиповых диагностических задач в судебной лингвистической экспертизе (из опыта проведения)	239
<i>Иватович-Бабич В. Т., Полетаева О. А.</i> Вопросы научно-методического обеспечения профилизации «Лингвистическая экспертиза»	245

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В ТЕКСТЕ И ЯЗЫКЕ**

Сборник научных статей
по материалам докладов
Международной научной конференции

Минск/Беларусь, 4–6 апреля 2024 г.

Ответственный за выпуск *А.А. Дерунова*

Компьютерная верстка Т. С. Соловьева

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.